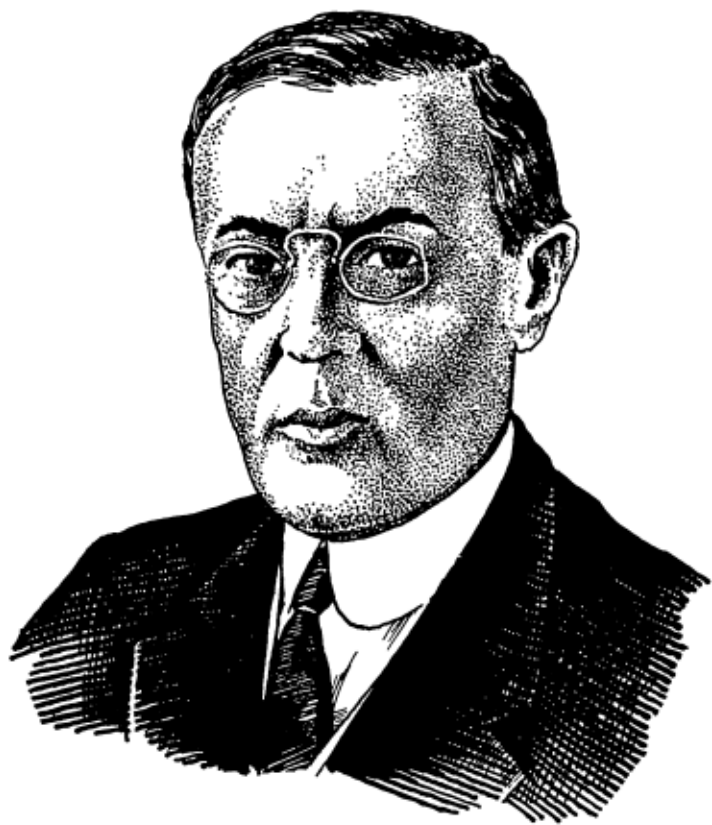

ИЗ ИСТОРИИ *Д*ИПЛОМАТИИ

А. И. УТКИН

Дипломатия
ВУДРО
ВИЛЬСОНА

Дипломатия ВУДРО ВИЛЬСОНА

ИЗ ИСТОРИИ *Д* ДИПЛОМАТИИ

А. И. УТКИН

Дипломатия
ВУДРО
ВИЛЬСОНА

Москва
Международные
отношения
1989

Уткин А. И.

У84 Дипломатия Вудро Вильсона. — М.: Междунар. отношения, 1989. — 320 с. — (Из истории дипломатии).

ISBN 5-7133-0070-6

Внешиполитическая деятельность президента В. Вильсона (1912—1920 гг.) — одна из интереснейших страниц мировой дипломатии. Читатель становится свидетелем сложной дипломатической игры, в которой Вильсон, стремясь достичь для Соединенных Штатов мировой гегемонии, толкает страну к участию в первой мировой войне, к антисоветской интервенции.

Сквозь переплетение субъективного и объективного раскрыты перипетии взаимоотношений трех лидеров мировой дипломатии — В. Вильсона, Д. Ллойд Джорджа и Ж. Клемансо, история Версальской мирной конференции. Рассказано об американском плане послевоенного устройства мира, о действиях его противников, столкновении двух схем защиты имперских интересов внутри США. Даны психологические портреты Вильсона и его ближайшего окружения, других крупнейших дипломатов начала XX века.

Для широкого круга читателей.

У $\frac{0503030000-017}{003(01)-89}$ 58—89

ББК 63.3(0)

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
1	
РЕКОГНОСЦИРОВКА ИЗ БЕЛОГО ДОМА	16
2	
ЕВРОПЕЙСКИЙ ТАЙФУН	39
3	
СКОЛЬЗЯЩИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ	65
4	
НАВЯЗАТЬ СВОЕ РЕШЕНИЕ	87
5	
НА ВОЕННОЙ ТРОПЕ	115
6	
РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ	157
7	
ВОЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ	186
8	
НА ПУТИ В ЕВРОПУ	214
9	
ПАРИЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	239
10	
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ВЕРДЕН	269
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	308
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	317

Введение

В развитии каждой страны бывают переломные периоды. В истории США один из них приходится на 10-е годы XX в., когда страна оказалась в исключительно выигрышном положении: политический и индустриальный центр мира — Европа вступила в период внутренней империалистической борьбы, тем самым давая возможность усиления неевропейских империалистических держав. Первая мировая война явилась, по словам В. И. Ленина, великим, могучим «режиссером», ускорившим в громадных размерах течение всемирной истории и породившим всемирные кризисы невиданной силы — экономические, политические, национальные, международные. Война превратила США из должника европейских держав в кредитора, способствовала быстрому индустриальному развитию североамериканского колосса. Прежде незначительные вооруженные силы США достигли уровня сил наиболее мощных европейских держав. В ходе войны Великобритания лишилась безусловного превосходства на морях, Америка сравнялась с ней по военно-морской мощи. В эти годы в Соединенных Штатах произошла беспрецедентная концентрация власти. Складывалась новая традиция — впервые в Белом доме стали рассматривать глобальные политические вопросы.

На президентство Вудро Вильсона (1912—1920 гг.) выпадает переход США со второстепенных на передовые роли в мировой политике. Когда президент Вильсон принимал присягу, в зоне видения американской дипломатии были Латинская Америка и Филиппины как «предполье» Азии. Когда же он покидал Белый дом, американская го-

сударственная машина активно участвовала в дипломатических процессах на пяти континентах. Когда президент принимал присягу, Америка не смела потеснить соперников в Китае, не помышляла об участии в делах тогдашнего политического центра мира — Европы, ее дипломаты и военные были заняты центральноамериканскими делами. Когда же В. Вильсон «сдавал» свой пост, никто в мире уже не сомневался в статусе США как мировой державы, развернувшей миллионную армию, чей флот превзошел британский, чья экономическая мощь получила адекватное политическое выражение.

Это был период перехода от провинциализма к попыткам мирового самоутверждения. Американский империализм нуждался в ослаблении европейской системы, и мировая война дала такую возможность. При президенте В. Вильсоне дипломатия США вторглась в европейский конфликт на его решающей стадии и попыталась возглавить одерживающую победу коалицию. При заключении Версальского мира дипломатия Вильсона активно вмешивалась в те вопросы, касаться которых еще в начале правления Вильсона ему никто бы не позволил. На Парижской мирной конференции президент посредством создания Лиги наций решил обеспечить лидирующие позиции США. При любых оценках тех или иных действий Вильсона невозможно не признать исключительного значения его эпохи в истории американской дипломатии.

Нашей целью было показать критический этап — 1914—1919 годы: возникновение необычайных возможностей для нового империалистического гиганта и то, как администрация Вильсона воспользовалась этими возможностями. Мы должны знать историю возвышения главных империалистических сил современности.

Мы кратко коснемся процесса становления политического лидера, который возглавил американский дипломатический «прорыв» во внешний мир, и сосредоточим основное внимание на периоде мировой войны и послевоенного урегулирования, периоде, начавшемся в 1914 году выстрелом в Сараеве и завершившемся в 1919-м подписанием Версальского мира. В советской литературе есть одна биография Вильсона, но нет работы, специально посвященной реформированию им американской дипломатии. А без ясного понимания этого первого броска США к мировому могуществу сложнее понять последующую дипломатическую историю крупнейшей империалистической державы XX века.

Выход Америки на мировую арену в 1917 году был масштабным явлением новейшей истории, и современные американские историки согласны между собой в том, что «главные контуры современной американской внешней политики были решающим образом определены идеологией и международной программой, разработанной администрацией Вильсона в 1917—1919 годах». Интересно суждение о Вильсоне широко известного буржуазного политика и отнюдь не его апологета — У. Черчилля: «Не будет преувеличением сказать, что действия Соединенных Штатов, изменившие мировую историю, зависели в страшный период Армагеддона от работы ума и духа этого человека до такой степени, что по сравнению с ним другие факторы теряли значение». Черчилль не обошелся без преувеличений, но в его оценке есть доля истины — значение деятельности американского президента в этот период было чрезвычайно велико. И идейные противники дипломатии Вильсона, и ее апологеты отмечают в качестве главной черты этого периода «интенсификацию моральной и экономической экспансии Америки», то есть ясное и определенное стремление к глобальному доминированию.

Политическое наследие Вильсона исключительно своеобразно и значительно. Время подтвердило этот факт. Вудро Вильсон был первым президентом страны, которая, выйдя на первое в капиталистическом мире место по индустриальной мощи, решила бросить ее на весы мировой истории и добиться лидирующих позиций. Успехи и неудачи этой стратегии зависели не только от «голового» факта мощи, но и от реакции других центров силы, степени успешности стратегического расчета, искусства координаторов американской дипломатии. Объективный фактор теснейшим образом переплетается с субъективным.

Для США и для остального мира эта первая попытка представляет не только академический интерес. Необходимо видеть истоки явления, которое сегодня определяет ситуацию в капиталистическом мире. Нам важно знать о начале мировой активности противостоящей нам главной капиталистической державы. Этим и интересен Вудро Вильсон, профессор с американского Юга, ставший главным идеологом и практиком первого глобального внешнеполитического броска американского империализма. Этого президента В. И. Ленин считал «всемирно опытным, всемирно искусным» защитником американского «демократического» капитализма*.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 513.

Вильсон как политик сформировался в исключительных условиях, и степень его личного воздействия на политический процесс внутри США не имеет аналогов. Его политическая философия не была простым продолжением примитивной послелинкольновской традиции.

Приверженность Вильсона патриархальным устоям мира детства и юности, воспитание в условиях сегрегированного общества, протест против примитивного и грубого культа силы, присущего Северо-Востоку, — все это имело глубокие последствия для психологии человека, которому по американской конституции была дана вся полнота исполнительной власти. Горечь поражения, понесенного Югом в гражданской войне 1861—1865 годов, сублимировалась у Вильсона в оригинальное видение процесса развития американского общества. Увяли принципы, на которых Север сокрушил Юг и осуществил индустриальную революцию. Игнорирование классовых противоречий могло поднять давление в социальном котле Америки до опасной отметки. Вильсон пришел в Вашингтон как необходимый американскому капитализму представитель альтернативного курса. И он немало преуспел, следуя по пути буржуазного реформизма. Реформы Вильсона позволили американскому капитализму консолидировать свои силы и выйти в решающий момент на мировую арену с новыми идеями, породить которые не были способны «герои» предшествующего «позолоченного» (по оценке Марка Твена) полувека — Вандербильты, Дж. Рокфеллер и Дж. П. Морган.

В этой книге мы обратимся к истокам формирования Вильсона как политика, кратко проследим его путь на национальной арене — что необходимо для понимания его «лоцманских карт» в мировой политике — и обратим основное внимание на самое важное — на первую попытку США обеспечить своим материальным могуществом мировое политическое лидерство.

Приход Вильсона к власти совпал с изменениями в международной обстановке, прежде определявшей основы американской дипломатии. Кайзеровская Германия укрепила свое положение в мире в последнюю треть XIX века, а в первое десятилетие XX века утвердилась в роли одной из ведущих мировых держав. Германия стремительно обошла Англию в качестве мастерской мира, германский индустриальный центр первенствовал на Евразийском континенте и стал главным потенциальным конкурентом американского центра. Такие перемены в мировой расстановке сил повли-

или на геополитическое окружение США и соответственно на задачи американской внешней политики.

На протяжении всего XIX века основной политической задачей Соединенных Штатов были реализация «доктрины Монро», обеспечение влияния в Западном полушарии, что требовало нахождения приемлемых отношений с Великобританией, владеющей могущественным военном-морским флотом. Но к тому времени, когда в Белом доме президентом стал Вильсон, Британия оказалась не в состоянии исполнять ту роль, которую она исполняла по отношению к США на протяжении прошлого столетия. На континенте у Британии появился мощный соперник — кайзеровская Германия, которая приступила к разрушению существовавшего статус-кво путем укрепления своих промышленных и военных позиций в Европе, а затем бросила вызов военно-морской мощи Британии. Система «Пакс Британика» стала уходить в прошлое. Англо-германская конкуренция, как отмечал в свое время В. И. Ленин, становится основным фронтом мирового соперничества. Ощущая, что без его вмешательства европейские соперники Германии не смогут сдержать германской мощи, Лондон покидает позиции «блестящей изоляции», занимаемые им многие десятилетия. Необходимость активного вторжения в европейское коалиционное соперничество превращается для Лондона в вопрос жизни и смерти, и англичане вступают в «антант кордиаль». Они становятся союзниками Франции и России против коалиции Центральных держав, возглавляемых Германией. Лондон, сближаясь с Парижем и Петербургом, постарался с помощью дипломатии компенсировать отставание индустрии и отсутствие полевой армии. Между Антантой и союзом срединных европейских держав начало складываться динамичное равновесие. При этом все стороны видели зыбкость ситуации, в которую были включены ведущие мировые державы.

Уход Англии с позиций «блестящей изоляции» менял мировую обстановку для Америки. Для Соединенных Штатов это означало, что прежний буфер между Европой и Америкой в лице британского флота стал исчезать. Теперь заградительные функции океана ослабли. В большей степени, чем прежде, открылись каналы воздействия Европы на Америку и Америки на Европу. Именно на правительство В. Вильсона пала задача выбора нового курса в отношении Европы, что сулило и увеличение уязвимости страны и в то же время открывало новые возможности. США могли пойти по пути поддержки германской попытки потеснить

мощь Великобритании в мире. Возможно, это означало бы в конечном счете формирование мирового кондоминиума Соединенных Штатов и кайзеровской Германии. Но такой путь был слишком рискован. Нужно было одним махом отказаться от тесных связей с Англией, культивировавшихся многие десятилетия XIX и начала XX века, нужно было противопоставить себя англосаксонскому миру, и это чисто психологическое препятствие не следует приуменьшать. Но помимо психологического фактора, разумеется, важную роль играли экономические соображения. В мире, где британские колонии и доминионы составляли четверть мировой суши, в мире, где британский флот представлял огромную силу, во многом дружественную Соединенным Штатам, обрыв связей с благожелательным кредитором — Англией означал в определенной мере новую экономическую ориентацию, своего рода бросок в неизвестность. В этом случае ставились под вопрос позиции США в Западном полушарии, в Латинской Америке. Канада становилась враждебной, Панамский канал ставился под удар. Короче, все говорило в пользу предпочтения первого пути. Союз с определенно враждебной Германией (помогавшей воевать с США Испании в 1898 г.) мог оказаться рискованной авантюрой. В то же время выбор первого пути — союза с Англией — многое давал Соединенным Штатам. Англия теряла свою мощь в мире. Это делало ее предрасположенной к сближению с США на льготных для Вашингтона условиях. Еще 50, 40, 30 лет назад могущественный, высокомерный Лондон и не подумал бы о неких особых связях со своей прежней североамериканской колонией. Но в мире начала XX века ущемленное могущество Лондона было фактором, который можно было использовать в Вашингтоне. Теперь уже с Лондоном можно было говорить на равных.

Следовало учитывать, что основные показатели промышленного производства были теперь уже на стороне бывшей британской колонии. Соединенные Штаты могли уже не опасаться военно-морского флота Англии — в случае необходимости верфи Соединенных Штатов могли бы создать не менее грозное оружие. Итак, в споре двух гигантов, приведшем к первой мировой войне, — в англо-германском споре — Соединенные Штаты стали медленно, но верно клониться в сторону союза с Англией.

К моменту, когда Англия и Германия решили силовым образом выяснить свои отношения, многое было сделано для того, чтобы США более благожелательно отно-

сились к Англии, чем к ее сопернику. Ощущая могущество Америки, Англия сочла за благо выступить на американской стороне во время территориальных споров с Венесуэлой в конце XIX века. В конечном счете Англия перестала настаивать на своих правах при создании канала, соединяющего Тихий и Атлантический океаны. Важно было то обстоятельство, что в начале XX века Англия утратила свои главные военно-морские силы из района Карибского моря. Соперничество в Европе было слишком важно для Англии, чтобы пожертвовать превосходством в Северном море, решая такие вопросы, как достижение преобладания в Карибском бассейне. В Лондоне осознали и уязвимость Канады. После окончания гражданской войны в США Канада, главный проводник влияния Великобритании на континенте, стала самоуправляемым доминионом и вследствие своего географического положения фактически превратилась в заложника Америки. В случае, если бы Англия заняла неблагоприятную или враждебную по отношению к Америке позицию, судьба Канады могла бы быть решена довольно быстро.

Чтобы не провоцировать США, имперские войска Великобритании были в 1871 году выведены из Канады, лишь небольшой гарнизон остался на военно-морской базе в Галифаксе. В начале XX века англичане убрали свои военно-морские силы с Вест-Индских островов и сознательно уменьшили свое военное присутствие в Северной Америке. Это увеличило возможности для США сблизиться с Лондоном, доминирующим в соседней Канаде и на Вест-Индских островах.

Более того, американская сторона стала как бы замечать мощь Великобритании в Северной Америке. Встав на путь быстрого экономического развития, Соединенные Штаты приступили к строительству современного военно-морского флота в 80-х годах XIX в. Идейному обоснованию этого строительства послужила вышедшая в 1890 году книга «Влияние морской мощи на историю, 1660—1783 годы» А. Мэхэна, который отстаивал необходимость для Соединенных Штатов вступить в борьбу за влияние на морях. В противном случае, утверждал автор, Соединенные Штаты потеряют возможность ускоренного развития, а вместе с ней — реальную возможность занять то место под солнцем, которое позволяет их новое экономическое могущество. Мэхэн с большой убедительностью показывал, что основой успеха Британии в XVIII—XIX веках было достижение морского могущества именно на

нужном историческом этапе — в период резкого расширения торговли. С точки зрения Мэхэна, и для Америки наступает такое критическое время, когда мощный военно-морской рычаг должен послужить возвышению Соединенных Штатов среди других держав мира.

Опираясь на свой новый военно-морской флот, США активизировали в конце XIX века свою внешнюю политику. Двумя крупными шагами в деле подключения Соединенных Штатов к событиям на мировой политической арене были война с Испанией, в результате которой США получили Филиппины и Пуэрто-Рико, и вовлечение Соединенных Штатов в развитие событий на Дальнем Востоке, начавшееся с выдвижения в 1900 году госсекретарем Хэем доктрины «открытых дверей», которая представляла попытку потеснить европейцев в огромном Китае. Но главные вопросы мировой политики решались в Европе. К моменту избрания Вильсона президентом США Вашингтон должен был уже определить свое отношение к противостоящим друг другу в Европе группировкам.

Выбор, перед которым встала дипломатия В. Вильсона, — выбор между Великобританией и Германией — был во многом предопределен событиями и процессами, имевшими место до его прихода в Белый дом. Мы уже говорили о том, что Англия, видя неизбежность потери влияния в Северной Америке, убрала оттуда свои войска. Практически существовало тайное американо-английское соглашение о том, что Великобритания не будет крупными силами присутствовать в этом регионе. Великобритания признала преобладание Соединенных Штатов в Новом Свете, в Западном полушарии. В то же время Германия отнюдь не действовала с подобной осторожностью. Амбиции германской политики в Карибском бассейне и в Тихом океане изначально сделали эту политику предметом растущей озабоченности Соединенных Штатов. Существовали и более значительные моменты расхождения в других частях мира.

Нужно отметить, что создаваемые примерно в одно и то же время военно-морские силы США и кайзеровской Германии воспринимались друг другом как потенциальные противники. Можно отметить в качестве первых сигналов растущего антагонизма США и Германии спор по поводу Самоа в 1889 году, конфликт из-за островов на Тихом океане после поражения Испании в 1898 году. В последующем американские историки пришли к заключению, что представители военно-морской элиты США

и Германии внесли существенный вклад в приведение политики двух стран к состоянию несовместимости.

Довольно любопытно сейчас читать рассуждения специалистов того времени о том, каким бы мог быть конфликт Соединенных Штатов и Германии в начале XX века. Большинство тех, кто не исключал подобной возможности, считало, что итогом такого конфликта была бы германская военная экспедиция в Северную Америку, и буквально никто не мог предположить противоположное — американскую экспедицию в Европу. (Даже в 1916 г. адмирал фон Капелле, германский министр военно-морского флота, оценивал опасность посылки Соединенными Штатами вооруженных сил в Европу как «ноль-ноль».) Характерной чертой кайзеровской дипломатии было исключение возможности американского вовлечения в конфликт с центральноевропейскими державами. При этом в Берлине допускали вероятность военного конфликта Соединенных Штатов и Англии. Когда посол кайзеровской Германии в Лондоне князь фон Меттерних доложил кайзеру мнение министра иностранных дел Англии сэра Эдуарда Грея, что война между США и Англией является «немыслимой», кайзер Вильгельм II скептически оценил это замечание Грея и отметил на полях донесения Меттерниха: «Очень поверхностно. Такая война могла и может произойти между США и Британией или Японией».

Германские правящие круги хотели бы видеть Великобританию занятой политически в других частях света помимо Европы. Только в этом случае Германия могла надеяться на превосходство над британским флотом в Северном море. Кайзер в то же время искал на политической карте мира того, кто мог бы противостоять Великобритании на морях. Необходимым потенциалом для такого противостояния обладали, с точки зрения кайзера, Соединенные Штаты и Япония.

Но если Германия видела в британском военно-морском могуществе препятствие на пути к мировому господству, то Соединенные Штаты видели в нем силу, которая показала способности к компромиссу, в частности, в Северной Америке. Вашингтон опасался, что в зону политического вакуума в Вест-Индии, Канаде и Южной Америке могут ринуться враждебные США силы.

Таким образом, ко времени избрания Вильсона в 1912 году на пост президента США Соединенные Штаты получили возможность вмешательства в европейскую политику. Американский империализм активизировался и на

других направлениях. Звездно-полосатый флаг уже развевался в Азии — над Филиппинами. В своей части света американцы контролировали Пуэрто-Рико и Кубу. Строительство Панамского канала проходило под надзором Соединенных Штатов и обеспечивало их преобладающее положение в районе Карибского моря. Становилось очевидным, что страна приобретает статус мировой державы. В конечном счете контакт с Европой, тогдашним средоточием силовых центров мира, был уже не делом свободного выбора, а очевидной политической необходимостью. Интересы европейских государств соприкасались с американскими в разных точках Земли.

В 1913 году Соединенные Штаты занимали особое положение в мировой иерархии наций. Освоение континентальных границ завершилось, и американцы, с их предприимчивостью и хваткой, вышли за пределы страны. Идеология «очевидного предназначения» Америки как будущего центра мира господствовала в американском обществе. Частью общественного сознания стали идеи необходимости переноса американских ценностей в «менее счастливые» страны. Торговцы и миссионеры уже более столетия прокладывали маршруты к этим странам. Теперь беспримерная индустрия Америки давала в руки обращающегося к внешнему миру правящего класса страны новые, невиданные прежде возможности.

Рекогносцировка из Белого дома

Стоит Англии дать согласие, как Франция и Россия тотчас же набросятся на Германию и Австрию. Англия не хотела бы совсем раздавать Германию, так как тогда она столкнулась бы один на один со своим старинным врагом — с Россией; но если Германия будет беспредельно увеличивать свой флот, у Англии не останется выбора.

(Э. Хауз — В. Вильсону)

Получив после ноябрьских выборов 1912 года 15 тыс. телеграмм с поздравлениями, В. Вильсон с неожиданной жесткостью удалил представителей демократической партии, прибывших в Белый дом со списками предлагаемых назначений. «Я должен подумать», — заявил новоизбранный президент.

Для этого он уединился в «открытый ветру и солнцу» коттедж на Бермудских островах. В поношенном костюме Вильсон сам ездил на велосипеде за едой, на берегу океана устраивались семейные пикники. Его здоровье не было достаточно крепким, поэтому он очень рассчитывал на благосклонность природы.

Множество сомнений одолевало Вильсона: сумеет ли он повести страну новым курсом? На память приходили слова Авраама Линкольна: «Бремя президентства столь велико, что у президента нет возможности укрепить, сделать более совершенной свою мускулатуру и он должен полагаться лишь на те ресурсы, которые у него есть».

Долгие годы Вильсон проводит за изучением международных дел. Оценить мировые проблемы президенту помогал его главный советник последних лет — «маленький мудрец» из Техаса полковник Эдвард Хауз.

Ни одну из сфер государственной политики Вильсон не считал окончательно зафиксированной. Везде было место эксперименту и маневру, особенно это касалось внешней политики, где американцы, по его мнению, еще не проявили себя. Сосредоточенные на своих мелких нуждах конгрессмены, полагал он, должны ощутить величие момента, мощь молодой Америки, ее новые безграничные возможности в мире. Те историки, которые считают, что Вильсон лишь позднее, сам того не желая, автоматически ввязался в мировой конфликт, должны познакомиться с документами этого периода, когда Вильсон, еще не принявший присягу, думал о своих возможностях как президента, о своем месте в истории, о положении Соединенных Штатов как крупнейшей мировой державы.

Из трех очевидных для США направлений мировой политики — европейского, латиноамериканского и азиатского — пока Вильсон мог всерьез обсуждать лишь два последних. Шесть великих держав Европы держали двери в свой мир закрытыми. Но президент считал изоляционизм по отношению к Европе устаревшей концепцией. Он был убежден, что в предстоящие годы Соединенные Штаты должны войти в контакт с ведущими европейскими странами, войти в этот контакт смело, полагаясь на свою мощь, принимая собственные решения и тем самым участвуя в определении судеб мира. В этом проявились определенная смелость президента, его готовность к риску, отсутствие у него комплекса неполноценности по отношению к европейским странам, установка на обрыв традиции, существовавшей в Соединенных Штатах уже более 100 лет. Президент Вильсон решительно не мог разделить точку зрения, которая так ясно была выражена в прощальном послании Джорджа Вашингтона — «отстоять от европейских конфликтов». Именно пришествием в Европу, по мнению Вильсона, Америка должна была завоевать контрольные рычаги, которые позволили бы ей быть не объектом, а субъектом всех основных мировых решений. По существу, это означало, что вековая традиция американской дипломатии попала под прицел энергичного президента, полного решимости с ней покончить. Но исторический шанс для Америки мог возникнуть лишь

в одном случае — если мощь Европы как центра мирового притяжения резко ослабнет.

Основой «великого проекта» была идея о «трехстороннем согласии» между главными силовыми центрами мира — Соединенными Штатами, Англией и Германией. Вильсон полагал, что подобный союз решил бы самые острые проблемы XX века — привел бы в соответствие политическую и военную мощь в мире. Владычица морей, хозяйка четверти мировой суши Британия, вступившая в пору выхода из изоляции и поисков союзников, нашла бы такого в США. Только обеспечив реальный противовес Германии путем привлечения США в качестве контрбаланса, она могла бы пойти на примирение с растущей германской мощью. Таким образом США, чемпион индустриального развития, благодаря сохранению равновесия между Британией и кайзеровской Германией нашли бы адекватное своей мощи место в мировой иерархии. Выгоды: для США — вхождение в круг трех величайших политических сил, для Британии — подстраховка в соперничестве с Германией, для Германии — сужение круга лидеров, оставление «за бортом» мирового могущества старого противника — Франции, а также растущей России. Предполагалось, что дружественность Англии и Германии укрепит «доктрину Монро» и германская индустрия получит рынки, которые пока блокированы англичанами. Вильсон лелеял эту схему: она обещала достижение мирового значения буквально одним росчерком пера.

Вильсон в январские дни 1913 года думает о глобальном переустройстве мира, о новом блокостроительстве. С точки зрения президента, в Европе сложилось определенное равновесие между Антантой и союзом Центральных держав (Германией и Австро-Венгрией) и между возглавляющими обе коалиции Германией и Англией. Столкновение этих двух коалиций могло иметь непредсказуемые последствия. Вильсон полагал, что возможности для перераспределения сил есть, он верил в способность Соединенных Штатов возглавить коалицию трех великих держав.

Вильсон считал, что согласия можно было бы достичь, убедив Англию позволить Германии проникнуть на новые рынки. Нужно сделать Англию более терпимой к экспансионистским устремлениям Германии. Ради создания сверхкоалиции, которая была бы самой мощной в мире и решала бы все основные проблемы, сами Соединенные Штаты были готовы пойти на уступки в нескольких рай-

онах мира и расширить рынки для Англии. Речь шла также о содействии германской промышленности в эксплуатации Латинской Америки, разработке богатств этого континента, переселении туда «избыточного» германского населения.

Беседуя 22 января 1913 г. с редактором журнала «Лайф» Мартином, главный советник президента Хауз сообщил ему «по секрету», что Вильсон рассматривает возможность установления взаимопонимания между Соединенными Штатами, Великобританией и Германией и что это его основная линия в мировой политике на ближайшее будущее.

Отдых на Бермудах был окончен. Политические задачи определены. 3 марта 1913 г. президент с семьей покинули Принстон, бывший его домом на протяжении 22 лет. Никогда больше он не вернется сюда. Впереди был Вашингтон, Белый дом, Овальный кабинет.

Вильсону было 56 лет. Волосы начали седеть. Выше среднего роста, худощавый, быстрый в движениях. Бросались в глаза крепко сжатые губы и резко выдвинутый подбородок. Никто никогда не видел президента без галстука, с закатанными рукавами или неряшливо одетым. Более того, никто не видел его занимающимся делом «ниже президентского» — он не имел простецкого хобби, банальных увлечений.

Всякий, кто сближался с ним, знал, что Вильсон в совершенстве владеет искусством «очаровывать», но может быть нестигаемым и нечеловечески упрямым. В раздольном море американской карикатуры есть множество его изображений, но никогда — с улыбкой. Ему очень несвойственна была «покоряющая болтовня» ни о чем, которую позволяли себе другие президенты XX века, скажем, Франклин Рузвельт. Он не был пессимистом, но его отличительной чертой всегда была неистребимая, ни на минуту не изменяющая ему серьезность.

Перечисляя в своей книге «Конституционное правление» качества, которые должны быть присущи президенту, одним из основных он назвал «неисчерпаемые жизненные силы». Вудро Вильсон знал, что избытка этих сил у него нет. Он стремился расходовать свою энергию предельно экономно, избегая, если это возможно, эмоционального напряжения. После микроинсульта в 1906 году он нанял постоянного секретаря, стал ежегодно брать дополнительные выходные дни для отдыха зимой (обычно на Бермудских островах). Постепенно он отказался от

продолжительных поездок на велосипеде и других прогулок, перейдя к более спокойному гольфу. Заняв президентское кресло, Вильсон стал еще внимательнее относиться к своему здоровью. Его личный врач Грейсон предложил «режим релаксации»: вместо лекарств — диета, ежедневные автомобильные прогулки, несколько рейсов в году на яхте, раз в неделю — визит в театр (Вильсон больше всего любил водевили). С целью экономии энергии он отказывался от многих встреч и бесед и не терпел пустого времяпрепровождения. Порядок в словах, делах и вещах отмечался всеми, пунктуальность считалась естественным правилом.

Вильсон удивил Вашингтон тем, что «сократил» расходы на традиционный бал по поводу вступления в должность и отменил новогодние приемы. Вашингтонское общество президента попросту не интересовало. У него был довольно узкий круг друзей и знакомых. За обеденным столом никогда не говорили о политике. Исключение в отношении бесед о политике составлял только Э. Хауз, самый близкий друг президента.

В те времена еще не было четко обозначенного понятия «национальная безопасность», не было соответственно и помощника президента по этим вопросам. Но если бы такой пост существовал, его, несомненно, занял бы полковник Хауз, фактически игравший при Вильсоне эту роль. Выходец из Техаса, Хауз имел самый «нетехасский» облик. Его манеры горожанина, хрупкая конституция, нервность и любовь к нюансам были вовсе не типичны для жителей самого крупного американского штата.

У Хауза был талант привлекать к себе людей. И в нью-йоркской квартире, и на своей массачусетской вилле «Магнолия» он неумоимо принимал политиков и журналистов: это помогало ему следить за процессами, происходящими в политической жизни. И там и тут телефон связывал его с ключевыми центрами страны. Его приемный сын Г. Очинкрос служил в государственном департаменте и держал Хауза в курсе забот этого ведомства. Хауз импонировал Вильсону еще и тем, что был своеобразным политиком-одиночкой, несклонным отождествлять себя с той или иной группировкой демократической партии, но при этом он являлся своеобразным фокусом, центром взаимодействия различных фракций этой партии. Известный американский историк Р. Хофштедтер весьма убедительно доказал, что полковник Хауз был своего рода связующим

звеном между крупнейшими американскими корпорациями и президентом.

Маленький человек, внешне напомилавший мышонка (президент иногда называл его «полковник Маус»), Э. Хауз был очень влиятельной фигурой. Хауз по старой привычке звал Вильсона «губернатором», а Вильсон неизменно обращался к нему «мой дорогой друг». Это был человек, которому более всего доверял Вильсон, у которого открыто просил совета, с ним он делился и своими внешнеполитическими замыслами. Официально У. Брайан, двукратный претендент от демократической партии на пост президента, занял должность главы дипломатического ведомства — пост государственного секретаря. Но фактически все решения принимали Вильсон и Хауз вдвоем, в беседах с глазу на глаз.

В круг друзей президента входил уже упоминавшийся доктор Грейсон, его личный врач. На инаугурационном балу сестра президента поскользнулась на мраморных ступенях, а у молодого лейтенанта-врача оказались под рукой инструменты. С этого дня и до последнего вздоха Вильсона Г. Грейсон был с ним.

Личному секретарю Вильсона Дж. Тьюмалти было 32 года, когда Вильсон воцарился в Белом доме. Именно он стал главным связующим звеном между президентом и тремя важнейшими средами — конгрессом, прессой и партийной верхушкой. Он докладывал президенту о состоянии общественного мнения, только через него можно было добиться личной аудиенции у президента. Сам он имел право прямого доступа к президенту, его кабинет был рядом с Овальным.

4 марта 1913 г. ландо с двумя президентами — уходящим Тафтом и приходящим Вильсоном — отправилось от Белого дома к Капитолию. Текст инаугурационного выступления видели и обсуждали кроме Вильсона только двое — его жена Эллен Эксон Вильсон и Хауз. Полковник Хауз не любил толпу и во время инаугурации сидел у себя в клубе. Э. Вильсон, напротив, не могла пропустить момент триумфа, она даже сошла со своего места на трибуне и встала прямо перед мужем и председателем Верховного суда Уайтом, который принимал присягу президента. Речь Вильсона была многозначительна: «США, — говорил президент, — вступили в наиболее важный со времен гражданской войны период, наступает переломное время». Он характеризовал свои задачи не как узкопартийные, а как вовлекающие «силы всего челове-

чества». Не забудем, что речь шла о державе, смело вступившей в век империализма, владеющей колониями, склонной отринуть мир, в котором господствовала Европа, и установить свои правила мирового общения. Выступая через некоторое время в Филадельфии, Вильсон призвал присутствующих «посмотреть за рубежи, за горизонт». Он публично провозгласил, что сам несет ответственность за внешнюю политику США и «бремя» важных решений и задачи выработки стратегии не передоверит никому. 11 марта 1913 г. на заседании кабинета министров президент зачитал заранее подготовленный текст заявления, из которого явствовало, что внешняя политика — сфера его персонального интереса и ответственности.

Новому президенту предстояло сделать важнейшие дипломатические назначения. Политик с авантюрной жилкой, с амбициями и претензиями на место в истории, Вильсон был менее всего склонен отдать кому бы то ни было лавры руководителя выхода Америки в мир.

Дипломатический корпус в 1913 году был очень немногочисленный и чрезвычайно консервативный по своим взглядам. Зарплата дипломатов была столь низка, что позволить себе служить в госдепартаменте мог лишь очень обеспеченный человек. Из мемуаров этого времени: «Существует целая категория важных постов, которые могут занимать лишь люди особого сорта, имеющие большие личные состояния». Эта элита сформировалась в предшествующий 16-летний период господства республиканцев и была политически и идейно далека В. Вильсону. Между 1913 и 1918 годами президент Вильсон сменил 37 американских послов из 41, и нужно заметить, что из новой плеяды дипломатов лишь двое имели некоторый дипломатический опыт.

Выбор главы дипломатического ведомства был по видимости прост: Вильсон не мог себе позволить отказаться от услуг своего главного конкурента в демократической партии — Уильяма Дженнингса Брайана. Любой, кроме госсекретарского, пост был мал для этого крупнейшего политика среди демократов за последние 20 лет. Так диктовали объективные обстоятельства, но в те времена мало кто знал о муках, которые испытал Вильсон, соглашаясь на неминуемое. Четыре раза спрашивал президент своего ближайшего советника, настаивает ли тот на кандидатуре Брайана. Еще и еще раз Хауз убеждал президента: оставить Брайана вне кабинета будет политическим самоубий-

ством. Лишь 21 декабря 1913 г. Вильсон предложил пост государственного секретаря Брайану.

Назначение Брайана на пост госсекретаря было политической услугой. Брайан не стремился к этому посту, он получил его как второй по влиянию демократ в стране и позволил себе «посопротивляться» назначению, говоря, что, «возможно, непреодолимым препятствием станет ограничение в горячительных напитках». Презируя профессионализм, он считал, что «человек с подлинно добрым сердцем в состоянии создать выдающийся закон даже в финансовом деле». Всезнание не почиталось им как достоинство. За границей с удивлением наблюдали за колоритной фигурой воинствующего обскуранта, возглавившего американское внешнеполитическое ведомство. Но и там очень скоро разобрались, что подлинным проводником американской внешней политики является сам Вильсон.

В те времена не было заместителей государственного секретаря. Их функцию выполняли так называемые советники государственного секретаря. К одному из них, Роберту Лансингу, чаще всего Вильсон обращался в случае необходимости воздействовать на дипломатическую службу.

Вильсон поставил задачу обновления всей дипломатической службы. Он хотел отойти от существовавшей до него практики назначений на решающие посты тех, чья заслуга заключалась в крупных чеках, выписанных кандидату на президентский пост. Нужно было отказаться от услуг целой когорты миллионеров, уверенных, что их «финансовые жертвы» гарантируют дипломатические миссии в самых крупных из столиц. В закулисной тени полковник Хауз начинает создавать сеть доверенных лиц, задача которых — напрямую связать Вашингтон с силовыми центрами мира. Дело осложняла необходимость тактично обойти сторонника традиционных методов — Брайана с громоздким и неуклюжим аппаратом его госдепартамента. Следовало наладить каналы связи с главными столицами, минуя закостенелую дипломатическую службу. Нужно представить миру новую плеяду дипломатов, непохожих на прежних доморощенных Талейранов. Пусть Вашингтон представляют в мировых столицах не «стальные» и «свинные» короли, а цвет американской университетской интеллигенции. В. Вильсон предлагает пост посла в Англии или Китае президенту Гарварда Ч. Элиоту, президенту Принстонского университета Г. Файну — пост посла в Берлине. Более сговорчивыми оказались профессор Э. Кеппе, заняв-

ший пост посла в Афинах, и профессор Г. Ван Дейк, возглавивший посольство в Голландии.

В результате небывалой активности президента за шесть месяцев его первого срока смененными оказалось более половины глав миссий США в разных странах мира. Америка выдвигала на дипломатические посты более способных, более современно мыслящих и готовых эффективно работать кандидатов. Вильсон жаловался Ч. Элиоту, что дипломаты старой школы «просто не понимают нашей точки зрения и наших целей» и что заминка с заграничными назначениями происходит «из-за нехватки способных людей». В результате послами оказались Уолтер Пейдж и Томас Пейдж, занявшие посты соответственно в Лондоне и Риме. Но все же в ряде случаев и Вильсону не удалось расшатать традицию: щедрый в отношении нужд демократической партии предприниматель из Огайо У. Шарп получил назначение в Париж, по тем же мотивам Г. Моргентау оказался в Стамбуле. Главой посольства США в Берлине был назначен ставленник политической мафии Нью-Йорка Дж. Джерард. Он черпал политическую значимость из своих связей с «Таммани-холлом», организацией политиканов-демократов в Нью-Йорке. Чек, выписанный им в ходе кампании 1912 года, не был забыт.

Последние назначения ввели Вильсона в депрессию и несколько остудили его пыл. Он все чаще начинает поручать дипломатические назначения незаменимому полковнику Хаузу. Решая эту задачу, Э. Хауз постарался иметь в главных столицах людей, так или иначе связанных с ним, тем или иным ему обязанных. Хауз начинает патронировать У.Пейджа в его подготовке к миссии в Лондон, стремится наладить тесные личные отношения с отбывающим в Берлин Дж. Джерардом. Постепенно вырисовывалась структура американского внешнеполитического механизма.

Вильсон, по существу, первым из американских президентов создал у себя мини-госдепартамент, с помощью Хауза установив прямые связи с послами США в ключевых странах. Это было ему тем более несложно, что он, как уже говорилось, способствовал назначениям на эти посты и послы отчасти были обязаны ему лично. Находясь в Вашингтоне, Хауз путем переписки мог получать те сведения, которые не всегда попадали в государственный департамент и которыми не всегда могли оперировать американские дипломаты. Наиболее важным каналом получения информации стала тесная и регулярная переписка с

послом Джерардом в Берлине и послом Пейджем в Лондоне. В частности, полковник Хауз обязал Джерарда писать ему каждые 10 дней. В своих письмах Хауз требовал от посла меньше осуществлять типичные дипломатические функции, меньше встречаться с второразрядными германскими чиновниками, а пытаться найти личные отношения с кайзером и канцлером. Хауз создавал для президента Вильсона эффективную внешнеполитическую службу. Посредством связи с посольской службой через Хауза президент Вильсон, как это ясно сейчас, был весьма точно осведомлен о тех процессах, которые происходили в европейских столицах.

Политика США вершилась прежде всего в двух европейских столицах — в Берлине и Лондоне. Как оказалось, кайзер Вильгельм весьма отчетливо представлял себе новую значимость Америки в мировых делах. Он принял американского посла без промедления. В присланной за ним придворной карете с лакеями в напудренных париках и форейторами Джерард, одетый в цивильный костюм, являл собой довольно нелепое зрелище. Кайзер долго спрашивал посла о состоянии дел в Вашингтоне, о взглядах нового президента. Канцлера Бетмана-Гольвега, с его бородой и рублеными чертами лица, Джерард нашел похожим на президента Линкольна. Канцлер не говорил по-английски, и ознакомительная беседа велась на французском языке. Довольно тесные отношения завязались вскоре у американского посла с Циммерманом, заместителем Бетмана-Гольвега.

Американский посол купил в Берлине огромное здание, принадлежавшее прежде банку, и представительство США в этой европейской столице стало выглядеть внушительно даже внешне. Оно могло, пожалуй, посоревноваться с огромным домом, приобретенным в Лондоне на Гросвенорсквере послом Пейджем.

Как и Джерард, посол У. Пейдж часто и регулярно писал из Лондона. По профессии журналист, У. Пейдж обладал оригинальным стилем. (Опубликованные в 1922 г. его письма сразу стали бестселлером. Президент нередко читал их в кругу семьи.) Через Пейджа была протянута прямая нить от британских правящих кругов к президенту Вильсону. Послу была поставлена конкретная задача — сблизить американскую и британскую дипломатию в это критическое время, когда борьба за главенство в Европе вступила в решающую фазу. У. Пейдж предпринял целую кампанию по завоеванию симпатий и по установлению

дружеских связей с ведущими аристократическими семьями Англии. Американское посольство в Лондоне стало своеобразным центром салонной жизни английской столицы.

Щедрость и общительность посла Пейджа создали ему лестную репутацию. По прошествии лет стало отчетливее видно, что он весьма демонстративно подчеркивал свою ненависть к германскому милитаризму. Он понимал, что открытое выражение подобных взглядов было манной небесной для англичан. Посол Пейдж любил повторять своим английским слушателям, что англо-американская дружба — это основа мировой стабильности, что только эти две страны могут сохранить современную цивилизацию.

Аппарат Хауза был связан не только с ведущими посольствами за границей, но и с послами этих стран в Вашингтоне, прежде всего с послом Англии сэром Сесилом Спринг-Райсом, послом Германии Бернсторфом, послом Франции Жюсераном и послом Австро-Венгрии Думбой.

Хауз и граф Бернсторф постоянно упражнялись в комплиментах друг другу, и, судя по всему, американец оказался хитрее: до последних дней пребывания в США Бернсторф верил, что Хауз — единственный из советников президента, кто «всегда был безусловно нейтрален».

Посол Спринг-Райс был типичным представителем викторианской школы дипломатов с тем отличием, что не всегда в нем преобладало хладнокровие. «Невысокая фигура в сером, аккуратная седая борода, очки в металлической оправе, мелкие черты лица», — так описывал его один из журналистов. Как и его коллега в Лондоне У. Пейдж, Спринг-Райс был отличным стилистом, и его письма многими читались с охотой, нравился его сарказм. Спринг-Райс негативно относился к евреям и иезуитам. Он признавал лишь белых англосаксонских протестантов. Связи с неанглосаксонским капиталом Спринг-Райс считал порочными Британию. У Вильсона вызывали неприязнь отношения Спринг-Райса с вождями республиканской партии — Т. Рузвельтом и сенатором Дж. Лоджем: это осложняло его контакты с послом. Хауз также не испытывал симпатий к Спринг-Райсу.

В результате большой предварительной работы при президенте был создан собственный внешнеполитический штаб с хорошо налаженными связями, со своей информационной службой, с прямыми контактами и собственным аналитическим центром. В. Вильсон хотел, чтобы его дипломатия с самого начала не имела ничего общего с рути-

ной прежних лет. В эти месяцы первого года правления Вильсон, Хауз и государственный секретарь Брайан обсуждали внешнеполитические проекты. Один из них — создание наднационального органа, который разбирал бы претензии одной страны к другой. Согласно этому проекту, в случае международного конфликта созывались по два представителя от конфликтующих сторон, пятый член арбитражного органа избирался дополнительной процедурой. Стороны не могли вступать в конфликт до истечения годичного «охлаждающего» периода. Вильсон пояснял это членам своего кабинета следующим примером: «Школьный учитель вызывает готовых подраться воспитанников и говорит им: «Каждый мальчик может побить другого, если чувствует обиду, но, перед тем как приступить к драке, он должен прийти ко мне и изложить свою жалобу. Борьба же должна происходить по специально выработанным правилам». В результате, — объяснял коллегам президент, — не будет несанкционированной борьбы».

В обрисованном идеале было одно слабое место: «мальчики» мировой политики еще не признали Америку своим учителем и арбитром.

* * *

Исходя из новой внешнеполитической концепции, послы Америки начали искать уязвимые места европейского расклада сил. Особый интерес представляли письма посла из Лондона. Он предлагал Вильсону не терять времени и прибыть в английскую столицу. «Ничто не оказало бы более благоприятного воздействия на весь мир, чем прибытие президента сюда, — писал посол Пейдж Э. Хаузу 25 августа 1913 г. — Старый Свет протер бы свои глаза и увидел бы, кому он принадлежит».

Президент Вильсон испытывал исключительный соблазн поддаться этому совету, ему явно хотелось показать, «кому принадлежит мир». Лишь важные внутренние соображения предотвратили этот визит: пока еще решение американского президента покинуть страну было бы беспрецедентной сенсацией, на данном этапе он не мог рисковать, пускаясь в грандиозные авантюры. Вильсон ответил Пейджу, что в настоящее время он должен «осуществлять постоянное руководство в делах правительства. Стремление положить начало практике визитов в другие страны может завести нас довольно далеко».

Резонно предположить, что не только боязнь нарушить

традицию сдержала порыв Вильсона. Появление президента в Лондоне рядом с английским королем слишком прямолинейно афишировало бы американо-английский союз. А это могло вызвать недовольство в Германии. Следовало уравновесить мощь морского гиганта сильнейшей сухопутной державой. 9 мая 1913 г. полковник Хауз обедал в ресторане «Дельмонико» в Нью-Йорке с германским послом графом фон Бернсторфом. Полковник Хауз описал преимущества такого союза, призванного довлеть над всем миром: раскрытие всех стран для торговли, координирование развития естественных богатств в этих странах, проведение общей линии Запада по отношению ко всем колониальным народам. Полковник Хауз запускал пробный шар, зная о приверженности Германии Тройственному союзу в Европе, то есть союзу с Австро-Венгрией и Италией, и тем большим было его удивление, когда он обнаружил явную заинтересованность посла кайзеровской Германии. Нужно сказать, что в то время в Германии шла борьба двух фракций — сторонников жесткой антианглийской военно-морской политики и приверженцев компромисса с Лондоном. Посол Бернсторф не принадлежал к той фракции правящей элиты Германии, которая непременно хотела низвергнуть могущество «британского льва». Политика Тирпица, строителя флота, бросившего вызов англичанам, казалась ему близорукой. Бернсторф считал, что интересам Германии на данном этапе начатого Бисмарком пути служило бы частичное разрешение германо-английских противоречий. Полем общей деятельности германский посол видел прежде всего Китай. Именно там, как он считал, еще не заполнен до конца вакуум, и Германия и Англия могли бы «работать параллельно», а Соединенные Штаты — найти общий язык не только с Англией, но и с Германией.

Изложенные послом Бернсторфом идеи произвели большое впечатление на американское политическое руководство. Никогда ранее политикам не предлагалось обсуждать ничего подобного. Речь шла уже не только о контактах с европейскими странами, о связях с Европой, — речь шла о совместном с крупнейшими европейскими странами осуществлении контроля над обширными районами мира.

В июле 1913 года посланный в Лондон Э. Хауз обсуждал эти идеи с послом США в Англии У. Пейджем. Посол был полностью за активизацию американской политики: «Наступило время для конструктивной идеи — идеи

действия. Ах, если б можно было по благоприятному стечению обстоятельств и счастливой комбинации объединить великие силы мира». Но, приняв саму идею вступления США в сверхкоалицию, Пейдж высказал целый ряд сомнений. Он считал, что противоречия в Европе столь остры, что одним махом заставить европейцев забыть о них и обратиться к более широким горизонтам чрезвычайно сложно. Но возможно. Нужно только найти государственных деятелей, которые могли бы «помечтать» и увидеть преимущества гигантского мирового союза.

По мнению Пейджа, в Англии таким человеком широких взглядов был министр иностранных дел сэр Эдуард Грей, а в Германии следовало найти подходы к кайзеру Вильгельму, который мог бы увлечься подобными предложениями. Следуя рекомендациям Пейджа и с санкции Вильсона, полковник Хауз 3 июля 1913 г. завтракал в отеле «Кобург» с английским министром иностранных дел. Грей осуществлял практическое руководство внешней политикой Англии. Премьер-министр Асквит, его близкий и старый друг, полностью ему доверял. В 1914 году Грею было 52 года.

Беседа полковника Хауза с послом Бернсторфом вызвала живейший интерес Грея. То, что немцы верили в возможность улучшения двусторонних отношений Англии и Германии и в переключение их на другие, более конструктивные задачи в составе широкой коалиции, в определенной мере обещало выход из тупика англо-германского антагонизма. Представляла интерес и готовность американцев служить посредниками в процессе примирения на основе «разработки незанятых частей мира». Реальность подобного сотрудничества, по мнению англичан, американскими энтузиастами преувеличивалась. Но идеи, посеянные в Лондоне во время беседы Хауза с английским министром, не пропали зря. Грей был настолько заинтересован высказанными доверенным лицом американского президента идеями, что в ноябре 1913 года послал в Вашингтон своего секретаря сэра Уильяма Тиррела с полномочиями обсудить перспективы создания указанной коалиции. Тиррел лично с симпатией относился к идее Вильсона. Он полагал, что если позволить гонке вооружений продолжаться безостановочно, то она в конечном счете неизбежно приведет к катастрофе. Тиррел внимательно слушал аргументы полковника Хауза относительно «разработки незанятых частей мира» и в конце разговора сделал резюме: «У идеи есть шансы на успех». Были видны и заинтересованность, и скептицизм

англичанина. Он не отрицал в идеале возможность такого широкого союза, но, с другой стороны, было ясно, что общий процесс соперничества главных мировых держав идет своим путем и надуманные схемы пока стоят весьма далеко от исторической реальности Европы.

Отвечая на вопрос, какие меры желательно было бы принять для осуществления американского проекта, Тиррел указал, что следует найти средства убеждения Германии. Следует провести переговоры непосредственно с импульсивным кайзером, а также с министром иностранных дел и министром финансов, которые, с точки зрения Тиррела, наиболее расположены к американской идее. Оппозицию составит влиятельный военно-морской министр фон Тирпиц. Хауз спросил Тиррела, какие полномочия ему необходимы для встречи с высшими государственными деятелями Германии. Тот ответил, что американскому послу в Германии следует шепнуть кайзеру, что в США Хауз — это «власть позади трона», и предупредить официально Берлин о нелюбви Хауза к Лондону. Тогда к приезду Хауза весь Берлин устелят коврами.

Английским дипломатам было любопытно, как отреагирует кайзеровская Германия на предложение Вильсона. Ведь две коалиции в Европе стремительно шли к насильственному разрешению своих противоречий. У Англии были основания сомневаться в том, что конфликт разрешится в пользу Антанты быстро и безболезненно. Поэтому «новый глобализм» Вильсона здесь восприняли как своего рода пробный шар. Сэр Уильям Тиррел пообещал американскому руководству познакомить его с перепиской между Великобританией и Германией по важнейшим вопросам. По-видимому, президент Вильсон был доволен увертюрой. Избранным послам было сообщено, что он удовлетворен начальным зондажем. Осуществление дальнейших дипломатических шагов было намечено на конец весны 1914 года.

Зная, что ход его мыслей совпадает с идеями президента, полковник Хауз в начале рокового 1914 года предложил президенту Вильсону обратиться в Лондон и Берлин с идеей организации прямых англо-германских переговоров по проблемам военно-морского строительства. Хауза несколько сдерживали «побочные» соображения, он безусловно боялся, что разрешение военно-морских противоречий Англии и Германии отрицательно скажется на положении США, — ведь в конечном итоге именно эта вражда позволяла Америке неумоимо и безнаказанно наращивать свою мощь, не боясь европейского противодействия. Но

игра в данном случае, с точки зрения Хауза, стоила свеч: как арбитр и примиритель двух величайших сил мира, Англии и Германии, президент Вильсон сразу вывел бы Америку в высшую сферу мировой политики. Полковник Хауз желал также, чтобы президент Вильсон подготовил обоих антагонистов к обсуждению судьбы колониальных народов. Именно в эти месяцы полковник Хауз выработал принципы создания подмандатных территорий и многое другое, что было впоследствии воплощено в жизнь Лигой наций.

Чтобы осуществить свои грандиозные планы, полковник Хауз по указанию президента с присущим ему тщанием и острым чувством цели принялся изучать идеи и настроения, господствующие в Берлине, расстановку внутренних сил.

Послу Джерарду был сделан запрос о планах и расписании дня кайзера. Выяснилось, что в конце весны Вильгельм II будет на острове Корфу, потом возвратится в Потсдам, оттуда поедет в Киль на парусные гонки, а затем собирается путешествовать в норвежских водах.

Вильсон полагал, что наиболее подходящим будет время в июне, по возвращении кайзера с острова Корфу. Именно в этот момент его следовало уведомить об американских предложениях. Вильсон и Хауз приступили к непосредственному изучению психологии немцев, в особенности характера Вильгельма II. Полковник Хауз встретился с американцами, имевшими опыт общения с германским кайзером. Хаузу было интересно услышать объяснения исторического пессимизма кайзера: западноевропейские народы тратят свою энергию во внутренних междоусобицах, в то время как в будущем основные противоречия развернутся между европейскими и азиатскими народами. Европейцам остается примерно 20 лет, чтобы это осознать. И они должны создать «коалицию белых», если не желают потерять мировое влияние.

Переданная информация только укрепила уверенность президента в том, что ситуация благоприятствует его стратегическим замыслам. Если самый рьяный милитарист современного мира — германский кайзер — видит опасность внутренних междоусобиц европейских народов, то идея сплочения авангарда наиболее развитых капиталистических стран может оказаться нечуждой ему. Американская администрация готова была подкрепить притягательность своей концепции доводами относительно возможных материальных выгод от ее реализации. Намечалось, что Герма-

ния получит специальную зону влияния в Малой Азии и в Иране. Американское руководство было готово предоставить Берлину значительно большую зону влияния в Латинской Америке, Южной и Центральной Азии.

28 апреля 1914 г. президент Вильсон заявил, что нельзя больше откладывать, время не ждет. В мае 1914 года, имея с собой личное послание президента Вильсона, полковник Хауз отправился в Берлин.

Столкновение с реальностью оказалось жестоким испытанием для американских стратегов. После бесед Хауза с министром военно-морского флота Германии фон Тирпицем у полковника поубавилось оптимизма в отношении американского проекта сверхкоалиции. Единственным способом добиться мира Тирпиц и его единомышленники считали следующий: «поселить страх в сердцах своих врагов». Он увидел, что основные политические силы Европы слишком завязаны на европейский конфликт и что инициатива американской стороны едва ли сможет отвлечь их с этой дороги. В полном пессимизма письме он пишет президенту Вильсону: «Положение — исключительное. Это милитаризм, дошедший до полного безумия. Если только кто-нибудь с полномочиями от вас не добьется установления иных отношений, то в один прекрасный день произойдет ужасный катаклизм. Тут слишком много ненависти, слишком много подозрительности». Долго вынашиваемая дипломатическая схема стала разрушаться на глазах. В этой обстановке Хауз постарался показать немцам, что недооценка Америки и ее президента чревата для них политическими просчетами. В Берлине, полагал Хауз, недооценивали Вильсона, и Хауз хотел, по его словам, «чтобы официальная Германия знала, что, если между двумя нашими странами появятся какие-либо осложнения, она будет иметь дело с человеком железного мужества и негибкой воли».

Наиболее существенным эпизодом миссии была встреча Хауза с кайзером с глазу на глаз. Хауз настоял именно на таком характере встречи, хотя добиться этого было нелегко. Германские политики настороженно следили за попытками Хауза установить прямой контакт между Вильсоном и кайзером Вильгельмом II. Хаузу пришлось прибегнуть даже к блефу, в котором он позднее сознался публично: если не будет встреч с глазу на глаз, то он вовсе отказывается от аудиенции. Не известно, какими мотивами руководствовался кайзер, но блеф достиг своей цели, и Хауз был приглашен в Потсдам 1 июля 1914 г.

После завтрака в компании военного министра фон Фалькенхайна (и других военных) император и Хауз удалились на террасу. Кайзер говорил об ошибке Англии, вступившей в союз с латинскими народами и со славянами — колеблющимися и ненадежными союзниками. Он говорил о них как о полуварварах, а об Англии, Германии и Соединенных Штатах — как о единственной надежде победоносной христианской цивилизации. Оба собеседника высоко оценили дипломатические качества В. Вильсона: он, мол, совмещает решимость и мужество с гибкостью подобно самому Бисмарку. Теперь Америка вступает в мировую игру, она может быть полезной и для внутри-европейских контактов. Хауз согласился осуществлять посреднические функции в контактах Берлина и Лондона.

Американская сторона была заинтересована в том, чтобы мощное германское военно-морское строительство не обесценило принятые программы развития флота США. Поэтому, выполняя волю президента, Хауз постарался выяснить пределы военно-морских амбиций кайзера. Рассуждать о владычестве в Мировом океане было любимым коньком Вильгельма. Американскому визитеру объяснили, что целью Германии является создание флота, по меньшей мере равного объединенным флотам Франции и России. Полковник Хауз понял, что война стучится в ворота Европы: кайзер Вильгельм, видя в своей откровенности доблесть, говорил, что лучшей гарантией безопасности Германии является ее способность быстро нанести поражение противостоящей коалиции. Надежда Германии, говорил кайзер, заключается в очевидной невозможности для Великобритании долгое время поддерживать постоянный союз с Россией и Францией.

Но Хауз был в Берлине не для того, чтобы убедиться в красноречии кайзера. У него было предложение о тройственном союзе. Полковник Хауз проникновенно говорил об общности интересов Англии, Германии и Соединенных Штатов. Если эти три страны будут держаться вместе, то ничто в мире не сможет им противостоять. Объясняя смысл своей миссии в Европу, полковник сказал своему германскому собеседнику, что в Вашингтоне именно Берлин рассматривают в качестве важнейшего центра современной политики.

Подробное сообщение о встрече Хауз немедленно послал в Вашингтон. Вильсон был удовлетворен заинтересованностью кайзера в том, чтобы великие народы — немцы, англичане и американцы — взяли на себя задачу уп-

равления миром. «Ваши письма бросают меня в дрожь радости», — отвечает президент полковнику Хаузу 16 июня 1914 г.

Но эйфория быстро уступила место трезвым оценкам. Из Лондона Хауз пишет Вильсону, что в Англии «все перегружено приемами и ничего нельзя сделать быстро, в Германии же люди поглощены одной мыслью — мощным развитием и прославлением войны». Лишь 17 июня Хауз встретился с Тиррелом. Полученные через последнего сообщения о берлинских встречах вызвали живой интерес Грея. У американской стороны складывалось впечатление, что англичане готовы продолжить диалог. Наступила пора конкретных решений. Предстояло определить место и время англо-германской встречи. Хауз предложил Грею встретиться с кайзером во время регаты в Киле. Он стремился придать дипломатической операции более конкретный характер, поэтому предложил англичанам разрешить Германии участвовать в экономической эксплуатации Ирана.

Отметим попутно, что американская дипломатия, будучи поглощенной идеей «союза трех», фактически списала со счетов другие силовые центры современного мира. Так, она не смотрела в это время на Францию как на великую державу. По численности населения Германия уже превосходила Францию вдвое, и эта разница будет увеличиваться с каждым годом.

Россия практически никогда не рассматривалась в качестве участника проектируемой грандиозной коалиции. Заметим еще раз: коалиция строилась по расовому принципу, исходя из мнимой близости народов — членов «германской семьи народов». Обозначалась начальная стадия нового передела мира, теперь уже между тремя крупнейшими державами: Соединенными Штатами, Англией и Германией.

Совместное с англичанами заседание происходило 3 июля 1914 г. Прежде всего американская сторона предложила англичанам держать дело в полной тайне. Несомненно, что англичане также были заинтересованы избежать дискредитации со стороны своих союзников по Антанте. Ведь речь шла практически о смене союзнической принадлежности. Под вопросом оказалась репутация Англии как лояльного члена Антанты.

Желая привлечь на свою сторону премьер-министра Англии Асквита, полковник Хауз 2 июля 1914 г. беседует с ним с глазу на глаз и пытается доказать ему схожесть программ английской либеральной партии, руководимой

Асквитом, и демократической партии США. Ведь если бы консерваторам обеих стран (т. е. тори в Англии и республиканцам в США) была дана воля, то в конце концов «многие из них лишились бы своих богатств и висели бы на фонарных столбах. Асквит с этим согласился». Посланник Вильсона стремился в эти дни наиболее оптимистически оценить шансы англо-германского примирения. Он не знал, как мало времени у него осталось, но интуитивно спешил. 7 июля 1914 г. Хауз послал кайзеру письмо, в котором говорил, что Грей «симпатизирует идеям в крайней степени». Позже, уже в изгнании, кайзер скажет, что визит Хауза «едва не предотвратил мировую войну». Но это утверждение следует воспринимать скептически, как и многое сказанное кайзером Вильгельмом II.

В углу кабинета Вильсона стоял большой глобус, и президента не раз видели в задумчивости вращающим его. Не только подозрительность и неготовность Англии и Германии к компромиссу мешали планам Вильсона. Несколько региональных проблем стояло на пути выхода США на глобальную орбиту. Главные проблемы исходили из Латинской Америки и с Дальнего Востока. И когда президент в первые дни своего пребывания на посту пригласил в Белый дом комиссию по иностранным делам американского сената, он постарался пройтись по всему горизонту мировых дел, но события завязывали его на двух указанных регионах.

Вильсон был скептиком в отношении прежней политики США в Китае. Представление о том, что замученный феодалами Китай якобы готов обратиться к христианству и демократии американского образца, было, с его точки зрения, полностью фальшивым. Наивный стереотип прежних дней мог лишь завести в тупик. Вильсон не мог не видеть влияния, оказываемого на Китай четырьмя европейскими державами — Англией, Францией, Германией и Россией — плюс всегда готовой к броску Японией, чтобы верить в «дипломатию доллара», широкие американские инвестиции в Китае, которые мистическим путем отвратят китайцев от связей с европейцами и бросят их в объятия американцев. В марте 1913 года президент Вильсон не поддержал консорциума американских банков, намеренных увеличить свои капиталовложения в Китае. Это был не «нокаут Уолл-стрита», как писали газеты, а более трезвое восприятие возможностей американской дипломатии в Азии.

Ревнителю старой дипломатической практики (прежде

всего «дипломатии доллара», выдвинутой президентом Тафтом) реагировали панически, считая, что США упускают крупнейший куш современной политики. Так, заместитель госсекретаря Х. Вильсон демонстративно подал в отставку. Президент холодно ее принял и «посоветовал» Брайану держать мятежного дипломата подальше от государственного департамента.

Почему Вильсон бескомпромиссно выступил по отношению к инвестициям в Китае? На заседании кабинета министров президент пояснил свою позицию: «Если мы подключимся к займу совместно с другими, мы получим лишь долю влияния в Китае». Он хотел найти способ получить влияние во всем Китае в целом. С его точки зрения, оставаясь в стороне, можно было надежнее укрепить американские позиции. Вильсон следил за динамикой развития этого гигантского государства. В Китае после революции 1911 года росло возмущение действиями колониальных держав, и важно было быть начеку, когда гигант Востока расправит плечи и поставит на место своих европейских опекунов. Вильсон не просто готовился к будущему, он искал каналы влияния на силы, которым принадлежало будущее в Китае. Торговлю, а не инвестиции видел Вильсон более эффективным орудием здесь. После контактов с представителем Сунь Ятсена — послом Ри президент Вильсон получил заверения китайского правительства, что американцы получают в Китае предпочтительные права. В Китай стали поступать американские промышленные товары.

Успехи американской дипломатии в Китае выходят за рамки события локального, имеющего лишь региональное значение. В неповторимом мире 1913 года любая дипломатическая акция вызывала немедленный резонанс в европейских столицах, поделивших мир. Усиление влияния США в Китае означало удар по интересам пяти империалистических держав, четыре из которых (Германия, Англия, Франция и Россия) уже поделили его на зоны предпочтительного влияния, а пятая — Япония — лишь ожидала раздора между европейскими соперниками, чтобы утвердиться в соседней азиатской стране. Менее всего Япония хотела видеть новой доминирующей силой в Китае Соединенные Штаты. Именно поэтому шаги американской дипломатии в Китае вызвали бурную реакцию в Европе и Японии. Германский посол в Вашингтоне выразил удивление по поводу «дипломатии сюрпризов». Японские дипломаты специально посетили Белый дом и расспрашивали

президента о его планах в Китае. Проглядывался подтекст: и США, и Япония «страдают» от европейского засилья в Китае, а совместными усилиями изменить положение было бы легче. Но, хотя такое определение общих целей отражало реальность, на данном этапе важнее была тактика. Япония хотела бы проникнуть в раздробленный Китай, американская же сторона видела шанс в связях с центральным правительством. Японские демарши были приостановлены признанием Вашингтоном 2 мая 1913 г. нового китайского правительства Юаня Шикая. Стало ясно, что президент Вильсон, первым признавая буржуазное центральное китайское правительство, идет сепаратным курсом, полагается на свои силы и верит в свои возможности.

На японском фронте вильсоновской дипломатии резкое обострение двусторонних отношений вызвал вопрос о японской иммиграции в США. Посол Японии Чинда посетил Белый дом, прощупывая возможности изменения принятых штатом Калифорния законов, лишивших переселенцев-японцев возможности покупать в штате землю. Складывается впечатление, что Вильсон «понимал» и поддерживал действия калифорнийцев. Еще в ходе предвыборной кампании он говорил сан-францисским политикам, что предпочел бы изгнать неассимилированных иностранцев.

Для Японии этот вопрос был чрезвычайно острым. Растущий гигант Азии реагировал осязательным для Вашингтона образом. На огромном митинге в Токио протестующая толпа потребовала послать к берегам Калифорнии японский тихоокеанский флот. Американские христианские миссионеры, находившиеся в Японии, заклинали правительство США отменить дискриминационное законодательство. Японское правительство заявило, что калифорнийские законы подрывают основу американо-японского договора. Но президент не оказал ожидаемого от него давления, и калифорнийская ассамблея приняла 19 мая 1913 г. закон, запрещающий японцам землевладение.

Японский посол Чинда обратился к президенту с протестом, в котором калифорнийские законы были названы недружественными, нечестными, дискриминационными и нарушающими существующий двусторонний американо-японский договор. В середине мая 1913 года стало ясно, что на горизонте возникает реальная угроза войны. Объединенный комитет армии и флота, на заседаниях которого необычную активность проявил заместитель морского ми-

нистра Франклин Рузвельт, принял решение об укреплении американских позиций на Тихом океане. Объединенный комитет напомнил президенту, что, начиная войну с Китаем и Россией, Япония уже воспользовалась их неподготовленностью и атаковала внезапно. Исключительно ожесточенные дебаты происходили на заседании кабинета министров. Острота полемики буквально потрясла присутствующих. В. Вильсон колебался между силовым курсом и компромиссом. В конечном счете он пришел к выводу, что борьба США с Японией будет желанным поворотом событий лишь для Европы, удовлетворенной разделом Китая и не желающей видеть посягательства новичков — США и Японии. Соединенным Штатам следовало укрепить свою мощь, и если уж проявлять свое влияние, если уж идти на такой крайний шаг, как война, то по вопросу более важному для положения страны в мире, чем судьба немногочисленных японских эмигрантов.

В конечном счете государственный секретарь У. Брайан заявил японскому послу, что федеральное правительство постарается смягчить финансовые потери японцев и предоставит адекватную компенсацию. Серьезность обстановки, в которой наступила разрядка, отражает тот факт, что на последовавшем приеме в Белом доме государственный секретарь поспешил сообщить президенту: «Войны не будет, я только что видел японского посла».

Весна 1913 года — время кризиса в политике США в отношении Китая и Японии — была своего рода испытательным полигоном для вильсоновской дипломатии. Во-первых, стало ясно: в Вашингтоне набирает силу фракция сторонников более энергичной внешней политики. Во-вторых, выяснилось, что президент Вильсон не имеет принципиальных возражений в отношении силовых решений. В-третьих, на текущем этапе участие в тихоокеанском конфликте не отвечало стратегическим целям Вильсона. То же можно сказать о действиях на периферийном — латиноамериканском — направлении. На протяжении года президент США посылал войска в Мексику, Никарагуа, на Гаити, в Доминиканскую республику. Но не здесь просматривался центр тяжести вильсоновской дипломатии, не здесь решались судьбы мира. Перспективные планы президента были связаны с Европой.

Европейский тайфун

Если победит Германия, то это изменит ход развития нашей цивилизации и сделает Соединенные Штаты милитаристским государством.

(В. Вильсон — Э. Хаузу)

28 июня наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Фердинанд был убит сербским националистом, и Австро-Венгрия предъявила Сербии жесткий ультиматум, полагаясь на полную поддержку кайзеровской Германии. На фоне разрастающегося кризиса английские политики считали привезенные из-за океана вильсоновские идеи посредничества чистейшей химерой, поскольку базой английской политики стал союз с Россией и Францией. Американские эмиссары блуждали во тьме.

Кайзер Вильгельм бороздил скандинавские шхеры. Все не тройственный союз с США и Англией виделся ему. Он читал работу германского историка, который призывал вождя германского народа «быть достаточно проникательным, чтобы понять, что ход истории в XX веке будет определяться борьбой между русской, английской, американской и, возможно, китайской мировыми империями и их желанием свести на нет другие, малые страны до состояния зависимости от себя. Он должен спасти от разрушения не только политическую независимость своей страны, но и саму древнюю, высокую культуру Европы». Между тем на Балканах события уже приобрели характер предопределенности. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. В Европе разворачивался давно назревавший конфликт.

Не Соединенные Штаты начали первую мировую войну, но именно американский капитализм нажился на ней более всего. Впечатление «манны небесной» оставило даже предвестие ее. Слухи о возможности начала войны в Евро-

пе уже 30 июля 1914 г. вызвали повышение цен на нью-йоркской фондовой бирже на пять пунктов. 31 июля 1914 г. фондовую биржу Нью-Йорка пришлось закрыть: не хватало денег для покупки акций. Помог принятый американским конгрессом в пожарном порядке закон Олдрича — Врилленда о дополнительном выпуске ликвидных средств. К 10 сентября 1914 г. было выпущено 256 млн. долл. «экстренных денег». Военная конъюнктура способствовала экономическому подъему в Америке.

Известие о начале войны в Европе пришло к Вильсону неожиданным. Сидящим за столом родственникам он сказал: «Невероятно, это невероятно». Подобная реакция была характерна для восприятия мирового конфликта американской дипломатией в Европе в целом. Основные дипломатические представители США, глядя со своих посольских постов в Европе, не верили в возможность столь резкого поворота европейской политики. Полковник Хауз питал немалые надежды на англо-германский компромисс буквально до тех пор, пока кайзеровская Германия не объявила мобилизацию. Берлин жил в собственном замкнутом идейном климате. Германское руководство полагало, что, выступив первым, оно имеет предпочтительные шансы на победу в мировом конфликте. «Германия, — писал потрясенный Хауз, — оказалась в руках группы милитаристов и финансистов».

Но если мировое столкновение явилось для Вильсона и его окружения неожиданностью, это не означает, что США зарезервировали за собой лишь роль наблюдателя. В литературе о внешней политике президента Вильсона из книги в книгу кочует мнение, что США в 1914 году были столь удалены от европейских дел, столь поглощены собственными проблемами и были настолько новичком в мировой политике, что могли лишь в изумлении наблюдать за разворачивающейся в Европе драмой, не помышляя воздействовать на расстановку европейских сил. По меньшей мере это не совсем так. Некоторые факты ставят под сомнение эту простую и удобную для апологетов американской «невинности» схему. Прежде всего следует отметить, что в Европе жило более 100 тыс. американцев, и не просто американцев, а богатых американцев, представителей элиты. Те, кто руководил страной, напрямую контактировали с Европой. Многие из них получили в Европе образование, другие имели родственные связи. У американцев был достаточно зрелый интерес к Европе, и было бы чистой нелепостью говорить

о В. Вильсоне как о марктовеновском «простаке за границей». Миф о невинном президенте, втянутом во всепоглощающий европейский конфликт, удобен как схема, но не согласуется с фактическими данными, с общим ходом развития вильсоновской дипломатии. Эта дипломатия, впервые в те годы ставшая мировой, была целенаправленно ориентирована на изменение соотношения сил в мире.

Можно сказать, что главное для Вильсона в мировой политике — это несогласие с главенством шести великих стран Европы, с евроцентристским миром, стремление трансформировать этот мир. Рассматривать мировое политическое развитие как борьбу двух устоявшихся коалиций — Центральные державы против Антанты — казалось Вильсону устаревшей схемой прошлого. Согласно его внешнеполитической концепции, следовало вычленив из обеих коалиций по центральному элементу — Великобританию из Антанты и Германию из Тройственного союза, объединить мощь этих стран с американской и посмотреть на мир с нового, североатлантического угла, с позиций союза трех гигантов диктуя миру основную линию поведения.

Эта общая схема не являлась застывшей, она была открытой для корректировки. Еще до начала войны были рассмотрены некоторые элементы модернизации этой схемы. Так, Франция, ставшая по населению и экономическому потенциалу «вдвое меньше» Германии, не рассматривалась в качестве кандидата на полнокровное участие в «сверхсоюзе», но в дальнейшем группа стратегов Вильсона пришла к выводу, что Франция может быть подключена в том случае, если Англия, идя на определенное примирение с Германией, сделает условием такого дипломатического переворота привлечение в новый союз явно антигерманской Франции. Еще накануне войны было сделано определенное исключение для Японии. В. Вильсон учитывал два обстоятельства: довольно прочный англо-японский союз и трудности утверждения в Китае без (и, более того, вопреки) Японии.

По существу, лишь одна великая держава — Россия — никогда не вплеталась в структуру дипломатического строительства Вильсона. Президент считал ее слишком огромной, своеобразной и неуправляемой. Его не волновала суть противоречий Германии и России. Та или иная степень превосходства одной из сторон над другой не изменяла, с его точки зрения, мирового расклада сил. Другое

дело — мировая война с ее установкой на достижение победы. Чрезвычайно опасной и нежелательной виделась в Вашингтоне полная победа России — она несла с собой, по мнению Вильсона, доминирование Петрограда на континенте. Вильсон считал прискорбной стороной ставшего войной спора в Европе союз либеральной Британии и российской монархии. Если бы Англия и Россия в глобальном плане примирили свои интересы, Америке пришлось бы сместиться в сторону Германии и Японии.

Для другой потенциально великой страны — Китая — у Вильсона также не было места в «великой коалиции». Китай вместе с сонмом колониальных стран должен был представлять собой объект дипломатических сделок опекунов, а отнюдь не равноправного члена «высшего круга». Италии Вильсон не придавал большого значения и Австро-Венгрию видел клонящейся к упадку и дезинтеграции.

Так, союз США, Англии и Германии с возможным подключением Франции и Японии — вот тот идеальный союз, которого добивался Вильсон. Сквозь все бури мирового конфликта, даже в период войны с Германией и в ходе противостояния Японии на Дальнем Востоке, пронес он эту идею. Это была выношенная за многие годы размышлений схема. Отметим, что Вильсон много лет изучал германское право, писал в восторженных тонах о Бисмарке и в полной мере ценил германский динамизм. Что касается Англии, то здесь его симпатии не нуждаются в особом подтверждении. Кровные и идейные связи здесь очевидны, как и влияние английской политической традиции. Английскому послу Спринг-Райсу он говорил в отношении Англии, что «все, что я люблю больше всего на свете, поставлено под угрозу». Президент заявил английскому послу, что уверен в силе и стойкости его страны.

Имели значение и личные отношения с английским руководством. В. Вильсон был польщен тем обстоятельством, что сэр Эдвард Грей нашел среди кризиса время, чтобы закрепить личный контакт. Вильсон проводил аналогию между судьбой своей и Грея — тот тоже рано овдовел. В отличие от Грея, написавшего книгу по ихтиологии, Вильсон был в общем и целом безразличен к миру природы — все его увлечения были связаны с политикой. Но смерть жены, война надолго погрузили В. Вильсона в задумчивое, созерцательное состояние. Лишь с наиболее близкими родственниками делился он своими мыслями о разворачивающемся конфликте: «Абсолютно очевидно,

что эта война кардинально изменит взаимоотношения наций». В эти же дни он высказывает первые суждения в отношении планов на послевоенное будущее: «Необходима ассоциация наций, приверженных идее защиты целостности каждой; покушение одной из наций на существующее положение должно вызвать отпор всех прочих стран; речь идет о том, чтобы наказание следовало автоматически».

Указанная система требовала гаранта, и таким гарантом Вильсон видел Соединенные Штаты. Американское понимание справедливости, всеобщего блага, наилучшего пути развития — вот что должно было лежать в основании новой справедливой мировой системы. А это означало, что, несмотря на специфику своего исторического развития, идейного и духовного состояния, прочие страны должны будут взять в качестве основополагающих принципов своего развития американский опыт.

Очевидно, что Вильсон не предвидел критического развития европейской ситуации. Выдвигая свои инициативы в начале лета 1914 года, он не мог себе представить, что Англия и Германия так резко столкнутся друг с другом. Шок от столкновения предполагаемых союзников был столь велик, что Вильсон, обычно склонный к морализаторству, на этот раз молчал. Он не обличал виновников мировой катастрофы. Более того, через две недели после начала войны Вильсон обратился к стране и призвал сограждан «действовать и поступать в истинном духе нейтральности, беспристрастия, справедливости и дружественности ко всем». И уже тогда президент начал формировать националистическую идеологию, базирующуюся на мысли, что Америка мудрее попавших в западную милитаризма стран и что лишь она может судить в этом безумном мире здраво. Президент 19 августа 1914 г. официально объявил о нейтралитете США: «Я думаю об Америке. Наша великая страна должна показать себя в это особое время испытаний нацией, способной более других продемонстрировать бесстрастное суждение, самообладание, разумность в действиях; нацией, которая будет делать то, что является честным, бескорыстным и подлинно полезным для мира в мире». В. Вильсон искренне верил в благой смысл этих идей. Но американское понимание справедливости и истины в мире не совпадало с пониманием справедливости и истины другими суверенными народами. Диктовать великим державам, что морально, что справедливо и в чем заключаются дефекты их национального восприятия, еще не было привычным делом. Тем более было странно слышать это от

украинной тогда Америки. Даже братья по англосаксонской расе — англичане — оторопело внимали словам нового мессии.

Война разрушила планы сближения с Англией и Германией, и лишь исход мировой борьбы мог подсказать дальнейший курс американской дипломатии. Президент понимал, что скорая победа одной из сторон резко нарушит сложившееся в мире равновесие. Вильсон и его окружение видели негативные для себя последствия в случае победы и той и другой стороны. Если победит коалиция Центральных держав, то Европа окажется под пятой кайзера, чья мощь усилится до такой степени, что союз с США потеряет для него всякую привлекательность. Если же США все же пойдут на союз с господствующей в Европе Германией, то это не будет союзом равных. В случае победы Центральных держав, полагал Вильсон, в Европе наступит доминирование германского милитаризма. Это будет означать, что малые европейские народы будут включены в орбиту влияния Германии, а Австрия, Франция и Италия окажутся вынужденными следовать за германской военной колесницей. Разумеется, это не обещало Америке ничего хорошего. Ведь именно в Европе были сосредоточены основные экономические и военные арсеналы эпохи, и противостоять этому средоточию могущества было чрезвычайно опасно. Потому-то Вильсон без всяких радужных надежд следил за военными действиями в августе, за теми драматическими событиями, которые привели к Танненбергу на Восточном фронте и сражению на Марне на Западном фронте.

Нежелательна для США была и решительная победа стран Антанты. В среде президента укрепляется мнение, что Англия, устранившись вызова «тевтонов» на морях, скоропалительно приняла решение об участии в войне. Что, рассуждали в Белом доме, могла выиграть Англия в случае победы Антанты? Ну, была бы подтверждена британская монополия на морях, — а нужна ли такая монополия в условиях промышленного отставания Англии? И долго ли сохранится английское морское могущество, если индустриальное первенство захватит сначала Германия, а затем — в это в Вашингтоне свято верили — Америка? От поражения Германии больше выигрывала Франция, союз с которой никогда не казался Вильсону особенно привлекательным. Вильсон полагал, что если победит Антанта, это повлечет резкое и значительное возвышение Российской империи. Рост влияния России — в случае разгрома Германии — он доводил до вероятия господства над всем европейским

регионом. Американский президент ставит перед собой задачу мобилизации сил против России.

28 сентября 1914 г. президент говорил о необходимости предупредить опрометчиво ведущий себя Лондон, что поражение Германии и Австро-Венгрии сделает невозможным решение задачи сдерживания России.

Вильсон и его советники полагали, что в случае решительной победы любой из сторон Соединенным Штатам придется быстро приспособиться к новому раскладу сил, по меньшей мере сразу же приступить к существенным реформам, ведущим к ускоренному военному развитию и созданию арсенала, способного противостоять могуществу победителя в Европе.

Война в Европе помимо опасностей впервые в таком масштабе открывала и новые возможности. Крупнейшие державы современного мира отчаянно ослабляли друг друга. Склонный верить в мощь Америки, Вильсон старался определить эти возможности. Представляет интерес, каким видел В. Вильсон отдаленное будущее. В Европе еще только разгорался конфликт, а президент США разрабатывал проекты нового миропорядка. Он предполагал, что в мире конца XX века будут преобладать две великие страны — Россия и Соединенные Штаты. Его ближайший советник — полковник Хауз — считал, что «грандов» будет три: Китай, доминирующий в Азии; Россия — в Европе и части Азии; Соединенные Штаты, определяющие политику Западного полушария и, возможно, англоязычных колоний.

Итоги организованного президентом совещания американских военных и политиков сводились к тому, что истощение Европы должно позволить усилившейся экономической и военной мощи Америки в значительно большей степени влиять на характер международных отношений. Но при этом американские военные указывали своим политикам на то, что в случае победы Германии Соединенные Штаты встанут лицом к лицу с державой, которая способна осуществлять политику экспансии в Центральной и Южной Америке, то есть в тех областях, где США уязвимы.

В первые месяцы войны президент Вильсон не был склонен предаваться паническим оценкам. Он полагал, что если даже победит кайзеровская Германия, то ее ослабление на протяжении многих лет не позволит осуществить экспансию в Латинской Америке. (Такое мнение он высказал в беседе с полковником Хаузом 4 ноября 1914 г.)

Между тем боевые действия зашли в тупик. У. Черчилль записал: «К середине сентября то, что мы можем назвать

первым раундом мировой войны, завершилось. Битва на Марне не дала решающих результатов, и великий марш на Париж, заключенный в плане Шлиффена, определенно не достиг своей цели. Изгнание русского генерала Ренненкампа из Восточной Пруссии остановило русское вторжение в Германию. Почти одновременно битва при Лемберге принесла русским победу. Франция вынесла удар; Германия отразила русское нападение; австрийская армия потерпела поражение. Кровавое пролитие этих боев, в которых лучшие силы воюющих наций отчаянно сражались друг с другом, превзошло все, зафиксированное в истории прошлых войн». Европейский тупик давал Америке возможность более точно определить ситуацию. Президент пришел к выводу, что быстротечного изменения сил пока не предвидится. Относительное спокойствие президента основывалось также и на том, что агенты и советники ежедневно сообщали ему осенью 1914 года о подготовке к выступлению Италии и Румынии на стороне Антанты. Это предполагало дальнейшее усиление Антанты и делало вариант с германской победой менее реальным.

Америка приняла курс Вильсона как наиболее рациональный, и только крайние элементы среди герmanoфилов и сторонников Антанты выступили против нейтралитета, предлагаемого президентом. (Вильсону было нетрудно определить резерв немецкого влияния в Америке. В штатах жили 8 млн. немцев и американцев, 4,5 млн. ирландцев, враждебных Англии, 2 млн. шведов, склоняющихся к немцам.) Пожалуй, наиболее одиозной фигурой данного времени стал экс-президент Т. Рузвельт, который в своем журнале «Аутлук» стал популяризировать идеи выступления против Германии как представляющей наибольшую опасность для США. Такая точка зрения не была широко разделяемой, но со временем у Рузвельта нашлись сторонники. Среди них президент Гарвардского университета Ч. Элиот, прежде прочившийся Вильсоном на высокие посты в американской дипломатии. Он считал, что в интересах США было с самого начала занять антигерманскую позицию. Но и Рузвельт, и Элиот в августе — сентябре 1914 года понимали, что США с их небольшой сухопутной армией и с их пока не развернутым флотом не могут решающим образом вмешаться в мировой конфликт. В обстановке, когда ситуация в любой момент могла обостриться, президент изучал даже «крайние» точки зрения. Вильсон зачитал письма Элиота на заседании кабинета министров. Эти письма обсуждались и в кругу ближайших советников.

Призыв Элиота встать рядом с Антантой был отвергнут практически единодушно. Такой поворот американской дипломатии не соответствовал интересам Америки. И на вопрос Элиота: «Не представляется ли в настоящее время для Соединенных Штатов случай предложить Британской империи, Франции, Японии, Италии и России объединиться с Соединенными Штатами в наступательном и оборонительном союзе для острастки и наказания Австро-Венгрии и Германии?» — президент Вильсон ответил прямо: «Не представляется».

В первые месяцы ведения войны Англия получила более значительные, чем у кого-либо, возможности непосредственного воздействия на американцев, прежде всего на их экономические связи. Выполняя задачу полной блокады Германии, ее флот начал задерживать и обыскивать пересекающие Атлантический океан нейтральные суда. Самым большим флотом среди нейтралов был американский, и действия англичан затронули прежде всего суда под звездно-полосатым флагом. Поиски англичанами контрабанды, разумеется, мешали американской торговле. Американцы не хотели считать контрабандой то, что они везут для своих потребителей в Европе.

Английская практика ареста судов вызвала возмущение президента, и он распорядился «приготовить протест — и сделать его зубастым». Государственный департамент отправил 26 сентября 1914 г. Лондону ноту о «глубокой обеспокоенности» американского правительства действиями англичан. Но для Англии речь шла о жизни и смерти — кольцо блокады должно было быть действенным. Эскалация враждебных действий могла привести США в стан Центральных держав, громко протестовавших против английской блокады. Это никак не соответствовало планам Белого дома, и дальше протестов в Вашингтоне не пошли. Стало очевидным, что владевшие Вильсоном стратегические соображения имели безусловный приоритет. 20 октября Лансинг сообщил президенту о бессмысленности «дальнейших усилий по внедрению в жизнь Лондонской декларации (о защите нейтрального судоходства в период войны. — А. У.)», и президент Вильсон с этим выводом согласился. В своих донесениях посол США в Англии Пейдж доказывал, что Англия ведет смертельную борьбу за выживание «англоязычной цивилизации», и президент внутренне соглашался с выводом посла, что было бы бессмысленно подрывать эту борьбу. Нужно отметить, что Пейдж, минуя дипломатические каналы, через сына пересылал подробные письма

подобного содержания полковнику Хаузу, вполне очевидно, желая быть услышанным президентом. И реакция президента, осведомленного через Хауза, говорит об общем восприятии Вильсоном характера мирового конфликта.

В октябре 1914 года, когда англичане добавили в список запрещенных товаров нефть и резину, а в ноябре объявили Северное море зоной военных действий, куда нейтральные суда могут заходить лишь на свой страх и риск, Вильсон постарался утихомирить общественный протест. Беззубая, составленная для проформы нота была вручена Пейджем английскому правительству 26 декабря 1914 г. Англичане постарались в ответе обойти острые углы, и президент демонстративно посчитал вопрос исчерпанным. В. Вильсон заявил, что «Медисон и я — единственные президенты — воспитанники Принстонского университета. Обстоятельства войны 1812 года (войны, когда США при президенте Медисоне выступили против Англии. — А. У.) и этой пока складываются параллельно; но я надеюсь, что на этом сходство окончится».

Пейдж и Вильсон секретно обсуждали необходимость создания разведывательной службы. В качестве эталона рассматривалась, разумеется, английская Интеллидженс сервис. «Их система шпионажа — «бюро разведки», как они ее называют, — писал президенту находившийся под большим впечатлением от закулисных действий англичан У. Пейдж, — проникает абсолютно повсюду». Президент и посол рассматривали планы создания подобной службы для американского правительства.

Между тем мировая война требовала занять более определенные позиции. Нерешительность грозила потерей благоприятных возможностей.

Первые признаки выработки Вильсоном дипломатической линии в мировом конфликте видны из его бесед с полковником Хаузом в самом конце августа 1914 года.

Хауз, недавно побывавший в Европе, навестил президента в его летней резиденции и увидел, что «президент живо и с большим чувством говорит о войне, он интересуется конфликтом как ничем более». Во время этих встреч президент Вильсон продолжал развивать идею о некоем регулярном собрании ответственных государственных деятелей, где обсуждались бы вопросы большой международной важности, где имелся бы форум для изложения претензий государств друг другу. В этих беседах обозначился план создания международной организации, в которой США хотели бы играть главенствующую роль. Во время

этих бесед Вильсон постарался определить значимость разразившейся войны для мирового развития. Он полагал, что война отбросит мир на три-четыре столетия назад. Уже тогда у него проскальзывали ноты, что уменьшение относительного веса Европы создаст новую международную обстановку, в которой Соединенные Штаты, потенциально самая могущественная страна XX века, будут играть новую роль, резко отличную от прежней.

В эти дни в Белом доме велась сложная закулисная борьба. Ведущие советники Хауз и Олни считали политически выгодным опубликовать документы о том, как США в 1913—1914 годах пытались примирить Англию и Германию. Но президент Вильсон выступил категорически против публикации. Он не считал, что обострение конфликта автоматически хоронит саму идею сближения Англии и Германии. Гибельной для этого проекта была бы лишь быстрая победа одной из сторон над другой. Вильсон все более серьезно начинает оценивать шансы на победу одной из группировок. Порожденные во внутренних дискуссиях опасения за такой исход привели к тому, что все большую конкретность стали приобретать планы приостановки конфликта в его «ничейной» позиции. Вильсон и его окружение приходят к мысли, что лишь активное посредничество таит в себе возможности выхода на мировую авансцену США — страны величайшей экономической силы, не затронутой войной. Именно с этих месяцев происходит отход от пассивного ожидания исхода европейской битвы, идет интенсивный поиск более эффективного курса США в конфликте. Долгие внутренние дебаты закончились тем, что Вильсон удалился к себе и составил 4 августа 1914 г. памятную ноту воюющим державам: «Я бы приветствовал возможность действовать в интересах европейского мира сейчас или в другое подходящее время».

Важно было подороже «продать» идею. 5 сентября полковник Хауз пишет секретарю германского министерства иностранных дел Циммерману, что «предложение посредничества не является пустым звуком. Президент считал бы великой честью положить начало движению за мир». С санкции президента полковник Хауз официально предлагает свои услуги германскому партнеру. Он теперь готов «немедленно действовать», исходя из любого предложения, которое будет конфиденциально передано.

В середине сентября 1914 года Э. Хауз встретился в Нью-Йорке в своей квартире с послом Германии Бернсторфом и задал ему «невинный» вопрос: встречался ли тот со Спринг-

Райсом (послом Англии) со времени начала военных действий.

Педантичный немец подивился нелепости вопроса и ответил отрицательно: всякие контакты с представителем воюющей страны противоречили бы дипломатическому этикету. «Я сказал, — пишет в дневнике Хауз, — что, по-моему, им следовало встретиться. Я спросил его, согласится ли он на свидание, если я его устрою. Он подумал немного, а затем сказал, что согласен, если только это останется между нами тремя. Я поставил условие, что об этом будет знать также президент». Хауз обещал Бернсторфу, что если из этой встречи что-либо выйдет, то американское правительство позволит ему пользоваться специальным шифром и предоставит радиоканал для непосредственного сношения со своим правительством. Разумеется, предложение о встрече послов двух воюющих стран противоречило всем нормам дипломатического этикета, но условности уже мало волновали группу, сплотившуюся вокруг президента Вильсона. И когда посол Спринг-Райс сообщил по телефону, что не может покинуть Вашингтон, полковник Хауз ответил, что это может повлиять на позицию США. Английский посол выехал ночным поездом. Он был встречен на Пенсильванском вокзале в Нью-Йорке, и в автомобиле состоялась его первая беседа с Хаузом. «Заговорщики» не выходили из автомобиля. Спринг-Райс, не имея санкции Лондона, не соглашался на встречу, говоря, что Бернсторф не имеет поддержки в Германии. Однако эти рассуждения не могли поколебать решимости американцев, которые настойчиво вели свою игру. Послу объяснили, что если в настоящее время Англия главенствует над своими союзниками, то в будущем гарантии английского лидерства в Антанте нет. Для Англии может оказаться невыгодным абсолютное ослабление Германии, Англии не следует стремиться к расчленению Германии, даже в случае решительной победы союзников. Возможно, Германия понадобится в качестве континентального противовеса новым конкурентам Англии.

Посланец президента предложил такой вариант разрешения мирового спора: Лотарингия переходит к Франции, а Эльзас остается у Германии, воссоздается независимая Польша, формируется Балканская федерация, в которую входят некоторые части Австро-Венгрии, Дарданеллы нейтрализуются. Смелость, а точнее сказать, безапелляционность американских предложений ошеломила английского посла. Но отринуть их с порога он не мог. У американ-

цев были аргументы, к которым Спринг-Райс не мог не прислушаться. Американские собеседники внушали ему, что для Великобритании неразумно гоняться за большими ставками в этом конфликте. Победа может укрепить новых конкурентов Англии. Достаточно добиться компенсации для Бельгии и не рисковать, идя на полный передел европейской сцены, бросая все свои сухопутные силы на фронт. Дипломаты Вильсона с чисто американской прямоотой заявили, что если победят союзные державы и Германия будет разбита полностью, то не останется силы, которая могла бы сдерживать Россию, положение в будущем окажется едва ли лучше прошлого.

Осторожный англичанин остерегся излагать свое мнение до контактов с министром иностранных дел Греем. В составленной вместе с Хаузом телеграмме посол сообщил министру, что германский посол Бернсторф готов начать секретный дипломатический зондаж. Под воздействием американцев Спринг-Райс в донесениях своему руководству начал подчеркивать неоднозначность перспектив военного конфликта: «Если война будет продолжаться, то победит либо Германия, либо Россия. Оба выхода были бы фатальными для европейского равновесия. Следовательно, в настоящий момент для нас более подходит соглашение в духе сохранения равновесия. С этой точки зрения президент Вильсон хотел бы помочь переговорам именно теперь. В основу переговоров можно было бы положить два принципа сэра Эдуарда Грея: 1) конец милитаризма и постоянный мир; 2) компенсация для Бельгии».

22 сентября 1914 г. Хауз доложил президенту Вильсону о предварительных итогах контактов Бернсторфа со Спринг-Райсом. Пока Спринг-Райс не решался вступить в переговоры без разрешения своего правительства и без ведома союзников.

В Вашингтоне сделали вывод, что Германия может продолжать войну очень долго. Это не стимулировало ее к быстрому движению в направлении сепаратного мира. И словно привлекая американцев на свою сторону, статс-секретарь Циммерман написал в эти дни в Вашингтон: «Борьба была навязана нам нашими врагами, они ведут ее, сосредоточив все возможные силы, включая японцев и другие цветные расы. Поэтому мы не можем сделать первый шаг к заключению мира. Но (этот оборот немецкого дипломата важно отметить. — А. У.) положение могло бы быть иным, если бы такой шаг исходил от другой стороны». Второй стороной были прежде всего англичане.

Оценивая стратегические последствия войны для США, размышляя над всеми мыслимыми вариантами ее завершения, в середине декабря 1914 года В. Вильсон окончательно определил для своей дипломатии курс на посредничество между Англией и Германией. Посредничество все более стало видеться самым эффективным способом утверждения США на европейской арене.

План восстановить статус-кво, найти формулу примирения Англии (возможно, за счет ее партнеров по антигерманской коалиции) владел мыслями Вильсона практически весь первый год войны. Он полагал, что заслуга Америки, ее функции гаранта подобного примирения помогут созданию союза трех величайших сил мира, в конечном счете предотвратят консолидацию Европы против США. Более того, президент Вильсон при этом понимал, что открытое обращение к Англии и Германии — лидерам двух враждующих группировок — ничего не даст: взбунтуются их союзники, и дело будет загублено на корню. Поэтому он обратился к методам тайной дипломатии, и полковник Хауз стал незаменимым.

Устранение Германии как силового центра мира будет способствовать возникновению политического вакуума в Центральной Европе, который из-за слабости Франции может заполнить лишь царская Россия. С точки зрения Вильсона, в этом и состоял основной аргумент, который должен был изложить Хауз английскому руководству, — ведь англичане уже более века стремились как раз к тому, чтобы ограничить влияние России в Европе (да и за пределами Европы тоже).

Президента стимулировали, помимо прочего, сообщения Хауза о его беседах с послом Австро-Венгрии князем Думбой. Австро-венгерский дипломат говорил о тайной готовности Берлина к миру. Он полагал, что Германия, опасаясь голода среди своего населения, рассмотрит мирные предложения сразу же после победы над Францией. Вильсон назвал эти сведения «изумительными... в огромной степени полезными для дополнительно-го убеждения» англичан.

Но, видимо, последней каплей было полученное президентом конфиденциальное сообщение о соображении, которым германский посол Бернсторф поделился со своими друзьями в США: Германия, по его мнению, пойдет на посредничество. Каковы были мотивы дипломатов

Центральных держав? По-видимому, Центральные державы, чьи армии стояли на территориях своих противников, надеялись закрепить захваченное. После явной неудачи блицкрига Берлин и Вена стали поощрять своих послов в США на разговоры о пользе мира.

Президент тотчас же уловил эти сигналы. Хаузу было приказано продолжить скрытый зондаж возможностей примирения Англии и Германии. Вильсон особо настаивал на соблюдении тайны, недопущении утечек информации. Внешнюю политику США стала определять личная дипломатия президента. Традиционная служба, руководимая государственным департаментом, была изолирована от важнейших внешнеполитических инициатив.

Здесь, видимо, следует сказать об отношении президента Вильсона к взглядам его популистского конкурента в руководстве демократической партии, а затем государственного секретаря его администрации У. Брайана. Человек прерий Запада не очень уютно чувствовал себя в Вашингтоне. Он не входил в круг наиболее доверенных лиц президента. Важнейшие решения принимались без него. Брайан был прямолинеен. По его мнению, Америке следовало собрать вокруг себя всех нейтралов, возглавить тем самым почти весь неевропейский мир, утвердиться в нем (пока ослепленные фанатизмом европейские метрополии воюют), а затем, под предлогом неспособности Европы избежать кровопролития, вмешаться в европейскую борьбу. Такой путь, считал Брайан, гарантировал обретение позиций мирового лидера. Ради реализации этой схемы США должны быть подлинно нейтральными в отношении как Англии, так и Германии. Вот это-то условие и порождало оппозицию президента. Полная «справедливость» в отношении Германии, по Брайану, требовала нажима на Англию с целью смягчения ее военно-морской блокады Германии. Этот поворот несомненно вызвал бы ожесточение Лондона, и на него президент Вильсон не шел. Помимо прочего, Вильсону не нравилась тактика дипломатии демонстративных заявлений, столь ценимых Брайаном. Президент явно предпочитал методы тайной дипломатии своего друга Хауза.

Тайный зондаж вильсоновского дипломатического штаба принес результаты. Заместитель германского министра иностранных дел Циммерман дал понять, что Германия готова услышать разумные примирительные соображения. В ходе этой дипломатической операции посол Джерард характеризовал Циммермана чрезвычайно поло-

жительно и очень гордился установившимися между ними отношениями. (Тем большим было его потрясение в 1917 году, когда он узнал о признании Циммермана: лишь «из соображений политики я вынужден был держаться с американским послом на дружеской ноге».) Пока американцы доверяли заместителю германского канцлера. Оптимистическое настроение распространилось еще более, когда одновременно с этим стали поступать обнадеживающие сигналы из Англии.

Чем объяснялся новый поворот в английской политике? В декабре 1914 года в Лондоне, видимо, поняли, что быстрое сокрушение Германии невозможно. И здесь стали задумываться над послевоенным урегулированием в духе пессимистических американских подсказок. В результате 20 декабря 1914 г. английское министерство иностранных дел согласилось на предложения президента Вильсона о посредничестве. Сэр Эдуард Грей официально заявил, что в интересах Англии попытается прекратить военный конфликт. Ответ Англии чрезвычайно обрадовал президента Вильсона. (Об этом свидетельствовали его советники.) Он стал просить полковника Хауза поехать в Европу уже в ближайшие дни. Время понадобилось для того, чтобы связаться с английским посольством и узнать подробности позиции англичан в обсуждаемом вопросе. Англичане (в данном случае посол Спринг-Райс) говорили с американцами достаточно откровенно. Посол предчувствовал затруднения со стороны Франции и России: Франция потребует Лотарингию, а Россия будет стремиться получить Босфор. Все эти требования не являлись существенными для Лондона. В английском посольстве обсуждались вопросы компенсации для Бельгии, будущий статус Бельгии как страны, которую англичане хотели видеть нейтральной в европейской политике, и прочие вопросы, представляющие первостепенный интерес для британской дипломатии.

Почему Лондон спустя несколько месяцев после начала конфликта, в котором Германия действительно оказалась окруженной со всех сторон, вдруг показал готовность к определенной форме компромисса? Полковник Хауз зафиксировал в своем дневнике, что посол Англии Спринг-Райс видит признаки «всеобщего испуга среди европейских народов», ибо, как ему кажется, «большинство из них боится революции». Таким образом, уже после полугода военных действий зло, порожденное империализмом, — война вызвала такие социальные потрясения, которые

заставили содрогнуться даже чопорный официальный Лондон и искать пути выхода из военного тупика.

В Берлине фанфары сентября, когда германские армии стремились к Парижу, поутихли к ноябрю 1914 года. Битва на Марне и поражение австрийцев оказали свое влияние, это видно из беседы канцлера Бетмана-Гольвега с главнокомандующим генералом Фалькенхайном 10 ноября 1914 г. Канцлер и генерал пришли к заключению, что у Германии недостаточно сил добиться своих целей на всех направлениях — и на Востоке, и на Западе. Оба решили искать мира с Россией и концентрировать военные усилия на Западном фронте. Бетман-Гольвег суммировал: «Ценой того, что мы оставим наши отношения с Россией примерно в том состоянии, в каком они были до войны, мы создадим условия, какие нам покажутся необходимыми на Западе. В то же время это будет означать конец тройственной Антанты». После бравады первых месяцев войны Германия уже в ноябре увидела пределы своих возможностей и не была глуха к поискам урегулирования — разумеется, на устраивающих ее имперские амбиции условиях.

15 декабря 1914 г. Хауз получил письмо за подписью Циммермана, написанное на самом деле канцлером Бетманом-Гольвегом. Соль заключалась во фразе, что Германия может благосклонно отнестись к идеям мира, «если подобные предложения последуют с противоположной стороны». Хауз поспешил в Белый дом и уже через день с санкции президента обсуждал детали дипломатической операции с послом Бернсторфом.

Президент Вильсон начиная с этих месяцев все более вникает в дипломатическую ситуацию в Европе. После беседы полковника Хауза с послом Спринг-Райсом президент допоздна ждал своего советника, и они долго обсуждали, что может быть передано германской стороне. Было решено более точно определить позицию Антанты, с тем чтобы перед Бернсторфом и в дальнейшем в Германии оперировать уже более конкретными данными, говорить с немцами, точно зная, чего хотят союзники и где можно найти компромисс.

Во всех этих беседах президент Вильсон все теснее увязывал проблему европейского урегулирования с проблемой подключения Америки к европейским делам. В этом он начинал видеть одну из главных целей своего президентства. Пожалуй, сильнее, чем даже его советники, он верил в реальность достижения компромисса на фронтах

межъевропейских противоречий. Следует сказать, что для таких взглядов были немалые основания. Соединенные Штаты становились все более необходимыми для Антанты, они превращались в ее тыловой арсенал. Одновременно увеличивалась значимость Америки и для противостоящих Антанте сил. В то же время США были единственной крупной страной, на которую могла рассчитывать Германия, если бы она увидела безнадежность дальнейших усилий. Вот почему в эти декабрьские дни 1914 года, когда и на Восточном, и Западном фронтах армии обеих сторон не решили своих задач, возникает впервые некоторая предрасположенность к поискам компромисса, которую ощутила американская дипломатия. В Вашингтоне с удовлетворением отмечают признаки того, что Америка все более нужна Антанте, в то время как для Германии США — это более благожелательный нейтрал, чем прочие претенденты на посредничество.

Донесения из посольств свидетельствовали о разочаровании великих держав в итогах 1914 года. Посол США в Берлине Джерард писал 29 декабря 1914 г., что месяца через три «простой народ во всех странах устанет от всего этого и тогда, если только какая-нибудь сторона не добьется разительного успеха, мир придет — медленно, нехотя. И мы надеемся встретить вас (писал посол президенту. — А. У.) здесь в роли ангела такого мира». В окружении президента в эти дни делали довольно смелые заключения, что в Берлине кайзер, канцлер и министр иностранных дел уже пришли к выводу о невозможности выиграть войну, о необходимости искать пути выхода из нее. (Вместе с тем американский посол в Германии сообщал о растущих «эмоциональных» факторах, не благоприятствующих американскому посредничеству. Речь шла об укреплении экономических связей США с западными странами, имевшими доступ благодаря британскому флоту к американским экономическим источникам. Эта линия поведения Америки вызывала сильнейшую ненависть немецких генералов.)

Поскольку общий контур дипломатической инициативы был очерчен, нужно было приступить к ее реализации. 12 января 1915 г. президент Вильсон принял решение послать в Европу своего полномочного эmissара. На протяжении нескольких предшествующих недель он вел с Хаузом продолжительные беседы. Вильсон был осторожен. Одно было решено между Вильсоном и Хаузом твердо: прошло время, когда США считали наиболее выгодным

для себя стоять в стороне от европейского конфликта, наступило время выхода на арену Европы.

Готовя Хауза для самого ответственного внешнеполитического поручения своего президентства, Вильсон постарался максимально сблизиться с ним. Он пригласил Хауза в свою семью. «Вы единственный человек в мире, — поведал Вильсон Хаузу, — с которым я могу говорить свободно». Польщенный техасец заносил все дела этих дней в свой дневник. Очевидно, Вильсон хотел от Хауза не просто лояльности, а сопричастности к крупному маневру американской дипломатии, который они предпринимали. Намерение Вильсона говорить только с двумя партнерами (а именно с Англией и Германией) было упрочено после осторожного зондажа мнений французов и русских. Посол Франции Жюссеран и русский посол Бахметьев, узнав о миссии Хауза, скептически отнеслись к вероятным результатам. Им казалось невозможным, чтобы немцы согласились на условия, приемлемые для союзных держав. Мнение Жюссерана и Бахметьева укрепило Вильсона в мысли сузить круг вовлекаемых в переговоры стран.

Президент и Хауз договорились о шифре для телеграфной переписки, и Вильсон напечатал на собственной машинке инструкции Хаузу, вменяя ему в обязанность «быть каналом конфиденциальной связи». Такая предосторожность была необходима для того, чтобы скрыть, с чем, по какому поводу, с какими полномочиями едет Хауз в Европу. Как обещал президент, «даже личная стенографистка не будет об этом знать». Эти меры говорят о возрастающей заинтересованности Вильсона в дипломатической игре, о понимании им величины ставок.

Отъезжая в Европу в конце января 1915 года, полковник Хауз думал только о двух краткосрочных визитах в Лондон и Берлин. Однако задержался в Европе почти на шесть месяцев.

24 января, накануне отплытия Хауза в Европу, Вильсон окончательно определил его задачу: убедить англичан и немцев в несоответствии их интересам продолжения конфликтов, в том, что эффективную помощь при выходе из тупика может оказать обеим сторонам лишь одна лояльная и дружественная сила — США. Хауз задал вопрос, значимость которого стала ясной только впоследствии: если англичане и немцы согласятся на созыв мирной конференции и попросят американского президента быть ее председателем, согласится ли он? Ответ Вильсона достоин внимания: если встанет вопрос о его поездке в

Европу, он пойдет на это, «ибо того желает американский народ». Откуда знал Вильсон мнение американского народа, не известно, но важно отметить, что уже в начале 1915 года президент Вильсон готов был нарушить более чем вековую традицию американских президентов не выезжать за пределы страны. Причем Вильсон готов был выехать не с декоративным визитом, а с целью решить самое большое политическое противоречие современности.

Настал час прощания. Вильсон проводил Хауза до железнодорожного вокзала и оставался на перроне, пока его эмиссар не скрылся в вагоне. Основания для волнения были немаловажные. Затеянное предприятие могло повернуть мировые судьбы и изменить роль Америки в мире.

В Лондоне Хаузу было важно укрепить впечатление, что США не стремятся оказывать предпочтение ни Лондону, ни Берлину. Подозрительные британцы поначалу во всем видели подвох. Их первым импульсом было убедиться в отсутствии у Вильсона намерений помочь Центральным державам (что, с точки зрения англичан, открывало бы Америке путь к замене Англии в роли владычицы морей). Э. Хауз приложил все силы, чтобы заверить англичан в том, что Лондон — первостепенная фигура в американской дипломатии. Но это была побочная задача, Хауз приехал в Лондон не успокаивать англичан. После официальных любезностей полковник приступил к делу.

15 февраля 1915 г. Э. Хауз показал английскому контрагенту министру иностранных дел Англии сэру Эдуарду Грею донесение американского посла в Берлине Джерарда, в котором говорилось, что, если оказать на Берлин умелое давление, кайзер и его министры вынуждены будут всерьез задуматься над мирными предложениями. (Комментируя эти донесения Джерарда, президент Вильсон написал: «Если мир не будет достигнут немедленно, то наступит новая и продолжительная фаза войны». Президент знал, что английское руководство уже ощутило, насколько ослабляет имперскую Британию изнурительная война на истощение.) Американское посредничество давало шанс на выход из образовавшегося тупика. Информация Хауза, объективная оценка обстановки заставили премьера Асквита и министра иностранных дел Грея задуматься.

Вильсон специально указывал Хаузу на необходимость вывести англичан из «летаргического» состояния. Англичане, писал президент своему эмиссару, сознательно тянут время, надеясь добиться максимально выгодных для себя условий. Это характерная черта английской дипломатии.

Но для энергичных янки тактика проволочек не подходит. Лондон обязан осознать, что если он станет главным препятствием на пути примирения, то последствия для Англии будут негативными. Следуя указаниям президента, Хауз с каждым днем занимал все более жесткую позицию.

После периода колебаний, споров и размышлений Лондон счел необходимым ответить на предложение участвовать в предлагаемом плане Вильсона недвусмысленным «да». Вильсон воспринял это как победу своей линии. Но, как пишет Хауз в дневнике, его друг в Белом доме не понимал основного главенствующего в Лондоне психологического стереотипа. Во-первых, он не чувствовал и не осознал всей глубины подозрений лондонских дипломатов. Во-вторых, он из своего американского далека однозначно низко оценивал перспективы Антанты. А в Лондоне еще многие верили в перемену фортуны, там связывали немалые надежды с переходом на сторону Антанты Италии и Румынии.

Наибольший интерес в эти февральские дни 1915 года представляет обсуждение Хаузом и Греем возможных окончательных условий мира. Грей обрисовал в общих чертах, чего могут потребовать после окончания конфликта в случае победы Франция и Россия. Представляет интерес, что американцы уже на этом, раннем этапе посредничества начали ограничивать аппетиты французов. Вместо возвращения двух утерянных в 1870 году провинций Хауз рекомендовал внести предложение нейтрализовать отдельные области Эльзас-Лотарингии. Такие же рекомендации были сделаны в отношении Люксембурга. С точки зрения американцев, создание буферных зон ограничило бы в будущем прямое соприкосновение Франции и Германии.

Англичане не могли отрицать растущую для Англии значимость Соединенных Штатов. И, возможно, именно в свете этой необходимости в американской помощи на критическом этапе войны англичане начали настойчиво подчеркивать, что США в последующем обязательно должны будут участвовать в создании гарантий всеобщего мира, должны участвовать в мирной конференции независимо от того, окажутся они прямыми участниками конфликта или нет. Слышать эти приглашения было весьма лестно для страны, которую еще совсем недавно игнорировали на всех основных международных форумах. Грей подыгрывал также американским идеям выработки гаран-

тий от конфликтов. Едва ли в этот момент Англия — член огромной коалиции, лидер Антанты — нуждалась столь сильно в международных гарантиях и международных организациях. Во многом ее тактика была рассчитана на завоевание расположения Соединенных Штатов, на сближение с руководством Вашингтона.

После бесед Хауза с английскими правительственными лицами в феврале 1915 года в высшем американском эшелоне власти появляется понимание того, что британское владычество над мировым океаном зиждется уже на шатком основании. Обнаружилась уязвимость торговли Британии от рейдов подводных лодок. Более отчетливыми стали перспективы создания огромного американского флота. Ради укрепления двусторонних отношений Хауз готов был показывать английским дипломатам телеграммы Циммермана, говорить об общем идейном и культурном наследии, о том, что в послевоенном мире США должны будут в Европе опираться прежде всего на Англию. Отвечая откровенностью на откровенность, Грей рассказал американскому визитеру о задачах английских войск в Сербии и Греции, о стратегических планах английского военного командования.

На фоне этой общей доверительности в феврале 1915 года американцы добились приемлемой для планов Вильсона позиции Англии. Ее претензии стали достаточно умеренными. По существу, она уже не требовала ничего, кроме эвакуации войск и компенсации для Бельгии. Тем представителям английского руководства, кто занимал более непримиримые антигерманские позиции и решительно выступал против компромисса, американские дипломаты указывали на реальность военного успеха Германии. А если германские войска разобьют Францию или получат преимущество в России, то они будут господствовать на всем континенте. Это был, пожалуй, самый сильный из аргументов американских дипломатов, предлагавших посредничество. В феврале 1915 года Хауз и другие американские представители допускали вероятность катастрофы для Антанты и на Востоке, и на Западе, это-то обстоятельство и должно было учитываться в Лондоне. Именно в это время начинаются несчастья русской армии. В так называемой зимней битве в Мазурии, к северу от Варшавы, была окружена 10-я русская армия. Потеряв 750 тыс. солдат, русские войска ушли из Польши и Галиции. Одновременно началась полоса германских побед на Балканах. Немцы завоевали Сербию и открыли дорогу

на Стамбул. В сложившейся обстановке Хауз добился согласия англичан на поддержку идеи созыва в будущем конференции под председательством Вильсона. Согласие англичан на подобную конференцию Хауз собирался «держать как козырь в рукаве» во время визита в Германию.

В ходе подготовительной работы перед поездкой в Германию американцы выработали для себя следующую схему. Англичане и немцы соглашались на мирную конференцию и призывают возглавить ее американцев. При этом фактором воздействия на англичан является возможность успеха Германии на континенте, на немцев — возможность окончательно замкнуть кольцо вокруг Центральных держав. Посредничество в таких обстоятельствах давало Вашингтону позиции лидера на политической арене.

Представляет интерес, что американская сторона договорилась с англичанами скрыть от французских руководителей планы компромисса, о которых говорилось в Лондоне и будет говориться в Берлине. Полковник Хауз записал 7 марта 1915 г.: «Министр Грей предостерег меня, чтобы в разговоре с Делькассе я был осторожен. Я уверил его, что нескромности с моей стороны можно не опасаться». Тем самым американцы и англичане были готовы пренебречь интересами и Франции, и России. Грей полагал, что Франция будет удовлетворена частью Эльзас-Лотарингии, а Россия, если отдать ей Константинополь и проливы, согласится на любые условия мира.

Невозможно себе представить, чтобы германские чиновники на этом этапе столь же откровенно говорили с представителями президента США. Но на Германию с ее победами в 1915 году нельзя было смотреть свысока. Демонстративное расположение англичан укрепило решимость Вильсона добиться дипломатического прорыва на германском фронте. Более того, значимость Германии возрастала, что подтверждали и телеграммы обычно хладнокровного посла Джерарда из Берлина. «Вы только не ошибитесь, — писал он в середине февраля 1915 года, — они выиграют войну на суше и, вероятно, заключат сепаратный мир с Россией, а потом и с Францией (или раздавят ее), высадят большую армию в Египте и, возможно, полностью блокируют Англию».

Подгоняемый донесениями Джерарда, президент Вильсон отдал полковнику Хаузу приказ 11 марта 1915 г. отправиться из Англии через Париж в Берлин. Прези-

дента обнадеживало мнение Джерарда, что при определенных условиях согласие Берлина на американское посредничество возможно. Между тем донесения посла о примирительном настроении немцев определенно расходились с их усилившейся военной активностью, ужесточенной морской блокадой Англии. Означало ли это перевес фракции «непримиримых» в Берлине?

Хауз прибыл в Берлин в снежную бурю. Его встретил американский посол и, не теряя времени, устроил Хаузу приватную беседу с секретарем министерства иностранных дел Циммерманом. Главная линия в рассуждениях представителя Вильсона заключалась в том, что у Англии якобы нет желания совершенно раздавить Германию и что в конечном счете при любом исходе войны договариваться придется именно этим двум государствам. Хауз пытался внушить немцам, что те поступают неразумно, делая попытки сближения скорее с Францией и Россией, чем с Англией. «Именно Англия, — утверждал Хауз, — предназначена быть партнером Германии». Немцам, для которых боевым кличем войны было «Боже, покарай Англию!», было непросто согласиться с Хаузом. В американцах они видели вольных или невольных союзников англичан. Эмиссару Вильсона пришлось убеждать немцев в возможностях США повлиять на Англию в нужном направлении, пришлось достать главный антианглийский аргумент из вильсоновского арсенала — готовность США сделать своим лозунгом «свободу морей», ограничение своеволия английского флота. Только после этого Циммерман, немецкий визави Хауза, начал проявлять интерес к американской инициативе. В ходе беседы стало ясно, что о большом политическом компромиссе пока думать преждевременно. Германское руководство надеялось добиться всего в Европе и в мире прежде всего силой своих дивизий. Для военной элиты Германии «спад и размягчение воли» поздней осенью 1914 года были уже прошедшим эпизодом. В текущий момент битва в Польше оборачивалась в их пользу. Что могли предложить американцы? Ясно, что они симпатизируют Англии, что они против доминирования Германии в Европе. Какова же в таких условиях цена их посредничества?

Хауз постарался указать Циммерману на точки совпадения интересов США и Германии. Хауз признал за Англией «право держать флот, достаточный для ее защиты от нашествия, но больше этого она не должна требовать. Циммерман особенно сочувствует этой мысли, и я думаю,

что это поможет созданию здесь благоприятных для нас условий». Хауз предложил обсудить возможности созыва мирной конференции.

Посланник президента имел весьма долгие беседы с будущим министром иностранных дел В. Ратенау, инициатором постройки Багдадской железной дороги фон Гвиннером (вызвавшей до войны острые противоречия в отношениях между Англией и Германией). Наиболее существенными были встречи с канцлером Бетманом-Гольвегом и министром иностранных дел фон Яговым.

Кайзер и его ближайшее окружение не замедлили высказать свое недовольство политикой США, предоставивших свою экономику антантовским союзникам. И все же определенная фракция в Германии прислушивалась к Хаузу и, видимо, не исключала для себя возможности сближения с Англией ради мирной конференции, на которой Германия получила бы лучшие позиции, чем довоенные, опираясь на факт присутствия своих войск на чужих территориях.

Позитивный итог бесед Хауза был невелик. Уже когда посланец Вильсона покинул Берлин, вдогонку ему министр иностранных дел Г. фон Ягов послал свод условий, на которых Германия соглашалась приступить к мирным переговорам. Эти условия едва ли кому могли показаться реалистичными. Немцы не соглашались даже на полный уход из Бельгии. Они претендовали на важнейшие стратегические объекты в этой стране — Намюр, Льеж и долину Мааса. Более того, они требовали от Франции уплаты репараций, а от Бельгии — передачи части Бельгийского Конго. Можно понять министра иностранных дел Франции Делькассе, который, узнав от Хауза об условиях немцев, заметил, что, если немцы хотят получить от Франции репарации, они могут прийти в Париж и получить их там.

Разочарование в кругу американских дипломатов было ощутимым. 11 апреля 1915 г. Хауз пишет президенту: «Беда Германии в том, что она отстала в понимании некоторых идей. Немцы начали полагаться на право сильного, тогда как наиболее развитые страны устремились в противоположном направлении». Стало ясно, что инициатива Вильсона — Хауза в январе — апреле 1915 года не дала искомым результатов. Ни Лондон, ни (в еще большей степени) Берлин не видели впереди угрозы краха. Напротив, продвигаясь в наиболее благоприятном для себя направлении, они были ослеплены верой в ожидаемые в ближайшие месяцы войны позитивные результаты. В американском диплома-

тическом наступлении и Лондон, и Берлин увидели попытку Вашингтона стать мировым посредником, решающим европейские, а значит, и мировые судьбы. Посредничество давало влияние, а им в Европе не хотели делиться. То, что в Вашингтоне рассматривали как «капризы» европейской политики, было сутью дипломатического курса империалистических держав Европы, несклонных выслушивать поучения из-за океана.

Для президента Хауз подготовил реестр препятствий реализации «плана Вильсона»: непримиримость Франции в отношении Эльзаса и Лотарингии, абсолютный отказ английского адмиралтейства ослабить антигерманскую блокаду, нежелание Германии уйти из всех городов Бельгии. Эти обстоятельства делали призрачными надежды на успешное посредничество.

В Белом доме Вильсон подолгу размышлял над сообщениями Хауза, который докладывал, что операция его тайной дипломатии если и не провалилась, то и не дала ожидаемых результатов. Внутренне Вильсон кипел негодованием, он не говорил о европейских политических деятелях в эти дни иначе, как о слепцах, которых столетия братоубийственной борьбы ничему не научили. Поэтому резко отклонил предложение государственного секретаря Брайана обратиться публично к воюющим странам. Демагогия сейчас его не устраивала.

Частично Вильсон «извинял» европейцев, говоря, что немцы и, в меньшей степени, англичане стали жертвами своих союзнических обязательств. Им действительно было весьма непросто повернуть все в своей дипломатической практике и пойти на мировую в момент чрезвычайного напряжения. Президент объяснился с госсекретарем: «Я хотел бы видеть обстоятельства так, как их видите вы. Но в свете того, что мне пишет Хауз, я не могу этого сделать... Настаивать сейчас было бы бесполезным и, возможно, даже оскорбительным. Мы потеряли бы наше влияние». Таким образом, Вильсон признал поражение своей дипломатической инициативы, направленной на отказ Англии и Германии от всех союзнических обязательств, на официальное признание недостижимости поставленных целей, на прекращение истребительной борьбы и вручение президенту Вильсону лавров умиротворителя, а Соединенным Штатам — роли арбитра великих стран мира.

Скользкий нейтралитет

Я считаю, что мы постепенно окажемся втянутыми в войну с Германией... Война будет быстрее закончена, и усилятся наши позиции для оказания помощи другим демократиям в том, чтобы повернуть мир на правильный путь.

(Э. Хауз — В. Вильсону)

С начала войны США могли воображать себя нейтральным членом в мировом уравнении, но обе воюющие группировки проводили политику, прямо касающуюся Америки. В таких условиях нейтралитет превращался в абстракцию, и слишком многие материальные процессы «работали» против схоластического начала. Германия хотела получать от США продовольствие, медь и хлопок, а страны Антанты видели в США свой дополнительный — и огромный! — арсенал. Положение сторон было неравнозначно. Английский флот «мешал» этому равенству, он блокировал Атлантический океан, и США, желая они защитит свою торговлю с Центральными державами, должны были объявить войну Англии и уничтожить ее флот. Вильсон желал сделать Америку первостепенной мировой величиной на основе постоянного расширения ее индустриальной базы, а это значило, хотел того президент или нет, стать поставщиком и кредитором Англии, Франции и России.

Нью-йоркские кредиторы, убедившись в более твердой приверженности нейтралитету государственного секретаря, чем президента, старались выбрать момент, когда прежний лидер популистов покинет столицу. Попытки найти канал выхода на президента были предприняты через его нью-йоркского адвоката, пользовавшегося безусловным доверием Вильсона, — советника государственного департамента Р. Лансинга.

Лансинг формально стоял на позициях абстрактной незаинтересованности, он был против «вползания» США

в конфликт, но у него наготове были веские аргументы: для того чтобы экономические заказы содействовали процветанию Америки, не нужно отходить от базовых принципов, нужно только признать, что воюющие стороны все равно сумеют найти страны, готовые торговать стратегическими товарами. Так пусть таким производителем будут США. Более того, если у западноевропейских заказчиков иссякнет валюта, то не будет большим грехом сделать следующий логический шаг — предоставить им необходимые кредиты, за которые они расплатятся после войны.

Лансинг излагал аргументы, которым Вильсон противился все меньше. Соглашения с европейцами были экономической манной небесной. Они означали прилив золота в США. Расширялась индустриальная база Америки. С помощью кредитов увеличивались возможности американской торговли. Все это прибавляло оборотов маховику американской военной промышленности. Внешняя торговля Америки стала подниматься на невообразимые высоты. США занимали место главного кредитора. Мировое урегулирование уже было невозможно без участия мирового банкира. США будут иметь такое же право определять будущее мироустройство, как и те нации, чья кровь проливается сейчас на полях Европы. Эти аргументы соответствовали внутреннему пониманию президентом Вильсоном пути американского развития. В результате произошло многозначительное изменение «нейтральной» позиции федерального правительства. 30 октября 1914 г. Нэшнл сити бэнк объявил о завершении выработки соглашения по поводу специального кредита французскому правительству. Это был прецедент, повлекший за собой превращение Соединенных Штатов в главного кредитора стран Антанты. Последовавшая серия соглашений с этими странами довела объем кредитов примерно до 2 млрд. долл. — невиданной, фантастической по тем временам суммы.

Кредиты воюющим странам были нужны для закупки в США оружия и стратегических материалов. Еще недавно «нейтральный не только в делах, но и в мыслях» Вильсон категорически отрицал правомочность трансакций со вступившими в войну странами, а государственный секретарь Брайан публично говорил, что деньги — это «худший сорт контрабанды». Нескольких месяцев войны оказалось достаточно, чтобы президент Вильсон «слегка изменил» свою позицию. Он стал убеждать ближайшее

окружение, что было бы «глупо» сдерживать торговлю вооружениями. Такое сдерживание бьет по стратегическим нуждам Америки, оно ослабляет военный потенциал США.

* * *

Немцы некоторое время сами не знали об имеющемся в их руках потенциале. В августе 1914 года у них было 28 подводных лодок, и им придавалось значение побочной силы. Но 5 сентября подводная лодка торпедировала английский крейсер, а 22 сентября пришло потрясающее известие: немецкая подводная лодка потопила три крейсера. В Берлине застыли в немом прозрении: огромную торговлю Британии с внешним миром можно поставить под удар. И уже 21 ноября 1914 г. создатель германского флота адмирал фон Тирпиц размышлял: «Что скажет Америка, если Германия объявит подводную войну всем торговым кораблям противника? А почему бы и нет? Англия желает задушить нас блокадой. Мы будем играть в ту же игру».

Отметим при этом, что американская торговля со странами Антанты была перед началом войны в десять раз больше, чем с Центральными державами.

Затормозившиеся посреднические усилия правительства Вильсона зашли в тупик, когда Берлин и Лондон ужесточили свой спор на морях. 4 февраля 1915 г. германское адмиралтейство объявило о введении через две недели морской блокады Британских островов: все английские суда в окружающей Британию специально обозначенной морской зоне будут уничтожаться, суда нейтралов также подвергнут себя в этой зоне смертельной опасности, поскольку англичане часто пользуются флагами нейтральных стран. Согласно германскому предупреждению, подводные лодки будут топить в этой зоне любые торговые суда противника вне зависимости от возможности спасения пассажиров или экипажей этих судов. Кайзеровское правительство заявило о своей готовности снять блокаду, но лишь после снятия английским флотом блокады германского побережья.

Однако британский кабинет ужесточил контроль на морях. 11 марта 1915 г. Лондон издал приказ, запрещающий любую торговлю с Германией через германские или нейтральные порты.

Нет сомнения, что эти меры, непосредственно касающиеся и американской торговли, сказались на посредни-

ческих усилиях Вашингтона. Их диапазон сокращался — нужно было реагировать на новые меры Берлина и Лондона.

Когда эмиссар Вильсона Хауз весной 1915 года демонстрировал миролюбие в берлинских кругах, германское военное руководство встало на путь, противоположный примиренческим усилиям Вашингтона. Военно-морское командование Германии начало настаивать на расширении подводной войны, что в перспективе вело к осложнению отношений с США. Посол Германии в США Бернсторф заявил 6 апреля 1915 г., что его правительство не несет никакой ответственности за безопасность нейтралов. В госдепартамент же посол представил обширный меморандум, обвиняющий США в отходе от нейтралитета, поскольку американская сторона молча если не санкционировала, то соглашалась с нарушениями международных законов англичанами и, что еще важнее, быстро увеличивала экспорт военных материалов врагам Германии. Чтобы усилить впечатление, посол Бернсторф, подчиняясь приказу из Берлина, передал 11 апреля текст меморандума газетам.

В это же время Америку начали будоражить сведения о германских агентах, работающих якобы против американского правительства. Из Берлина 24 января 1915 г. прибыло донесение посла Джерарда президенту Вильсону, в котором говорилось: «На случай особых затруднений в Америке находятся 500 тыс. обученных военному делу немцев, которые могут объединиться с ирландцами и начать революцию». Об этом рассказал американскому послу секретарь германского министерства иностранных дел Циммерман.

Весной 1915 года завершилась первая фаза вильсоновской «большой» дипломатии (поиски примирения Англии и Германии вопреки всем их договорным обязательствам в своих коалициях). Надежды на успех испарились с подъемом воинственности обеих коалиций. Как поставщик Антанты Вашингтон терял кредит Центральных стран. Посол Джерард передавал, что в Берлине Америка стала объектом «кампании ненависти». Именно в это время интенсифицировалась германская пропаганда в США, на все лады обыгрывался тезис о ложности нейтралитета, который позволяет Соединенным Штатам снабжать оружием Антанту и в то же время молчаливо приемлет блокаду подвоза продовольствия в германские порты.

Как последнюю конвульсию примирительных усилий

Вильсона следует рассматривать посылку нот Англии и Германии, в которых содержалось предложение достичь соглашения о «взаимоприемлемом» использовании воюющими сторонами мин, подводных лодок и нейтральных флагов (над нотой трудились Вильсон, Лансинг и Хауз). Предлагалось рассмотреть возможность допуска некоторых объемов продовольствия в Германию под наблюдением американцев.

Но и эти арьергардные дипломатические усилия Вильсона потерпели неудачу. Немцы потребовали разрешить помимо продовольствия импорт и сырьевых материалов. Только в этом случае они обещали ослабление подводной войны. Англичане же (активно поддерживаемые в данном случае французами) взяли курс на тотальную блокаду Германии. Британское правительство приказало 11 марта 1915 г. своим военно-морским силам перехватывать и обыскивать все нейтральные суда, способные доставлять что-либо полезное для Германии.

Американцы протестовали, но вяло. Ранее Вильсон хотя бы гипотетически допускал возможность примирения главных антагонистов. Сейчас на его глазах обе стороны приступили к действиям, грозившим необратимыми последствиями. Оптимизм окружения Вильсона, характерный для прежних месяцев, иссяк полностью. Осенне-зимние планы сблизить Лондон и Берлин потерпели фиаско.

Это поражение вызвало разлад прежнего консенсуса в окружающем Вильсона довольно узком кругу политиков. В определенной мере символом прежнего подхода был У. Брайан, «рыцарь» равного подхода к Англии и Германии. Он был угоден Вильсону, когда тот лелеял планы примирения «владык моря и земли» — англичан и немцев, но когда такой «равноотстоящий» подход исчерпал себя, Брайан начал терять позиции.

Вперед вышел советник госдепартамента Р. Лансинг, полагавший, что Англия неизмеримо ближе стоит к США, чем германский рейх.

Обострение борьбы этих линий связано с потоплением 28 марта 1915 г. немцами торгового судна «Фаллаба» с американским гражданином на борту. Брайан рекомендовал закрыть глаза на инцидент. Госсекретарь написал Вильсону, что судьба жертвы потопления «Фаллабы» не имеет существенных черт отличия «от судьбы тех, кто остался на территории ведущей войну страны и постоянно находится под угрозой».

Лансинг выступал за жесткую линию. Он охарактеризовал потопление «Фаллабы» как «не оправдываемое с моральной точки зрения». Под нажимом Лансинга посол Джерард резко требовал наказания командира подводной лодки.

В эти месяцы президент еще поддерживал линию Брайана. Он говорил сотрудникам Ассошиэтед Пресс о важности идти своим путем, не связывая себе руки: «У нашей нации есть отличительная черта, выделяющая ее среди других стран. Это отличие заключается в абсолютном ее контроле над собственной судьбой». Вильсон хотел бы сохранить этот «самоконтроль», эту независимость от действий других на мировой арене. Избрать линию Лансинга означало для него излишнее заискивание перед Англией, навязывание ей себя в партнеры, а это лишало бы Америку желаемой свободы при выборе оптимального пути к вершинам мирового могущества.

В Белом доме наступают новые времена. С февральских дней 1915 года начинается долгая история нарастающего самоутверждения США, занятия ими более жестких позиций в мировой политике. Вашингтон официально запретил Великобритании самовольно пользоваться американским флагом. В гораздо более серьезных выражениях было составлено предупреждение Берлину: если подводные лодки с германским крестом на борту начнут «уничтожать в открытом море американские суда и губить жизнь американских граждан, то правительству США трудно будет не расценить такие действия как ничем не оправданное нарушение прав нейтральных стран».

Ударом по прежним миротворческим настроениям было потопление английского лайнера «Лузитания» 7 мая 1915 г. Начиная свою кампанию на Восточном фронте, кайзеровская Германия решила одновременно нанести удары по морским коммуникациям западных союзников. 1 мая 1915 г. германское посольство в Вашингтоне опубликовало официальное предостережение американцам не выходить в море на кораблях воюющих стран. Для кризиса понадобилась ровно неделя.

7 мая 1915 г. президент Вильсон получил каблогранму о потоплении «Лузитании» со 128 американцами на борту. По английским сведениям, корабль не был вооружен и никакой конвой его не охранял, на нем не было войск (отметим все же, что в трюмах лежали грузы военного назначения). Когда личный секретарь Тьюмалти поспешил сообщить детали инцидента, Вильсон остановил его,

говоря, что душераздирающие описания лишат его возможности действовать хладнокровно.

Это был один из пиковых моментов: теперь Вильсон знал, что если завтра он явится в конгресс и попросит объявления войны Германии, то у него впервые с августа 1914 года есть шанс получить это согласие. Но нужно ли это делать? Подходящий ли момент для резкого вторжения в мировую политику?

Обстоятельства гибели «Лузитании» и сопутствующего дипломатического скандала описаны многократно и в деталях. В данном случае важно отметить то воздействие, которое инцидент оказал на мышление Вильсона и его дипломатическую игру. Именно игру, поскольку моральная сторона дела, как свидетельствуют документы, была второстепенной. Для «нового» Вильсона, потерявшего весной 1915 года надежды на восстановление шансов примирения Англии и Германии с последующим формированием «сверхтриумvirата», характерен поиск новой стратегической линии. Он видит, что, хотя война приняла затяжной характер, Берлин в сравнении с Лондоном (не говоря уже о других столицах) слишком силен, если способен противостоять половине света. Но Берлин, для того чтобы впоследствии стать реальным партнером, должен быть вначале поколеблен.

С точки зрения Ллойд Джорджа, «потопление «Лузитании» положило конец возможности мирного посредничества Соединенных Штатов между Англией и Германией. Вопрос заключался уже скорее в том, смогут ли сами Соединенные Штаты далее сохранять нейтралитет». Скептики в британском кабинете министров теперь указывали, что если Германия так понимает «свободу морей», тогда англичан не привлекает вся эта американская затея с компромиссом. Нужно отметить, что американское руководство в то время мало знало о важнейших для формирования английской позиции обстоятельствах — о переговорах Лондона с главными союзниками по Антанте. Ведь Лондон стоял перед альтернативой: с одной стороны, положиться на неясно выраженное американское посредничество с его туманными проектами послевоенного триумvirата в лице США, Германии и Англии, где Англии вовсе не отводилась роль ведущей скрипки; с другой стороны, вместо этого «журавля в небе» договоры Антанты давали в руки отнюдь не «малую синицу» — сокрушение Германии, отнятие у нее торговой монополии в Европе, ликвидацию ее морских притязаний, лишение ее колоний,

а главное — ликвидацию опасения, что Европейский континент в некоем отдаленном будущем объединится против островной Британии. Последние обстоятельства, сила аргументов подобного рода стали превосходить американские идеи о «мировой организации» и диктате трех сильнейших.

Помимо прочего, работала обычная бюрократическая, чиновничья инерция. У связей Англии с США не было структуры. Такие эфемерные связи, как контакты Хауз — Грей, едва ли можно было сравнить с инфраструктурой взаимодействия с союзниками по Антанте. Да и просто сложнее было убедить английского избирателя в резонности поменять государственный курс. Соображения «урапатриотизма» приносили гораздо большие дивиденды. В свете этого американские проекты примирения Англии и Германии теряли в Англии под собой почву.

В Вашингтоне ощущали это заметное английское охлаждение. Окончательный поворот в отношении возможностей глобального компромисса произошел у Вильсона, судя по всему, в конце апреля — мае 1915 года. Он уже не видел возможностей «вернуть колесо истории» и вернуться к предвоенному статус-кво. Весьма четко фиксируется этот поворот в письме президента Брайану от 22 апреля. Вильсон пишет госсекретарю, что не будет обсуждать вопрос об отношении к германскому правительству из-за нарушения тех или иных договоров, не будет обсуждать технические детали, а будет его «рассматривать в более широком контексте — исходя из интересов всего человечества..., исходя из очевидной неприемлемости попыток одной нации изменить общую точку зрения всех наций, исходя из все более усложняющихся обстоятельств ошибочного применения Германией того инструмента (речь шла о подлодках. — А. У.), который мир все менее склонен применять».

В написанной лично Вильсоном ноте есть намек на вероятность решительного поворота в американской политике, но в ней нет того, чего ждали сторонники вступления Америки в войну. Отношения с Германией сохранялись, в ноте есть даже похвала «мудрости и твердости», приверженности имперского правительства Германии здравым принципам ведения войны в прошлом. Кабинет обсуждал эту ноту более трех часов, конечный вариант вместил поправки как Лансинга, так и Брайана.

Вечером 10 мая президент отправился в Филадельфию для выступления перед несколькими тысячами эмигрантов,

которым конгресс отказал в предоставлении гражданских прав ввиду их неграмотности. Вмешавшись в это дело, президент Вильсон изменил решение конгресса. У президента в данном случае были свои соображения. Он хотел видеть в американской нации не совокупность пришельцев из разных стран, а цельную этническую общность, опираясь на единство которой можно было укрепить американскую мощь и посягать на изменение мира. Вильсон нервно ходил взад-вперед перед притихшей толпой, его руки то сновали по обшлагам пиджака, то прятались в карманах. А вещал он о единстве самой могущественной нации на Земле: «Человек, который считает себя принадлежащим к особой национальной группе в Америке, еще не стал американцем, и человек, корыстно использующий свою прежнюю национальную принадлежность, не достоин жить под звездно-полосатым флагом... Америка была создана для того, чтобы объединить человечество». Именно в этой речи Вильсон сказал о «нации, слишком гордой, чтобы воевать». Но важна суть размышлений Вильсона в эти дни: Америка призвана возглавить мир, лишь под руководством Америки мир приобретет покой. В данном выступлении проявляется исключительная вера Вильсона в безусловную благость американских действий в мире, даже если эти действия осуществляются военной силой или даже выражаются в военном вторжении. Хорошо видны истоки самоуверенности и самомнения, которые будут отличать внешнюю политику Соединенных Штатов в XX веке.

Тем временем Берлин ответил на американскую ноту по поводу «Лузитании», квалифицировав этот пассажирский лайнер как фактический крейсер британского военно-морского флота. Лайнер вез взрывчатку, «приготовленную для того, чтобы уничтожать смелых германских солдат». Императорское правительство рекомендовало Вашингтону учесть эти обстоятельства. Немецкий апломб побудил Вильсона написать вторую ноту протеста. Он писал ее допоздна и на следующее утро прочитал на заседании кабинета министров.

Это заседание ознаменовало начало крупных расхождений с Брайаном. Государственный секретарь опоздал на заседание и, усевшись в кресло, казалось, заснул. Всем своим видом он выражал протест. Обстановка складывалась не так, как хотел бы глава дипломатического ведомства, твердый сторонник идеи выгоды для США «равно отстоять» от Англии и Германии. Брайан полагал,

что наблюдается крен в сторону первой и выразил свое несогласие с этой линией. Более того, он обвинил своих коллег-министров в пристрастии. Все головы повернулись в сторону президента. Вильсон железным голосом говорил своему госсекретарю: «Мистер Брайан, вы несдержанны, выдвигая такое обвинение. Мы все, без сомнения, имеем собственное мнение по этому вопросу, но среди нас нет никого, кто мог бы быть обвинен в несправедливости». В очевидном возбуждении Брайан спросил, готовы ли коллеги противостоять английскому запрету на торговлю со всеми странами континентальной Европы. Министры отвечали, что экспорт в Европу хлопка и продовольствия, о котором так заботится Германия, не только не прекратился, но увеличился за последние месяцы. Но Брайан не был человеком, которого убеждала экономическая статистика. В конце заседания он объявил президенту о своем отказе подписать вторую ноту Берлину. У него сложилось убеждение, что его заставляют посылать такие ноты Германии, которые втягивают Америку в войну. Брайан оценил происходящее как поворот, изменение прежней стратегической линии в дипломатии. Его присутствие в правительстве несовместимо с этим поворотом. Вильсон пока слушал своего госсекретаря внимательно, но ему уже явно не нравились предложения Брайана наладить контакт с германским послом Бернсторфом и дать немцам возможность выпутаться из сложного положения, а как раз этого Вильсон на данном этапе уже не хотел.

Государственный секретарь Брайан ощутил свое одиночество в администрации, склоняющейся к новому избранному президентом курсу — параллельно с Антантой (а не нейтрально) оказывать давление на Германию. Всплыли все прежние распри. Жена Брайана поделилась с министром финансов Макаду (родственником Вильсона) своей обидой на то, что наиболее важные дипломатические документы вырабатываются не в государственном департаменте, что полковник Хауз самостоятельно плетет интриги с послами, что президент советуется с Лансингом, минуя его шефа — госсекретаря, и т. п.

Президент убеждал Брайана, что его страхи в отношении конфликта с Германией преувеличены, а отставка при данной конъюнктуре усложнит американо-германские отношения. Видимо, его уже мало что сдерживало: «Полковник Хауз является государственным секретарем, а не я, и я никогда не пользовался вашим полным доверием».

8 июня 1915 г. Вильсон получил прошение Брайана об отставке и огласил его текст кабинету министров.

Итак, Брайан предпочел уйти в отставку. Вместе с президентом Брайан верил в великий проект англо-германского примирения при деятельном американском посредничестве. Он ставил на этот вариант мирового развития, обещавший США «безболезненное» восхождение к мировому Олимпу. Путь поддержания одной из борющихся сторон казался Брайану дорогостоящим, авантюрным. Он не желал участвовать в этой аванюре и покинул пост главы американской дипломатии.

Наследником Брайана, главой своего внешнеполитического ведомства Вильсон сделал Р. Лансинга, отличавшегося спокойным, ровным характером и философским отношением к делу.

Лансинг, богатый адвокат, был женат на дочери государственного секретаря в администрации президента Гаррисона (и был дядей Дж. Фостера Даллеса, будущего госсекретаря, и А. Даллеса — главы ЦРУ). По убеждениям он был англоман, по характеру — исполнитель. Оба эти обстоятельства устраивали Вильсона. (Посол Бернсторф пишет, что президент ценил Лансинга, который был «юридической совестью президента».) Хотя и президент, и Лансинг отличались аналитичностью, Вильсон стремился оценить явления в рамках более широкого исторического процесса. Лансинг мыслил гораздо более заземленно, конкретно, как адвокат, взвешивающий факты за и против. Вильсон не считал его крупной фигурой. «Поставить клерка во главе государственного департамента?» — спросила миссис Голт (которая через несколько месяцев станет миссис Вильсон), склонившись на поручни президентской яхты «Мэйфлауэр». Стиль его резко отличался не только от линии поведения Брайана, но и от традиционной манеры поведения американских госсекретарей. Р. Лансинг стал «личным секретарем президента по вопросам внешней политики», проводником его линии в дипломатическом ведомстве. С точки зрения Вильсона, Лансинг был достаточно управляемым, чтобы проводить именно его, президента, линию в быстро меняющихся международных обстоятельствах. Президент назначением Лансинга еще более укрепил свое положение в формировании внешней политики США. (Позднее он скажет о Лансинге, что тот «не является значительной личностью». Но президенту явно был нужен именно такой исполнитель.) Лансинг был своего рода связным Вильсона с

Уолл-стритом. Его коллега по кабинету военно-морской министр Даниэлс писал: «Взгляды Лансинга почти по всем вопросам политики совпадали со взглядами Дж. Пирпонта Моргана и других представителей большого бизнеса».

Заступающий на пост государственного секретаря Лансинг очень опасался победы прусского милитаризма. По его мнению, США будут вынуждены приспособляться к колоссальной объединенной мощи Европы. Победа Германии приведет «к поражению демократии в мире, подавлению личных свобод, выходу вперед корыстных амбиций, подчинению принципов права и свободы физической мощи, руководимой спорной волей, обращению вспять человеческого прогресса на два столетия назад».

В дальнейшем президент Вильсон и его окружение полностью не исключали для себя возможности урегулирования отношений с кайзеровской Германией. Значительная часть демократической партии не желала резкого охлаждения отношений с Германией, которое неизбежно повлекло бы США в войну. Да и среди окружавших президента еще теплились надежды простым и доступным образом поделить мир: Америке — Западное полушарие, Англии — моря и колонии, Германии — гегемонию в Европе, а всем вместе — решающий голос при определении судеб мира. Поэтому ожесточение в отношении Германии начало проступать у Вильсона постепенно, с выходом вперед сторонников более энергичной антигерманской линии. Такие окружавшие Вильсона фигуры, как Лансинг, Гаррисон, Берлесон, Тьюмалти, настаивали на прекращении подводной войны против невооруженных торговых судов. Фракция «твердого подхода» добилась дезавуирования первой «мягкой» американской ноты по поводу потопления «Лузитании», подписанной Брайаном и уже поступившей в Берлин.

В тот вечер, когда потрясенная страна обсуждала отставку главы дипломатического ведомства, президент Вильсон работал над второй нотой, которую Брайан отказался подписать.

Это была гораздо более суровая нота. В ней Вильсон призвал правительство кайзера подтвердить свою приверженность «правам гуманности, которые каждое правительство считает за честь соблюдать». А когда министр иностранных дел фон Ягов и на этот раз в своем ответе обошелся обтекаемыми фразами, президент Вильсон в третий раз обратился к германскому правительству. На

этот раз он предупредил Берлин, что повторение практики безжалостного потопления судов будет рассматриваться Соединенными Штатами как «преднамеренно недружественное поведение».

В ноте отмечалось, что США не потерпят неограниченной морской войны против судов под американским флагом, что имперское правительство Германии будет нести «строгую ответственность» за потопление американских судов, что американское правительство примет все меры для защиты американских прав на морях. В ноте лишь слегка была завуалирована идея о возможном разрыве дипломатических отношений. Вильсон отказался обсуждать с немцами детали (статус «Лузитании», степень вооруженности, груз и т. п.). Этот инцидент он обозначил как «выходящий из ряда обычных эпизодов дипломатической дискуссии и международных противоречий». Глухо, но прозвучал намек на категоричность позиции Германии, которая может вызвать американский ультиматум.

Нота попала в Берлин в критический момент. Военные столкнулись с дипломатами. Что важнее: неограниченная война на море или опасность отчуждения США и их переход в лагерь противника?

Император Вильгельм после некоторых колебаний поддержал умеренную позицию Бетмана-Гольвега. Цена ожесточения Америки была сочтена слишком высокой. В начале июня 1915 года командиры подводных лодок получили секретный приказ не атаковать суда, не определив их национальной принадлежности. Кайзер не хотел, чтобы мир усмотрел в нем проявления слабости. Тем не менее Берлин ощутил опасность в новой решимости Вашингтона и постарался ослабить ее. Это несколько сбавило напряжение в американо-германских отношениях, но общее их развитие не вело к примирению.

Вильсон благодаря донесениям посла Джерарда следил за растущим антиамериканизмом Берлина. Два обстоятельства делали растущую враждебность двух стран практически необратимой: экспорт американского оружия в страны Антанты (как писал из Берлина посол Джерард, кайзер «неистовствовал по поводу поставок оружия из США») и распространение в Германии убеждения, что США не могут быть «честным брокером», что США не готовы оказать давление на Англию с целью смягчения морской блокады Германии. Каждый депутат рейхстага получил копию объявления, помещенного кливлендской фирмой, производящей орудия и пулеметы, в журнале

«Америкэн машинист» за 6 мая 1915 г. Американская компания рекламировала высокую убойную силу своей экспортируемой продукции. Видя превращение США в арсенал Антанты, политические круги Германии стали терять интерес к такому «посреднику», который увеличивает разрушительные возможности противника и не желает сдерживать Англию на морях.

Закупки стран Антанты в США становились все более масштабными. Англия, например, к августу 1915 года закупила все, что позволяли ей ее долларовые запасы (в месяц англичанами закупалось оружия и амуниции в среднем на 75 млн. долл.). Если бы США были действительно нейтральными, они должны были бы отказаться от кредитования лишенных наличных средств покупателей. Для дипломатии Вильсона наступил один из критических моментов. Одно дело — продажа оружия тем, кто может купить. Другое дело — стимулирование этой торговли путем кредитов. Это был бы большой шаг в сторону военной помощи стране-импортеру.

Тем не менее летом 1915 года администрация Вильсона санкционирует кредиты покупателям американских товаров. Торговля с воюющими странами теперь рассматривалась как средство поддержания процветания экономики США.

10 сентября 1915 г. высокопоставленная англо-французская комиссия прибыла в Нью-Йорк и заключила сделки с группой американских банкиров, возглавляемых Дж. П. Морганом. В течение последовавших полутора лет английское правительство взяло в долг примерно 1 млрд. долл., французское — 300 млн., а канадское — более 400 млн. долл.

Жребий был брошен. Летом 1915 года правительство Вильсона отбросило проект примирения основных антагонистов. Оно заморозило свои отношения с Германией и значительно сблизилось с Англией. Щедрые кредиты быстро улучшали американо-английские отношения.

Германия тем временем надеялась на военный успех. Генерал Фалькенхайн готовился к решающему наступлению против Сербии. 9 августа 1915 г. русские войска оставили Варшаву. Но в германском генеральном штабе знали и о своих слабых местах. Именно в эти победные дни Фалькенхайн писал: «Ситуация, в которой мы находимся, слишком серьезна, чтобы рисковать ее ухудшением. Открытое присоединение Соединенных Штатов к нашим врагам означало бы действительно серьезное ухудшение...

Оно ухудшит наши отношения с Голландией, Швецией, Данией, Швейцарией, Болгарией, Грецией и Румынией. Чтобы победить в этой войне на истощение, мы нуждаемся в помощи нейтралов».

Президент Вильсон самым внимательным образом следил за итогами состоявшейся 26 августа 1915 г. имперской конференции в замке «Плесс». Конференция в общем и целом показала наличие у германского руководства желания не противоречить Вашингтону. После некоторых колебаний кайзер Вильгельм II поддержал «умеренную линию», олицетворяемую канцлером Бетманом-Гольвегом, и приказал воздержаться от неограниченной подводной войны. Принятое решение было немедленно передано по телеграфу послу Германии в США Бернсторфу. 1 сентября германский посол в письменном виде пообещал американскому правительству не топить суда без предупреждения, сохранять жизнь невоенному персоналу, «если лайнеры не будут стремиться уйти и не окажут сопротивления». Это германское обещание явилось шагом на пути сохранения возможностей компромисса в будущем.

Примирительный жест был ценен не только сам по себе, но и как сигнал того, что Берлин не отошел окончательно от такого видения мира, которое не исключало придания более значительной роли Америке. Данный маневр германской стороны (был он искренним или уловкой — другое дело) сохранил мир в отношениях двух стран еще более чем на полтора года.

Разумеется, о сохранении интимности (и даже сердечности) контактов первых месяцев войны уже не могло быть речи, но и США, и Германия не хотели закрывать все возможности для глобального компромисса.

* * *

Летом 1915 года дипломатия Вильсона делает значительный поворот. Если прежде, действуя совместно с Брайаном, он был примерно «равноудален» от обеих борющихся группировок, то теперь американская дипломатическая машина сделала разворот. От поисков компромисса путем посредничества она повернулась в сторону усилий по достижению перемирия за счет совместного с Англией давления на Германию.

В треугольнике Лондон — Вашингтон — Берлин сложилась тупиковая ситуация. Англичане бранили немцев за подводную войну, немцы англичан — за морскую

блокаду, обе стороны излагали соответствующие аргументы перед Вашингтоном. Главными подлинными мотивами Берлина и Лондона в отрицании американского посредничества были: неукротимая надежда на предстоящий перелом в течении войны в свою пользу; опасения, что американское посредничество окажется слишком дорогостоящим; боязнь допустить американцев на место мирового арбитра. Очевидно, что к лету 1915 года В. Вильсон окончательно убедился в невозможности возврата Лондона и Берлина к довоенным позициям и перегруппировке, так сказать, «на ходу». Возвращаться к статус-кво не хотел прежде всего Берлин. Ведь германские войска стояли на чужой территории, и для кайзера отозвать их было равносильно самоотречению. Медленно расставался Вильсон с прежними стереотипами, не так-то просто было для него преодолеть оппозицию тех, кто еще верил в схему англо-германского примирения и необходимость для США быть посредником в конфликте, а не его участником. И все же постепенно на первый план американской дипломатии выходят сторонники связей с Антантой, чья враждебность к Германии была очевидной. Речь идет в первую очередь о после США в Англии У. Пейдже и после в Италии Ч. Элиоте. Эти люди мало верили в возможность англо-германского компромисса при американском посредничестве. Напротив, они считали, что с началом войны и обозначившимися успехами Германии на полях сражений Соединенные Штаты встречают в ее лице колоссальную потенциальную угрозу. Этим дипломатам казалось абсолютно нереальным найти модус вивенди с Германией в случае, если та возобладает на Европейском континенте. Британская военная мощь рассматривалась уже не как некий океанский арбитр, открывающий или закрывающий Америке путь в Европу, а как единственное надежное прикрытие от грядущего «царства гуннов».

В наиболее отчетливой форме подобные взгляды разделяла «проанглийская» группировка, возглавляемая экс-президентом Т. Рузвельтом, экс-госсекретарем Э. Руттом, издателем «Североамериканского обозрения» Дж. Харви, издателем журнала «Аутлук» Л. Абботом, известным нью-йоркским адвокатом П. Фуллером. В правительстве Вильсона выразителем взглядов этой партии стал государственный секретарь Лансинг. Часто деятели этой группы занимали «идеалистические» позиции: американская демократия должна, мол, помочь европейским демократиям. Но более внушительно звучал голос таких реалистов, как

Т. Рузвельт, утверждавших, что имперские планы Германии неизбежно приведут Америку к войне с ней. Какими бы ни были побудительные мотивы членов этой группы, их сила была невелика, пока они были разобщены. Но она возросла после создания в декабре 1915 года Комитета американских прав, который наряду с редакцией «Нью-Йорк трибюн» и локальными группами в Бостоне и Кембридже стал сборным пунктом части американской буржуазии, не считающей нейтралитет оптимальным курсом для Америки.

Особенно энергичную деятельность развил экс-президент Т. Рузвельт. Этот герой первой американской империалистической войны (с Испанией) метал громы и молнии против трусов, оккупировавших Белый дом. «Убийство тысячи мужчин, женщин и детей на «Лузитании», — писал Рузвельт, — произошло исключительно из-за отвратительной трусости и слабости Вильсона... Они (американцы. — А. У.) не вступят в войну, если их в нее не загнать».

Все более интенсивной становилась деятельность таких организаций, как Лига национальной безопасности, Военно-морская лига, Армейская лига. Мощным средством пропаганды становилось кино. Многие американцы впервые увидели гусиный шаг марширующих колонн — «неведомые» иностранцы высаживались на побережье США. К сентябрю 1915 года губернаторы 22 штатов вступили в Лигу национальной безопасности.

С развитием мирового конфликта менялась сама Америка. Стала действовать Федеральная тайная служба (Вильсон поручил министру финансов Макаду организовать надзор над деятельностью агентов зарубежных стран). Легализуется практика прослушивания телефонов посольств. Тогда первостепенный интерес вызывали прежде всего германское и австро-венгерское посольства.

Война дала толчок военной технологии. Ушло ощущение того, что Старый Свет невообразимо далек. В Америке 1915 года уже никто не говорил о неуязвимости Западного полушария, о том, что агрессор не перейдет Геллеспонта величиной с Атлантический океан. Трудно переоценить значение этого «открытия». Исчезли и благодушие, и самоуверенность. В новых условиях старая дипломатия, главной целью которой было отстояние от европейских дел, стала все более походить на «политику» страуса.

А если у США нет иммунитета от военной эпидемии, то не следует ли принять болезнь во всеоружии, то есть вооружаться и сделать это по-американски масштабно?

Если Америка уязвима, то не следует ли ей первой вмешаться в спор, не дожидаясь, пока победитель в Европе повернется к Западному полушарию? Примерно такие соображения все чаще приходили Вильсону в конце 1915 года. Целый ряд прежних соображений оказался химерой. Например, ожидания быстрого истощения ресурсов обеих коалиций оказались неоправданными. Война шла уже второй год, а воюющие страны еще лелеяли планы победы. Так же трудно было надеяться и на то, что война окончится вничью. Ожесточение с обеих сторон достигло такой точки, когда ненависть едва ли не заглушила инстинкт самосохранения. Отсутствие победы означало бы их политическую дискредитацию. И Антанта, и Центральные державы «устремилась к победе». Что произойдет, если одна из сторон возобладает? Непосредственной опасности для США, возможно, и не было, но можно было не сомневаться, что победитель еще посмотрит через океан. Таким образом, и время перестало быть дружественным фактором.

Вильсон старался найти неординарное решение складывающейся головоломной ситуации. Им по-прежнему владело желание создать механизм, регламентирующий международное развитие. В различных схемах всплывала идея организации, которая контролировала бы основные силы современного мира.

Становлению новых идей президента способствовали англичане. «Облегчая» Вильсону путь вступления в войну на стороне антигерманской коалиции, министр иностранных дел Англии Грей постарался выдвинуть такие цели, которые могли бы получить массовую поддержку. 10 августа Грей писал в Вашингтон: «Жемчужиной величайшей цены была бы некая Лига наций, на которую можно было бы полагаться при решении споров между двумя любыми государствами с помощью арбитража, посредничества и других способов. Международное право до сих пор не обеспечивало санкций. Уроком этой войны является то, что великие державы должны обеспечить их сами».

22 сентября 1915 г. Грей спрашивал полковника Хауза: «Предполагает ли президент создание Лиги наций, направленной против любой державы, которая нарушит договоренности и определенные правила ведения войны на море или на земле? Я не знаю, какое правительство будет готово воспринять эту идею, но уверен, что правительство Соединенных Штатов — единственное правительство, которое может эту идею эффективно выдвинуть».

Видеть себя создателем первой в истории человечества

всемирной организации — мог ли В. Вильсон, человек огромного честолюбия, бесстрастно отвергнуть эту идею? Стать арбитром мирового сообщества, оставить уникальный след в истории мировой дипломатии — творческое воображение Вильсона было польщено. Он открывал новую главу истории США, открывал дверь к мировому могуществу для своего класса, ведь именно американский капитализм владел самой мощной материальной базой, влияние которой должно было еще более возрасти тогда, когда конкуренты вернутся с полей сражений в разоренные дома, потрясенные империи, поколебленные зоны влияния. Только США смогут помочь в колоссальной реконструкции — в этом заключался уникальный исторический шанс.

Мысль о создании международной организации крепко запала в сознание Вильсона, но путь к созданию такой организации лежал через прекращение европейского конфликта. За эту конкретную задачу и взялся Вильсон. Он понимал, что мир на условиях примирения Англии и Германии уже невозможен. Победа над Германией также маловероятна. Шанс США на выход на лидирующие позиции заключается в постепенном сближении с союзниками. Целью и в данном случае был не разгром Германии — его в Вашингтоне боялись и считали нежелательным. Целью было вместе с Антантой поставить предел «динамизму» Германии и восстановить в ослабленной Европе мир на таких условиях, когда Антанта и Центральные державы уравнивали бы друг друга, причем обе коалиции зависели бы от благожелательности США. Именно Вашингтон должен был быть тем балансиром, который решал бы исход соперничества.

Вильсоновская политика надеялась на помощь Англии, а в дальнейшем предполагала и перенятие ее функций в европейской политике времен «блестящей изоляции». Англия почти 500 лет выступала против любого претендента на гегемонию в континентальной Европе — против Филиппа II Испанского, Людовика XIV, Наполеона, а затем Бисмарка. Вильсон хотел помочь Англии, а затем сменить перенапрягающуюся метрополию в роли стража международного равновесия. Его прельщали оба аспекта мировой роли Англии — как господство на морях, так и контрольные функции в Европе. Он считал, что США уже к этому готовы. Конгресс проголосовал за выделение средств на создание флота, равного английскому, а материальная мощь Америки уже равнялась европейской.

Вильсон взялся за задачу, которая оказалась по плечу лишь тремя десятилетиями позже другому американскому президенту, тоже начавшему с внутренних реформ. Лишь Франклин Рузвельт сумел абсорбировать многовековые функции Британии. Но это уже другая история.

Зондаж в Лондоне показал готовность англичан сделать многое для облегчения миссии Вильсона. 1 июля 1915 г. Э. Грей пишет в Вашингтон: «Если ваш народ пойдет воевать, то я считаю несомненным, что влияние США на более широкие перспективы выработки окончательных условий мира будет преобладающим». 8 октября 1915 г. полковник Хауз выдвинул перед президентом довольно смелый план. США запрашивают страны Антанты, примут ли они посредничество президента Вильсона. Не исключено, что в силу военного истощения они вынуждены будут согласиться. Если и Центральные державы примут посредничество, тогда США одним махом станут мировым арбитром. Если же Центральные державы откажутся от посредничества, «мы должны оказывать упорное давление до той точки, когда дипломатические отношения будут вначале прерваны, а затем вся сила нашего правительства... могла бы быть брошена против них».

План подобной смелости был возможен, видимо, лишь благодаря позиции англичан. Лондон, хотя и желал ограничения амбиций Германии, не был настроен все ставить на карту в войне, результатами которой могли по-своему воспользоваться Россия и Франция. Отсюда и колебания кабинета Асквита. В доверительной манере Грей сообщал американцам, что, хотя союзники Англии желали бы видеть Эльзас и Лотарингию возвращенными Франции, а Дарданеллы — переданными России, английское правительство могло бы быть готово вести с Германией переговоры на более скромных условиях, главные среди которых — восстановление независимости Бельгии и эвакуация германских войск с территории Франции. В письмах английского министра шла речь о создании в будущем всемирной организации — Лиги наций, в которой англосаксонские страны играли бы первостепенную роль.

Президент Вильсон писал ответ Грею вместе с Э. Хаузом от лица последнего. Вскоре может прийти время, говорилось в этом ответе, когда США потребуют созыва мирной конференции. «Я хотел бы, чтобы вы знали, что как только вы сочтете время для американского вмешательства подходящим, я предложу его президенту». Идея детально обсуждалась Вильсоном и Хаузом 28 ноября

1915 г. Исключение Германии из «оптимального» уравнения было вынужденным, но безусловным. Со страной, стремившейся к мировой гегемонии, едва ли можно было иметь дело.

Решение Вильсона исключить возможность взаимных компромиссов с Германией базировалось и на геополитических расчетах, и на учете характера двусторонних отношений. Осенью 1915 года в этих отношениях произошли необратимые явления.

Обещание немцев быть сдержанными в подводной войне на определенное время притормозило процесс резкого ухудшения двусторонних отношений. Но в скором времени Вильсон объявил во всеуслышание, что США «стали жертвой германских интриг и насыщены германскими шпионами». Президент основывался на донесениях секретных агентов правительства о деятельности немецкой агентурной сети, активизировавшейся с прибытием в апреле 1915 года в США руководителя германской разведки в этой стране Ф. Ринтелена фон Клейста. Германия же исподволь, но определенно начала подталкивать к конфликту с США различные политические фракции Мексики. К государственному секретарю Лансингу начали поступать сведения о попытках германских агентов установить связи с Хуэртой и Вильей, политическими руководителями крестьянского движения в Мексике. На стол президента в декабре 1915 года был положен доклад о том, что Ринтелен фон Клейст совместно с военным и военно-морским атташе германского посольства Ф. фон Папенем и К. Бой-Эдом израсходовали 27 млн. долл. на подрывные цели против США, причем примерно половина этой суммы пошла в Мексику. В этой обстановке в Белом доме решили еще раз отправить полковника Хауза в Берлин сообщить немцам, что президент Вильсон при определенном повороте событий может вмешаться в европейский конфликт. Наиболее важная мысль из подготавливаемого обращения: «Если Центральные державы будут демонстрировать непримиримость, для нас, вероятно, возникнет необходимость присоединиться к союзникам (Антанте. — А. У.) и силой навязать решение».

Это было чрезвычайно важное решение. Президент Вильсон придавал значение каждому оттенку слов этого предложения.

Англичане присоединились к новой игре президента. Теперь они говорили о невозможности новой мировой расстановки сил без учета Соединенных Штатов.

Окружение подталкивало Вильсона использовать благоприятную возможность. Час Америки пробил. Хауз писал Вильсону, что тот должен взять на себя роль, «предназначенную вам в этой мировой трагедии, это самая благородная роль, которая когда-либо выпадала на долю человека. Страна последует за вами, какой бы ни была цена этого».

В волнующей дипломатической драме полковнику Хаузу предстояло секретно зондировать от лица президента в Лондоне и Берлине возможность решения глобальных для него проблем: создания мировой организации, степени вооруженности на морях, принципа «свободы морей». В инструкциях Вильсона говорилось: «Если любая из стран — участниц нынешней войны позволит нам сказать противостоящей стороне, что она согласна обсуждать данные условия, то ясно, что нашей обязанностью будет использовать в наиболее полном объеме нашу моральную силу для того, чтобы заставить эту противостоящую сторону вести переговоры». Понятие «моральная сила» имело в данном случае почти аллегорическое значение, поскольку сам Вильсон, судя по контексту, имел в виду дипломатическое принуждение, опирающееся на всю военно-экономическую мощь государства.

Навязать свое решение

Мое предложение сводится к тому, чтобы союзники неофициально сообщили мне, согласны ли они на то, чтобы мы выступили с требованием прекращения военных действий... Мы могли бы говорить с ними так же сурово, как и с Центральными державами. После некоторых колебаний союзники могли бы принять наше предложение или требование, и в случае согласия Центральных держав мы добились бы блестящей дипломатической победы.

(Э. Хауз — В. Вильсону)

Наиболее обещающий план решения мировой дипломатической задачи исходил из предпосылки, что англичане сумеют подавить в себе гордость и согласятся на посредничество американской стороны. Если Лондон проявит благоразумие и согласится с миротворческой инициативой Вильсона, тогда следовало обратиться к Берлину и представить ему те же предложения, не говоря при этом, что английское согласие уже получено. Если немцы и англичане согласятся на американское посредничество, президент Вильсон сразу же станет мировым арбитром и обе конкурирующие группировки на мирной конференции будут стремиться заручиться его поддержкой — самый простой путь для США заполучить их всех в орбиту своего влияния. Если же Германия не отреагирует на шантаж и не угодит в приготовленную дипломатическую ловушку, тогда Соединенные Штаты выступят на стороне сил, противостоящих Центральным державам. В случае удачного поворота событий США получали судейскую мантию при новом устройстве мира, в худшем случае — они добивались главенства в коалиции победителей. Можно представить, какое волнение царило в Белом доме, когда там планировали за счет одной дипломатической комбинации превратить Вашингтон из провинции мира в его центр. Хауз составил вариант американских предложений для воюющих сторон. По согласованию с англичанами он отправится в Лондон и Берлин, оповещая последний, что, если Германия настаивает на продолжении войны, Соеди-

ненным Штатам, «вероятно, придется» присоединиться к антантовской группировке.

В мировой дипломатической игре наступил момент, когда козырные карты находились в руках американской дипломатии.

Тем временем во внешнем мире, не знаящем о сделанном в Белом доме выборе, росла волна пацифизма, и «заговорщикам», определявшим курс США в мире, пришлось приложить немало сил, чтобы выстоять перед этой волной и не раскрыть своих истинных побуждений. Влиятельных журналистов из пацифистского лагеря убеждали в приверженности президента делу мира. В Белый дом поступило 20 тыс. телеграмм от пацифистов, сторонники мира маршировали мимо окон президента. Автомобильный король Форд лично сообщил президенту о предпринимаемой им миссии «корабля мира» в Европу.

К немалому удивлению высокопоставленных комбинаторов, Э. Грей в своем ответе не стал обсуждать деталей дипломатической операции и спросил только, следует ли связывать предполагаемый дипломатический нажим на воюющие стороны с последующим созданием Лиги наций. Возможно, еще не осознавая степень важности даваемого обязательства, президент Вильсон заявил, что США считают создание Лиги наций безусловно необходимым. Это было серьезное обещание, реализация которого означала разрыв с одной из наиболее устойчивых американских дипломатических традиций и активное подключение к европейским и мировым делам.

Именно в эти дни президент Вильсон признался своему главному тайному советнику, что никогда не исключал вступления США в войну против Германии, если возможность германской победы обозначится достаточно четко. В соответствии с новой жесткой линией германский военный атташе фон Папен и военно-морской атташе Бой-Эд получили предписание покинуть США.

Возможно, осенью 1915 года Вильсон опасался, что роль мирового примирителя у него могут отнять в самый последний момент. Поступили сообщения о запросе короля Испании мнения латиноамериканских стран о возможностях своего посредничества. Вильсон поручил Лансингу передать латиноамериканцам его пожелание, чтобы «обе Америки» стояли вместе. Боясь упустить время, Вильсон в середине декабря 1915 года (отрываясь от последних приготовлений к церемонии своего второго бракосочетания с Эдит Голт, сорокатрехлетней вдовой владельца ювелирного

магазина) приказал Хаузу приступить к операции. При этом президент вначале отказал ему в письменных инструкциях: «Вы знаете, что у меня на уме и как это изложить».

Президент Вильсон полагал, что главный пункт миссии Хауза — Берлин. Через посла Бернсторфа было инсценировано приглашение германского правительства другу президента.

Хотя Хауз «знал, о чем думает президент», в Белом доме боялись недовольства конгресса архиважной миссией лица, не облеченного никакими официальными прерогативами. В конечном счете Вильсон изложил на бумаге несколько генеральных идей.

Миссия определялась как крупное мероприятие по обсуждению кардинальных проблем, мелкие детали следовало опустить. Лансинг предостерег от обсуждения скользких вопросов о границах и репарациях. Следовало иметь в виду лишь самое главное — согласие или несогласие пойти на мир при американском посредничестве. В рождественский сочельник 1915 года президент писал: «Единственные гарантии, которые рационально мыслящая личность может принять, — это: а) военное и военно-морское разоружение; б) создание Лиги наций для защиты каждой нации от агрессии и сохранения абсолютной свободы морей. Если одна из сторон текущего конфликта позволит нам сказать другой стороне, что она согласна обсуждать заключение мира на таких условиях, то нашей обязанностью безусловно будет использовать в максимальном объеме нашу моральную силу для обеспечения участия в переговорах противостоящей стороны, и я не могу себе представить, как эта сторона сможет противостоять мнению всего мира».

Обращаясь к внутренней политике, президент Вильсон был обеспокоен захватом лидерства в интервенционистских организациях политическими соперниками — республиканцами, которые опирались на мощные промышленные и финансовые круги и грозили сокрушить демократов на президентских выборах в 1916 году. Совокупность двух тенденций (во-первых, желания пресечь республиканскую стратегию, базирующуюся на обвинениях администрации как ответственной за слабость Америки, и, во-вторых, создающего понимания того, что историческим шансом для США является присоединение к странам Антанты) привела к беспрецедентным шагам Вильсона в области военных приготовлений. Уже 21 июля 1915 г. он отдал распоряже-

ние военному министру Гаррисону и военно-морскому министру Даниэлсу исследовать возможность составления военных программ, соответствующих потребностям переживаемого момента. Лидеры конгресса были уведомлены о намерении администрации форсировать военные приготовления.

Военная элита США быстро откликнулась на призыв президента. Был разработан план, по которому США должны были достичь равенства с Великобританией по военно-морским вооружениям к 1925 году. Этот план предусматривал строительство в течение ближайших пяти лет 10 линкоров, 6 тяжелых крейсеров, 10 средних крейсеров, 50 эсминцев и 100 подводных лодок. Заметим, что даже экстремисты из Военно-морской лиги не требовали большего. План военного министерства предусматривал создание континентальной армии в 400 тыс. человек. Президент Вильсон подписал оба плана 15 октября 1915 г., но огласил их лишь 4 ноября. В этот день Вильсон выступил в Нью-Йорке, в Манхэттен-клубе, и оповестил страну фактически о том, что прежняя стратегия «равноотстояния» от двух враждующих группировок (сколь она ни фиктивна ввиду торговли США со странами Антанты) перестает соответствовать требованиям переживаемого момента.

Впервые в своей истории американцы поставили перед собой цель сравняться с крупнейшими военными державами. В мир XX века выходил военный гигант, чтобы уже никогда не возвращаться к прежнему состоянию менее развитой, чем Европа, военной силы. Трудно переоценить значение шага Вильсона для внутренней жизни США. Один из ведущих деятелей эпохи О. Уиллард писал президенту: «Вы сеете зерна милитаризма, выращиваете военную и военно-морскую касту». Прежний коллега Вильсона по «дипломатии компромисса» У. Брайан обратился к стране с воззваниями, в которых говорил, что президент Вильсон оказался в плену милитаристских интересов большого бизнеса. Лидер прогрессистов сенатор Лафолет заявил, что за поворотом дипломатического курса США стоят те, кто получает от этого поворота колоссальные доходы.

Борьба внутри США достигла такого накала, что даже лидер демократического большинства в палате представителей К. Китчин высказал сомнения в правильности курса президента. Тогда Вильсон пошел на исключительный по политической смелости (и ренегатству) шаг — пригласил в Белый дом лидеров республиканского меньшинства в сенате (Дж. Голлинджера) и в палате представителей

(Дж. Манна), чтобы обратиться к ним с просьбой о политической помощи.

Но главным в его политической борьбе было не это закулисное «выкручивание рук». Вильсон решил обратиться к народу через головы противников. Чтобы вернуть себе политическое влияние, Вильсон прибег к опасному политическому оружию — национализму. В конце января 1916 года он начал из Нью-Йорка пропагандистский блицкриг в штатах своих оппонентов — на Западе и Юге, в Питсбурге, Кливленде, Чикаго, Милуоки, Демойне, Канзас-Сити, Топеке и Сент-Луисе. Именно в Сент-Луисе он сделал знаменитое заявление о том, что США должны иметь «несравнимые ни с чем, величайшие в мире военно-морские силы». США, широкоувещательно утверждал он, берут на себя миссию охранять Западное полушарие от враждебных сил. «Оборот дел в Европе, — говорил президент, — непредсказуем, и США должны готовиться к худшему. Страна должна знать, что для защиты ей необходима военная мощь. Нельзя делать оборону страны предметом межпартийной политики, она должна быть общенациональным делом».

Мобилизации внутренних сил способствовали и перестановки в кабинете. Вильсон заменил на посту военного министра «зашедшего вперед» в своем воинственном рвении Дж. Гаррисона молодым мэром Кливленда Н. Бейкером, который в дальнейшем стал наиболее близким к президенту членом кабинета министров.

* *
*

Менее чем через год после смерти первой жены, 18 декабря 1915 г., В. Вильсон женился вторично. На несколько дней он удалился от государственной деятельности, но вскоре самый сильный для него магнит — политика снова приковала внимание президента. С нетерпением ждал он писем из-за океана, где полковник Хауз вел кулуарные переговоры с лидерами двух воюющих группировок. Вторая миссия Хауза в Европу была предпринята при весьма экстренных обстоятельствах. В начале января 1916 года, когда он прибыл в Лондон, складывалось впечатление, что чаша весов склоняется в сторону Центральных держав. Наступление германских войск принесло им во второй половине 1915 года успех на Восточном фронте, здесь русские войска отступили. Перспективы грядущей кампании на Западе также не внушали западным членам Антан-

ты особых надежд. Оптимизм первых месяцев года уступил место мрачным размышлениям. В такой ситуации ужесточать американскую позицию по поводу действий германских подводных лодок казалось Хаузу несвоевременным, и он настойчиво убеждал в этом президента. Рвать отношения с немцами в период их очевидных успехов — с перспективой остаться потом один на один с германизированной Европой — этого Вильсон опасался больше всего. Даже простое продолжение дрейфа в сторону Антанты в таких условиях стало означать ослабление рычагов воздействия на всю ситуацию в целом. Можно было предположить, что немцы, находясь в ослеплении от собственных удач и придя к заключению, что Соединенные Штаты уже не сдвинуть с пробританских позиций, окажутся не восприимчивыми к маневрам Вашингтона.

Изменение обстановки требовало корректировки американской дипломатии. Следовало остудить надежды англичан и проявить большую гибкость в Берлине.

Англичане оказались не самыми простыми партнерами по переговорам. С одной стороны, им безусловно хотелось получить нового мощного партнера в сложившейся критической ситуации. Но по меньшей мере три обстоятельства заставляли их противиться безоговорочному принятию американских предложений. Во-первых, они боялись того, что Америка не захочет ослаблять Германию и постарается сохранить ее мощь, чтобы играть на примерном балансе европейских сил. Для США не Германия, а Европа в целом представляла собой конкурента. Во-вторых, англичане были «повязаны» тайными письменными и джентльменскими соглашениями. В США не всегда ощущали силу этих договоренностей, степень их обязательности для Лондона. В-третьих, англичане, ближе других европейцев знакомые с американцами, несомненно боялись чрезвычайного усиления США, индустриальная и морская мощь которых уже требовала выхода за пределы Западного полушария. Поэтому предложения Вильсона восприняли на Даунинг-стрите с определенными опасениями. Министр Грей заявил, что кабинет согласится на принцип «свободы морей» только в том случае, если немцы согласятся на «свободу земель», то есть если германская мощь в Европе станет подконтрольной.

Тогда Хауз выложил один из главных геополитических козырей: давление Германии может довести Россию до заключения сепаратного мира, а это позволит немцам обратить всю свою мощь на Запад, и тогда Англии и Фран-

ции придется согласиться на условия гораздо менее благоприятные, чем те, которые обещает инициатива президента Вильсона. Но даже и без решающих успехов на Восточном фронте у Берлина есть реальные возможности. «Я сказал им, что Германия считает, что у нее только один противник, и, прежде чем погибнуть, она пообещает России предоставить ей свободу действий по отношению к теплым морским портам Юга и Запада. Германия сможет вернуть Франции Эльзас-Лотарингию и эвакуировать войска Бельгии, за исключением Антверпена и территории к югу от Шельды. Таким образом, Германская империя с входящей в нее частью Австрийской империи обеспечит себе свободу действий в Малой Азии, Египте, Индии и Африке. При таких условиях английское владычество на морях не продлилось бы и трех месяцев». Упущенным звеном в этих адресованных англичанам рассуждениях была мощь России. Американцы не учли, что у англичан этот союзник вызывал больше доверия и они, англичане, откровенно надеялись на результаты весенне-летней кампании как на Западном, так и на Восточном фронте.

Любопытно, что к английским критикам плана Вильсона присоединился американский посол Пейдж. «Фатальной моральной слабостью» предлагаемого американского плана посол считал то, что правительство Вильсона намеревалось «вступить в войну, исходя не из справедливости защищаемого дела, а посредством тщательно спланированного трюка». В своем дневнике Пейдж писал о возмущении англичан тщеславной озабоченностью Вильсона своим «престижем». В английских коридорах власти схему Вильсона — Хауза вскоре начали называть примером американского своекорыстия.

Президент Вильсон стремился помочь реализации своего дипломатического плана довольно своеобразно. 12 января 1916 г. президент послал Хаузу каблогранму, в которой прямо говорилось о значительных перспективах по устранению разногласий с немцами и о том, что, если процесс пойдет дальше, американский сенат и общественное мнение будут требовать, чтобы Лондон пошел на такие же уступки, как и Берлин. Посол Пейдж, прочтя каблогранму, был просто потрясен ее цинизмом, а более стойкий Хауз информировал Вильсона, что слишком откровенное давление на англичан приведет лишь к выводу сторонников укрепления связей с США из состава английского правительства.

Полковник Хауз покинул Лондон 20 января 1916 г.

с чувством смятения, реальность оказалась сложнее схем. Американская дипломатическая инициатива казалась логичной и неодолимой только в сумерках Овального кабинета.

Впереди лежал путь в ключевую точку — Берлин. Здесь комбинация правящих сил тоже была сложной. Хауз обозначил два полюса борьбы: «флотскую группировку» во главе с фон Тирпицем, выступающую за неограниченную подводную войну, и группировку «умеренных» во главе с канцлером Бетманом-Гольвегом. «Умеренные» были сильнее до весомых успехов немцев, затем их вынудили отступить. 30 декабря 1915 г. генерал Фалькенхайн снял свои возражения против неограниченной подводной войны. После разрыва с Америкой он не боялся кризиса на Балканах: Болгария присоединилась к Германии, Сербия покорена. А у Германии было уже 58 подводных лодок — втрое больше, чем год назад, и ее адмиралы обещали добиться решающих результатов к концу 1916 года.

У Вильсона и его окружения не было эффективных рычагов воздействия на имперский Берлин. По существу, Э. Хауз играл на одной простой идее. Если Германия и Англия в братоубийственной борьбе обескровят друг друга и свою расу, они дадут исторический шанс иным, чуждым народам. Внимая этим предостережениям, кайзер Вильгельм отвечал, что он вместе со своими венценосными родственниками контролирует положение: «Я и мои кузены, Георг и Николай, заключим мир, когда наступит время...» Слушая его, можно было подумать, что немецкий, английский и русский народы — это только пешки. Он подчеркнул, что «такие демократические страны, как Франция и США, не могли бы принять участие в такой конференции. В общем, кайзер считает войну королевским спортом». Взывая к чувству «расового самосохранения», Хауз обращался помимо кайзера к ведущим политикам, к канцлеру империи в первую очередь. В ключевой по значимости беседе с канцлером Бетманом-Гольвегом Хауз указал на опасность гибели западной цивилизации, если ее столпы — Германия, Англия и США — не сомкнут ряды. Такая постановка вопроса в значительной мере импонировала Бетману-Гольвегу. Согласие начинало распадаться, когда стороны переходили от общего к частному. Решающим обстоятельством было то, что согласие германского канцлера распространялось лишь на общую и туманно-абстрактную идею необходимости сохранения германо-англосаксонского мира. Когда же речь зашла о

конкретной действительности, Бетман-Гольвег спустился с небес на землю. В напряженном диалоге он выдвинул условия, без принятия которых кайзеровская Германия в принципе отказывалась говорить о заключении мира. Находясь в Вашингтоне, было трудно предположить степень жесткости немецких требований. Речь прежде всего шла о сохранении германского контроля над Бельгией и Польшей, а также о возмещении Германии ее расходов. Эту компенсацию должны были предоставить прежде всего Англия и Франция.

Канцлер Бетман-Гольвег сказал, что «мечта его жизни — союз Англии, Германии и США», что война Англии и Германии — преступление против «белой расы». Но при всем благоговении к интересам «высшей расы» его миссия заключается в защите германских интересов. Германия готова уступить ради общих расовых интересов, но при выполнении ее условий. А на данном этапе условия Германии определены. Бельгия становилась зависимой от Германии. Эльзас и Лотарингия оставались в пределах рейха, Польша превращалась в вассала Берлина. Позиция Германии в начале 1916 года исключала возможность приемлемой для Англии договоренности. Еще можно было делать хорошую мину при плохой игре, но реализм требовал признать фиаско строительства В. Вильсоном «бастиона Запада».

Германия лишала США выбора. Теперь уже им трудно было отстоять на равных от двух коалиций. Бетман-Гольвег, возможно, сам того не сознавая, вовлекал Америку на путь столкновения с Германией.

В результате посещения Лондона и Берлина Хауз пришел к выводу о неотвратимости вступления США в конфликт и был уверен, что Вильсон, регулярно получающий его донесения, согласен с его выводом. Речь уже, собственно, шла не о том, рационально ли присоединение Америки к Антанте, а о том, когда это присоединение было бы наиболее эффективным. В письме президенту от 3 февраля 1916 г. Хауз размышляет, что весной и летом, в Европе, видимо, произойдут битвы чрезвычайного ожесточения, эти битвы ослабят обе воюющие группировки, но не дадут решающего превосходства ни одной. Вот тогда-то и наступит время выхода США на мировую арену.

Серьезнейший в американской истории вывод был подкреплён впечатлениями Хауза на обратном пути, когда он на неделю задержался в Париже. Посланник президента знал, что англичане с особой ревностью следят за его

контактами в Париже. В завуалированной форме Э. Грей просил Хауза не обсуждать возникающих проблем с ближайшим союзником — Францией. Но обсуждавшиеся события имели колоссальную значимость. Следовало учитывать, что на Западе именно французская армия составляла костяк антигерманских сил. Если Франция потерпит крах, британская морская мощь не будет препятствием германскому господству в Европе. И посланник Вильсона в конечном счете 7 февраля 1916 г. пошел на исключительные по важности предварительные соглашения с французами. Те надеялись и боялись. Надеялись на весенне-летнее наступление и боялись, что миротворческая инициатива Вильсона прервет конфликт в условиях, когда германские войска будут находиться на французской территории. Но еще больше в Париже, разумеется, боялись провала летних операций и крушения Франции. Полковник Хауз и министр иностранных дел Бриан достигли важного взаимопонимания. В письме президенту Хауз передает его так: «В случае, если союзники (Антанта. — А.У.) добьются в течение нескольких ближайших месяцев успеха, я обещал, что президент не вмешается. В случае же, если они потерпят поражение, я обещал, что президент вмешается в ход событий».

США, по существу, поворачиваются к Антанте как ее потенциальный союзник. США кровно заинтересованы предотвратить поражение англо-французской коалиции. Чем хуже дела у нее, тем больше шансов на то, что США выступят на ее стороне. Итак, впервые представителям одной из коалиций было прямо сказано о реальности американского выступления. Это был один из роковых моментов в американской истории.

«Отдыхавшись» в Париже, Хауз на основе своих наблюдений сравнил решимость двух военных группировок продолжать конфликт и нашел в этом отношении практическое единодушие Берлина, Лондона и Парижа. В анализе для президента он оценил обстановку как беспросветный тупик.

Через два дня в Лондоне эмиссар Вильсона сообщил об изменении позиции США в сторону сближения с антигерманской коалицией. Первым это было сообщено министру иностранных дел Грею. Тот, разумеется, с горячностью ухватился за казавшийся еще совсем недавно невероятным шанс и попросил специально оговорить, что речь идет не о дипломатическом, а о военном взаимодействии. Еще не верящие в свою удачу англичане были готовы

на любой вариант, к которому привело бы выступление Вильсона на их стороне. Полковник Хауз, лицо без официальных регалий, одним туманным намеком призвал к себе всех лидеров страны, всю британскую элиту. 14 февраля 1916 г. с ним совещались три бывших и будущих премьера — Бальфур, Асквит и Ллойд Джордж, а также министр иностранных дел Грей и лорд Рединг. Это совещание можно назвать историческим. По правую руку от хозяина, лорда Рединга, сидел премьер-министр Асквит, по левую — Хауз, за ним — Грей, напротив — Бальфур и Ллойд Джордж. Секстет с охотой разделил на части Турцию и в два счета перекроил карту Европы. Спор вызвала лишь судьба Константинополя. После все молча обратились к посланцу президента. В присутствии этих лиц полковник Хауз дал еще одно важное обещание: президент Вильсон будет председательствовать на будущей мирной конференции.

Еще совсем недавно хозяева Британской империи готовились к худшему исходу, а теперь их воображение было взбудоражено возможностью решающего укрепления антигерманской коалиции. Теперь можно было помечтать и о послевоенной расправе с поверженным противником. Активно обсуждался вопрос об оптимальном сроке выдвижения предложения о мирной конференции. Английская точка зрения сводилась к тому, что наилучшим сроком было бы начало осени. Дальше всех в направлении сближения с США пошел Ллойд Джордж, который предложил достичь предварительной американо-английской договоренности, с тем чтобы на мирной конференции выступать единым фронтом. Но он же выдвинул предварительные условия. Нет сомнения, что их во многом определяли заключенные ранее тайные договоры. Ллойд Джордж огласил следующий список условий: восстановление независимости Бельгии и Сербии, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции (при этом территориальные потери Германии возмещались ей уступками в других местах вне Европы), изменение в пользу Италии ее границы с Австрией, выход России к свободному морю.

Для США все это звучало малопривлекательно по нескольким причинам: американское руководство не хотело связывать себе руки, не желало гарантировать тех английских привилегий в мире (в контроле над морями и т. п.), фактическими наследниками которых они себя видели.

Премьер-министр Асквит задал серию вопросов, которые касались сути проблемы — степени близости амери-

канских интересов с интересами Англии и ее союзников. Что сделает Вильсон, если Антанта на предполагаемой мирной конференции будет настаивать на условиях, неприемлемых для него? Хауз ответил, что в этом случае президент покинет конференцию. Что произойдет, если неприемлемые для Вильсона требования выдвинут немцы? Этот ответ Хауза стоит привести полностью, он наиболее существен: «В этих обстоятельствах, я думаю, президент бросит вес Соединенных Штатов на сторону союзных держав (Антанты. — А. У.)».

Антантовские собеседники за столом делили территорию Оттоманской империи и другие территории еще не поверженного противника. Они отметили также, что именно за Антантой остается право выбора подходящего момента для выдвижения предложений Вильсона. Хауз несколько охладил пыл своих английских хозяев, указав, что США имеют свои соображения по этим вопросам и без их участия мирное урегулирование прочным не будет. Возможно, нажим потенциальных союзников несколько отрезвил Вильсона, но в дело вмешались властители Германии. Их самоуверенность обернулась против них в тот самый момент, когда в Вашингтоне уже заколебались.

Дипломаты Центральных держав переиграли, полагаясь на сдержанность Вашингтона. Берлину и Вене представилось, что наступает удобный момент для использования недовольства американцев английской практикой вооружения всех кораблей, включая пассажирские лайнеры. 10 февраля 1916 г. Берлин объявил, что капитаны подводных лодок вскоре получают приказ топить вооруженные торговые суда без всякого предупреждения.

Выработка совместной с Антантой стратегии оказалась сложной, но гегемония Германии в Европе была страшнее. Через неделю после указанного берлинского заявления государственный секретарь Лансинг вызвал посла Бернсторфа и объявил ему, что в свете новой линии Берлина в подводной войне прежде приемлемые извинения по поводу «Лузитании» перестают быть таковыми.

Сейчас, по прошествии многих лет, видно, что германское требование к англичанам разоружить торговые суда было во многом рассчитано на разрыв американско-английских отношений, но оно дало противоположные результаты. В конечном счете Вильсон закрыл глаза на практику англичан вооружать все суда и резко выступил против немцев там, где они ожидали по крайней мере благожелательного нейтралитета, — против действий лондонского

адмиралтейства. (Заслуживает упоминания то обстоятельство, что в Лондоне еще раз энергично одобрили стремление Вильсона к посредничеству в мировом конфликте сразу же по получении известий из Вашингтона об антигерманском шаге госдепартамента.)

Желание президента вмешаться в ход колоссальной борьбы двух коалиций, давно известное приближенным президента, стало обращать на себя внимание широкой американской публики лишь в феврале 1916 года, когда немцам было сурово указано на их место. Этот поворот правительственного курса вызвал противоборство значительных сил внутри американского правящего класса, которые еще не были готовы к выходу на мировую арену, к борьбе за «контрольные» позиции в мировом сообществе. Не далее как 21 февраля 1916 г. председатели комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей У. Стоун и Х. Флад посетили Белый дом. Их живо интересовал вопрос о действиях президента Вильсона, если немцы начнут топить суда, на которых будут находиться американцы. Вильсон ответил, что он потребует от Германии строгого соблюдения международного права на морях и в то же время не будет требовать от антигерманских сил разоружения торговых кораблей. Сенатор Стоун, известный своей прежней приверженностью Вильсону, при этих словах потерял самообладание и ударил кулаком по столу: «Господин президент, вы оскорбляете мой интеллект. Вы не имеете права просить меня следовать подобным курсом. Это означало бы вовлечение страны в войну».

Многие в США впервые увидели в действиях Вильсона не абстрактное воплощение политики нейтралитета, а готовность вовлечь страну в колоссальную мировую схватку. Это вызвало своего рода панику.

Ситуация стала видеться многим в стране как критическая. 2 марта 1916 г. сенатор Гор заявил в сенате, что «из достоверного источника» ему стали известны слова Вильсона о вероятности войны с Германией. Оппозиция постаралась заблокировать линию Вильсона на ужесточение отношений с Германией, на активное вторжение в европейские дела.

Вильсон стремился, пока еще развитие событий не вышло из-под контроля, нанести упреждающий удар. В открытом письме сенатору Стоуну президент заявил, что он постарается сделать все возможное, чтобы предотвратить вступление Америки в войну. Но он никогда не согласится признать правомочность германской угрозы

вооруженным судам. Лидеры демократической партии в палате представителей снова задали президенту вопрос: что произойдет, если на торпедированном немцами судне будут американцы? «Как мне сказали, — заявил Вильсон, — это может привести к войне.» — «И какой же будет цель американского вмешательства в войну?» — «Американское вмешательство ускорит окончание войны». С этим выводом Вильсона соглашался тогда далеко не каждый американский политик. К тому же и прогерманские организации типа «Германо-американского альянса» осуществляли мощную лоббистскую деятельность. В результате президент вынужден был действовать более осмотрительно и затормозить реализацию своих планов.

По возвращении в Вашингтон 6 марта 1916 г. Хауз уже в автомобиле начал свой отчет президенту и продолжил его в Белом доме.

Исключительное значение имела редакция президентом (он сам сел за пишущую машинку) документа, который английский министр иностранных дел хотел опубликовать как итог переговоров с Хаузом.

Тайно составленный совместный американо-английский документ, известный истории под названием «меморандума Грея», — одно из важнейших свидетельств американской дипломатической истории — звучал следующим образом: «Полковник Хауз сообщил мне, что президент Вильсон готов, по получении от Франции и Англии извещения о наступлении благоприятного момента, предложить созыв конференции по поводу окончания войны. Если союзные страны будут откладывать принятие предложения президента Вильсона и если с течением времени война будет складываться столь неблагоприятным для союзников образом, что вмешательство США не сможет оказаться эффективным, Соединенные Штаты сохраняют за собой право изолироваться от событий в Европе и искать собственные пути сохранения своей безопасности».

Президент Вильсон в редком для него изъявлении чувств обнял Хауза за плечи и сказал о проектируемом ими предприятии: «Трудно представить себе более сложную задачу». Жребий был брошен. Меморандум послали в Лондон. В американской дипломатии наступила новая эра.

Каковы были обстоятельства этого выбора? Война продолжалась уже почти два года. Не ослабевала опасность того, что Германия и ее союзники могут добиться стратегического перелома и тогда вся Европа

станет враждебным для США средоточием военных и экономических сил. Но нельзя было исключать и того, что в будущем Антанта сумеет повернуть ход событий и, решив спор в свою пользу, пренебрежет претензиями США на самое высокое место в мировой иерархии. Оба поворота сулили опасность — ослабление позиций США в мире. А если так, то наступает время для США вмешаться в спор и продиктовать свои условия мирового урегулирования.

Когда пулеметы косили людей под Верденом, а в Галиции осуществлялся «прорыв Брусилова», в Вашингтоне выбирали оптимальное время для вмешательства. Нападение германской подводной лодки на невооруженное французское судно «Сассекс» 24 марта 1916 г. являлось искомым предлогом для разрыва отношений с Германией. Трое наиболее близких президенту людей — его жена, полковник Хауз и госсекретарь Лансинг — требовали если не немедленного разрыва отношений, то предъявления ультиматума. Лансинг даже составил текст такого ультиматума. Он предлагал потребовать отзыва посла Бернсторфа. Вильсон тоже был за жесткость в отношении немцев. В этой обстановке президент попросил сообщить Бернсторфу, что американо-германские отношения почти достигли точки разрыва. Президент стоял накануне важных решений, несущих несомненный риск. Он страдал несколько недель от несварения и бессонницы. Еще бы, ему предстояло сообщить о вступлении страны в мировую войну.

После долгих размышлений он составил 16 апреля текст ноты. В ней говорилось, что использование подводных лодок против торговых судов «в высшей степени несовместимо с принципами гуманности, с давно установленными и неизменными правами нейтралов». Если германское правительство не прекратит своей безжалостной борьбы против пассажирских и торговых судов, у Соединенных Штатов не останется иной альтернативы, кроме прекращения дипломатических отношений с Германской империей. Казалось, это был решающий шаг. Текст обсуждался два дня, затем он стал официальной нотой и был послан в Берлин. А на следующий день, 19 апреля 1916 г., президент зачитал этот фактический ультиматум объединенной сессии конгресса.

С отстраненным видом говорил он конгрессменам о возможном крутом дипломатическом повороте, но «мы обязаны будем его совершить, учитывая интересы

нации». Буквально с каждым днем президент занимал все более твердую позицию. 3 мая Вильсон удивил Хауза выражением своей ненависти к военному руководству Германии, которое он обвинил в развязывании войны и представителей которого, по его словам, нужно будет судить как преступников.

Поданная с официальными комментариями в германской прессе, нота Вильсона произвела там впечатление решающего шага США к сближению с Антантой. А если так, то следовало интенсифицировать применение Германией ее единственного оружия — морской блокады. Берлинская «Теглихе рундшау» писала: «Мы не можем больше отступать, мы, напротив, должны использовать свободу, которую дает нам противник, для ведения неограниченной подводной войны, не считаясь уже ни с кем».

Военное и военно-морское министерства кайзеровской Германии усилили давление на правительство с целью принятия политики неограниченной подводной войны, даже если она будет вести к войне с США. И все же разум не совсем помутился в Берлине. В отчаянной внутренней схватке с фон Тирпицем и фон Фалькенхайном канцлер Бетман-Гольвег сумел склонить на свою сторону кайзера. (Этого он добился за счет лишь одной уступки: было условлено, что суда — вооруженные и невооруженные, — находящиеся вокруг Англии, будут топиться. Определение зоны неограниченной войны было шагом назад от тотального «подводного наступления».)

Осознавая значимость присоединения Америки к Антанте, Вильгельм II 1 мая 1916 г. подчинился ноте президента Вильсона. Получить еще одного противника, 100-миллионную нацию с первой в мире экономикой, большинство среди главенствующих в Берлине сил не хотело. И германская нота от 4 мая 1916 г. отразила эту боязнь. Был сделан ряд уступок. В официальном германском ответе признавалась «несдержанность» подводных атак, в нем содержалось обещание перед торпедированием производить инспекцию судов-целей. Впервые кайзеровское правительство официально пообещало Вашингтону, что торговые корабли не будут атакованы без предупреждения и без учета возможной гибели пассажиров. Президент Вильсон получил ноту во время заседания кабинета и немедленно удалился в круг ближайших советников. Оставался ли легальный шанс для вооруженного выступления? Немцы сделали несколько оговорок, но в целом их ответ был дипломатическим отступлением

под американским нажимом. То было свидетельство роста влияния США. Не было сомнения в том, что в Берлине оценили реальность угрозы Вашингтона.

Вильсон предпочел пропустить мимо ушей слова Лансинга о том, что тон ноты воинственный, что Берлин неисправим и его отступление — тактический маневр, что роковые вопросы современности не решаются посредством нот. В ответной ноте, посланной в Берлин 8 мая, Вильсон принял уступки немцев.

Хорошо известны достоинства и недостатки американской государственной системы. Каждые четыре года в стране происходит своеобразное «потрясение основ» — президентские выборы. Вильсон мог уйти в политическое небытие, если бы пацифисты объединились против него. Партия войны, как убедился Вильсон, весной 1916 года еще не стала доминирующей. Поэтому-то Вильсон и сошел с дистанции, которая прямо вела к войне. С мая по ноябрь (когда американцы пошли к избирательным урнам) в американской дипломатии установилось определенное затишье, на этом этапе выгодное и Вашингтону, и Берлину.

Отношения же с Лондоном, потрясенным лавированием Вашингтона, стали весьма сдержанными. Косвенно Вильсон и его окружение пытались оправдаться перед теми, с кем еще вчера обсуждали возможность своего вступления в войну. Звучали сентенции, что «никто не любит быть у другого в кармане», что Антанта слишком рано посчитала Америку zaangażированной. Англичане поспешили с выводом, что США — их гарантированный союзник. Вильсон хотел быть арбитром мирового конфликта, у него вовсе не было цели просто привести США в лагерь англичан.

Вмешались и другие обстоятельства. 24 апреля началось восстание в Ирландии, жестоко подавленное английским колониализмом. Думающий о предстоящих выборах претендент не мог игнорировать мнение влиятельного в США ирландского меньшинства. Сенат США официально просил Лондон смягчить участь арестованных и осужденных, в том числе сэра Роджера Кейзмента, прибывшего из Германии, чтобы возглавить восстание. Имеет под собой основание и суждение либерального еженедельника о том, что «экзекуции в Дублине подтолкнули Америку к изоляции сильнее, чем любое другое событие со времени начала войны». Сказалось и осложнение экономических отношений между США и Англией.

Разумеется, и имперский Лондон не желал играть роль американского подопечного. Англичане ранее (мемо-

рандум Грея — Хауза) уже предлагали Вильсону выступить посредником в конфликте, но только по прошествии нескольких месяцев, а именно осенью 1916 года. Они надеялись на результаты летнего наступления на Западном фронте, которое помогло бы избежать корыстного посредничества самоуверенных янки. К середине лета часть их планов, казалось, начала осуществляться, Верден выстоял, несмотря на чрезвычайно ожесточенные германские атаки, а наступление английских войск, начатое 1 июля, на первом этапе внушало определенные надежды. Самонадеянность англичан достигла апогея в августе, когда Э. Грей фактически уведомил Хауза о том, что с мирной конференцией можно подождать. Сказано было не по-английски прямо.

Президент стал больше, чем прежде, ценить одиночество, переселился на яхту и путешествовал по Потوماку и Джеймсу. Он явно пытался представить переживаемый момент в исторической перспективе, стремился определить возможные препятствия на пути к будущему. О том, какие мысли терзали президента, можно судить по коротким запискам, таким как эта: «Было бы гораздо лучше, если бы мы, а не римский папа возглавили посреднические усилия».

Неуверенность Вильсона разделяли с ним ближайшие помощники. Хауз полагал, что дипломатическая инициативность была бы полезной в свете приближающихся президентских выборов. До конвентов обеих партий оставалось не более месяца, нужно было выбить из рук республиканцев любую привлекательную дипломатическую альтернативу.

В эти дни Вильсон наговорил своим внимательным почтительным собеседникам много такого, чего в другие времена его сдержанность не допустила бы. Вставал вопрос о силе, о ее месте в мире относительно права и морали. «Если я не могу сохранить своего морального влияния на человека, кроме как периодически нокаутируя его, если это единственный способ заставить его уважать меня, тогда я должен периодически сбивать его с ног». Вильсон нашел внимательного слушателя в лице журналиста Рея Бейкера, будущего издателя его документов. Все чаще именно перед ним президент развивал те идеи, которые были положены в основу программной речи, произнесенной перед первой национальной ассамблеей Лиги по установлению мира (председателем которой был экс-президент Тафт).

Вильсон изложил Бейкеру свое понимание первой обязанности политического лидера — вызывать энтузиазм. Вождь страны в экстраординарных условиях должен выдвинуть цельную программу, которая была бы привлекательна и вызывала бы воодушевление. Что же могло вызвать общий подъем американцев? Безусловно, разжигание националистических страстей, призывы к войне могли увлечь многих. Но был ли подходящим текущий момент и симпатизировало ли такому шагу большинство американцев? Пожалуй, нет. А вот предложение о мирной конференции позволит разыгаться воображению избирателей, будет способствовать их уверенности в лидере, их желанию сомкнуть за ним ряды. Эти идеи были апробированы во время выступления 15 мая 1916 г. в Национальном клубе печати, где президент Вильсон указал, что американцы поддержат своего руководителя, «если будут убеждены, что их лидер — это человек, который думает прежде всего об Америке». Итак, на свет был вытащен старый как мир прием: я больше других забочусь о вас. Чутьем талантливого политического деятеля Вильсон ощутил, что в обстановке бурь и неустойчивости население поддержит того, кто вопреки всему заявит, что знает, чего хочет Америка, и пообещает претворить это знание в политику.

Речь, которую президент собирался произнести перед Лигой, он назвал в одном из писем самой важной из всех своих речей. Америка стояла на перепутье, и нужно было выбирать направление. В Белом доме наступило время интенсивной подготовки. Верный Хауз посвящал Вильсона в умонастроения европейских лидеров. Сам президент изучал шедевры парламентского красноречия, статьи газетных мудрецов. Все эти вырезки и наброски лежали в папке, касаться которой было категорически запрещено кому бы то ни было.

Наконец 27 мая 1916 г. Вильсон предстал перед 2 тыс. членов Лиги. Недавно построенный «Виллард-отель» был полон слушателей. Президент начал с того, что указал своим соотечественникам на то глубокое влияние, которое оказала на Америку война в Европе. Теперь Америка уже не может ждать, пока те или иные события в Европе приведут к агонии всего мира. США в результате своего мощного развития получили право голоса в решении вопроса о войне и мире. Прежние законы уже не могут быть основой миропорядка, мир будет зависеть от «новой и более цельной дипломатии». Закладывая мину под евроцентристскую систему, под мир, в котором господствовала Евро-

па, президент провозглашал те принципы, которые должны были разрушить европейские империи: «Мы верим в следующие фундаментальные истины: первое, что каждый народ имеет право избирать собственную форму правления...; второе, что малые страны имеют такие же права суверенитета и территориальной целостности, как и великие и могучие нации; и третье, что мир имеет право быть защищенным от посягательств на мирное развитие... Соединенные Штаты готовы стать партнером в любой реальной ассоциации наций, сформированной для достижения этих целей... Я чувствую, что мир находится сейчас на пороге великих свершений, когда будет создана некая общая сила, которая будет охранять право как первый и наиболее фундаментальный интерес».

Нельзя сказать, что уже тогда не раздавалось скептических голосов из самого близкого круга людей президента. Госсекретарь Лансинг опасался возникновения ситуации, в которой США, их действия на международной арене стали бы зависеть от воли других стран. Вильсон считал эти страхи пустыми и говорил в эти дни: «Америка поднялась, ее самосознание прошло такой путь, для преодоления которого раньше требовалась жизнь целого поколения».

По существу, программа президента Вильсона была попыткой подорвать прежний евроцентристский мир, и в Европе ощутили это. Газеты Лондона писали об опасности, которую представляла бы Лига наций, ориентированная на «гарантирование морей для общего и неограниченного использования всеми нациями». Могли ли с симпатией воспринять в столицах воюющих стран заявление Вильсона, что Америку «не касаются причины и цели войны»? Право на самоопределение декларировалось перед всеми метрополиями мира, а разве там не знали о «доктрине Монро», «узаконившей» доминирование США в Западном полушарии? Особенно «оценили» слова Вильсона о праве малых наций на самоопределение в многонациональной Австро-Венгрии, гнев венского двора был беспределен. Едва ли меньшим он был и у владельцев Британской империи (и без того с подозрением взиравших на политическую активность доминионов), у французских и прочих охранителей многонациональных империй. Их чувства выразил французский посол Жюссеран, когда намекнул Хаузу, что в будущей войне Америка может остаться без союзников, если она сейчас встанет на сторону абстрактной справедливости и не назовет поименно своих

друзей в мире. Посуровевшие западные союзники, теряющие солдат на фронте в Европе и деньги в Америке, заявили на экономической конференции в Париже, что приложат все усилия для восстановления своих позиций в послевоенном мире. Ораторы в рейхстаге с презрением отвергли идею «равной вины» (хотя министр иностранных дел фон Ягов просил не судить их слишком строго). Вильсон так 22 июня 1916 г. суммировал отклики: «Сведения, доходящие до нас с противоположной стороны океана, мягко говоря, не вдохновляют и свидетельствуют о сужении, а не о расширении взглядов на сложившуюся ситуацию... Я прихожу к заключению, что мы сами должны будем решить для себя, когда наступит подходящее время для того, чтобы выдвинуть императивные предложения».

Естественно, что прежние владыки мира не испытывали восторга, им навязывалась новая мировая комбинация, в которой Вашингтон определял бы основы политических взаимосвязей. Вильсон встает на дорогу, в конце которой он желает занять лидирующее положение в мире. Тактика будет меняться, цель — нет. Разноречивые отклики говорили ему лишь о сложности поставленной задачи. Так сложилась базовая дилемма вильсоновской философии дипломатии. С одной стороны, он объявил, что все нации имеют право мирного самоопределения, с другой — поставил США надзирателем и судьей такого «самоопределения». Чем дальше развивалась трагическая история первой мировой войны, чем сильнее вовлекались в нее США, тем большим становилось несообразие между двумя этими положениями. Самоуправляемый мир не терпел опекунов, США не терпели иного, кроме своего, представления о самоопределении, его характере, ходе и целях.

* * *

Между тем в Европе борьба двух коалиций достигла апогея. Компетентный наблюдатель — новый премьер английского правительства Ллойд Джордж — суммировал итоги этой борьбы следующим образом: «Кровавые кампании 1916 года были безрезультатны. Сотни и тысячи храбрецов пали на залитых кровью холмах Вердена, в грязи и слякоти у Соммы, в предгорьях Истрийских и Тирольских Альп, в лесах и болотах России, на склонах Карпатских гор, на выжженных солнцем равнинах Месопотамии и Средней Африки. Генералы не хотели позволить политикам воспользоваться своей славой, когда побе-

да казалась им уже близкой». Безумие европейского милитаризма достигло своего пика.

Вильсон пришел к ясному пониманию того, что пока у Лондона и Парижа не погасли надежды решить исход войны без посторонней помощи, они постараются избежать зависимости от США. В письмах президента мелькают презрительные клички английских и французских политиков, надеющихся еще своими силами разрешить мировой конфликт. Он был, несомненно, раздражен самомнением союзников, их стремлением своими силами разрешить конфликт. Одной из жертв этого раздражения стал посол США в Лондоне У. Пейдж, проявивший себя сторонником тесного американо-английского союза. Посол доказывал, что англичане воюют в Европе за интересы американцев. Президент не разделял такой постановки вопроса. Англичане, с его точки зрения, воевали за сохранение своей империи от посягательства Германии. И цели англичан не были идентичны американским. Не для того американцы создали свою колоссальную материальную мощь, чтобы спасать чужие империи. Если в 1914 году Англия была нужна Вильсону как проводник распространения американского влияния в Европе, то в 1916 году, после двух лет, истощивших английские ресурсы, он желал, чтобы Англия пригласила США для своего спасения. И если такому военному союзу суждено было материализоваться, то в нем он видел место Англии не равным, а подчиненным. Раздраженный президент пять недель не принимал возвратившегося в США посла Пейджа. Добившись все же аудиенции, посол понял, что в Англии Вильсон видит вовсе не защитницу англосаксонской цивилизации, а одну из участниц борьбы, в которой обе коалиции настороженно воспринимают появление США на мировой арене.

Новые заботы для США возникли на Дальнем Востоке. Воспользовавшись связанностью главных европейских стран на европейских фронтах, империалистическая Япония быстро стала заполнять «вакуум» в Восточной Азии. Японский напор в Китае был беспрецедентным. Вполне можно было предполагать, что из войны Япония выйдет доминирующей силой на Тихом океане. Предметом постоянных размышлений Вильсона стал негативный для Соединенных Штатов фактор — выступление Японии на стороне Антанты. Вильсон полагал, что это возлагает на Соединенные Штаты определенные новые обязательства, поскольку США не хотели видеть Японию абсолютно главенствующей в Восточной Азии, «покинутой» европей-

скими державами, схватившими друг друга за горло в Европе. На протяжении всех лет войны он консультировался со специалистами, в том числе и с военными, о проблемах сдерживания японского империализма. Так, в беседах с начальником штаба американской армии генералом Вудом обсуждались растущие противоречия со Страной восходящего солнца. По мнению военных, американские Филиппины в случае нападения на них могут продержаться максимум год. Гавайи, укрепление которых стало одной из наиболее насущных задач администрации Вильсона, также находились в уязвимом положении. Нужно было приложить большие усилия, чтобы не «подставиться» на двух колоссальных по размаху мировых флангах. Потому-то президент Вильсон в июле 1916 года начал своего рода прессинг в области одностороннего американского вооружения. Именно в эти дни Вильсон говорил своему главному советнику Хаузу: «Давайте построим военно-морской флот больший, чем британский, и будем вести себя так, как мы того захотим». Президент поддержал милитаристскую фракцию в сенате и использовал свое влияние для изменения в этом направлении идейного климата в палате представителей. После того как один из ведущих противников военного строительства — председатель комиссии по военным ассигнованиям Л. Паджет, посетив президента, присоединился к точке зрения сената, стало ясно, что военная партия в конгрессе возобладала. Член палаты представителей Китчин заявил: «Соединенные Штаты становятся самой милитаристской военно-морской нацией в мире».

И все же для победы на национальных выборах нужно было рассчитывать на мнение большинства. А большинство американцев пока не было готово к вступлению в европейскую борьбу. Партия мира была пока партией большинства, и Вильсон постарался занять позицию равноотстояния от двух борющихся блоков. Это был для осени 1916 года наиболее перспективный курс. Известия о жестокое подавлении англичанами ирландского восстания, попытки Лондона наказать американские фирмы, торгующие с Германией, фактические отклонения Лондоном и Парижем американского посредничества (в тщетном ожидании военных успехов) — все это позволило Вильсону принять позу политика, удрученного курсом обеих враждующих группировок. Дипломатическое наступление в Европе было отложено, хотя мало кто знал, как оно воодушевляло президента, о котором все пропагандисты демократической

партии говорили: «Он спас нас от войны». Вполне очевидно, что Вильсон учел реалии предвыборной расстановки сил. Прими Вильсон энергичные дипломатические меры в эти предвыборные месяцы, для того чтобы вступить в войну, и Брайан возглавил бы «восстание» против него в самой демократической партии.

Даже конкурирующая республиканская партия не рискнула сделать вмешательство в войну своим политическим лозунгом на выборах. Пацифист Г. Форд получил большинство республиканских голосов на предварительных выборах в Мичигане и Небраске, а в развернувшейся на национальной арене борьбе Т. Рузвельта и Ч. Хьюза за лидерство в республиканской партии интервенционизм первого вовсе не был его активом. В официальную программу республиканцев был внесен призыв к «прямому и честному» нейтралитету. По этому поводу интервенционист Т. Рузвельт написал несколько позднее: «В стране героический дух не преобладает».

Политическая платформа демократической партии, главным автором которой был В. Вильсон, содержала два важных для внешней политики пункта: 1) осуждение любых групп, отдающих приоритет интересам страны, выходцами которой они были, перед интересами Америки; 2) идея создания в послевоенный период международной организации всемирного масштаба — Лиги наций. Представляет определенный интерес то обстоятельство, что, выдвигая идею Лиги наций, президент Вильсон консультировался лишь с двумя ближайшими помощниками — государственным секретарем Лансингом и полковником Хаузом. А ведь реализация этой идеи означала монументальный сдвиг в американской внешней политике.

Конвент демократической партии в Сент-Луисе начался 11 июня 1916 г. выступлением бывшего губернатора штата Нью-Йорк М. Глинна. Речь оказалась неблестящей, и экс-губернатор, подойдя к той части речи, где прослеживались исторические параллели с нейтральным курсом Вильсона, подумал, что этот сухой материал окончательно усыпит делегатов. Как оказалось, он ошибался. На предложение оратора опустить исторические параллели толпа делегатов демократического конвента энергично ответила требованием скрупулезно следовать тексту. Удивленный Глинн ощутил подлинный и неослабевающий интерес публики к вопросу и обратился к историческим прецедентам. Публика в зале громко скандировала вопрос, обращенный к действиям президентов-предшественников: «Что мы тог-

да сделали?» И с трибуны Глинн отвечал однообразно: «Мы не вступили в войну, мы не вступили в войну». У. Брайан, сидя на галерее для прессы, рыдал у всех на виду. Боссы демократической партии увидели, какой заряд стремления к миру, нежелания вторгаться в чужую войну таится в массах. Все это произвело глубокое впечатление на Вильсона. Он окончательно понял, что предвыборную кампанию нужно строить на идеях удержания страны от мирового конфликта.

Один из ветеранов демократической партии, почетный председатель конвента сенатор О. Джеймс из Кентукки также остро ощутил психологическую тягу присутствующих и соответственно оценил прежнюю дипломатию Вильсона: «Не сделав сиротой ни одного американского ребенка, не сделав вдовой ни одну американскую женщину, не выстрелив ни из одного ружья, не пролив ни капли крови, Вильсон сумел добиться удовлетворения американских требований и уважения американских прав». Эти слова покрыла двадцатиминутная овация.

Публика требовала самого искусного оратора партии — бывшего госсекретаря Брайана, который, переживая упадок своего влияния, не был даже избран от своего штата Небраска и присутствовал на конвенте в качестве представителя прессы. Талант оратора позволил Брайану сориентироваться молниеносно. Именно Брайан сорвал самые громкие аплодисменты, поблагодарив бога за ниспослание Вильсона — президента, который не хочет войны. Через несколько часов Вильсон был избран претендентом от демократической партии всеобщим порывом, без голосования. На следующий день, приняв политическую платформу, делегаты разъехались по домам. Сейчас ясно, что лавры миролюбца были даны Вильсону несколько преждевременно. Но именно они были его грозным оружием в предвыборной борьбе.

В данном случае дело было не только в очевидном стремлении простого американца избежать бойни. Внешнеполитическая обстановка пока вышибла реальные основания из-под долговременного планирования. Союзники, как уже говорилось, ждали решающего поворота событий на фронтах в свою пользу, и им не нравилось намерение Америки «украсть» у них победу. Решающие победы не наступали, но чувство, что США стремятся воспользоваться внутриевропейской борьбой, оставалось. А Вильсон тем временем окончательно понял, на какую лошадь нужно ставить в предвыборной борьбе.

Политический противник — претендент от республиканской партии Хьюз фактически подыграл Вильсону, когда на вопрос, как он повел бы себя, будь он на месте Вильсона, он ответил, что прервал бы отношения с Германией сразу же после потопления «Лузитании». За три дня до выборов аршинные рекламные объявления демократов в газетах вещали: «Хотите войну — голосуйте за Хьюза! Хотите мира с честью — голосуйте за Вильсона!» Еще большей была косвенная помощь Рузвельта, который страстно обличал «трусливую слабость» вильсоновской дипломатии. Американский народ не желал вовлечения в военные интриги, и громогласные обвинения Рузвельта его не трогали. Но он не знал и тайных дипломатических устремлений Вильсона, голосуя за него как за кандидата партии мира.

Тем временем внешний мир напоминал о себе. Америка уже не могла вернуться в кожуру изоляции. Посол У. Пейдж, возвращенный на время Вильсоном на родину для смягчения своего англоманства, в конечном счете в ноябре 1916 года подал прошение об отставке. Чтобы не возбуждать проанглийскую партию (и не сумев уговорить занять этот пост Хауза), Вильсон попросил Пейджа возобновить свою миссию в Лондоне.

Англичан больше всего нервировало желание американцев сравняться с ними в военно-морской мощи. Впервые владычица морей встретила в океане равную силу. Можно представить себе чувства британского адмиралтейства. Вильсон ощутил, что в Лондоне зреет оппозиция его глобальным замыслам. В английских окопах неразорвавшиеся снаряды стали называть «вильсонами». На этом этапе мировой войны британский империализм выдвинул на место премьер-министра вместо относительно пассивного Асквита сверхэнергичного Ллойд Джорджа, который имел в виду именно вильсонизм, когда 28 сентября 1916 г. публично осудил «пораженческий дух, исходящий из иностранных источников и направленный на достижение половинчатого мира». Вильсон ответил 10 октября: «Если наши дружественные отношения с Англией будут поставлены под угрозу, это будет еще одной иллюстрацией того, как трудно сохранять с ней дружественные отношения, если ты не выполняешь всего того, чего она хочет от тебя».

И все же главная угроза Америке исходила от другой столицы. Германия подходила к черте, где впереди была лишь тотальная война. Чтобы ее подготовить, кайзер

Вильгельм направил в конце октября 1916 года меморандум американскому послу Джерарду: «Ваше превосходительство намекнули его величеству во время последней беседы в Шарпевиле в апреле, что президент Вильсон, возможно, к концу лета предложит ведущим войну странам свои услуги по достижению мира. С тех пор соотношение сил приобрело такую форму, что германское правительство предвидит в будущем положение, при котором оно будет вынуждено возратить себе свободу действий, ограниченную нотой от 4 мая. В этом плане действия президента могут попасть под удар. Германское правительство считает своим долгом доложить об этом вашему превосходительству». Это было откровенное предупреждение о возможности начала неограниченной подводной войны.

Вильсон вызвал посла из Берлина и 24 октября имел с ним продолжительную беседу. Посол был предельно откровенен: США стоят перед войной, если они не навяжут свой мир. Для воздействия на Берлин необходима сила, иного языка там не понимают. Нет никаких шансов на то, что немцы примут мирные предложения, выдвинутые президентом 27 мая 1916 г., нет надежд на то, что Берлин примет те условия, о которых Вашингтон договорится с Лондоном и Парижем. Посол указал на веру немецких генералов в то, что жестокость на полях сражений устрасит американцев и удержит их от вступления в войну. Вильсон потребовал от Джерарда двух вещей: ублажать немцев и удерживать их от атак на вооруженные корабли. Джерард кивнул, и тогда Вильсон ударил кулаком по столу: «Я не хочу, чтобы вы просто поддерживали меня; я хочу, чтобы вы были согласны со мной».

Для себя Вильсон записал 4 ноября 1916 г.: «В ту же минуту, когда предвыборная кампания окончится, я должен буду приготовить один из самых интересных в моей жизни документов». Герой лозунга «он отвратит нас от войны» явно думал о новых и далеко не мирных перспективах. 9,1 млн. американцев отдали свои голоса за Вильсона, 8,5 млн. — за Хьюза. Вильсон остался президентом еще на четыре года. Именно в эти годы полог над его дипломатией приоткрывается для всего мира. Но осенью 1916 года будущее было покрыто мраком неизвестности, а на избирательных участках победил претендент, обещавший мир. «Джингоизм отвергнут», — писал Р. Лафоллет, лидер прогрессивной партии, в своем журнале. Если оши-

бались самые проницательные, то что можно сказать о прочих?

Избирательный триумф не позволил обратиться к дипломатии «в следующую же минуту». Президент запросил время для размышлений до 13 ноября 1916 г. Личный секретарь Дж. Тьюмалти получил приказание отказывать всем под предлогом, что Вильсон занят «исключительно срочным делом». Ближайшие советники знали, что президент решил обратиться к воюющим странам с требованием прекратить кровопролитие. Если они не послушаются, заявил Вильсон Хаузу, Соединенные Штаты вступят в войну против Германии.

На военной троне

*Если Европа попадет под господство одной
военной державы., я буду настаивать на
вмешательстве Америки в войну.*

(Из письма В. Вильсона)

Пока американские избиратели голосовали за «того, кто уберег нас от войны», события в Европе не изменили общую ситуацию. Прошло второе лето оптимистических ожиданий для воюющих коалиций. Как и в 1915-м, летний сезон 1916 года не принес решающего успеха ни одной из сторон. Фортуна колебалась: весной французам удалось отстоять Верден, но летом немцы отразили наступление на Сомме. «Прорыв Брусилова» пошатнул Австро-Венгрию, но Германия держала войска на завоеванных территориях. О примирении не могло быть и речи ни для одной из сторон. Напротив, обе коалиции лихорадочно искали способ нанести сокрушительный удар, найти любую возможность поставить противника на колени. Все большее число стран вовлекалось в конфликт. Турция и Болгария выступили на стороне Центральных держав, Румыния и Италия — на стороне Антанты. Англичане ужесточили экономическую войну, а это вследствие тесных экономических связей Англии с Америкой сразу же оказало воздействие на США. Нейтральная торговля (и прежде очень ограниченная) становилась из-за действий Англии практически невозможной. В Лондоне для реализации тотальной морской блокады изобрели новый рычаг воздействия на нейтралов: всем владельцам нейтральных судов было предписано подчиняться правилам английского адмиралтейства. Взамен им предоставлялась возможность покупать английский уголь во всех портах мира. Тот из судовладельцев, кто подписывал такое соглашение, одновременно брал на себя обязательство информировать адмиралтейство о всех своих судах и не имел права давать

суда во фрахт любому лицу или любой стране без одобрения Англии, должен был тесно сотрудничать с англичанами в сделках с Голландией и Скандинавией.

Хотя самоуправство англичан на морях вызвало известное напряжение в англо-американских отношениях (особенно осязаемое в ноябре — декабре 1916 г.), оно объективно поворачивало американскую дипломатическую машину в сторону Антанты. Нужно было либо возмущенно отвергнуть вседозволенность Лондона на морях (чего в Вашингтоне не хотели ни по экономическим, ни по геополитическим соображениям), либо найти модус вивенди, а это значило активно подыгрывать Англии и ее союзникам.

Германия интенсифицировала подводную войну, стремясь поставить зависимую от импорта Британию на колени. В те месяцы, когда предвыборная кампания в США достигла пика, немецкие подводные лодки совершили серию нападений на невоенные суда. Между апрелем и августом тоннаж потопленных немцами судов был меньше 200 тыс. тонн, в сентябре 1916 года он достиг 230 тыс., а в октябре 1916 года — январе 1917 года средний тоннаж потопленных за месяц судов составил 350 тыс. тонн. С июня 1916 года по январь 1917 года немецкие подлодки и рейдеры потопили невоенные корабли общим тоннажем 2 млн. тонн.

Но этого не было достаточно, чтобы выбить Англию из седла, чтобы задушить ее военную промышленность. Ситуация активно обсуждалась на совещании высшего руководства Германии в замке «Плесс» 31 августа 1916 г. К этому времени уже не кайзер Вильгельм и канцлер Бетман-Гольвег, а фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф решали судьбу Германии.

Необычная карьера В. Вильсона, за несколько лет перешагнувшего много ступеней и превратившегося из рядового университетского профессора в губернатора и президента, по скорости продвижения имела в Европе лишь один аналог — стремительное восхождение к власти генерала Гинденбурга. К началу мировой войны генерал-лейтенант Пауль фон Гинденбург уже три года находился на пенсии и полагал, что его генеральское звание — «это гораздо больше, чем я когда-либо смел надеяться». Никто никогда не мог вспомнить о нем ничего выдающегося. Но уже через месяц после начала войны призванный на действительную службу Гинденбург осуществил окружение русских войск в Восточной Пруссии. Тогда же мир

впервые узнал о мозговом центре его штаба — начальнике штаба генерал-майоре Э. Людендорфе. Выходец из небогатой аристократической семьи, гордившийся своими предками из Тевтонского ордена, Гинденбург олицетворял прусскую военную касту. По внешности это был типичный германский генерал: плотного сложения, неподвижное тяжелое лицо, кайзеровские усы. «Внешне он казался умнее, чем был на самом деле, но был всегда спокоен и собран, как конституционный монарх, действующий по подсказке своего министра Людендорфа». Людендорф был, видимо, самым одаренным генералом кайзеровской армии. Он никому не внушал симпатии, но все отмечали ум и энергию этого нервного человека. Внешность его была далеко не внушительная. Коротконогий, с двойным подбородком, почти совсем лысый в свои пятьдесят с небольшим лет, он отнюдь не был Зигфридом немецких легенд. Но его память, быстрота реакции и стратегический талант не подвергались сомнению. Не отличаясь тактом, он неизбежно сорвался бы со служебной лестницы, но монолит Гинденбурга прикрывал его все военные годы. Этот дуэт два года руководил Восточным фронтом Германии, а в августе 1916 года возглавил все ее вооруженные силы. Более того, по мере того как кайзер, Бетман-Гольвег и не реализовавшие «планы Шлиффена» генералы теряли престиж и влияние, уходя в политическое небытие, тандем Гинденбург — Людендорф практически осуществлял в стране военную диктатуру. Поздней осенью 1916 года германская дипломатия осуществлялась за столом фельд-маршала Гинденбурга, советующегося лишь с генералом Людендорфом.

Призыв адмиралов начать неограниченную подводную войну — при всей внешней привлекательности, при всех обещаниях «задушить Англию» — пока не показался военному руководству безупречным. Потерявший значительную долю влияния Бетман-Гольвег сумел все же внушить Гинденбургу, что риск провоцирования огромной мощи Соединенных Штатов превосходит ожидаемые выгоды. Германия как бы остановилась в нерешительности, откладывая последний шаг из опасения вовлечь в войну против себя последнюю еще не задействованную крупную мировую силу. Отметим, однако, что это были тайно принятые решения и американское посольство в Берлине находилось буквально в агонии, стремясь узнать судьбу «морского» вопроса. Поэтому в Вашингтон вначале была отправлена паническая, а затем успокоительная телеграмма.

Ясно было одно: оба главных противника — Англия и Германия — готовятся к войне до победы. Новый премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж заявил 28 сентября 1916 г., что Англия «не потерпит» посредничества Соединенных Штатов и полна решимости вести войну до тех пор, пока «пруссский военный деспотизм не будет разбит раз и навсегда». Не менее решительные и воинственные заявления раздавались из Берлина.

Отчаянная борьба в Европе делала сохранение американского нейтралитета все более сложной задачей. И дело было не только в английской блокаде и ярости тевтонских подлодок. Перемены в мышлении части правящего класса США были не менее важны. Здесь все полагали, что устремившиеся в смертельную борьбу европейцы рано или поздно решат свой спор и на окровавленных полях будет объявлен победитель. Как он посмотрит на алчного ростовщика из-за океана? Не обратит ли победившая группировка свою освободившуюся энергию против Штатов?

А с другой стороны, Соединенные Штаты могли бы, оказав помощь, возглавить победоносных союзников и занять самое почетное и выгодное место на мирной конференции.

В новой обстановке прежнее, несколько высокомерное предложение посредничества было уже нереалистично. Вильсон прошел два этапа своей дипломатии посредничества. На первом он хотел «повернуть колесо истории», восстановить мир между Англией и Германией путем «честного арбитража» и создать несравненное мировое трио. В 1916 году эти попытки потеряли всякое основание. На втором этапе Вильсон предлагал Лондону услуги уже не равноотстоящего объективного посредника, а потенциального союзника Антанты. Предлагалось огласить мирные предложения (которые Лондон предположительно принимал, а Берлин — нет), и США с видом озабоченности лишь окончанием кровопролития встали бы на сторону Лондона, Парижа и Петрограда. На этом — втором — этапе Вильсон не учел «несвободы» Лондона, его связанности союзнической стратегией и тайными договорами. Неожиданно большой оказалась и оппозиция милитаризму внутри США. Таким образом, автономия Антанты и особенности положения на внутривосточной арене накануне выборов лишили оснований и эту вторую попытку американской дипломатии ворваться в европейский спор и решить его к своей выгоде.

Третий этап наступает после «мертвого сезона», связанного с выборами, зимой 1917 года.

В сентябре — октябре 1916 года президент Вильсон затеял своего рода флирт с германским руководством. Причиной послужил вызов, брошенный ему Лондоном. Растущая сила здесь — Д. Ллойд Джордж дал сенсационное интервью американскому журналисту: «Борьба должна быть завершена нокаутом..., нейтралы с их лучшими из помыслов и гуманисты, руководимые высшими мотивами, должны знать, что на этом этапе борьбы не должно быть внешнего вмешательства. Британия не просила о вмешательстве, когда она была не готова к борьбе. Она не потерпит этого вмешательства и сейчас». Напрасно коллеги говорили Ллойд Джорджу, что Англия берет в долг у США 2 млн. фунтов стерлингов ежемесячно, напрасно Грей просил смягчить сказанное. Ллойд Джордж шел своим путем.

Президент Вильсон поручил полковнику Хаузу прозондировать позицию Берлина и предложить посредничество президента Вильсона послу Германии в США Бернсторфу. У графа Бернсторфа загорелись глаза, он увидел в тайном предложении Вильсона мощный рычаг, способный повернуть в пользу Германии схватку двух коалиций. Теряющий престиж и власть канцлер Германской империи Бетман-Гольвег уже видел, что несет продолжение войны для Германии. Он придал неофициальным предложениям Вильсона вид единственной реальной надежды для Германии. Американское посредничество было обрисовано кайзеру и военному руководству как «перст господний», как реальный способ ударить по Антанте с тыла, как спасительный дипломатический прорыв. И Бернсторф в Вашингтоне, и посол Джерард в Берлине подчеркивали значимость американской инициативы и указывали на привлекательность возможного дипломатического поворота. С благословения господствующих в Берлине сил канцлер Бетман-Гольвег стал весьма настойчиво просить у Вильсона продолжения развития интриги.

В середине октября 1916 года посол Бернсторф получил личную аудиенцию Вильсона. Озлобленный неудачей на английском фронте своей дипломатии, президент излучал само благорасположение к немцам. Он поделился с послом Германии трудностями своих отношений с проанглийской партией, возглавляемой Рузвельтом и Лоджем, и сказал, что, по его мнению, решение спорных проблем путем только военных усилий маловероятно. Этот зондаж

был прекращен на месяц из-за выборов, но уже 14 ноября в Белом доме обсуждались такие инициативы, которые едва ли понравились бы антантовским союзникам. Президент был полон решимости вторгнуться в европейский конфликт. 14—15 ноября в правительстве обсуждался вопрос: что будет, если Германия согласится на американское посредничество, выступит за приемлемый компромисс, в то время как Антанта выступит против? Вполне резонно было предположить, что в этом случае вызревал союз США и Германии. Кто мог поручиться, что страны Антанты не объявят войну Соединенным Штатам? Хауз записал в своем дневнике: «Он (Вильсон) думает, что они не осмелятся прибегнуть к этому, а если и решатся, то не смогут причинить Америке серьезный ущерб. Я снова не согласился с ним. Я полагал, что Великобритания может уничтожить значительную часть нашего флота и перевезти войска Японии в количестве, достаточном для захвата некоторых частей Соединенных Штатов».

Во второй половине ноября президент Вильсон делится со своим ближайшим окружением самыми сокровенными мыслями. 25 ноября он записывает свои стратегические соображения. («Важнейшая сделанная мною в жизни работа», — сказал президент жене.) В этом документе обобщающего характера Вильсон пишет о трудностях точного выяснения причины и определения виновника войны. «Причины этого мирового переворота остаются неясными. Цели, достижение которых удовлетворило бы воюющие страны, также никогда не были ясно определены. Не известно, какие побудительные мотивы привели к началу войны. Мир может только гадать, какие окончательные результаты, какой фактический обмен гарантиями, какое политическое переустройство или перемены, какая стадия или степень военных успехов могли бы привести к окончанию войны». (Подчеркнутые слова Вильсон зачеркнул в окончательной редакции.) В резюме этого чрезвычайно важного документа он указывает на зависимость будущей американской политики от целей, за которые борются оба военных блока. Для достижения собственных целей Америке нужно будет заставить воюющие страны определить эти свои цели, и чем раньше это произойдет, тем лучше.

Ближайшее окружение президента увидело уязвимость этого документа. Его оглашение (Вильсон хотел послать ноту такого содержания всем воюющим странам) показало бы своекорыстные мотивы политики Америки. Ясно было, что прежде всего подчеркнутый «нейтрализм» ноты

ударит по американо-английским отношениям. Государственный секретарь Лансинг спросил президента: «Представьте, что Германия покорно согласится с президентом, а союзники (Антанта. — А.У.) откажутся сделать это, в каком положении мы окажемся? Как мы сможем тогда прийти в лагерь союзников? Это создаст нам тяжелейшие осложнения». Полковник Хауз также видел подводные камни нового кредо патрона.

Под градом вопросов, под влиянием сомнений Вильсон согласился отложить публикацию ноты, но категорически отказался идти по пути американо-английского сближения, адвокатами которого были Лансинг и Хауз. Теперь ясно, что президент не хотел связывать себе руки. Он не стремился становиться вровень с англичанами, президент ставил целью зарезервировать для Америки абсолютно обособленную позицию в будущей перестройке мира. 8 декабря 1916 г. Вильсон указывает Хаузу, что старые планы неудовлетворительны. Соединенным Штатам необходимо новое, смелое дипломатическое планирование.

Каким должно было быть это новое планирование, говорит ужесточение американского финансирования союзников. Было очевидным, что Англия стоит на грани финансового краха — и это в условиях, когда население Британских островов все более зависело от сырья, вооружения и продуктов американской экономики. Президент не поддержал тех (Дж. П. Моргана и др.), кто хотел облегчить положение Англии новыми займами, и приложил усилия к тому, чтобы призвать банкиров не инвестировать в текущее сложное время своих авуаров в заграничную экономику. Англия, уповая на большее — на вступление Америки в войну, — стиснув зубы, сама отложила просьбы о кредитах. Так, хладнокровно осаживая прежнюю владычицу морей, Вильсон готовился сыграть главную роль в новом мировом раскладе сил.

Именно в период ужесточения американской позиции в отношении стран Антанты немцы предприняли первый серьезный маневр по достижению мира. Если уж окончательного решения нельзя было достичь, надеясь лишь на германское оружие, следовало использовать тот благоприятный для Берлина поворот в мировом конфликте, который обозначился осенью 1916 года. После оккупации Сербии последовали впечатляющие победы германских дивизий в Румынии. Бухарест пал 6 декабря, и Балканский полуостров фактически стал германской вотчиной. Путь на Ближний Восток и далее был открыт. Стратеги германско-

го генерального штаба видели, как захлебывались наступающие операции Брусилова, они учитывали и растущие потери английского флота. Оптимизм им придавал плохой урожай в Англии и в США. Война ослабляла Францию, ведь боевые действия велись в ее прежних индустриальных центрах.

Пожалуй, впервые основные фракции в Германии пришли к согласию, и 7 ноября глава военной машины фельдмаршал Гинденбург и глава дипломатической машины Бетман-Гольвег выработали общую точку зрения. Германские армии глубоко вклинились в чужие территории, и Берлин надеялся продиктовать мир по-тевтонски — мир, выгодный победоносным Центральным державам. И вдруг перед изумленным рейхстагом канцлер Бетман-Гольвег 12 декабря 1916 г. заявил о готовности имперского правительства начать переговоры о мире со своими противниками. Характерно, что канцлер ни слова не сказал о германских условиях. Сейчас понятно, почему. Знай об этом заинтересованный мир, адресаты мирных предложений, это сразу бы оттолкнуло их от германских сирен мира. На Востоке немецкие требования включали аннексию Курляндии и Литвы, вассальную зависимость от Германии Польского королевства, на Западе — аннексию французских территорий Брие и Лонгви, Люксембурга, бельгийского Льежа, зависимость Бельгии, выплату репараций Германии, возвращение ей колоний (за исключением Киаочао в Китае, Каролинских и Марианских островов) и аннексию Бельгийского Конго.

Посредниками в этих «миротворческих» усилиях Берлина стали американские дипломаты. 18 декабря 1916 г. посол США Пейдж по просьбе германского правительства передал ноту Берлина английскому министерству иностранных дел. Посол просил конфиденциально сообщить ему предполагаемый ответ британского правительства. Вильсон желал знать расклад сил в английском кабинете. Президенту важно было предугадать реакцию Лондона на возможные инициативы Вашингтона.

Нота Берлина от 12 декабря 1916 г. была написана, как оценил ее Д. Ллойд Джордж, языком страны, «уверенной в несокрушимой силе своей армии, державы, хвастающей рядом оглушительных побед над противниками и тем, что она способна и в будущем отразить все попытки противника отобрать захваченные ею обширные территории». Действительно, сокрушаясь о «катастрофе, которую не могли сдержать узы общей цивилизации, насчитывающей

более тысячи лет», угрожающей «похоронить под обломками цивилизации все те духовные и материальные достижения, которыми гордилась Европа в начале XX века», канцлер Бетман-Гольвег писал, что «общее положение оправдывает надежды Германии и ее союзников на дальнейшие успехи». Бетман-Гольвег питал определенные надежды. В письме Гинденбургу он сообщал, что выигрышное военное положение Германии не позволит противникам напрочь отвергнуть немецкие предложения, по крайней мере это касается Франции. Послу в Вене он писал, что ответом не может быть полный отказ.

Как и можно было предположить, Антанта потребовала внести ясность относительно предложений Берлина: на каких условиях он согласится подписать мирное соглашение. Союзники подозревали — и справедливо, — что эти условия будут жестоки. Ответ антигерманской коалиции Берлину был вручен французским правительством послу США во Франции 30 декабря 1916 г. Сутью ответа было следующее: «Простое предложение о начале переговоров без указания условий не может считаться настоящим мирным предложением. Выдвинутое имперским правительством лицемерное предложение, в котором нет, по существу, никаких точных указаний, представляется в большей степени военным маневром, чем предложением о мире». Следовали подписи России, Франции, Великобритании, Японии, Италии, Сербии, Бельгии, Черногории, Португалии и Румынии.

На этом этапе, желая быть главной разводящей фигурой в мировой игре, Вильсон хотел показать свободу своего маневра в мировой политике. Он не стал изобличать лживость мирных инициатив Берлина. Напротив, 15 декабря 1916 г. американский поверенный в делах в Берлине Дж. Грю передал канцлеру Бетману-Гольвегу: «Президент самым искренним образом желает практического сотрудничества с германскими властями». Со своей стороны, германский канцлер, желая «пробить» дипломатическую изоляцию Германии, немедленно обратился к президенту Вильсону: «Я искренне надеюсь, что наше официальное и торжественное предложение немедленно начать мирные переговоры... совпадет с желаниями президента Соединенных Штатов». В окружении Вильсона даже явный англофил Лансинг призвал серьезно отнестись к германской инициативе. 12 декабря госсекретарь, президент и Хауз обсуждали немецкую позицию и пришли к выводу о необходимости доработки американских мирных предло-

жений. Вильсон закончил правку 17 декабря, и нота США была послана на следующий день всем воюющим странам. Ее наиболее примечательной чертой было требование к воюющим сторонам определить свои конкретные цели.

Англия, Россия, Франция и их союзники имели теперь две мирные инициативы — германскую и американскую. Реакция на германский демарш приведена выше. С ответом американцам тоже не было задержки.

Антанта приняла ноту Вильсона, пожалуй, не менее сурово, чем за 20 дней до того заявление Германии. Указание в американской ноте на фактическое тождество целей обеих воюющих сторон было для нее неприемлемо. Необходимо добавить, что Вильсон, который через три месяца призовет свою страну к войне с Германией, едва ли за эти месяцы «переосмыслил» тезис о совпадении целей двух коалиций. В апреле 1917 года он уже не говорил об этом тождестве. Это ли не свидетельство «реалполитик» прославленного моралиста во внешней политике?

В ответе Антанты упоминалось о судьбе Бельгии, Люксембурга, Сербии, Армении, Сирии, о налетах «цеппелинов» и т. п. Страны Антанты выдвигали свои условия, главными среди которых были: восстановление Бельгии, Сербии, Черногории с соответствующим возмещением; эвакуация занятых территорий Франции, России и Румынии при условии соответствующих репараций; освобождение итальянцев, славян, румын, чехов и словаков от чужеземного ига; изгнание из Европы Оттоманской империи, показавшей себя инородным телом в западной цивилизации; избавление Европы от жестокого ига прусского милитаризма. Как видим, условия стран, которые через три месяца станут союзниками США, резко отличались от американского представления о приемлемом мире. Напомним, что это было первое определение целей Антанты, которые Англия и Франция отстаивали на Версальской мирной конференции.

Смысл ответа союзников можно суммировать краткой фразой, приписанной к нему новым министром иностранных дел Англии Бальфуrom: «Мир не может быть прочен, если он не будет основан на победе союзников». Реакцию их империалистического соперника можно было предугадать. Посол Бернсторф передавал: «Мое правительство не намерено в настоящий момент публиковать какие бы то ни было мирные условия, так как наши враги опубликовали такие условия, которые имеют целью бесчестие и разорение Германии и ее союзников». Но вот условия, на которых Берлин готов начать переговоры: возвращение Верх-

него Эльзаса, занятого французами; установление такой границы, которая защищала бы Германию и Польшу от России; наделение Германии колониями, соответствующими ее населению и экономическим интересам; гарантия безопасности Германии в Бельгии; компенсация германским предприятиям и людям, пострадавшим в войне; свобода морей. Итак, Германия требовала аннексий и контрибуций за счет Франции и России, опеки над Бельгией, передачи ей части английских и французских колоний. Империалистическая война после оглашения этого взаимоисключающего набора условий с двух сторон продолжалась уже без всяких шансов на компромиссный исход.

На фоне этой дипломатической перепалки Вильсон в декабре 1916 года отдает распоряжение Лансингу предложить воюющим державам ответить на его манифест от 18 декабря тайно, «чтобы правительство Соединенных Штатов могло в ответ передать конфиденциальным образом правительствам другой группы воюющих стран условия противника, без шума узнать, существует ли какое-либо основание для надежды на переговоры или созыв мирной конференции». Но ни англичане, ни немцы не желали уже играть «втемную». Первые хотели привлечь США, вторые — устранить. Обе стороны намекнули на свои цели, отвечая на манифест Вильсона публично. Лондон заявил о своем намерении уничтожить германский милитаризм и взыскать с Германии контрибуцию. Берлин повторил, что готов вести лишь прямые переговоры (без американского посредничества), он явно надеялся полностью использовать присутствие германских войск на территории противника. Посредничество ослабляло бы значимость этого обстоятельства. Могли ли немцы объявить во всеуслышание, на каких условиях они приемлют мир? Германская ответная нота всячески избегала обсуждения этого вопроса, призывала Вильсона способствовать скорейшему созыву мирной конференции, но отнюдь не предлагала американскому президенту участвовать в этой конференции. Это ли был искомый удел для нового империалистического центра? Понятно, что Вильсон и его коллеги были глубоко разочарованы позицией немцев, и Хаузу поручили поставить об этом в известность Бернсторфа.

Посол Бернсторф сообщил в Берлин 29 декабря о предложении Хауза провести «абсолютно конфиденциальные» переговоры. Важными в этих обстоятельствах были инструкции, данные Бернсторфу Берлином. Поручалось довести до сведения советника президента, что Германия

не желает участия США в мирной конференции. Максимум того, что «позволяли» немцы Вильсону, — подписать с Германией договор о международном арбитраже и присоединиться к создаваемой Лиге наций. Такая «щедрость» Берлина могла вызвать лишь сарказм Вильсона. Пораженный высокомерием кайзеровской Германии, Хауз оценил изложение Бернсторфом германской позиции как самый важный нажим, осуществленный европейской страной с начала войны. Немцы откровенно хотели использовать Вильсона в борьбе против своего противника.

Видимо, в мышлении Вильсона это произвело известный поворот. Он приказал оповестить немцев, что о мирном разрешении конфликта можно будет говорить только после того, как Германия четко определит свои цели в войне и доверит изложение этих целей американской стороне. Вильсону стало ясно стремление Германии использовать США для узаконивания своих военных побед, не желая при этом допускать заокеанскую державу к дележу европейского пирога. Это и предопределило реакцию президента. Гнев Вильсона был велик в отношении обеих сторон, но особенно досадили ему немцы. Он готов был требовать немедленной отсылки Бернсторфа.

Опасность быть оттесненным от величайшего события политической жизни, возможно, отравила ему в эти дни празднование своего шестидесятилетия. Чувствительный президент нуждался в человеческом тепле. Жена и три дочери встретили с ним рождество. В Овальном кабинете рядом с картами фронтов поставили рождественскую елку.

И все же жесткость ответа европейцев и раскол внутри страны не давали Вильсону покоя. На второй день после рождества он пишет военному министру Бейкеру, с которым все более сближается: «Каждый день я испытываю желание видеть в нашей стране больше подлинных американцев. Почти все наши граждане, живущие по эту сторону от Миссисипи, рассуждают в соответствии с мнениями одной из борющихся за океаном группировок». Президент хотел, чтобы американский народ ощутил свою особую миссию в мире, он стимулировал формирование специфической идеологии американоцентризма. Это был начальный этап формирования интервенционистского консенсуса, который следовавшие за Вильсоном президенты на протяжении XX века использовали не раз.

Создать этот консенсус было непросто. Примером тому может служить борьба в сенате, где сторонники Антанты

бичевали трусость президента, а противостоящие им республиканцы обрушивались на только еще формирующуюся идею американского главенства в «крестовом походе» в Европу «для обеспечения мира и справедливости во всем мире», на вильсоновские призывы к народу Соединенных Штатов «быть готовым предоставить все возможные ресурсы, как в людских, так и материальных средствах, для осуществления такого предприятия».

Но внутреннее противодействие уже не могло остановить эволюцию вильсоновского курса. США начали делать шаги в сторону коалиционного взаимодействия с Англией, Францией и Россией. Этот вариант вторжения на мировую арену стал больше соответствовать глобальным проектам Вильсона. Помимо непосредственных дипломатических расчетов существенную роль играли и другие обстоятельства. Во-первых, общественное мнение в США больше симпатизировало Англии и Франции, чем их противникам. Сказались и этническая связь с Англией, и воспоминания о помощи французов в период борьбы Америки за независимость. Во-вторых, — и это, пожалуй, важнее — за годы войны экономические связи США с Антантой превратились в самодовлеющий фактор. Американские банки кредитовали военные усилия Антанты. Американские заводы выполняли ее заказы.

А в Берлине, судя по всему, военная партия после дипломатического «отступления» под нажимом Бетмана-Гольвега осенью 1916 года снова начала забирать бразды правления в свои руки. Складывается впечатление, что немцы почувствовали склонение чаши весов в пользу германского оружия. Ослепленные самообманом правители Германии решили 8 января 1917 г. начать неограниченную подводную войну. Напрасно Бернсторф умолял отложить этот шаг до окончательного выяснения позиции Вильсона. В Берлине не знали, что Вильсон уже фактически отвернулся от германского фронта своей дипломатией, что Хауз конфиденциально совещался с главой британской разведки в США сэром Уильямом Уайзменом. Англичанин не скрывал, что имеет прямой контакт с британским кабинетом, и 26 января 1917 г. передал Хаузу согласие Англии начать обсуждение условий мирного соглашения, если Германия выдвинет разумные условия заключения мира. Собственно, англичане уже знали о решении немцев обратиться к неограниченной подводной войне, и их согласие или несогласие участвовать в мирных переговорах уже мало что меняло.

Президент Вильсон уже в середине января пришел к окончательному выводу, что обе коалиции ведут дело к своей решительной победе, а не к некоему примирительному торгу. Компромисс исключался. Обе коалиции хотели использовать США, но отнюдь не в роли верховного арбитра, а в качестве рычага воздействия на противоположную сторону. Наступало время для США определить свою позицию.

Посольства США получили зашифрованный текст речи президента. В этой речи экзальтация Вильсона достигла своего пика. Он призывал к «миру без победы», к миру равных, поскольку, мол, «лишь мир между равными является устойчивым». Вильсон призывал к реализации лучших из принципов: к равенству всех наций, к праву народов на самоопределение, к свободе морей, к демобилизации крупных армий. «Это американские принципы, американская политика, — увещевал президент, — и я говорю от лица молчаливых масс человечества». Главной идеей речи было утверждение, что США имеют право на участие в определении основных черт послевоенного мира. Америка постарается внести в строительство новой мировой системы свое понимание того, какой она должна быть.

Судя по внешним признакам, речь была принята благожелательно. Министерство иностранных дел России одобрило «широкие гуманистические принципы» Вильсона, социалисты — депутаты французского Национального собрания назвали эту речь «хартией цивилизованной Вселенной», идеи речи горячо поддержали британские тред-юнионы.

Если же отойти от поверхностных, протокольных оценок, то речь Вильсона отнюдь не вызвала восторга воюющих стран в Европе. Как пишет американский биограф Вильсона А. Волворт, «борющиеся вожди Европы смотрели на американского президента как на вторгшегося пришельца, который отнимает у них кусок мяса. Идея «правительства, правящего с согласия управляемых», была неприемлема для таких империй, как Австро-Венгрия и Турция; не могли союзные страны постичь идею длительного «мира без победы» над германским милитаризмом».

Разрыв между словами и делами, идеями и реальностью был вопиющим. Благородные принципы граничили с циничной реальностью. Главное существенное противоречие данной речи Вильсона заключалось в том, что он, не моргнув глазом, сразу же после провозглашения «мира без победы» (как якобы единственного, который может быть долговечным) приступил — уже в следующем абза-

це — к описанию мира, который мог быть достигнут лишь в случае победы одной из сторон, а именно победы антигерманской коалиции. Могла ли Австро-Венгрия пойти на мир, означавший ее распад? Могла ли Британия пойти на мир, означавший отделение доминионов? Да и нужно ли говорить, что во всех европейских столицах отнюдь не хотели «мира среди равных»?

На уровне внутривластных дискуссий и английский, и французский кабинеты выразили большое сомнение по поводу идей Вильсона. Неприемлемым пунктом для союзников была сама постановка вопроса: «Мир без победы». И Ллойд Джордж, и Клемансо вопрошали: как же может быть освобождена Польша и как можно достичь самоопределения для подвластных Турции, Австро-Венгрии и Германии народов без победы и притом без победы союзников? Нежелание президента считаться с действительностью было очевидно более чем когда-либо. «Для союзников эта фраза была оскорблением, для немцев — шуткой», — писал талантливый и энергичный лидер британского империализма Ллойд Джордж о дипломатической инициативе Вильсона.

Более всего интересовала Вильсона реакция на его речь от 22 января германских правящих кругов. 24 января он писал: «Если Германия хочет мира, она может получить его быстро, если доверится мне и даст мне шанс». Президент приказал Хаузу тайно увидеться с Бернstorфом и сказать о существовании «страшного вероятно» того, что США и Германия встанут на тропу, ведущую к их столкновению. Полковник немедленно выполнил поручение.

Именно в эти дни в привычной манере тевтонской грубости и отсутствия такта Берлин решил прекратить обсуждение абстрактных схем.

Нужно сказать, что посол Бернstorф, в отличие от дугэта Гинденбург — Людендорф, отчетливо представлял себе силу Америки и значимость ее вступления в войну. В эти решающие дни он всемерно старался предотвратить крупную ошибку Берлина. Но напрасно. 21 подводная лодка уже вышла в море с приказом топить все движущиеся цели. Адмирал Хольцендорф дал Гинденбургу гарантии, что через пять месяцев неограниченной подводной войны Англия будет вынуждена запросить мира. Людендорф потребовал нанести подводный удар с максимальной силой.

31 января секретарь Тьюмалти принес Вильсону бюл-

летень, сообщающий о повороте в германской политике. Президент несколько раз в изумлении перечитал текст. Он побледнел и сжал губы, а после долгого молчания изрек: «Разрыв отношений, который мы долго старались предотвратить, теперь кажется неизбежным». В восемь вечера Бернсторф представил официальный текст ноты, которую он 12 дней держал под спудом. Берлин объявил, что будет топить все суда в зоне, окружающей Англию, Францию, Италию, а также в Восточном Средиземноморье. Гарантировался проход одному (в неделю) американскому пассажирскому пароходу из Нью-Йорка в Фальмут, если он будет выкрашен в красную и белую полосу и не будет иметь контрабанды.

Понимали ли немецкие адмиралы, что последует за их требованиями? Глава штаба германского адмиралтейства адмирал фон Хольцендорф писал командующему генеральным штабом фельдмаршалу фон Гинденбургу: «Если правительство Соединенных Штатов вступит в войну, оно одним махом потеряет источник торгового процветания, который дал Соединенным Штатам нынешнюю растущую политическую значимость. Они стоят лицом к лицу с японской угрозой; они не могут ни причинить нам материального ущерба, ни предоставить материальных преимуществ нашим врагам... С другой стороны, я даю гарантию, что подводные лодки приведут нас к победе».

Германское военное мышление показало пределы реалистического восприятия мира. Военные владыки Германии недооценили сразу нескольких процессов и явлений. Во-первых, президент Вильсон, будь он даже абсолютным пацифистом (каковым он никогда не был), не смог бы спокойно перенести наступления германского подводного флота на всю морскую торговлю США. Во-вторых, как участник конфликта, США представляли собой исключительную силу — и экономическую, и военную. В-третьих, они могли (что и доказали впоследствии) внести свой вклад в сдерживание вооруженных сил Германии. Стратегический просчет Германии привел Америку в Европу.

С самого начала мирового конфликта — с августа 1914 года — Вильсон добивался союза, а не столкновения трех «центров белой расы» — США, Англии и Германии. И сейчас, на третьем году бескомпромиссной борьбы, его заботили судьбы «белой цивилизации». В решающие дни февраля 1917 года, когда Германия объявила неограниченную подводную войну, Лансинг записывает поразительные комментарии к поведению Вильсона. «Президент, хотя он

глубоко возмущен вызывающей нотой Германии, сказал, что он не уверен в том, какой курс мы должны принять, и должен подумать. Он все больше находится под впечатлением того, что доминирование «белой расы» в мире все бóльшим бременем ложится на нашу способность сберечь нашу страну, поскольку именно нам придется восстанавливать мир». Но солдафонская тупость Германии дает Америке желанный шанс взять в руки мировые судьбы, и Вильсон просит Лансинга приготовить ноту о прекращении дипломатических отношений с Берлином. На следующий день их мнение поддержал Хауз. Дипломатический триумvirат во главе с Вильсоном встал на тропу войны. Обсуждение ноты с кабинетом и ведущими сенаторами-демократами было уже проформой.

Перед объединенной сессией обеих палат конгресса 3 февраля Вильсон обличил германское «варварство» (по совету Лансинга).

Немцы в последний момент постарались предотвратить поляризацию Америки. Статс-секретарь Циммерман просил президента «потерпеть» два месяца — за это время германские подводные лодки сделают свое дело и оставят Англию «бездыханной». Для Вильсона предложение Циммермана было верхом наивности. Как могли в Берлине не понимать страха Америки стать следующей немецкой жертвой? Язык президента в эти часы был далек от дипломатических условностей. Он говорил о Германии как о «сумасшедшем, которого нужно приструнить».

Внутреннее положение в стране становилось все более напряженным. Посол Спринг-Райс так обрисовал его: «Положение в США можно уподобить состоянию сельтерской воды в бутылке, когда проволока снята, а пробка еще не вынута». И он же отметил, что если бы война началась, то она была бы «войной американцев в защиту чисто американских интересов».

Союзники, и прежде всего англичане, теперь уже открыто надеялись на присоединение Америки к Антанте. 21 марта 1917 г. Лондон получил из своего посольства в Вашингтоне депешу: «По-видимому, Вильсон действительно готов помочь нам, и помочь серьезно. Он делает почти все, что может, но я полагаю, что он постарается избежать формального союза с нами. Он поистине ловок, как кошка». Руководители Антанты, находясь еще только на подходе к выработке общей с США стратегии, ощутили особый курс Вашингтона, стремление искать не компромисс, а способ превзойти уставший и ослабевший Старый Свет.

Посылая адмирала Симса для координации действий с Лондоном, начальник американского морского штаба Бенсон изрек: «Не давайте англичанам пускать вам пыль в глаза. Мы вовсе не намерены таскать для них каштаны из огня. Мы так же охотно воевали бы с англичанами, как будем воевать с немцами». Такой цинизм на фоне приближающейся решающей схватки не оставлял у союзников сомнений: США будут воевать ради собственных целей.

Важно внимательно прочитать второе инаугурационное послание президента Вильсона, зачитанное им при принятии присяги 5 марта 1917 г. Вильсон вещал о вступлении страны в новую эпоху — в эпоху активного участия в мировых делах в самом полном объеме. «Мы больше не провинциалы, — заявил президент. — Трагические события тридцати месяцев той жизненной бури, сквозь которую мы прошли, сделали нас гражданами мира. Пути назад нет. Затронута наша судьба как нации, хотим мы того или нет».

Вместе с Хаузом и заместителем военно-морского министра Ф. Рузвельтом было принято решение о резком увеличении военно-морского флота. 24 марта Вильсон отозвал американцев из Бельгии и поручил министру военно-морского флота Даниэлсу начать координацию операций с британским адмиралтейством.

В эти часы воинственной лихорадки Вильсона иногда посещали и минуты озарения: «Стоит повести народ на войну — и он забудет, что когда-то существовало такое понятие, как «терпимость». Чтобы сражаться, нужно быть грубым и безжалостным, и дух безжалостной грубости войдет во все фибры нашей национальной жизни, занесет инфекцию в конгресс, в суды, в марширующего полицейского, в человека на улице». В минуты сомнений он считал, что конституция будет подорвана, право свободы слова и собраний отменено. Законы и мораль ослабнут, охотники за наживой возьмут верх. А чтобы вернуться к прежнему, потребуется целое поколение. Эти мысли будоражили Вильсона.

Последней каплей, наполнившей Вильсона решимостью броситься в мировой конфликт, было сообщение от посла Пейджа из Лондона. Посол передавал перехваченное англичанами послание германского секретаря по иностранным делам Циммермана германскому послу в Мексике. (Текст этой ноты был послан послу Бернсторфу, но англичане дешифровали ее и передали в американское посольство.)

Вот текст печально знаменитой «ноты Циммермана»: «1 февраля мы намерены начать неограниченную подводную войну. Несмотря на это, хотелось бы, чтобы Соединенные Штаты остались нейтральными. Если эта попытка окажется неудачной, мы предлагаем Мексике союз на следующих основаниях: мы начинаем совместно войну и вместе заключаем мир, мы предоставляем Мексике финансовую поддержку и соглашаемся на то, чтобы Мексика вернула себе потерянные территории штатов Нью-Мексико, Техаса и Аризоны... Вы предложите мексиканскому президенту срочно снестись по собственной инициативе с Японией и посоветуете ей немедленно присоединиться к этому плану».

В случае войны Германии с Соединенными Штатами германскому послу вменялось в обязанность предложить мексиканскому правительству наступательный союз против США.

Время сомнений для Вильсона закончилось. 1 марта 1917 г. президент передал «ноту Циммермана» агентству Ассошиэйтед Пресс. 3 марта Циммерман признал аутентичность ноты. Это был последний гвоздь, вбитый в гроб американского изоляционизма. В США апологеты интервенционизма, апостолы империализма и поборники выхода Америки в мировые лидеры утроили усилия, посредством прессы воздействуя на население крупнейшей капиталистической страны. Президентское кресло давало особые возможности для такой агитации, и Вильсон приложил весь свой недюжинный талант к раздуванию идеологии американского первенства в обезумевшем мире. Лучшие силы Америки еще стремились удержать страну. Глава социалистов Ю. Дебс призывал объявить всеобщую забастовку, если Рокфеллер и Морган втянут страну в войну. До апреля большинство американского народа выступало против участия в войне. Но разбужены были огромные подспудные силы национализма. Машина провоенной агитации давала полные обороты, и Белый дом, некогда сдерживавший этот процесс, ныне присоединился к нему.

Решив для себя задачу в принципе, Вильсон ждал наиболее удобного времени для выступления. И оно, это время, наступило. После того как из России дошла весть о русской революции, свергнувшей царизм, можно было смело говорить о «союзе демократии» против прусского деспотизма. Из Лондона поступали сообщения, что английская военная машина находится на грани финансового кризиса. Теперь можно было вступить в войну, покровительствуя,

а не подчиняясь английскому союзнику. А немцы все увеличивали тоннаж потопленных судов: 600 тыс. тонн в марте, 900 тыс. тонн в апреле 1917 года.

2 апреля в восемь двадцать чета Вильсонов, сопровождаемая секретарем Тьюмалти и врачом Грейсоном, в плотном окружении охраны выехала в Капитолий. В небольшой комнате, предназначенной для президента, Вильсон подошел к зеркалу, не подозревая, что за ним следит единственный проникший туда представитель прессы — редактор «Атлантик Мансли» Э. Седжвик. Лицо президента было искажено невыразимой мукой, и Седжвик был уверен, что у президента удар. Усилием воли Вильсон совладал с собой. Левая рука расправила морщины лба, правая «поставила на место» челюсть. Вильсон был готов к главной речи своего президентства, до нее оставалось десять минут.

Спикер объявил: «Президент Соединенных Штатов!» Встали девять судей Верховного суда, за ними — полный состав конгресса, члены кабинета и дипломатический корпус. Лишь супруга президента и полковник Хауз знали, о чем он будет говорить.

Аудитория слушала низкий и бесцветный сегодня голос оратора в немом молчании, и лишь когда президент сказал: «Есть лишь один выбор, которого мы не сделаем, который мы не способны принять, — мы не выберем дороги подчинения», — в зале поднялась высокая фигура. Охрана взвела курки пистолетов. Но это Верховный судья Уайт как южанин южанина приветствовал президента. Зал присоединился к бывшему солдату армии конфедератов. Здесь-то Вильсон и сказал свои главные слова: «Я даю совет конгрессу объявить недавний курс имперского германского правительства не чем иным, как войной против правительства и народа Соединенных Штатов; принять легально статус воюющей страны, навязанный нам; предпринять срочные шаги для того, чтобы не только привести страну в состояние большей готовности к обороне, но также для использования всех полномочий по привлечению всех ресурсов страны для того, чтобы заставить правительство Германской империи прекратить войну».

Вильсон объявил целью Америки «сделать мир свободным для демократии». Он указал, что Америка «не желает ни завоеваний, ни владений. Мы не ищем выгод для себя, не стремимся к материальной компенсации за жертвы, которые мы приносим по своей воле». Президент проорочил многие месяцы испытаний.

Речь длилась тридцать две минуты, а после наступила

глубокая тишина. Затем тишина рухнула. Совсем немного времени пройдет, и многие из потерявших самообладание конгрессменов выступят против вождя, чьи слова они в этот роковой час покрыли нескончаемыми овациями.

Отметим прием, который применял Вильсон, объявляя об обрыве дипломатических отношений с Германией. Он «отделил» народы от правительств, возлагая вину за несчастья войны на последних. Это был умелый и эффективный прием, неоднократно использованный впоследствии. С его помощью Вильсон надел на себя мантию защитника прав народов. С сенатской трибуны он говорил: «Мы искренние друзья немецкого народа и искренне желаем остаться в мире с правительством, которое говорит от его лица. Мы не поверим в его враждебность к нам до тех пор, пока он не оставит нам другой возможности; и мы не ставим своей целью ничто иное, как разумную защиту неоспоримых прав нашего народа... Боже, сделай так, чтобы нам не пришлось защищать наши принципы от проявлений злонамеренной несправедливости со стороны правительства Германии».

Упоминание России не было лишено некоего покровительственного оттенка: «Великий, великодушный русский народ присоединился во всем своем первоизданном величии и мощи к силам, борющимся за свободу в мире, за справедливость и мир. Это достойный партнер в Лиге чести».

В наполненные событиями апрельские дни 1917 года президент Вильсон постарался испытать еще одно орудие своего воздействия на европейскую ситуацию. В то время как посол Германии получил свои паспорта, ее главная союзница — Австро-Венгрия объявила о своем желании сохранить связи с США и назначила новым послом графа Тарновского. Вильсон предложил Вене начать отдельные переговоры с Вашингтоном и какое-то время надеялся на успех своей дипломатической диверсии. Иллюзии испарились лишь тогда, когда Австро-Венгрия осознала двусмысленность положения и объявила, что не может вести дипломатические переговоры без участия Германии. После чего, естественно, Тарновский визы не получил, а американский посол в Вене Пенфилд был отозван в Вашингтон.

США выступили против Германии на стороне Антанты. Могло ли быть иначе? Если и могло, то можно представить себе грандиозное противодействие силам, уже приковавшим США к антигерманской коалиции. К моменту

вступления США в войну американские банки предоставили этой коалиции 2145 млн. долл. — это был колоссальный вклад в военные усилия Англии, Франции, России и их союзников. Торговля США с антантовскими союзниками в 1914 году составляла 825 млн. долл., в 1915 — 2 млрд., в 1916 году — уже 3,2 млрд. долл. Мощные экономические интересы уже связывали Вашингтон с Лондоном и Парижем. Никто не сомневался в том, что быстрым экономическим ростом и рассасыванием безработицы страна обязана европейскому кровопролитию. Дельцы и верхушка профсоюзов откровенно рассчитывали на продолжение военного бума. Будучи реалистом, Вильсон не мог не реагировать на ярко выраженные интересы правящего класса страны, рассчитывающего еще немало извлечь из европейского безумия. Его цель — строительство мира на американских началах — соответствовала целям самых влиятельных сил страны.

Разумеется, в первые дни вступления Америки в войну были сказаны миллионы слов о лучших из принципов, которыми руководствуется североамериканская республика. Справедливости ради следует сказать, что и тогда уже звучали более трезвые голоса даже среди буржуазных идеологов, в том числе и среди приверженцев Вильсона. Так, У. Липпман (которому еще предстоит сыграть свою роль в вильсоновской дипломатии более позднего периода) в 1916—1917 годах дал весьма реалистическую оценку действий Вильсона с точки зрения классической буржуазной теории «баланса сил». В журнале «Нью рипаблик» вышла серия статей этого корифея американской журналистики и политической мысли. Липпман утверждал, что США с самого начала войны не были нейтральными. США терпеливо сносили нарушения международных законов британским флотом, но одновременно жестко выступали против посягательств на международное право Германии. Именно в тот момент, когда победа Германии стала казаться неизбежной, правительство Вильсона взялось за восстановление мирового баланса.

Липпман, чьи статьи будут читать последующие поколения американцев, утверждал, что Соединенные Штаты вступили в мировую войну, чтобы сохранить превосходство Атлантического сообщества (т. е. Англии и США) над Европой.

Вильсон стремился «войти в Европу» через атлантическую систему связей с Англией. И когда обозначилась опасность того, что Англия, едва державшаяся на плаву,

может проиграть войну, холодный дипломатический расчет, а не некий моральный взрыв чувств по поводу очередных потопленных судов привел к решению отбросить прежний дифференцированный нейтралитет.

Возможно, дипломатия Вильсона могла бы получить другие контуры, если бы Германия больше учитывала американский фактор. Вильсон не отвергал с порога возможность сближения с Германией. Его постоянная забота о союзе «трех столпов белой расы» не только допускала, но и предполагала сближение с Берлином. Даже накануне критического раскола у Германии были впереди три пути: принять лидерство Вильсона и отказаться от надежды выиграть на обоих фронтах, но получить определенные гарантии от поражения; согласиться на стратегический пат в Европе; постараться достичь победы до прихода американцев в Европу. Авантюризм кайзера и его генералов привел ее к третьему пути.

Напомним об оценке В. И. Лениным трех центров капитализма первых десятилетий века. Им выделялись британский, германский и американский центры. «Мы видим три области с высоко развитым капитализмом (сильное развитие и путей сообщения и торговли и промышленности): среднеевропейскую, британскую и американскую. Среди них три господствующих над миром государства: Германия, Англия, Соединенные Штаты»*. По существу, В. Вильсон выделял на пестрой карте мира именно эти три центра и первоначально хотел их мирного сближения. В отличие от вождя американского империализма, В. И. Ленин предсказал невозможность их союза, указал на преобладание центробежной тенденции в их взаимоотношениях. Как продемонстрировала история, он оказался прав. Сначала произошел разрыв британского и среднеевропейского центров, а весной 1917 года — среднеевропейского и американского.

* * *

Итак, Вильсон постарался предпринять прежде всего интеллектуальный штурм новой проблемы. Франция и океан позволяли не опасаться кайзеровского вторжения, на первом плане стояли иные задачи: укрепить антигерманский союз и захватить в нем лидерство; так спланировать американские усилия, чтобы укрепить экономику страны,

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 393.

нарастить промышленные мощности и сделать основным способом участия в войне поставки оснащения и вооружения, а не людских ресурсов.

Хладнокровный расчет требовал сохранить и резко увеличить регулярную армию. На текущий момент эта армия была относительно невелика. Нет сомнения, что немцы в своем самомнении исходили именно из малочисленности полевых войск США. Эксперты в Берлине не могли всерьез сопоставлять американскую армию с гигантскими уже развернутыми армиями европейских держав. Но Вильсон был твердо намерен догнать европейцев и в этом. Для его мировой игры требовалась мощная сила, не оставляющая сомнений в военных способностях Штатов. И первым условием такого броска являлась абсолютная централизация власти. Вильсон хотел избежать внутренней борьбы, которая ослабляла силы Севера в эпоху Линкольна. Генералы не получают политических прерогатив. Президент никому не делегирует своей власти главнокомандующего.

Предпосылки этой централизации уже имелись. В 1903 году, вскоре после подведения итогов и осознания ошибок периода войны с Испанией, американское руководство (при Т. Рузвельте) создало генеральный штаб. В апреле 1917 года он состоял из 51 офицера. Им вменялось в обязанность «изучать военные проблемы, готовить планы национальной обороны и использовать вооруженные силы во время войны». Сам В. Вильсон уже несколько месяцев изучал возможности быстрого развертывания вооруженных сил. Одно он знал твердо: система добровольного набора должна быть заменена всеобщей воинской повинностью. Генеральный штаб разделял его точку зрения. Ту же линию подкреплял и опыт Англии, перешедшей от добровольческой системы к набору.

На следующий день после объявления войны Вильсон объявил о необходимости всеобщей воинской повинности и призвал на службу 0,5 млн. новых солдат.

По вступлении в войну президент встал перед проблемой: как, каким образом США будут помогать сокращать Германию. Вильсон хотел расширить помощь военными материалами, союзники потребовали солдат. В Соединенные Штаты прибыла военная миссия союзников во главе с героем битвы на Марне маршалом Жоффром, который заявил президенту, что американские войска требуются во Франции хотя бы для поднятия морального духа. Менее эмоциональные англичане попросили немедленной посылки американских войск на Западный фронт. Англий-

ские военные специалисты убеждали, что американским войскам лучше кооперироваться на фронте с англичанами. По меньшей мере не будет языкового барьера.

Союзники торопились зря. Президент Вильсон и военный министр Бейкер уже решили для себя не посылать на фронт крупных американских контингентов. Чисто символически Вильсон 2 мая 1917 г. пообещал Жоффри послать одну дивизию под руководством генерал-майора Дж. Першинга. Президенту Вильсону было важно, чтобы Першинг не поддавался влиянию союзников, не стал пешкой в союзническом планировании, не превратил американское участие во вспомогательные действия под руководством иностранных офицеров. От этого обстоятельства зависело едва ли не главное — смысл, значимость и политическая цель участия США в мировой войне. По прибытии во Францию генерал Першинг быстро разобрался в обстановке и занял ожидаемую от него независимую позицию в отношении союзников.

Далеко не всем было известно, что Вильсон непосредственно участвовал в создании оперативных военных планов. Нередко он незамеченным «проникал» в военное министерство, где его беседы с министром Бейкером касались самой сути происходящего — превращения США в великую военную державу. Историк-педант впитывал в себя военную науку с видимой охотой. Ум Вильсона, не обремененный профессиональными военными тонкостями, быстро выявлял наиболее существенное. А таковым было обеспечение, прежде чем крупная американская армия появится во Франции, атлантического коридора, связывающего двух членов огромной коалиции. 0,5 млн. тонн составляли в эти месяцы потери судов в Атлантике, это грозило разорвать существенные связующие звенья.

Требовалось преодолеть сопротивление адмиралов. Уже многие годы они видели главной ареной демонстрации американского военно-морского могущества Тихий океан, а главным противником — высокомерных победителей при Цусиме. Постепенно и эта традиция стала меняться. Заместитель военно-морского министра Ф. Рузвельт создал план образования минного щита от Норвегии до Па-де-Кале против германских подлодок, выходящих из северогерманских портов. Вильсон послал адмирала Симса в Лондон, чтобы узнать, считают ли лорды британского адмиралтейства абсолютную блокаду Германии возможной. Лорды, не спеша рассмотрев вопрос, скептически отнеслись к такой задаче.

У Вильсона была своя точка зрения на морскую мощь. Он учитывал опыт мировой войны, который показал эффективность подводных лодок и малых кораблей, в то время как гигантские дредноуты Англии и Германии прятались по прикрытым минами портам.

Вильсон был новатором не только в американской дипломатии. Он, в отличие от многих генералов, предвидел революцию и в военном деле. В августе 1917 года президентская яхта «Мэйфлауэр» пришвартовалась к линкору «Пенсильвания», и президент поделился с морскими офицерами своими соображениями о текущей войне. «Мы все новички», — заявил Вильсон и призвал моряков «выбросить традиции за борт». Британское адмиралтейство, по его мнению, не показало необходимой гибкости, оно не лучшим образом использовало свое морское могущество. Наибольшие возможности, полагал Вильсон, у Германии и Соединенных Штатов. Различие между ними в том, что Германия — первая нация мира в классе профессионалов, а США — первые среди любителей. «И когда речь идет о том, чтобы создать новое и создать его хорошо, я бы всегда ставил на любителей против профессионалов, потому что профессионалы исходят из установленных правил, а любители подходят к миру с открытыми глазами и адекватно оценивают новый набор обстоятельств. Любитель невежествен в достаточной степени, чтобы не воспроизводить эталона... Так делайте же то, что является в высшей степени смелым, что требует риска и дерзновения, потому что как раз это и является тем, чего противоположная сторона не понимает, и вы победите смелостью своего метода там, где вы не можете победить приверженностью методичности и прилежности».

Вильсон надеялся, что способность американцев как нации к нововведениям, их раскрепощенность в выборе оптимальных путей, открытость их мыслительного горизонта позволят США побить Германию — чемпиона Старого Света в технологии и предприимчивости. То была заря «технологического» подхода к войне и дипломатии, который станет одной из самых заметных черт американской дипломатии XX века. Трудно понять многие шаги Вильсона (и прежде всего его самоуверенность в общении с врагами и союзниками), если упускать из виду его абсолютную веру в торжество американской предприимчивости.

Выше говорилось, что полномочия президента (и без того, согласно конституции, немалые в мирное время) по

мере вхождения США в войну стали еще более увеличиваться. 28 апреля 1917 г. президент Вильсон издал распоряжение о цензуре кабельных, телефонных и телеграфных сообщений. Он одобрил закон о шпионаже, цензуру прессы. Именно федеральная власть по новому законодательству осуществляла контроль над экспортом страны. Новые законы облекали президента почти диктаторскими полномочиями. В своих контактах с союзниками Вильсон использовал это «повышение» своего статуса как лидера страны.

* *
*

Вступление в войну потребовало нахождения оптимальной линии взаимоотношений с союзниками. Вильсон усилил экономические рычаги правительства, получив право предоставления союзникам займов на сумму 3 млрд. долл. (Министр финансов Макаду вспоминает слова Вильсона при получении этих прав: «Чтобы сделать из друга врага, дай ему в долг деньги». Вильсон как бы предвидел бесконечные послевоенные споры о долгах.)

С началом военных действий США против Германии союзники попросили у американцев два вида помощи, которые синтезировал в своем послании премьер-министр Ллойд Джордж: «Первое: вы должны помочь Франции и союзникам на фронте возможно большим числом бойцов, которых следует как можно раньше обучить и экипировать. Это необходимо, чтобы мы могли выдержать напор германского наступления в течение будущего года. Второе: вы должны помочь нам восполнить дефицит нашего судостроения в этом году, расширив ваши верфи и увеличив выпуск военных кораблей до невиданных еще до сих пор размеров».

Когда правительственная делегация Англии во главе с министром иностранных дел Бальфуром прибыла в апреле 1917 года в США, в ее первом отчете стояли слова: «Когда приезжаешь из Англии в США, процветание и богатство Штатов просто поражают...» Так Англия, богатейшая империалистическая держава XIX века, признала колоссальный экономический прогресс своей бывшей колонии, частично порожденный конъюнктурой военного времени. Так творилась история. Англичане, стремясь сокрушить германского конкурента, теряли мировую мощь. А ее подхватывали те, кто сумел воспользоваться глупостью европейцев.

Президент испытывал удовлетворение от того, что такой колосс, как Великобритания, униженно просил помощи у своей бывшей североамериканской колонии. 28 июня 1917 г. посол Пейдж с пометкой «чрезвычайно срочно» прислал из Лондона известие о том, что «у английских финансовых агентов в Соединенных Штатах средств ровно столько, чтобы продержаться один день», и если США не помогут своей прежней метрополии, Англия отменит золотой стандарт. На межгосударственном уровне канцлер британского казначейства уведомил, что в случае, если правительство Соединенных Штатов не оплатит английских расходов в Америке, «вся финансовая структура» Англии рухнет в течение нескольких дней. Англичане дали также знать, что своих запасов зерна им хватит лишь на восемь недель. Это ли был не знак того, что мировое лидерство передается другой англосаксонской державе?

В США с подозрением относились к громадным военным заказам союзников. Политические и промышленные вожди Америки были согласны поддержать военную мощь союзника во время кризиса, но они же не хотели укрепления партнеров, с которыми придется решать мировые дела на грядущей мирной конференции. Так, министр финансов Макаду и полковник Хауз без обиняков запросили главу английской миссии Нортклифа и французской — Тардьё: «Можете ли вы заверить нас в том, что сталь для английских судов, пшеница для Франции, уголь для Италии, паровозы и железнодорожные материалы для России необходимы для победы?.. Существует общее подозрение, что значительная часть громадных русских заказов на паровозы и железнодорожные материалы предназначена для того, чтобы упорядочить транспорт в России после войны». Тем самым американцев очень беспокоило, чтобы послевоенный мир не перешел определенную грань достатка, чтобы мощь Америки не потеряла своего значения, чтобы экономический рычаг помогал американцам в создании желаемой ими международной системы.

Обращаясь к ближайшему окружению Вильсона, следует отметить, что в результате потрясений первой половины 1917 года почти распался «железный треугольник» Вильсон — Хауз — Лансинг. Двое последних не в меру ретиво подталкивали президента к вооруженному выступлению, и это частично отдалило их от самоуверенного и чувствительного президента. Летом, когда выбор уже был сделан, Вильсон начал восстанавливать первый эше-

лон своей дипломатической элиты. Он навестил Хауза в его имении «Магнолия» и в долгих беседах, размышляя о мировых перспективах, постарался восстановить контакт с техасцем. С Лансингом дело было сложнее. Вильсон жаловался Хаузу на потерю чувства локтя с государственным секретарем и даже помышлял о его замене. Президента раздражали житейские привычки Лансинга, его обеды за полночь, постоянный кофе и бесконечные сигареты. Стиль письма Лансинга стал казаться ему туманным. Обсуждался вопрос о замене его Бейкером. Полковник Хауз же полагал, что именно теперь, когда США наконец стали участником конфликта и полноправным союзником Англии, англомана Лансинга следовало оставить на его посту. В течение двух дней, проведенных в доме Хауза, Вильсон был необычно откровенным. Он говорил, что считает себя «демократом в стиле Джефферсона, имеющим аристократический вкус». Теперь он более высоко ставил Линкольна в американской истории. Жаловался Хаузу на нервозность перед публичными выступлениями.

Полковник Хауз полагал, что президент слишком многое взвалил на себя, не делегируя ответственность подчиненным. Это создавало трудности, в частности, для дипломатии, когда требовалось следить одновременно за Европой, Латинской Америкой и Японией.

* * *

То, как понимал президент Вильсон равенство в международном сообществе, хорошо иллюстрирует следующий эпизод. Еще недавно президент среди оваций провозглашал право всех наций, включая малые, на самоопределение и собственную внешнюю политику. Святые принципы, святыя слова. Но как только посол Бернсторф отбыл из американской столицы, Вильсон потребовал от латиноамериканских стран разрыва отношений с Германией. Устрашенные северным колоссом, шесть из них порвали отношения с Германией, а восемь объявили ей войну. Не моргнув глазом, Вильсон сделал так, что «право самоопределения» стало правом следовать указанию Вашингтона.

Стремясь укрепиться в стратегических пунктах, президент Вильсон послал специальную миссию в зону Панамского канала (ее возглавил тогда еще неизвестный Дж. Ф. Даллес), а на Кубу отправил морскую пехоту и корабли. И Кубе и Панаме не помогло, что они, раболепно следуя за США, объявили войну неведомой им Германии

на следующий же день после США. Таково было самоопределение в латиноамериканском варианте дипломатии Вильсона.

Особый предмет забот представляла Япония. Объявление ею войны Германии отнюдь не восхитило Вашингтон. Конкуренция США с Японией в Китае вступала в ту фазу, когда Штаты превращались в сторону, теряющую влияние. В пылу войны (когда обещания давали и забывали, руководствуясь мотивами военной угрозы нации) и Англия, и Япония, связанные между собой союзом 1902 года, обещали американцам уважать целостность Китая, то есть допускать туда США, а не рвать сразу Китай на зоны своего влияния. Действовало это успокаивающе. Со стороны Токио последовали устные и письменные попытки конкретизировать эти обещания, словно бумага могла сдержать очевидный порыв растущего империалистического центра Азии.

Самообман вильсоновской дипломатии длился недолго. В январе 1915 года японское правительство секретно вручило китайскому правительству так называемое «двадцать одно требование» — один из наиболее наглых документов империалистической дипломатии XX века. Как ни отбивались китайцы, поочередно обращаясь за помощью к Лондону и Вашингтону, мощь Японии была зрима, близка, внушительна, и китайское правительство, не имея альтернативы, сдалось. Вышедшие на мировую арену японцы вопрошали, почему они должны соблюдать в Азии принципы, которые беспардонно нарушаются в Европе. Единственное, что мог сделать сфокусировавший свое внимание на Европе Вильсон, — это не признать законности навязанных Китаю условий и сохранить за собой право поднять этот вопрос в будущем.

Он был уязвлен дипломатическим триумфом империалистической Японии, но не видел реального пути повлиять на нацию самураев. К тому же он полагал, что чрезмерная реакция США лишь спровоцирует японцев в Китае, ускорит поглощение крупнейшей страны мира самым молодым империалистическим хищником. В лучшей пресвитерианской традиции Вильсон изобразил Китай в апреле 1915 года «пробужденным голосом Христа». Манкируя всеми очевидными, почти диаметрально различными США и Китая, он провозгласил свою веру в «общую концепцию свободы, ведущей к прогрессу человечества», которую Китай разделит с Америкой. Гордящийся своим аналитическим умом политик упорно и слепо верил

в христианизацию Китая, в успех тех христианских миссий, которые взялись за невозможную задачу борьбы с конфуцианством, буддизмом и даосизмом в среде сотен миллионов китайцев.

Усилия Вильсона оказать на Японию воздействие совместно с Англией и Францией дали результаты, противоположные желаемым. Англия и Франция в ответ на обещание японцев более активно противостоять германским подводкам признали право Японии на полуостров Шаньдун и ряд островов в Тихом океане. США оказались в полном дипломатическом проигрыше. Бессильно взирая на Восточную Азию, Вильсон ждал лишь окончания войны в Европе. Его общая стратегия на будущее в этом регионе уже определилась: разрушить англо-японский договор, создать единый с европейцами фронт против Японии в Китае. (Его наследники в Белом доме постарались пойти именно этим путем, о чем наиболее наглядно говорит Вашингтонская конференция 1922 г.)

Пока же Вашингтон достиг крайней степени ожесточения в отношении Токио. В конечном счете зримое недовольство Вашингтона оказало некоторое воздействие на Токио. В японских правящих кругах к лету 1917 года обрело реальную форму опасение, что грандиозная мощь Соединенных Штатов может быть в будущем перенаправлена на азиатского конкурента США. Поэтому токийский кабинет решил прибегнуть к дипломатическим мерам прикрытия. В Вашингтон был послан один из наиболее талантливых дипломатов империалистической Японии — виконт Исии с заданием постараться «спустить на тормозах» антияпонскую тенденцию внешней политики Вильсона.

Как это ни фантастично звучит, президент Вильсон допускал возможность войны на два фронта: в Европе — против Германии, в Азии — против Японии. В ходе сугубо секретных обсуждений он указал, что японское нападение на Филиппины «представляет собой вероятный поворот событий, который нельзя игнорировать». Внешне любезный с Исии, президент весьма твердо изложил японскому эмиссару американские претензии. А государственный секретарь Лансинг посвятил японскому коллеге тринадцать продолжительных бесед, результатом чего было соглашение от 2 ноября 1917 г., известное как «соглашение Лансинга — Исии».

Способом сгладить, найти приемлемый компромисс в американско-японских отношениях явилось соглашение о

признании США «специальных интересов» Японии в Китае, заключенное в ноябре 1917 года в ходе закрытого обмена нотами между государственным секретарем США Лансингом и главой специальной японской миссии Исии в Вашингтоне. Считаясь с возможностью перехода Японии на сторону Германии, американское правительство сочло необходимым согласиться на определенных условиях признать «специальные интересы» Японии в Китае, которые, по толкованию Лансинга, «не являются политическими». При этом в соглашении добавлялось, что Япония будет соблюдать принцип «открытых дверей», территориальную целостность и независимость Китая. В секретном приложении к соглашению Япония обещала «не добиваться особых прав в Китае». В результате каждая из сторон толковала это соглашение на свой лад.

Вильсон тщательно следил за этими переговорами, дважды вмешивался в их ход. Найденный компромисс был довольно странным. Прежде всего потому, что соглашение, обязывающее Японию придерживаться доктрины «открытых дверей» в Азии, было секретным — якобы из уважения к японскому общественному мнению. Каков был смысл соглашения, обязывающего Японию уважать права других стран в Китае, если оно никому не было ведомо? Сам документ был полон двусмысленностей и позволял различные толкования. По крайней мере японские дипломаты представили китайцам дело так, что США уступили, что соглашение — крупный успех японской дипломатии, знаменующий собой генеральное отступление США в Азии. Обескураженные китайцы, вступившие в войну, собственно, ради получения американской поддержки, теперь трепетали, слыша японскую интерпретацию неведомого им документа, легализующего якобы японские претензии на Китай как на сферу их «особых интересов». Им трудно было представить панику американского руководства, направившего свои основные усилия на Европу и «оголившего» азиатский фронт своей дипломатии. Но, даже понимая степень своей немощи в азиатском регионе, президент Вильсон писал государственному секретарю Лансингу 3 июля 1917 г.: «Японское политическое влияние в Китае — это то, с чем мы не согласимся». Госсекретарь Лансинг старался именно так представить дело китайцам. Но в конечном счете тем было виднее, и они верно понимали суть происходящего на азиатском театре действий: чаша весов склонилась в пользу японской стороны, и напрасно Вильсон их убаюкивает.

Понимая суть происходящего достаточно отчетливо, американское руководство сделало вынужденный выбор. Оно сконцентрировалось на европейской арене мировой борьбы и не могло в текущих обстоятельствах бросить всю мощь США против усиленно вооружающейся Японии. Если азиатского агрессора нельзя было приструнить, нужно было обеспечить в это критическое время его расположение. Поэтому Вильсон постарался сделать примирительные шаги. 19 октября 1917 г. он принял японскую торговую комиссию, а позднее послал своего старого принстонского знакомого Р. Мориса умерить страсти в Токио.

* * *

Главной темой, которую втайне обсуждали президент Вильсон и полковник Хауз на вилле «Магнолия», были взаимоотношения США с коалицией, к которой США присоединились. Оба сошлись на том, что громкие декларации здесь могут повредить делу достижения американского лидерства. Главным посредником между Вильсоном и английским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем стал представитель английской Интеллидженс сервис в Вашингтоне сэр Уильям Уайзмен. Хауз устроил все так, чтобы Уайзмен встретился с президентом Вильсоном, минуя обычные дипломатические каналы. Это была «случайная встреча» во время приема в «Панамерикан билдинг» поздним вечером 26 июня 1917 г. Их внимание друг к другу было заметным для окружающих. Позднее сэр Уильям получил приглашение на обед в Белый дом. Заметим, что Уайзмен опирался на разветвленную сеть, но самым ценным его «приобретением» был тесный контакт с полковником Хаузом, который жил в Нью-Йорке в одном с ним доме (этажом выше). Уайзмен пользовался особым кодом, и его донесения имели исключительный вес в британском Форин оффисе. Так был создан прямой канал личной связи между президентом Вильсоном и английским руководством.

В Лондоне умели считать. С начала войны по 1 апреля 1917 г. в США было направлено 190 млн. фунтов стерлингов золотом. На протяжении всей войны из Англии в Америку перекочевало золота и ценностей на сумму около 600 млн. фунтов стерлингов. Когда эти средства были исчерпаны, англичане стали прибегать к коммерческим займам на денежном рынке США. Общая сумма этих займов составила более 300 млн. фунтов стерлингов.

Англичане еще и авансировали ряд военных закупок союзников. В результате общие английские закупки во время войны к апрелю 1917 года составили 4,3 млрд. долл. А это означало, что солнце начало закатываться для Британской империи и восходить над американской.

В мире, ради построения которого Вильсон вступил в войну, прежние колониальные державы должны были потесниться. Английский представитель в США лорд Нортклиф писал премьеру Ллойд Джорджу 21 августа 1917 г.: «Здесь вызывает тревогу вопрос о сохранении германских колоний в Африке... Нужно разъяснить нашу точку зрения. В противном случае американцы не поймут, почему нам важно сохранить эти колонии». Не могли англичане воспринимать без негодования и политику американского правительства в отношении торгового флота. До войны Америка обладала флотом, который был равен лишь трети британского. Но к концу войны построенный американцами торговый флот должен был превысить британский. Тот же процесс наблюдался и в военно-морском строительстве. Уже в первые десять месяцев участия в войне США приняли решение ввести в строй не менее 267 самолетов военно-морского флота для борьбы с подводными лодками. Соединенные Штаты стали создавать крупный флот подводных лодок — более 100. Крупные силы судостроительной промышленности были брошены на постройку грузовых судов.

Наступало время определить место США в коалиции. Если страны Антанты считали этот вопрос чисто техническим, поскольку США выступили против общего противника, то они ошибались. Вильсон долго обдумывал свой курс в коалиционной стратегии и пошел довольно неожиданным путем. Он демонстративно назвал Соединенные Штаты не новым членом коалиции, а «ассоциированной державой». Это говорило о том, что цели у европейских метрополий и у США различны, как различно их видение будущего мира.

В отличие от Ф. Рузвельта, старавшегося во второй мировой войне отложить сложные вопросы мироустройства «на потом», В. Вильсон с самого начала, с первых дней вступления в антигерманский фронт поднял значимость вопросов будущего. Он не затушевывал, а обратил внимание союзников на специфику американского дипломатического курса. Первое такое объяснение американской позиции произошло в апреле 1917 года, когда Вашингтон посетил новый (сменивший Грея) министр иностранных дел Анг-

лии лорд Бальфур. Беседа с Бальфуром на данном в честь английского гостя обеде разочаровала Вильсона. Их разговор оказался бессмысленным словесным фехтованием. Огорченный Вильсон был склонен винить в напрасной потере времени манеру поведения государственного секретаря. Именно после этой встречи он пишет, что у Лансинга «деревянная голова» и что тот блокирует конструктивный элемент в переговорах. Вильсон хотел знать самые большие секреты Антанты — их внутренние тайные договоры — и хотел знать их возможно полнее, поскольку от этого зависела американская союзническая дипломатия. Официальный обед оказался плохой ареной для доверительного обмена.

Как выяснилось, английского министра нужно было подготовить. Хауз энергично взялся за дело. Он объяснил, что США вступили в войну с целью конструктивного участия в перестройке мира, а не ради освящения нового передела европейских и заморских территорий, уже подготовленного втайне странами Антанты. Хауз заявил, что эти тайные договоры были подписаны под влиянием военной необходимости, когда нужно было скрепить, привлечь новых союзников, заинтересовать новые политические силы. Теперь ситуация изменилась. США с их огромным потенциалом стали надежным тылом союзников. Можно не сомневаться, что Центральные державы не выдержат напора свежих сил; победа стала в известной мере гарантированной. Следовательно, изменилась общая дипломатическая обстановка и в новых условиях нужно найти более реалистичный подход к послевоенному урегулированию.

Это была мягкая обкатка идей, которые обрушил на Бальфура президент Вильсон вечером 30 апреля 1917 г. на встрече в Белом доме. Вильсон специально отдохнул в послеобеденное время, чтобы предстать перед британским гостем в хорошей физической форме. Ведь предстояло обсудить самое существенное, то, ради чего, собственно, США предпринимали попытки вклиниться в ряды европейского синклита. Стенографического отчета об этой встрече не существует. Известно лишь, что Вильсон узнал о Лондонском договоре, обещавшем Италии территориальные приращения в зоне Адриатики. Позднее, в 1920 году, лорд Бальфур заявил, что во время этой встречи он раскрыл все основные секреты, описал все основные внутренние сделки стран антигерманской коалиции. Президент Вильсон не восстал против этих сделок, но твердо указал,

что США никоим образом несвязаны и не будут связаны этими тайными договорами. Вильсон находился в двусмысленном положении. С одной стороны, он чувствовал, что яростное выражение несогласия на этой стадии может повлечь непредвиденные последствия. С другой стороны, его молчание могло быть воспринято как согласие с прежними договорами. Поэтому он в основном ограничил себя декларацией непричастности США, провозглашением «свободы рук». Бальфур пообещал прислать Вильсону копии тайных договоров. Через некоторое время Бальфур прислал пакет с копиями нескольких тайных договоров и своим письмом-комментарием. При этом Лондон счел целесообразным утаить некоторые из соглашений. Так, английский министр ничего не сообщил, к примеру, о таких интересующих США вопросах, как соглашение с Японией о статусе Шаньдуна и тихоокеанских островов.

Возникающее в стане атлантических союзников соперничество ощущалось даже в Берлине. 14 сентября 1917 г. генерал Людендорф послал канцлеру Михаэльсу меморандум, в котором говорилось: «В настоящий момент Англия, очевидно, опасается, как бы верховенство в Антанте не перешло к Америке». В германском генеральном штабе верно отметили факт начавшегося соперничества двух ведущих англосаксонских держав.

Англичане почувствовали холод, исходящий от их нового и долгожданного союзника. Но, с их точки зрения, в условиях крайнего ожесточения на военных фронтах на дипломатическом фронте не стоило рисковать. Чтобы заблокировать процесс взаимного отчуждения в этот критический час, динамичный Ллойд Джордж (столь же презрительно относившийся к порочной дипломатической рутине, как и Вильсон) послал в США энергичного лорда Нортклифа, снабдив его широкими полномочиями.

Вильсон принял Нортклифа 16 июня 1917 г., и тот сразу дал знать, что «очарован президентом». На самом деле англичане спешно приводили к разумным пропорциям свои первоначальные необузданные надежды, связанные со вступлением первой промышленной державы мира в их лагерь.

У таких столпов британского империализма, как Ллойд Джордж и Черчилль, не могло не возникнуть чувства, что полностью значение присоединения к ним Америки раскроется лишь позднее. И не следует питать иллюзии. Как сказал постоянно соперничавший с Ллойд Джорджем в красноречии Черчилль, «иметь союзников

сложно; хуже, чем их иметь, лишь одно — не иметь их вовсе».

В результате рекогносцировок на разных уровнях английское руководство пришло к выводу: в лице Соединенных Штатов оно имеет самого важного, но в то же время и самого сложного союзника.

В американском же руководстве окрепло убеждение, что преодолеть британскую линию в мировой дипломатии будет крайне трудно. Но у обеих сторон была и общая платформа — следовало создать механизм американской помощи армиям, которые противостояли попытке немцев овладеть контролем над Европой. Президент Вильсон поручил своему приемному сыну, министру финансов Макаду создать в Вашингтоне межсоюзническую организацию для координации снабжения миллионных армий и колоссальных флотов, определения приоритетов в обслуживании фронта, выработки принципов отношений с европейскими союзниками, чьи многомиллионные армии третий год сидели в окопах. В августе 1917 года в американской столице была создана межсоюзническая закупочная комиссия, председателем которой стал уолл-стритовский делец Б. Барух.

Характерно для Вильсона его отношение к данной закупочной комиссии. Президент не назначил в эту международную комиссию полномочного американского представителя. Американцы были готовы удовлетворить требования союзников, но не хотели создавать даже видимости того, что американские и союзные представители встречаются и обсуждают мировые проблемы. Короче, Америке не во всем по пути со своими европейскими союзниками, у Америки свои цели, свой путь, своя дипломатия. И американцы заявят о себе, когда задача разгрома кайзера будет решена.

Следовало ограничиться решением насущных задач, от которых зависела боеспособность коалиции. Речь шла об экономической и военной стороне дела. Экономические перспективы далеко не радовали. Англия и Франция стояли на грани банкротства. Их военные закупки в США становились спорадическими. Все это предстояло упорядочить. Вперед вышел Уайзмен. Прибыв в Лондон, он настоял на создании объединенного межсоюзнического совета и на том, чтобы в Вашингтон был послан полномочный представитель министерства финансов, поддерживаемый лондонским Сити и высшим политическим руководством. Этот пост занял без промедления виконт Ридинг,

вручивший президенту Вильсону 20 сентября 1917 г. строго доверительное письмо Ллойд Джорджа. Английский премьер излагал в нем свою точку зрения на ведение военных операций.

Нужно сказать, что военная стратегия союзников находилась в состоянии постоянного критического переосмысления. Ллойд Джордж был поборником ударов на периферии, там, где, по его мнению, Центральные державы были слабее всего. Премьер писал, что наступает время, когда нельзя откладывать выбор направления главного удара, когда обстановка начинает требовать привлечения всех резервов. Ллойд Джордж, совершенно очевидно, встретил немалые трудности во взаимоотношениях с союзными Францией и Россией; понятно, что ему хотелось наладить особые связи с США. Ощущая «капризность» курса Вильсона в союзнических делах, Ллойд Джордж стремился обезопасить коалицию от непредсказуемых «поворотов» новичка в мировой политике. Поэтому-то он и предложил американскому президенту наладить тесные личные связи. Он хотел, чтобы на высших советах союзников в будущем можно было опираться на предварительно согласованную линию. В целях выработки общей стратегии, наиболее актуальной задачей которой было обеспечение полной блокады Германии, англичане предложили созвать в Лондоне специальную союзническую конференцию.

Следует специально отметить, что президент Вильсон лично контролировал проблему межсоюзнических отношений, не передоверяя в данном случае контрольных функций никому — ни госсекретарю Лансингу, ни Хаузу. Именно по этому поводу посол Пейдж записал в дневнике 24 ноября: «В определенном и очень важном смысле у нас нет государственного департамента». Хауз писал в дневнике 13 октября по тому же поводу: «Президент предпочитает, чтобы все дела шли к нему, а не в государственный департамент». Вскоре после вступления в войну Вильсон распорядился, чтобы почта из госдепартамента и военного ведомства шла лично к нему. Один из сотрудников Ч. Свет отмечал, что с началом войны Вильсон стал «помешанным на секретности».

Ажиотаж в окружении президента и его новое пристрастие к конфиденциальным контактам можно понять. Все они присутствовали при гигантской исторической трансформации и надеялись выйти из нее, резко укрепив свою мощь. На заседании кабинета 12 октября 1917 г. Вильсон

поделился с присутствующими оптимистическими оценками будущего. Обратим на эти оценки особое внимание. Он предвидел резкое ослабление прежнего силового центра мира — Европы, ослабление региона в целом, вне зависимости от того, какая из коалиций победит. Это приведет к колоссальной перестройке всей системы международных отношений, всей мировой дипломатии. Во-первых, США станут главным средоточием индустриальной и агропромышленной мощи, они резко потеснят европейские метрополии на всех мировых рынках. Во-вторых, Европа не сможет осуществить восстановление и реконструкцию без американской помощи. Президент Вильсон прямо сказал кабинету, что послевоенная Америка будет столь богатой, что одним своим экономическим могуществом, одной своей способностью предоставить или не предоставить кредиты она сможет навязать свою точку зрения всей Европе.

Это был преходящий период упоения силой, период уверенности в способности Америки осуществить лидерство не только в Западном полушарии, не только на периферии мира, но и в регионе, который более пяти столетий доминировал на мировой арене. Не так уж много в истории дипломатии XX века было периодов, когда американское руководство безоглядно верило в возможность контроля над европейским регионом, да и над мировым развитием в целом.

Ради реализации этого контроля целесообразным виделось придание более активного характера отношениям с Англией*. И Лондон шел навстречу этим пожеланиям. Англичане предлагали обеспечить координацию действий на периодических союзных конференциях. При общей расположенности к англичанам Вильсон сразу же воспринял эту идею скептически. Присутствие на тайных советах Антанты могло быть лестным только тем, кто не имел собственного видения мирового процесса, кто думал не о лидерстве, а о коллегиальности. Вильсон полагал, что на таких конференциях США будут лишь одними из многих, равными среди равных, а это было как раз то, чего

* Правда, и Вильсон, и Хауз нашли в Д. Ллойд Джордже менее покладистого политика, чем Асквит или Грей. В своей переписке творцы американской политики отмечали те моменты дипломатии Ллойд Джорджа, в которых просматривалось желание использовать Вашингтон в своих интересах. Так, Хауз писал президенту 18 сентября по одному из частных случаев: «Англичане хотят заблокировать для всех дорогу к Египту, и Ллойд Джордж хотел бы использовать для достижения этих целей нас».

следовало избегать. С точки зрения президента, послать полномочную делегацию США на конференцию означало сделать неверный шаг, так как это приведет к тому, что обкатанный механизм англо-французского сотрудничества задавит американских новичков в коалиционной стратегии. И Вильсон принимает особое решение. Прежде всего он поручает руководство делегацией ближайшему доверенному лицу и другу полковнику Хаузу, полностью разделяющему желание президента стоять не рядом, а выше союзников.

В очередной раз наиболее доверенный представитель Вильсона прибыл в Европу. Теперь уже он не претендовал на привилегированную нейтральность, он представлял нового и могущественного члена воюющей коалиции. А коалиция эта к моменту прибытия Хауза в Лондон переживала тяжелые времена. Главным среди новых мировых событий была Октябрьская революция в России. Большевики во главе с В. И. Лениным пришли к власти, обещая мир народам. Лидеры Антанты содрогались от влияния таких предложений на свое население, на перспективы империалистической войны. В буржуазных газетах подавалась «удобная» трактовка Октябрьской революции: большевики — это эпизод, странная aberrация истории. Но факт возникновения новой власти в Петрограде поневоле служил фоном всех разговоров и речей: выход России из войны менял общую ситуацию.

На других направлениях мировой войны положение Антанты в эту осень 1917 года было также малозавидным. Напряжение войны сказывалось в Париже, где военный кабинет думал об отставке. На юге итальянцы подтверждали свою дурную военную репутацию. Чтобы стабилизировать итальянский фронт, антантовские союзники предпринимали крайние усилия. Потрясения войны сказались даже на прежде относительно стабильном Лондоне. Среди влиятельных лондонских политиков росло убеждение, что, подчиняясь логике отчаянной войны, британский кабинет, занятый латанием дыр коалиции, размывает важные интересы Англии в Европе, ставит под удар единство империи.

И все же у Лондона практически не было выхода. Советская Россия выходила из империалистической войны. Кайзеровская Германия поворачивалась на Запад. Правительство Д. Ллойд Джорджа в этих обстоятельствах было вынуждено более, чем прежде, полагаться на заокеанского союзника. В целях укрепления важных связей

Антанты с США полковник Хауз по личному указанию премьера получил доступ ко всем секретам, ко всей тайной дипломатической переписке министерства иностранных дел Англии.

Это был период войны, когда недостатки военной координации союзников проявились самым очевидным образом. Превосходные железнодорожные магистрали Центральных держав позволяли им быстро концентрировать войска на избранных участках многочисленных фронтов. В описываемые дни удар был нанесен на юге — по итальянской армии, и она бежала. Новая оборонительная линия здесь удерживалась лишь за счет того, что французы перебросили в Италию часть своего резерва. Ллойд Джордж объявился на итальянском фронте и оттуда наиболее эффективным и убедительным образом призвал союзников к координации военных усилий. Нависшая над Антантой опасность исключала дальнейшее промедление. Под влиянием военной необходимости в эти дни создается Верховный военный совет союзников. У этого органа было как бы два этажа. Верхний — политический — занимали главы государств и правительств (обязавшиеся встречаться ежемесячно), нижний — военный — представлял собой общий штаб, в который входили постоянные военные представители воюющих стран.

Ллойд Джордж вернулся в Лондон и первым делом попросил полковника Хауза выделить американского представителя в Верховный военный совет. Это было время сомнений (если не паники) для Хауза. Водоворот событий как бы захлестывал его, вовлекал в общие усилия. Этого, безусловно, требовала военная необходимость. Но именно от этого в первую очередь предостерегал его президент Вильсон. Мы видим, что политическая стратегия пришла в противоречие с военной. Полковник Хауз сделал из этого противоречия следующий вывод в письме президенту: «Франция, Англия и Италия договорились образовывать Верховный военный совет и надеются на наше представительство в нем... Я бы советовал не иметь политического представителя в нем, но настоятельно советуя сделать генерала Блисса военным представителем».

Учитывая экстренность ситуации, президент Вильсон ответил незамедлительно. Он согласился со своим эмиссаром, одобрил идею военного совета в том виде, в каком ее воспринимал Хауз, и назначил генерала Блисса военным представителем США. Одобрение Вильсоном создания Верховного военного совета имело оговорку: прези-

дент поддержит его деятельность, лишь «если военный совет не зайдет (в своих полномочиях. — А. У.) слишком далеко».

Получив санкцию президента, полковник Хауз 20 ноября 1917 г. самым откровенным образом обсудил ход ведения войны с Ллойд Джорджем, Бальфуром и Редингом, сообщив им о решении президента участвовать в военной части совета. Через два дня он беседовал с новым премьером Франции Жоржем Клемансо. Важно отметить, что здесь, в Париже, полковник Хауз вместе с маршалом Петеном в значительной мере дополнили предложение Ллойд Джорджа: помимо аппарата военных советников создавался пост союзного главнокомандующего.

Итак, Вильсон и Хауз приняли идею совета, задачей которого было бы приближение дня капитуляции Берлина, а не защита позиций Англии, Франции и Италии в мире. Военные и экономические усилия при воздерживании от преждевременных политических интриг — вот линия, принятая Вашингтоном в качестве главенствующей в конце 1917 года. В течение двух недель полковник беседовал с Клемансо и другими французами о размещении армии Першинга во Франции и ее подготовке, а также об интенсификации экономических связей. Он, как и президент, считал, что в эти дни закладываются основы успешной американской дипломатической игры в Европе.

Революция в России

Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводил меня до изнеможения. Эта проблема как ртуть ускользала при прикосновении к ней.

(В. Вильсон — Э. Хаузу, 8 июля 1918 г.)

15 марта пришло потрясающее известие об отречении Николая II. Президент был смущен наивностью посла США в России Д. Френсиса, который писал, что мартовская революция является «практической реализацией» американского принципа создания правительства, основанного на добровольном согласии управляемых. Президент Вильсон указал, что со всех точек зрения желательно, чтобы США первыми признали Временное правительство.

Сложность происходящих в России процессов ускользнула от внимания президента-историка. Он полагал, что республиканская Россия станет более мощным военным противником Германии, но не видел, что чуждая России жестокая война потеряла массовую поддержку, что Россия едва удерживает свой фронт, что всеобщий клич (политически поддерживаемый тогда лишь большевиками) — мир на русско-германском фронте. В этом смысле дипломатия Вильсона допустила серьезный просчет.

Видя опасность выхода России из войны, полковник Хауз и посол Временного правительства Б. Бахметьев с одинаковым жаром выступали в защиту якобы антиимпериалистических целей союзников. Американский посол докладывал в Вашингтон, что Временное правительство имеет родственную с американским правительством социальную основу и что именно это правительство достигнет того, чего царизм не мог сделать за два с половиной года, — мобилизует все ресурсы России против Германии и добьется поворота на Восточном фронте. Вильсон не

был столь слеп в отношении дружественности пришедших к власти сил в Петрограде. Он видел широту спектра представленных в Государственной думе партий и полагал, что не общее благоволение, а селекция, выбор наиболее надежных политических партнеров на русской сцене — вот что требуется американской дипломатии.

Вильсон не был, подобно Френсису, обезоружен риторикой Временного правительства, обещавшего добиться перелома на Восточном фронте. Лишь в мае 1917 года он вздохнул с облегчением, когда после очередной реорганизации Временного правительства его новые лидеры во главе с кадетами категорически отвергли идею сепаратного мира с Германией. Только тогда Вильсон выразил «величайшую симпатию» к русской буржуазной революции. Обнадеживающим для него знаком было и то, что Временное правительство выдвинуло идею восстановления Польши. Во время встречи с послом Б. Бахметьевым президент заметил, что теперь США и Россия — партнеры в борьбе за демократию.

Вся дипломатическая игра Вильсона прежде строилась на уверенности во враждебности России (не принадлежащей, по его определению, к первому эшелону белой расы — США, Англии, Германии). Выдвигались геополитические соображения: выступая за сближение Англии и Германии, Вильсон обосновывал необходимость такого союза опасностью возвышения России для Евразийского континента в целом. Ослабление Германии вызывало у него почти параноидальное отношение к возможности возвышения России до уровня «сверхвеликих» держав.

И лишь ощутив перспективу ослабления Германии, столкнувшись с прочным союзом Англии и Франции и тяготением малых стран к англо-французскому блоку, президент Вильсон начал задумываться о необходимости иметь на Востоке противовес и англичанам, и французам, и японцам. Таковым могла быть лишь Россия. Именно поэтому между мартом и ноябрем 1917 года он довольно решительно меняет курс, переходя от прежней враждебности к поддержке России. Президент довольно неожиданно пишет послание о чувстве дружбы, испытываемом американским народом к русскому народу. Он предостерегает русских от веры в способность германцев трансформировать свой автократический строй в либеральный, изменить враждебное отношение к России на дружественное.

Одним из важных элементов новой русской дипломатии Вильсона стала посылка в Россию специальной американ-

ской миссии. Об иллюзиях Вильсона, о его слабом понимании происходящих в России процессов говорит выбор главы этой миссии. К Временному правительству, возглавляемому представителем мелкобуржуазной партии эсеров, была послана миссия во главе с крайне консервативным политиком, «любимцем» Уолл-стрита, адвокатом крупнейших американских компаний — прежним государственным секретарем Э. Руттом. Даже в Вашингтоне поднялся ропот, и президент в последний момент постарался «уравновесить» архиреакционного Рута включением в миссию умеренного социалиста и представителя профсоюзов. Официальной задачей миссии было «найти наилучшие способы и средства осуществления эффективного сотрудничества между двумя правительствами в ведении войны».

В новой геополитической обстановке, с настороженными англичанами и французами под боком Вильсон в своем повороте к России зашел так далеко, что признал ее военные цели. Первым шагом на пути этого признания был демонстративный отказ от критики «преждевременных» соглашений. А с прибытием в Петроград миссии Рута молчание американской стороны стало, по существу, знаком согласия на послевоенное приобретение Босфора. Рут сигнализировал о готовности Вашингтона вести и расширять дела с Петроградом при условии форсирования военных усилий русскими. Это была довольно циничная позиция. Объем кредитов, объявил Рут, будет зависеть от масштаба наступательных военных операций. Эта плата за военнополитическое сотрудничество была определена в 325 млн. долл. под низкие проценты. Крупная сумма, если посмотреть, с чего начинали западные союзники Америки, и, разумеется, малая жертва на фоне массовых потерь русской армии во время каникул американских войск.

Американцы постарались закрепиться в России. Создавались комиссии американских железнодорожных инженеров для оказания помощи в эксплуатации русских железных дорог. Американский Красный Крест создавал новые филиалы в России. На идейном фронте американцы занялись нейтрализацией германской пропаганды на Россию. Свидетельством большого внимания Вильсона к русскому фронту служит то, что президент лично напутствовал американцев, отправляющихся к крупнейшему союзнику Америки. Госсекретарь Лансинг и полковник Хауз делились с отъезжающими своими соображениями о сути американского подхода к России. Не зная языка, не будучи знакомыми с проблемами обескровленной

России, эти люди твердо усвоили главную задачу — укрепление русского фронта. Альтернативы для них не существовало. Горы документов, порожденных американским посольством в России и наводнившими ее эмиссарами Вильсона, говорят преимущественно об одном: энергичные проводники империалистической политики США не понимали сути захвативших Россию процессов. И их президент был не более осведомлен о надвигающейся в России политической и социальной угрозе, чем другие лидеры Запада. Пожалуй, лишь полковник Хауз, связанный с английской разведкой в Петрограде, ощущал дуновение новых ветров истории. Ближе к осени он стал просвещать президента, говоря о возможном политическом катаклизме на Востоке. Хауз отмечал притягательность мирной и пацифистской агитации, он указывал на то, что, если не перехватить идеологическую инициативу, ненависть к войне приобретет организованные формы.

Идеологический вызов всегда был по сердцу президенту Вильсону, искусному в мире слов и идей. Хауз настаивал на выдвижении американским «апостолом свободы» привлекательной идейной доктрины, которая консолидировала бы разнородные силы в России, укрепила бы престиж Америки, а главное — отвела бы мину, подложенную под Восточный фронт.

14 июня 1917 г. президент Вильсон произнес речь, важную в плане идейной борьбы, разворачивающейся в континентальной Европе. Он впервые дал свое полное трактование мирового конфликта. В этой речи президент Вильсон прямо и без экивоков обвинил Германию в развязывании мировой бойни: «Войну развязали военные властители Германии, которые доминировали и над Австро-Венгрией». Он обвинил военную клику Германии в продолжении войны: «Военные властители, под игом которых Германия истекает кровью, ясно видят тот рубеж, который судьба начертала им. Если они отступят хотя бы на дюйм, их влияние как за границей, так и внутри страны рассыплется на части, словно карточный домик». Главная надежда немцев — заключить мир немедленно, пока их армии попирают страны Европы. И в этом плане они используют пацифистские и либеральные силы в европейских странах. Но горе легковерным! «Стоит немцам добиться своего, и эти люди (сторонники мира. — А. У.), ныне выступающие их сторонниками, будут раздавлены создаваемой великой военной империей; революционеры России будут отрезаны от любой помощи или сотрудни-

чества с Западной Европой, контрреволюция будет ускорена и поддержана, Германия потеряет собственный шанс на освобождение, и вся остальная Европа будет вооружаться для следующей, окончательной схватки».

В то самое время, когда Вильсон обличал германский империализм, Германия старалась не упустить возможности воспользоваться мирными переговорами и закрепить удовлетворяющий ее статус-кво (оккупация германскими войсками обширных территорий на востоке и западе Европы). Для верности нужно было дискредитировать англичан и французов. 29 июля 1917 г. канцлер Бетман-Гольвег объявил представителям прессы, что делу заключения мирного договора препятствуют хищные и жадные западные державы, которые не могут отказаться от политики завоеваний и заключили между собой империалистические секретные договоры.

Германское пропагандистское наступление подстегнуло поиски Вильсоном оптимального дипломатического курса в своей коалиции. Он желал занимать в антигерманской коалиции особую позицию. И, пожалуй, на данном этапе главное: Вильсон боялся упустить Россию как союзника. Помимо стремления сохранить Восточный фронт ему представлялось важным найти в России определенный противовес солидарным между собой англо-франко-итальянским союзникам.

Между тем июльское поражение русских войск привело к падению лидерства кадетов и образованию 20 июля 1917 г. первого правительства Керенского. Керенский, стараясь заручиться поддержкой уставшего от войны населения, предложил созвать международную конференцию. Французский министр иностранных дел Камбон передал это предложение президенту Вильсону. Ответа не последовало, но мы имеем черновик Вильсона, отпечатанный им самим на портативной машинке: «Надо бы найти способ это предложение отвергнуть». Президент хотел укрепить Восточный фронт, он не хотел даже косвенно ослаблять курс «войны до победы» принятием инициатив, имеющих вид поисков компромисса. Он запретил посылать американских представителей на союзную военную конференцию и строго предупредил генерала Першинга и адмирала Симса не принимать, даже частным образом, участников этой конференции.

Задача реализации сложного курса — нахождения сил, способных в будущем уравновесить в Европе Лондон и Париж, — требовала постоянного слежения за пестрой

международной ареной. Прежние механизмы, такие как госдепартамент, не могли «уследить» за перманентной эволюцией соотношения сил и показали свою архаичность. Нужно было организовать исследовательский центр нового типа, быстро откликающийся на мировые перемены. Вильсон с Лансингом обсуждали возможности создания специальной исследовательской организации под руководством Хауза. Получив задание сформировать персональный «мозговой трест» президента, Хауз собрал впечатляющую группу экспертов. Новая организация получила название «Исследование». Директором ее был назначен сводный брат Хауза доктор С. Мезес. Секретарем стал редактор «Нью рипаблик» У. Липпман, исполнительным директором — глава Американского географического общества доктор И. Боумен.

Определяя исследовательскую программу этого центра, Вильсон писал 2 сентября: «Мы должны систематически работать, чтобы возможно полнее и точнее выяснить, чего наши партнеры в войне будут добиваться при окончательном мирном урегулировании, как мы можем сформулировать нашу собственную позицию для защиты или опровержения отдельных их предложений... Короче говоря, мы должны подготовить наши предложения с полным знанием позиций всех воюющих сторон». С самого начала превалирующей в работе этой группы стала идея необходимости созыва мирной конференции, на которой президент Вильсон представлял бы США. Патрон группы полковник Хауз настроен был чрезвычайно оптимистически, он считал созыв такой конференции уникальной исторической возможностью для Америки. В своем дневнике Хауз записал 4 сентября: «Если судьба нам будет благоприятствовать, президент получит такой шанс оставить след в истории, которого не имел еще ни один человек».

Но, чтобы занять это место, следовало реализовать свою схему мирной расстановки сил. А в ее определении принимали теперь участие активные революционные массы. Вильсон уже тогда ощущал угрозу социального взрыва у народов, принесенных в жертву империализму. Выступая как один из крупнейших идейных вождей своего класса, Вильсон пытался доказать, что возможна либеральная эволюция капиталистической системы. Он утверждал, что собственно империализм — это политический анахронизм, господствующий, мол, лишь в кайзеровской Германии. Империалистический характер политики союзников он отрицал. Опасаясь массовых народных выступлений, Виль-

сон стремился овладеть контролем над европейским социальным движением еще до победы над Германией. Ставилась задача «совместить участие в мировой борьбе за могущество с руководством мировым либеральным движением». В Вашингтоне стали активно генерировать идеи, которые должны были обнаружить свою притягательность в случае критического поворота европейской истории. На этот счет у Вильсона главенствовала концепция противопоставления «правителей и управляемых». Именно в этом духе президент Вильсон писал в ответе на миротворческое обращение римского папы в августе 1917 года: «Мир должен быть правом народов, а не правительств — правом народов, великих и малых, слабых или могущественных, — их равным правом на свободу, безопасность и самоуправление».

Внимание президента в эти месяцы смещается на восток Европы. В августе 1917 года полковник Хауз, основываясь на выводах своей исследовательской группы и на информации из Европы, стал советовать президенту внимательно следить за событиями в России. Эта проблема становится предметом детального обсуждения. Вильсон согласился с тем, что ситуация в России требует помощи тем силам, которые выступают за продолжение войны. Хауз твердо рекомендовал президенту «не играть» с идеями расчленения Германии, даже не браться за рассмотрение подобных идей, не грозить Германии тяжелыми экономическими репрессиями. Американская дипломатия должна была двигаться к достижению собственных целей в Европе, а не в русле антантовской ненависти к Германии, она должна была думать о своем месте в послевоенной Европе, а не увлекаться наказанием врага. Именно в русле этих идей Вильсоном была написана дипломатическая нота 27 августа 1917 г., в которой отчетливо просматривается стремление пошатнуть единство немцев — он применил свой испытанный прием «отделения» правящих классов Германии, виновных в войне, от населения страны, ставшего ее жертвой. Это был еще один шаг в создании у многих немцев представления, что Вашингтон смотрит на них милостивее, чем столицы Антанты.

Однако Антанта тоже видела критическую значимость момента и губительность пассивности. Отдать инициативу в руки Вильсона значило молчаливо согласиться с его лидерством. В октябре 1917 года в антантовских кругах вызрела идея созыва союзной конференции в Париже. Главной целью конференции должно было стать «рассмотрение мер, которые могли бы быть приняты с целью

помощи России и предотвращения ее дезинтеграции». Желая заручиться американской помощью во внутренней борьбе, министр иностранных дел Временного правительства настоятельно просил американского посла Френсиса, чтобы Соединенные Штаты были представлены на этой конференции на максимально высоком уровне, предпочтительно государственным секретарем. В эти дни в переписке посла с Вашингтоном наблюдается многозначительный штрих: впервые Френсис докладывает в Вашингтон, что большевистские взгляды получают в России широкое распространение и что, если большевики овладеют доминирующими позициями, их лозунгом будет мир. В отличие от вождей Временного правительства, посол не поддерживал идею участия США в предполагавшейся конференции: новое определение захватнических целей Антанты дискредитирует ее, и конференция «может увеличить силы движения за мир в России». Вильсон полагал, что Френсис неверно определяет ход событий в России. Поэтому он решил послать Хауза на эту конференцию, дав ясно понять, что на ней речь пойдет не о попытках нахождения мира, а об интенсификации союзнических военных усилий.

Американское правительство не видело альтернативы силам, получившим власть в Петрограде. Оно всячески помогало Временному правительству в любых его составах вести «войну до победного конца». Понимание того, что время «борьбы до победного конца» в России иссякает, в Вашингтон не проникло. Еще меньшим оказался прогностический дар президента. Ни он, ни его окружение не увидели, что в стране зрела новая социальная революция. Как оказалось, далеко не все европейское развитие было подвластно Вильсону. Более того, главный на данном этапе процесс — эволюция России — пошел кардинально против президентских устремлений. Как ни стремились американцы укрепить «военную партию» в России, она оказалась обреченной историей. Думал ли Вильсон о цене, которую заплатил русский народ за военную авантюру царя? К моменту подписания Брестского мира на Восточном фронте уже погибли миллионы русских солдат. Это была национальная катастрофа, смягчить которую не могло президентское красноречие. В октябре 1917 года блок буржуазных партий России, своими действиями объективно углублявших невиданную катастрофу, вошел в состояние глубокого кризиса. Выходом из него оказалось крупнейшее событие XX века — Великая Октябрьская социалистическая революция, радикально изменившая всю европейскую и мировую

ситуацию. С приходом к власти партии В. И. Ленина стало ясно, что жалкие попытки правительства США с помощью займов и комплиментов продолжить трагедию русской армии и народа тщетны.

Ставка на буржуазное правительство в России стала одним из крупнейших просчетов дипломатии Вильсона. В дипломатическое планирование Вильсона с сообщениями из Петрограда вторгся новый, непредвиденный и исключительно важный фактор. Новое правительство неведомой для Вильсона политической окраски взяло власть в свои руки и вышибло все карты из рук империалистических заправил Антанты и их заокеанского союзника.

Когда Керенский покидал Петроград, он высказал американскому послу Френсису свое мнение, что «вся эта афера (так он определил Октябрьскую революцию. — А. У.) будет ликвидирована в течение пяти дней».

Пожалуй, быстрее других оценили значимость событий в Петрограде американские военные. Генерал Першинг понял необратимость случившегося и не исключал расширения революционной волны. Он информировал военного министра Бейкера, что «возникает вероятность того, что лишь Великобритания и мы будем продолжать войну, не получая материальной помощи от других стран». Такие суждения обрушивались на Вильсона, как холодный душ.

Между тем 8 ноября 1917 г. телеграф донес до Вашингтона весть о том, что II Всероссийский съезд Советов предложил «всем воюющим народам и их правительствам» начать переговоры о немедленном и всеобщем мире. Большевистское правительство предложило воюющим сторонам объявить трехмесячное перемирие, в течение которого провести необходимые переговоры. Если союзники не примкнут к России, она заключит мир в одностороннем порядке. Одновременно Советское правительство официально и публично отказалось от всех секретно оговоренных предшествующими правительствами претензий России на чужие территории. Большевики дали урок открытой дипломатии — они пообещали опубликовать все тайные договоры, к которым прежде была причастна Россия.

Правительство Ленина обратилось к социалистическому движению, к рабочему классу Англии, Франции и Германии с призывом помочь заключить мир без аннексий, без насильственных завоеваний, без контрибуций и с соблюдением принципа самоопределения. 21 ноября было сделано конкретное предложение германской стороне, и неделей позже — в те самые дни, когда Ллойд Джордж

и Клемансо советовались в Версале с Хаузом, — представители рабоче-крестьянского правительства новой России встретились в Брест-Литовске с представителями Центральных держав и подписали перемирие.

Как откликнулись западные союзники на призыв к миру обескровленной России? Д. Ллойд Джордж сообщил Хаузу, что рассматривает возможность добиться сотрудничества румынского правительства и атамана Каледина в борьбе против большевиков. Посол Франции в Лондоне Ж. Камбон обрисовал Хаузу столь же антисоветски направленные планы. Но сам Хауз опасался пока занимать жесткую позицию. С его точки зрения, Париж и Лондон своим однозначным неприятием нового правительства в Петрограде роют себе могилу, не оставляя новой власти иного выбора, кроме как компромисс с немцами. Под впечатлением первой реакции союзников он послал Вильсону каблогранму, обрисовывавшую опасность «бросить Россию в лапы Германии». Колебания советника президента отражает тот факт, что через несколько дней, 18 ноября, он телеграфировал президенту о мнении Керенского, согласно которому Германия не примет предложения Советского правительства, поскольку Берлину выгоднее просто распространить свой контроль над западной частью России посредством военного наступления, а не в результате некоего мирного договора.

Пока в США не верили в долгосрочность «большевистского эксперимента» и враги большевиков помогали укрепить такое впечатление, в Вашингтоне прежний русский посол Б. Бахметьев дал свою оценку ситуации чиновнику госдепартамента Л. Колкорду: «Большевики не смогут выстоять, они не смогут выполнить свою собственную программу... Америка должна взять инициативу в свои руки, именно от нее зависит судьба войны». Уповая на временность большевистской власти, Бахметьев послал в Париж союзникам телеграмму, настаивая на том, чтобы союзные правительства ответили на инициативу Петрограда. «Главное, — писал он, — чтобы союзники лишили своим ответом большевиков возможности возлагать именно на союзников ответственность за незаключение в текущий момент демократического мира». Он рекомендовал в качестве основы для такого хода взять ответ президента Вильсона на мирное предложение римского папы.

Вильсон до конца своих дней третировал большевистскую власть как непредвиденную нелепость истории, непонятную его профессорскому уму. Поразительный факт:

даже ожидая полномасштабного германского поворота на Запад, президент Вильсон (как и другие лидеры западных буржуазных демократий) ни при каких обстоятельствах не рассматривал возможность контакта с новым правительством России. Факт выхода России из общей империалистической игры подавался как проявление неслыханного политического коварства, и гнев Антанты и Америки заглушил требования здравого смысла, который при более реалистическом подходе требовал бы сохранения каналов связи с великой страной.

Как говорилось выше, уже в первые дни существования Советской власти наше правительство сделало шаги, вызвавшие шок у западных союзников. Советская Россия во всеуслышание отказалась от выдвигавшихся царизмом и Временным правительством претензий на Босфор. Тайные договоры стали достоянием общественности. Мир узнал, какие корыстные мотивы лежали в основе действий тех, кто посылал миллионы людей на бойню. Порожденное Октябрьской революцией правительство предложило странам Антанты и Соединенным Штатам выдвинуть предложение о перемирии на всех фронтах и начать мирные переговоры. Показателем политической слепоты и классовой ненависти служит тот факт, что президент Вильсон не ответил на призыв из Петрограда под публично выдвинутым предлогом, что это может показаться косвенным признанием Советского правительства. До сведения посла Френсиса было доведено, что ответа не будет. В реакционных кругах США уже крепло требование обращаться с Советской Россией как с врагом.

Между тем именно ленинский Декрет о мире стал самым влиятельным документом своего времени, и Вильсон вынужден был признать это. Беседуя с английским послом, он говорил 3 января 1918 г., что Декрет о мире «в Италии — несомненно, а в Англии и во Франции — вероятно оказывает воздействие. В Соединенных Штатах ведется активная агитация. Пока еще рано делать окончательные выводы об эффективности этой агитации. Но очевидным является то, что, если ничего не будет сделано для нейтрализации ее воздействия, влияние агитации увеличится и будет постоянно возрастать».

В верхнем политическом эшелоне Америки началось смятение. Часть ответственных лиц принимала желаемое за действительное, другие отдались во власть эмоций. И те и другие стали жертвами социальной ненависти к победоносной борьбе русского пролетариата. Что следовало

делать дальше? Оптимисты из министерства финансов советовали продолжать военные поставки как ни в чем не бывало, очевидно, полагая, что правительство Ленина — краткосрочный эпизод русской истории. Госдепартамент и «служба» полковника Хауза высказались за прекращение тактики «бизнес, как обычно». Следовало учитывать и точку зрения союзных столиц. Обобщая мнение союзников, полковник Хауз телеграфировал из Парижа: «Русская ситуация расценивается в данный момент как безнадежная. На горизонте не видно появления ответственного правительства. Я бы посоветовал в настоящее время не выдвигать новых инициатив и не позволять дальнейших контактов». Так даже проницательный Хауз обнаружил полную слепоту в отношении правительства Советской России, в отношении степени его контроля над страной, продолжительности этого контроля и «ответственности» этого правительства. Столь же бледно выглядит и американская дипломатическая служба. Потерявший всякие ориентиры, посол Френсис советовал прекратить контакты с новым правительством новой России.

Президент Вильсон изложил свое отношение к Октябрьской революции в России 12 ноября 1917 г. перед профсоюзными руководителями, собравшимися в Буффало. Он объявил, что, хотя его сердце, мол, с «пацифистами в России (подразумевалось большевистское правительство. — А. У.)», его разум отказывается смириться с их идеями. В целом смешанные чувства владели Вильсоном в эти дни. И в первые дни после Октября В. Вильсон еще не встает на путь антагонизма: «Россия, подобно Франции в прошлом, без сомнения, пройдет период испытаний, но ее великий народ займет достойное место в мире».

Главным аргументом, с помощью которого Вильсон хотел воздействовать на новую власть в Петрограде, было указание на смертельную военную угрозу со стороны безжалостного и яростного германского империализма. Вильсон специально избрал арену конвента Американской федерации труда с целью «просветить потрясающую наивность большевиков». В упоминавшейся выше речи он говорил: «Меня изумляет то, что некая группа людей столь плохо информирована, что считает возможным надеяться, как это делают некоторые в России, будто реформы, планируемые в интересах народов, могут выжить, несмотря на противодействие Германии, достаточно могущественной, чтобы сокрушить их с помощью интриги или военной силы».

Но шли дни и недели, и Вильсон, а не Ленин стал

казаться наивным прожектером. Ленин, по существу, нарушил стратегическое планирование Вильсона — большевистское правительство отвергло сами основы буржуазного дипломатического маневрирования. Самолюбивый президент начал прикрывать слабость своего анализа недипломатичными характеристиками. Действия большевиков он стал оценивать как «оперу-буфф». Желая перехватить главное орудие Советской России — ее призыв к антиимпериалистическому миру, он заявил перед объединенной сессией конгресса 4 декабря 1917 г., что мир возможен лишь после победы над германским империализмом и «русский народ, если он желает мира, должен раз и навсегда выбрать себе место среди союзников». По существу, это был призыв к Советскому правительству образовать новую антигерманскую коалицию и довести войну до победного конца.

Октябрьская революция вызвала резкие споры в непосредственном окружении президента Вильсона. После ожесточенных внутренних дебатов выделились два направления, предлагавшие два способа введения Советской республики в лагерь антигерманской коалиции. Первый подход выдвинул полковник Хауз. Он полагал, что у союзников нет выхода, кроме как изменить, «либерализировать» свои военные цели, сделать их более приемлемыми для новой России. Это было отражением своеобразной наивной веры в то, что цели социалистической революции можно при определенной дипломатической ловкости совместить с целями союзников. При этом Хауз (а к его мнению в конце 1917 г. частично склонялся и президент) считал, что задачей американской идеологии является переманивание к себе европейских левых. Это считалось возможным лишь на основе обещаний, что с поражением Германии и демократизацией германской политической системы будут созданы условия для общемирового демократического процесса. Вильсон и Хауз некоторое время верили, что таким образом можно будет идейно подорвать Германию изнутри и одновременно консолидировать союзников.

Второй подход предлагал государственный секретарь Лансинг. Ему казалось крайне опасным «на ходу» изменять цели войны — это могло бы в опасной степени укрепить позиции либеральных и левых партий в странах Антанты, нарушило бы сложившееся в этих странах равновесие, что в конечном счете сыграло бы не в пользу «возвращения» России, а на руку силам социального подъема в Европе. Поэтому Лансинг полагал, что следует не «заигрывать» с

большевиками, а укреплять сражающиеся с ними в России силы.

Лансинг и в целом госдепартамент (в отличие от Хауза и его исследовательской службы), не колеблясь, с первого же дня сделали резкое различие между февральской и Октябрьской революциями. Профессиональные дипломаты попросту утверждали, что помимо Германии у США появился еще один враг — Россия. Госсекретарь Лансинг не видел способа превратить Ленина в Керенского. Лансинг ни на одном этапе не верил в объединение союзнических и русских левых сил, в инкорпорацию Советской власти в глобально-либеральную схему Вильсона. Это был путь, на который скоро встал и сам президент, и этот путь вел к интервенции.

К началу декабря 1917 года Лансинг и Вильсон пришли к заключению, что признание Советского правительства не может быть предметом обсуждения. Лансинг называл Советское правительство не иначе, как «классовым деспотом». Госсекретарь и президент приходят к заключению, что необходима секретная помощь антисоветским силам генерала Каледина. На Вильсона подействовал аргумент, что Россию можно будет лишить всякого влияния в Маньчжурии.

Отношение к России проявилось и в отказе Вильсона и Лансинга от предложения французского правительства присоединиться к Франции и предоставить материальную и финансовую помощь правительству в Москве, если оно решит выступить против Германии.

Чтобы проверить, какой из подходов больше соответствует общему стратегическому курсу, Вильсон и Хауз в феврале 1918 года послали известного своими либеральными убеждениями журналиста Р. Бейкера изучить, в какой степени ощущается «подрывное влияние» большевистской революции в России среди рабочего класса Европы. При этом президент поручил Бейкеру постараться определить способы нейтрализации большевистского влияния и привлечения европейских левых партий на сторону Америки.

Нет сомнения, «многообещающая» риторика Вильсона «смутила» часть мелкобуржуазных политиков. Но серьезного воздействия на рождающиеся революционные группы и партии, ориентировавшиеся на революционную Москву, она иметь не могла. Прогрессивные элементы в Европе видели правду Ленина и подлинный смысл империалистической пропаганды Вильсона. И, разумеется, в Советской России словесный «либеральный антиимпериализм Виль-

сона» был отвергнут как ширма для осуществления захватнических целей Антанты. При этом нужно отметить, что Вильсон понимал уязвимость примитивного отрицания новых русских идей вождями Антанты. Слепой негативизм в данном случае мог вести к провалам. Нельзя было с порога отрицать все то, что принесла миру практика открытой дипломатии Советского государства. На следующий день после начала переговоров советской делегации с представителями Центральных держав в Брест-Литовске президент признал (в своем ежегодном послании «О положении страны»), что цели войны не ясны. Это была попытка нейтрализовать оздоровляющий эффект первых действий советской дипломатии.

Между тем империалистический характер войны становился все более понятным тем массам, которые прежде были одурманены шовинистическим угаром. Сообщение о подписанном в Брест-Литовске перемирии, спасшем жизни миллионов трудящихся, надевших шинели по обе стороны фронта, нанесло удар по буржуазной дипломатии, для которой дипломатия — игра избранных, а серая людская масса — лишь средство в этой игре.

Рассекречивание Советским правительством тайных договоров сделало более сложным делом для западных держав обряться в тогу непримиримых врагов хищного империализма Германии. Их собственные цели, обнаруженные в Петрограде, оказались столь же далеки от благородного идеала. Их империализм стоил германского. Стал ясным общий характер войны — империалистической схватки за преобладание в Европе и в колониальных владениях.

Представляет интерес то обстоятельство, что о некоторых тайных договорах своих союзников президент Вильсон узнал из публикаций Народного комиссариата иностранных дел. Глава английской разведки Уайзмен сообщал в Лондон, что на президента особое впечатление произвел Лондонский договор Антанты с Италией. (Еще посол Временного правительства Бахметьев говорил за несколько месяцев до разоблачений Советским правительством о наличии секретных соглашений союзников и предлагал Соединенным Штатам как «финансовому мотору» военных усилий союзников потребовать от них ознакомления с секретными соглашениями. На это Лансинг ответил, что американскому правительству, возможно, лучше быть в неведении, так как выяснение отношений в текущее время может ослабить военные усилия их партнеров.

И вот неприглядная правда стала достоянием гласности.) В США публикацию полных текстов договоров начала газета «Нью-Йорк ивнинг пост». Мораль дипломатии Антанты предстала в далеком от официально провозглашаемой чистоты виде.

Полковник Хауз, пожалуй, первым среди ближайшего окружения Вильсона понял грозную опасность падения морали благодаря петроградским публикациям. Через два дня после заключения перемирия в Брест-Литовске Хауз в беседе с президентом с глазу на глаз указал, что старая империалистическая Европа не способна выдвинуть более привлекательные цели войны. Эту задачу должна взять на себя Америка. Все это произвело на Вильсона большое впечатление. Он решил попытаться перехватить инициативу и дать новое направление «психологической войне», закрепив за США положение лидера, объясняющего миру, за что борется антигерманская коалиция. В этом был глубокий смысл. Президент постарался одним ударом достичь нескольких целей: во-первых, хотя бы в некоторой степени нейтрализовать эффект советских публикаций; во-вторых, показать Англии и Франции, что теперь именно США определяют характер войны; в-третьих, заручиться поддержкой малых стран; в-четвертых, создать новую идейную среду для форсирования массовых военных усилий. Разумеется, сказались и личные амбиции Вильсона, ведь теперь лично он «определял», за что идет громадная мировая схватка.

Президент поручил Хаузу мобилизовать его «мозговой центр» на подготовительную работу. Следовало выделить те позиции, которые определяли бы работу будущей мирной конференции. Уже на этом этапе Вильсон решил, что свое новое кредо он не может провозгласить безо всякого предварительного оповещения союзников — это было бы чревато непредвиденными осложнениями.

В качестве положений, определяющих характер создаваемого документа, Вильсон выделил следующие. Нужно было постараться вернуть Россию в ее прежнюю коалицию, показав ей угрозу германского доминирования, опасность для общественных свобод в России пруссачества. Нужно было постараться посеять недовольство среди германских социалистов и населения в целом военными целями кайзера, вызвать разлад в стане наиболее мощного противника. Нужно было сделать так, чтобы союзники скорректировали свои планы и цели с новым мощным членом коалиции — Соединенными Штатами.

Специальный представитель Вильсона в России Э. Сиссон торопил президента. Он настаивал на том, чтобы задуманный документ был лаконичным и состоял «почти из плакатных параграфов». Уже обсуждался вопрос о переводе, о засылке миллионов копий в Германию и Россию. Никогда в американской истории — да и не только в американской — не планировалось пропагандистской операции такого колоссального масштаба. Даже хладнокровный Вильсон был явно увлечен ее размахом, он возглавил ее, хотя и говорил окружающим, что «прежде не писал лозунгов и рекламных объявлений».

Значение революции в дипломатии, произведенной большевиками, невозможно было замолчать. Отвечая на брошенный этой революцией вызов, Вильсон готовил главную речь своей дипломатической карьеры об условиях мира. По словам одного из наиболее известных исследователей вильсонизма Ч. Сеймура, «положение в России являлось в некотором смысле главным *raison d'être* (смыслом существования) мирной программы США». Всю первую неделю 1918 года Вильсон обсуждает вопрос, что должно быть сказано о России. Он посвящает почти половину готовящейся программной речи событиям в России, Брест-Литовскому миру. Президент отталкивался от непрочности этого мира. Он делал акцент на том, что в Брест-Литовске напротив советской делегации сидели «военные лидеры, у которых не было иной мысли, кроме как удержать захваченное». Задним числом президент как бы «примазывался» к успеху советской дипломатии: желание России вести открытые переговоры отражает, мол, «подлинный дух современной демократии». Эта демократия постарается, мол, соответствовать моральным принципам, исповедуемым Россией.

В этой получившей большую огласку речи о «14 пунктах» — американской «хартии мира» — президент выступил опытным и умелым адвокатом своего класса, правящей элиты своей страны. Он отнюдь не стал хулить петроградские публикации, напротив, он похвалил новые высокие стандарты в международных отношениях, методы открытой дипломатии, продемонстрированные Советской Россией. Вильсон противопоставил ей тайную дипломатию, скрытые от народов договоры, манипулирования судьбами народов. Но он назвал подлинными мастерами тайной дипломатии не смиренных овечек из лагеря Антанты, а злых волков в Берлине и Вене. «В среде противостоящих Центральным державам стран нет смятения, — утверждал пре-

зидент. — Здесь нет неясности принципов, туманности деталей. Секретность обсуждений, ответственность бесстрашной прямоты, неспособность определенно объявить о целях войны присуща Германии и ее союзникам... Но слышен голос, призывающий к определению принципов, выдвинутых целей, и этот голос, как мне кажется, является самым волнующим и убедительным среди тех голосов, которыми наполнен охваченный беспокойством мир. Это голос русского народа. Он находится в прострации и почти беззащитен перед мрачной мощью Германии, от которой до сих пор никто не видел сочувствия или жалости. Его мощь, по-видимому, сокрушена. И все же его дух не покорен. Русские не подчинятся ни в принципах, ни в реальных действиях. Их понимание того, что справедливо, того, что гуманно, и того, что затрагивает их честь, выражено откровенно, с широким взглядом на мир, щедростью души и всемирной человеческой симпатией, которая вызывает восхищение всех друзей человечества; и они отказались предать свои идеалы или покинуть других ради собственного благополучия». Пройдет немного времени, и президент США будет характеризовать Советскую Россию совсем по-иному.

В первом из четырнадцати пунктов содержалось осуждение тайной дипломатии. Это был удар и по хищным планам Центральных держав, и по тайным договоренностям союзников. Президент хотел все переделать в современной дипломатии, в ее открытых и закрытых разделах так, чтобы отношения между блоками и внутри них оценивались с учетом важнейшего для него фактора — вступления в войну США.

Второй пункт был направлен против морской гегемонии Британии, он требовал свободы морей. Для США, строивших военный флот, равный британскому, это прежде немыслимое посягательство не было пустым словоизъявлением. Сверхдредноуты под звездно-полосатым флагом служили материальной опорой этого пункта программы Вильсона. Британия уже не могла занимать доминирующие позиции на океанах. Предвоенный мир в этом отношении ушел в прошлое.

В третьем пункте Вильсон призывал к «снятию, насколько это возможно, всех экономических барьеров и установлению свободы торговых отношений среди всех наций». Монополия всегда очень нравится тому, кто ею обладает. Для самой мощной экономики мира нестрашно было открывать свой рынок более слабым конкурентам. И в

то же время открыть рынки конкурентов означало открыть для себя весь мир. Полагаясь на свою развитую экономику, США могли рассчитывать на получение экономических позиций.

Четвертый пункт провозглашал необходимость разоружения. Окруженным океанами Штатам нечего было бояться Канады и Мексики. Кроме того, привлекательно звучавший лозунг требовал разоружения прежде всего тех, кто мог соперничать если не в экономике, то в военной силе с США, — главных европейских государств, начиная с Германии, Франции и Англии.

Пятый пункт призывал к «свободному, открытому и абсолютно беспристрастному урегулированию всех колониальных притязаний». Нужно помнить о мире 1917 года, подвластном европейским монополиям, в числе которых страны Антанты, хотевшие и сохранить свои империи, и поделить германские и турецкие владения. Разумеется, что США не желали служить гарантом чужих владений. Они хотели бы внедриться в этот мир чужих привилегий, получить доступ к ресурсам колоний, наводнить колониальный рынок своими высококонкурентоспособными товарами.

К шестому пункту у нас особое внимание. Речь шла о России. Американский президент должен был проявлять особую деликатность в этом вопросе, ведь от состояния дел на Восточном фронте, от позиции России зависела судьба Запада. Словесно это был шедевр благородства: «Эвакуация всей русской территории и такое решение всех вопросов, касающихся России, которое обеспечит наилучшее и самое свободное сотрудничество других наций мира в получении для нее свободной и неприкосновенной возможности независимого определения ее собственного политического развития, проведения национальной политики и обеспечения ей приглашения в сообщество свободных наций в условиях гарантий ее собственного выбора своих политических институтов; и более чем приглашения — помощи любого рода, в которой она может испытывать необходимость и которую сама может пожелать». Прямо слова из Евангелия. Но читали ли эти слова интервенты в Мурманске, Архангельске, Владивостоке? США обещали гарантию «выбора собственных институтов» и одновременно посылали свои войска, оружие и деньги для установления тех институтов, которые устраивали Вашингтон.

В остальных пунктах Вильсон был достаточно суров по отношению и к противникам, и к союзникам. Народам

Австро-Венгрии он пообещал «самые свободные возможности автономного развития». Отчего не стащить с мировой сцены еще одного конкурента — лоскутную Австро-Венгерскую империю? Менее щедр был президент, рассматривая вопрос об Эльзасе и Лотарингии. В конечном итоге он выразился вовсе не так, как того хотели в Париже, где считали обе провинции частью французской родины: «Несправедливость, содеянная в отношении Франции Пруссией в 1871 году, должна быть исправлена». Такой лаконизм едва ли обрадовал французского премьер-министра Клемансо. А ведь главным образом именно французы сдерживали Западный фронт.

Вильсон, в отличие от большинства американцев, любил число «тринадцать» и именно тринадцатым пунктом хотел завершить свой проект фактического пересмотра диспозиции мировых сил. Но пришлось добавить еще одно положение — четырнадцатый пункт, который в определенном смысле стал самым главным. Он выдвинул предложение о создании международной организации общемирового охвата: «Должна быть создана общая ассоциация наций, согласно специальным соглашениям, с целью обеспечения общих гарантий политической независимости и территориальной целостности как для великих, так и для малых стран». Нет сомнений, что Вильсон надеялся сделать такую организацию механизмом распространения американских идей (и даже конституции), средством влияния на все регионы мира. Он проектировал гигантский механизм, который должен был позволить США стать мировым арбитром.

По справедливому мнению американского историка У. Уильямса, целью «14 пунктов» было «перестроить систему международных отношений в соответствии с американскими принципами и тем самым сделать возможной доминирующую роль Соединенных Штатов в политической и экономической жизни мира, не прибегая к большим войнам».

Нет никаких сомнений, что Вильсон понимал смелость своего шага. Он безусловно предвидел оппозицию не только со стороны противника — Центральных держав, но и со стороны ближайших союзников, в частности англичан. В дни создания «14 пунктов» он жаловался, что в США слишком много англичан, занимающихся пропагандой, и он предпринял усилия, чтобы вернуть этих пропагандистов домой.

Как мастер политического маневра, Вильсон стремился

достичь максимального эффекта этой речью, и его очень беспокоило, что внимание мировой общественности может быть отвлечено готовящимися программными выступлениями Ллойд Джорджа и Клемансо. Он дошел до того, что попросил английского премьер-министра отложить свое выступление, поскольку в нем, «возможно, будут звучать противоположные по значению ноты, могут быть сделаны предложения, несовместимые с американскими».

При всем осознании грандиозного потенциала Америки имперский Лондон еще не привык к тому, чтобы его заслоняли на мировой арене. Премьер-министр Д. Ллойд Джордж не хотел выглядеть учеником американского правящего класса и отказал в просьбе Вильсону.

Английский манифест, зачитанный ранее американского, значительно отличался от «14 пунктов». Ллойд Джордж строил изложение по линиям, которые можно было предсказать. Британия вступила в войну, чтобы предотвратить попадание всей Европы в зону влияния кайзера. Экстравагантности побоку, вопрос ясен. Германия виновата, Германия заплатит, союзники заполнят оставшийся после краха Германии вакуум в Европе и в мире в целом.

Столкнулись две линии мировой политики. Империалистический гегемон XIX века с трудом расставался со своим положением в пользу Америки. Англия готова была дать бой заокеанскому претенденту. В красноречии Ллойд Джорджа никто не сомневался.

Следует сказать, что с юношеских лет Вильсон с трудом прощал тех, кто касался чувствительных струн его самолюбия. То, что у него, сына священника, человека, привыкшего быть на кафедре и трибуне всю сознательную жизнь, отняли право выступать первым, показать себя главной фигурой, наполнило Вильсона гневом (даже если не говорить о сути — о принципиальных расхождениях с англичанами). Президент, узнав о неуступчивости Ллойд Джорджа, вначале вообще отказался выступать с «14 пунктами». Лишь призыв осуществить историческую миссию остудил гнев президента.

8 января 1918 г. президент Вильсон предстал перед конгрессом. Его речь, как и ожидалось, вызвала огромный резонанс. Для оценки эффективности этой речи обратимся к тому, как реагировали те, к кому она была обращена в первую очередь.

Западные союзники без труда увидели в этой речи моменты, которые были направлены против их позиций, и поэтому, аплодируя прилюдно, Ллойд Джордж и Кле-

мансо безусловно не разделяли эти восторги приватно. Утопия, и утопия преднамеренная, скрывающая собственные мотивы и цели Америки в мире, — таким был вердикт западноевропейских «циников».

Обратила на себя внимание попытка воздействия Вильсона на Советскую Россию в роковой для нее момент — когда империалистическая Германия в Брест-Литовске огласила свои в высшей степени захватнические притязания и «удалилась» на временный перерыв. Ощутимо было стремление максимально использовать возмущение в Советской России Брест-Литовским миром. Именно в этот критический момент ей предлагалось принять программу американского президента. России обещается помощь против Германии: «Переговоры прерваны. Русские представители были искренними и честными. Они не могли подчиниться предложениям завоевания и доминирования». Но во всем тексте этой речи ярче всего звучит другой лейтмотив — попытка разобщить «русский народ» и его «нынешних руководителей».

Так формируется интервенционистское мышление, и дальше — больше. В той исторической обстановке более важно было знать, каким будет эффект воздействия речи о «14 пунктах» на огромную воюющую массу людей. Она могла выбирать: в Петрограде Ленин предлагал немедленный мир, в Вашингтоне Вильсон предлагал нечто абстрактное, звучавшее привлекательно, но не показывающее конкретных путей прекращения самого большого в мировой истории кровопролития.

Ныне ясно видно, что Советское правительство осознавало силу собственной идейной позиции и поэтому смело восприняло «конкуренцию идей», пошло навстречу пожеланию президента Вильсона о распространении «14 пунктов» в Советской республике. «Известия» напечатали их полностью, в виде листовок они были расклеены на домах, отправлены на фронт и в тыл. Чьи же идеи оказались притягательнее?

Краткое резюме итогов воздействия «14 пунктов» на европейский мир может быть таким: во-первых, словами и обещаниями Вильсону не удалось «вернуть» Россию в империалистическую войну; во-вторых, главные союзники — Англия и Франция — сохранили приверженность тайным соглашениям между собой и малыми союзниками; в-третьих, Центральные державы отвергли «14 пунктов» Вильсона как основу для мирного урегулирования. Вбивая клин в ряды союзников, они, правда, постарались оттенить «пози-

тивное» значение речи Вильсона по сравнению с позицией бескомпромиссного Ллойд Джорджа. Так, новый германский канцлер Гертлинг одобрительно высказался об идее создания Лиги наций. Германский рейхстаг и австро-венгерский парламент выразили некоторое абстрактное положительное «понимание» позиции Вильсона. Далее всех зашел министр иностранных дел Австро-Венгрии Чернин, который заявил, что его страна и Соединенные Штаты Америки «являются двумя из ведущих держав двух враждебных коалиций, чьи интересы менее всего противоречат друг другу». (Как будто принятие «14 пунктов» Вильсона не означало распада Австро-Венгрии.)

Несмотря на значительный пропагандистский ажиотаж, конкретных быстрых результатов данная дипломатическая инициатива Вильсона не принесла. Американские сирены не остановили натиск немцев. Практическим ответом Германии на «14 пунктов» Вильсона явилось письмо фельд-маршала Гинденбурга кайзеру от 7 января 1918 г.: «Чтобы обеспечить себе то мировое политическое и экономическое положение, какое нам необходимо, мы должны разбить западные державы».

Так реагировали противники. Если постараться коротко определить отношение важнейших союзников, то его суть сводится к краткой фразе: «Это не ваше дело». Вильсон замахивался на мировое переустройство, но в мире существовали огромные самостоятельные державы, не нуждавшиеся в поучениях и отвергавшие их. Лондон и Париж полагали, что Вильсон выходит за пределы своих полномочий и берется за чужие проблемы.

В начале февраля 1918 года контролировавшийся Англией и Францией Высший военный совет решил, что инициатива Вильсона не вызвала такого ответа вражеской стороны, который позволял бы надеяться на мирные переговоры. Едва сдерживая чувства, Вильсон писал по этому поводу Лансину: «Я опасаюсь любого политического жеста, исходящего от руководства объединенных союзных сил в Париже. Ни один из них не кажется мне имеющим черты мудрости».

И президент Вильсон сумел перевести свою очевидную ярость на язык таких дипломатических действий, которые сразу же взбудоражили союзников. Видя их непредрасположенность слушать советы из Вашингтона, он оживил сепаратные контакты с Берлином и Веной. 11 февраля 1918 г. перед объединенным заседанием конгресса он разобрал ответные германские и австро-венгерские пред-

ложения об условиях начала мирных переговоров. Вильсон увидел в них сны наяву той аристократии, которая уже теряла в Европе позиции, но не ощущала этого. Тотальные войны XX века не были похожи на династические конфликты прошлого, и Вильсон усмотрел в маневрах Берлина и Вены прежнюю обращенность к уже утерянному миру. Президента не устраивала «узость», келейность предлагаемых Центральными державами переговоров. Он не хотел повторения Венского конгресса. Не мир монархов, а мировое переустройство интересовало Вильсона. «К прошлому нет возврата, — провозглашал президент. — Мы боремся за создание нового международного порядка, основанного на широких и универсальных принципах права и справедливости, а не за жалкий мир кусочков и заплат».

Остро чувствуя свое одиночество на дипломатическом фронте, американский президент выдвинул угрозу использования того оружия, эффективность которого он обсуждал с помощниками еще в январе 1918 года. Уже тогда Вильсон прямо сказал главе английской разведки в США Уайзмену, что на будущей мирной конференции у США и Англии будет в руках рычаг огромной силы — контроль над сырьем, необходимым для таких индустриальных центров, как Германия. И ныне в февральской речи он напоминал немцам, что, если их склонность к сотрудничеству не будет соответствовать определенным стандартам, Америка сумеет отгородить высокими тарифами жизненно необходимое сырье и товары. Так вождь американского империализма, с одной стороны, произносил святые слова о суверенитете, самоопределении и открытой мировой торговле, с другой — выдвигал свое главное оружие — свои материальные возможности. Президент не хотел превращать окончание войны в простое перераспределение сил и территорий между европейскими соперниками. То, чего он хотел, — это выбить из рук Европы ключи к мировой истории.

Если Лондон и Париж глухо роптали, то в Петрограде Советское правительство стало реальной надеждой для угнетенных масс Земли, и прежде всего для тех миллионов в серых шинелях, которые умирали за империалистические цели на полях Европы. Ощущая притягательность этой политики мира, американское правительство в первые месяцы 1918 года окончательно определяет свой курс по отношению к Советской России. В конечном счете у Вильсона по отношению к России «вызрели» две цели: рестав-

ризовать прежний социальный строй и восстановить Восточный фронт против Германии. Поскольку Советское правительство категорически объявило войну войне, то достижение обеих этих целей вело Вильсона на путь анти-советской борьбы.

В наэлектризованной атмосфере президент Вильсон приступил к осуществлению одной из наиболее темных и позорных операций своей дипломатической деятельности. И здесь слова служили прикрытием дел. Толпам слушателей и миллионам читателей Вильсон говорил щедрые слова о великом русском народе. И одновременно в тиши кабинетов он рассматривал возможности контроля над этим народом японцев и прочих внешних сил, которые могли бы попытаться восстановить Восточный фронт. Эта идея разделялась не только американцами. Англичане (которые, согласно заветам Пальмерстона, «не имеют постоянных друзей, а имеют постоянные интересы») предложили в январе 1918 года японцам оккупировать Транссибирскую магистраль от Владивостока (где уже разместились англичане) до точек соприкосновения с немцами в Европе. В конце февраля разведка доложила Вильсону, что Япония может выступить здесь и без благословения Америки. Призрак укрепившейся на континенте Японии всегда был одним из кошмаров, преследовавших президента Вильсона, этот вариант никак не вписывался в его глобальные стратегические расчеты. Менее всего хотел президент санкционировать превращение хрупкой островной империи в колосса Евразийского материка. В беседах с Хаузом Вильсон выразил крайнюю тревогу. Что же следовало сделать для контроля над Японией? В определении тактики американское руководство раскололось.

С одной стороны, Хауз и его служба говорили, что допуск японцев к одностороннему захвату Сибири будет колоссальной политической ошибкой. С другой стороны, государственный департамент выступил в пользу поддержки японского продвижения и не советовал правительству США вмешиваться в этот процесс. Вильсон был в нерешительности. Он несколько раз переписывал заново послание союзникам. В первом варианте президент придерживался той точки зрения, что для США нецелесообразно участие в походе на Сибирь.

Лондон и Париж усилили натиск на Вашингтон после подписания Брест-Литовского мира. Французы прибегли к весьма своеобразному приему: послали в Белый дом известного философа А. Бергсона, чтобы тот как «профессор

профессора» вразумил Вильсона относительно выгод и необходимости восточной экспедиции. 2 мая подал свой голос посол Френсис: «Чем дальше мы ждем, тем сильнее будут позиции Германии». Из Пекина посол США Райнш телеграфировал о мнении своей агентурной сети: следует оккупировать восточную часть России. Лидеры белочехов (Масарик в данном случае) предложили свои услуги. Предложения белочехов оказать содействие в достижении контроля над Россией в общем и целом соответствовали геополитическому мышлению президента.

В начале июля 1918 года, узнав о высадке во Владивостоке японских и английских войск, о прибытии туда белочехов и о декларации Верховного военного совета Антанты о поддержке военной интервенции в Сибири, президент Вильсон окончательно включил американскую оккупацию Сибири в свое стратегическое планирование. 6 июля он зачитал наброски новых приказов политическим и военным советникам. Это был вероломный акт против бывшего союзника, против великой страны, переживающей революцию. Вильсон санкционировал посылку двух военных экспедиций: одну — в Мурманск, другую — во Владивосток. Это был шаг, открыто направленный на удушение Великой Октябрьской революции. Конкретно речь шла о том, чтобы перехватить военные запасы, созданные еще для царской армии, чтобы оставить Красную Армию без вооружения, без средств самозащиты. Целью американской интервенции было создание под прикрытием американских орудий условий для сплочения всех антисоветских сил. В России к власти должны были прийти силы, опекаемые американским правительством. Таким стало американское дипломатическое решение для России.

Давала ли Советская Россия основания для таких акций Америки? Ведь Советское правительство вопреки всему, что о нем говорилось, готово было при определенных условиях стать военным союзником США. Принимая главу американской миссии Красного Креста, В. И. Ленин 5 марта 1918 г. запросил американское руководство, готово ли оно оказать помощь Советской России в случае возобновления войны с Германией, а также в случае, если Япония, сама или по договоренности с Германией попытается захватить Владивосток и Восточно-Сибирскую железную дорогу. В. И. Ленин писал: «Все эти вопросы обусловлены само собой разумеющимся предположением, что внутренняя и внешняя политика Советского правительства будет, как и раньше, направляться в соответствии с принципами

интернационального социализма и что Советское правительство сохранит свою полную независимость от всех несоциалистических правительств»*.

В. И. Ленин предлагал американскому правительству оказать содействие в расширении сети железных дорог и водных путей как часть взаимного улучшения отношений, экономического сотрудничества и сближения. Известно, что Ленин выступал за улучшение отношений со всеми развитыми капиталистическими странами, но «особенно с Соединенными Штатами», страной схожих континентальных масштабов, страной, с которой Россия исторически всегда была в хороших отношениях и с которой никогда ранее не воевала. Глава Советского правительства постарался наладить контакт с президентом Вильсоном через посредничество руководителя службы американского Красного Креста Р. Робинса.

На Вильсона послание Ленина произвело весьма сильное впечатление. Госсекретарю Лансингу Вильсон написал так: «Предложения определенно затрагивают мои чувствительные струны более сильным образом, чем я мог ожидать от автора. Различия наши лишь в конкретных деталях». Но Вильсон, отражая мнение правящих кругов в целом, хотел подавать милостыню, за которую нужно будет благодарить и платить зависимостью, а не предоставлять помощь, которая могла бы реально облегчить положение русского народа. И он решил задушить новый социальный строй. В середине июля 1918 года он заметил, что в отношениях с Россией речь может идти об образовании нового Восточного фронта против немцев, а не о помощи в экономическом развитии. Вильсон предпочитал, чтобы помощь шла из частных источников (на что даже министр торговли Редфилд отвечал, что это откроет каналы для злоупотреблений, привлечет к делу открытых искателей наживы). Но в дальнейшем и эти виды гуманитарной помощи были забыты. Вперед вышли планы военной интервенции.

Некоторую оппозицию решению Вильсона высадить американские войска во Владивостоке оказал П. Марч, начальник американского генерального штаба. Этот генерал был в свое время наблюдателем во время русско-японской войны и имел свои суждения по данному вопросу. Он полагал, что, несмотря на все предостережения, со-

* Документы внешней политики СССР. — М., — 1959. — Т. 1. — С. 209.

юзная интервенция в конечном счете выльется в захват Японией части Сибири. Президент игнорировал возражения Марча, как и подобные же предостережения Бласса, Бейкера и Першинга. Теперь он желал показать своим генералам, что не только мыслит глубже их, но и действует решительнее. Совещаясь с Лансингом на борту президентской яхты «Мэйфлауэр», Вильсон 3 июля 1918 г. принимает решение о военном вторжении американцев. 6 июля решение было объявлено высшим военным чинам. Вильсон стоял перед ними с желтым блокнотом, «как школьный учитель, поучающий учеников», отметил скептический П. Марч. «Почему вы качаете головой, генерал? — обратился Вильсон к Марчу. — Вы полагаете, что японцы не ограничатся 7 тыс. человек и сумеют сделать территориальные приращения?» — «Именно так», — ответил Марч.

Что имел в виду Вильсон, посылая американские войска в Россию? Довольно убедительно пишет об этом Дж. Кеннан: прибытие американских войск, полагал президент, «вызовет такую мощную и дружественную реакцию среди населения, что выступающие за союзников власти, полагаясь на спонтанное демократическое движение, возобладают повсюду в Сибири и Северной России». Самонадеянность Вильсона в этом вопросе заслуживает особого упоминания. Корректируя планы интервенции, президент Вильсон указывал, что их целью будет «помочь русскому народу в его попытках восстановить контроль над своими собственными делами, над своей собственной территорией и своей собственной судьбой». Разумеется, если речь шла о том, чтобы «восстановить», это означало, что Советское правительство, с точки зрения Вильсона, не является законным. Это было откровенное вмешательство во внутренние дела России. Можно себе представить, с каким гневом и красноречием осудили бы «отцы-основатели» Америки во время американской революции любую могущественную державу (скажем, Россию), которая поставила бы перед собою задачу «восстановить» контроль в восставших штатах.

Стремясь укрепить влияние над процессами, происходящими в России, Вильсон одновременно с исключительной подозрительностью продолжал следить за действиями союзников-конкурентов, прежде всего Японии. Так, Вильсон написал американскому послу в Токио Моррису, что, если японское правительство не ограничит свой экспедиционный корпус 7 тыс. человек, он откажется поддержать японские действия. Когда стало ясно, что японцы

превзошли свою квоту, специальный помощник президента Полк заклинал японцев ограничиться 10—12 тыс. человек. Японский посол кивал в ответ. Япония на этом (довольно коротком) этапе не желала раздражать могущественную Америку и согласилась ограничить свои силы, оговаривая при этом, что их мало для контроля над Сибирью и что японское правительство сохраняет за собой право послать дополнительные войска, если посчитает это необходимым.

Итак, в середине 1918 года президент Вильсон дает ясно понять, что берет инициативу в свои руки: он готов резко увеличить контингент американских войск на Западном фронте и послать военные экспедиции на север и восток Евразии с целью контроля над частью России.

Любой апологет Вильсона признает, что он абсолютно игнорировал все советы «более либеральных» друзей так или иначе признать Советское правительство и не стремиться его уничтожить.

Когда военный министр Н. Бейкер сообщил генералу Грейвзу о назначении его командующим американскими войсками на советском Дальнем Востоке, он добавил: «Внимательно смотрите под ноги, вы будете шагать по динамиту». На этот раз военный министр был прав: интервенция в Россию стала военным фиаско для США.

Военная дипломатия

Англия не сможет обойтись без нашей дружбы в будущем, а другие союзные державы не смогут без нашей помощи отстаивать свои права перед Англией.

(В. Вильсон — Э. Хаузу, октябрь 1918 г.)

В первой половине 1918 года Вильсон приложил исключительные усилия по наращиванию боевых мускулов Штатов. В ходе этого своеобразного апофеоза милитаризации монополистический капитализм в США вступил в новую фазу. Федеральная администрация совершила прежде невиданное: взяла в свои руки контроль над основными сферами деятельности в масштабах всей нации. В послании конгрессу президент Вильсон потребовал права устанавливать потолки на цены. Работа железных дорог подпала под полный контроль правительства, а затем этот контроль был распространен на угольную промышленность. Согласно подписанному 20 мая 1918 г. «закону Овермена», президент Вильсон получил невиданные прежде prerogatives. Он мог по своему усмотрению изменять функции федеральных министерств и учреждений, создавать новые учреждения, практически неограниченно использовать фонды и людей. Опираясь на этот закон, Вильсон придал самостоятельность Совету военной промышленности, и этот совет под председательством Б. Баруха резко форсировал развитие военной промышленности. От решений этого совета стала зависеть вся экономическая жизнь в США.

Время подгоняло Вильсона, ведь приближались решающие дни германского наступления во Франции: проиграв здесь, можно было потерять все виды на более выигрышные позиции в мировой дипломатии.

В это время он чувствовал, что буржуазия и в Западной

Европе, и в Америке начинает понимать опасность усилившегося самосознания пролетариата. Из Парижа «организация Хауза» доносила, что «все вокруг ощущают под своими ногами вулкан рабочего класса». Вильсон говорил о необходимости создать новую политическую партию, которая могла бы частичным реформированием предотвратить социальный взрыв. «Но эта большая задача уже не для такого уставшего человека, как я», — сказал президент Хаузу, и тот согласился: здоровье Вильсона в результате непрерывной работы было подорвано.

Доктор Грейсон позволял Вильсону работать не более восьми часов в день. Уже впоследствии Вильсон говорил Хаузу, что в эти месяцы мечтал «следовать за летом» и обосноваться на Бермудах. Посещение театра, бейсбол оставались единственными увлечениями Вильсона, но они не давали необходимой релаксации. Несколько раз в эти дни президент размышлял об отставке.

И все же Вильсон, несмотря на стресс и усталость, стремился сконцентрировать американскую мощь к решающим дням установления нового порядка в мире. Его задачей было иметь в Европе в 1918 году 1 млн. вооруженных американцев и еще 1 млн. — в США, готовых к броску через океан. О значении американских войск в Европе красноречиво говорит английский премьер-министр: «Изучение германских отчетов о войне ясно показывает, что в конечном счете именно перспектива растущего притока американских войск заставила германское военное командование поставить все на карту и начать в марте 1918 года безрассудное наступление; надо было во что бы то ни стало добиться решения, прежде чем американские войска придут в Европу».

Вильсону приходилось отбиваться от требований французов и англичан инкорпорировать американские подразделения под союзным командованием, влить их во французскую армию, в английский экспедиционный корпус. Союзники-соперники хотели бы зачислить роты и батальоны американцев во французские или английские полки и дивизии, растворить их реальную политическую значимость под благовидным предлогом военной целесообразности и боевой эффективности.

Полковник Хауз, как обычно, был своего рода «высшим дипломатическим разведчиком» президента, когда в конце 1917 года выяснял возможность отбиться от требований союзников и сохранить в Европе самостоятельные американские военные силы. После бесед с ним президент

приказал генералу Першингу сохранять суверенитет американских войск.

Если уж не удавалось влить американские войска в союзные, союзники искали иной путь подключения американцев к коллективным усилиям. У. Уайзмен писал Хаузу 26 сентября 1917 г.: «Я думаю, что Германия в настоящее время делает свою главную ставку на те 3 тыс. миль, которые отделяют Лондон от Вашингтона. Поэтому для нас самая срочная задача заключается в том, чтобы оба правительства, находясь на противоположных концах мира, сумели обеспечить тесное сотрудничество».

Но в европейских столицах недооценивали степень самоутверждения американцев. Между тем, когда на заседании кабинета министров обсуждались военные вопросы, президент Вильсон отказывался говорить об англичанах, французах и итальянцах как о союзниках. Только приближение реальной военной катастрофы заставило Вильсона несколько смягчить свою линию. 21 марта 1918 г. началось долго (и со страхом) ожидаемое германское наступление на Западном фронте. Успешный прорыв немцев и возникшая вероятность захвата Парижа поставили под вопрос одностороннюю дипломатическую стратегию Вильсона. Реальной стала угроза, что от Грузии на востоке до Бискайского залива на западе Европа станет германским владением. Европейский центр капитализма, объединенный кайзеровской Германией, бросил бы Америке вызов повсюду, включая Западное полушарие. Панически настроенные стратеги уже видели совместное германо-японское наступление на континентальные Соединенные Штаты. В свете таких перспектив операция Людендорфа, начатая 21 марта 1918 г., ставила на карту все.

Главным связующим звеном между американским и союзным военным командованием стал генерал Блисс, прикомандированный к объединенному штабу союзников (а впоследствии — к главнокомандующему генералиссимусу Фошу). В ответ на панические обращения Блисс сообщил союзникам, что произошло изменение американских планов. Первоначальная американская программа предполагала прибытие 12 американских дивизий во Францию к июлю 1918 года. После нажима союзников в ноябре 1917 года американцы модернизировали свою программу, и, согласно этой новой программе, планировалось перебросить через океан более 24 дивизий. Это была уже значительная величина. Нужно сказать, что союзники не очень представляли себе систему массового набора в Соединенных

Штатах и систему формирования воинских частей. Именно поэтому, видимо, начальник генерального штаба Великобритании Робертсон предложил Першингу высадить во Франции 150 пехотных дивизий. Несомненно, это было преувеличенным представлением о наличии кадрового воинского состава и о возможностях мобилизации людских резервов США. Такое число дивизий американцы могли бы отправить в Европу только после нескольких лет интенсивных усилий. Тем не менее и готовящиеся контингенты были значительными. В результате в описываемое критическое время во Франции находилась уже значительная сепаратная американская армия. Она имела свой участок фронта и достигла численности 1 млн. человек осенью 1918 года. Но этот миллион оказался во Франции лишь тогда, когда германское командование потеряло всякую веру в возможность победоносного военного решения. К периоду же, когда немцы лихорадочно снимали дивизии с Восточного фронта и готовили масштабное весеннее наступление (а именно к концу зимы — к концу февраля 1918 г.), американцы имели во Франции примерно треть того числа солдат, которые прибыли впоследствии. Наступление Людендорфа «застало нас в момент, когда мы имели около 320 тыс. офицеров и солдат во Франции; из этого числа 100 тыс. были заняты снабжением армии».

Последняя отчаянная попытка германского империализма выиграть войну на поле брани, начатая 21 марта 1918 г., дала первоначально значительные результаты. Немцы пробили линию фронта и сделали то, чего не могли, со своей стороны, сделать французы и англичане на протяжении четырех лет позиционной войны, — сумели продвинуться на десятки километров. Уже за первую неделю этого колоссального сражения на Западном фронте потери союзников составили 120 тыс. человек. Обе стороны понимали, что близится финал. В бой бросались резервы. Но если у немцев они были последними, то людской резерв союзников оказался больше. Правительство только одной Англии, как пишет в своих воспоминаниях Ллойд Джордж, наметило мероприятия, которые должны были дать в подкрепление армии 400—500 тыс. человек в течение ближайших месяцев. Это означало, что в мае — июле, когда соотношение сил стало решающим фактором, когда можно было ожидать нового большого неприятельского наступления, во Францию прибывали новые и новые дивизии.

Но даже во время наиболее опасного наступления Людендорфа, когда Западный фронт едва не рухнул, американцы не пошли на прямую координацию военных действий с союзниками. «Если говорить без прикрас, — пишет Д. Ллойд Джордж, — Першинг считал, что создание самостоятельной американской армии — более важное дело, чем отражение германского наступления». И хотя союзники не без основания утверждали, что американская армия, которая приобретет боевую готовность только в конце лета или осенью, может вступить в строй слишком поздно, что исход этой роковой борьбы может произойти раньше, американское руководство оставалось непреклонным. В рядах союзников возникла настоящая паника. Ллойд Джордж писал в эти дни: «От Америки зависит, победим ли мы или будем побеждены в этом сражении, решающем исход войны. Но если мы хотим победить, Америка должна действовать не так, как она действовала до сих пор, и президент должен преодолеть сопротивление тех, кто не дает нам возможности применить американскую пехоту единственно целесообразным в данных условиях способом».

Получив эти строки, лорд Рединг — представитель английского правительства в Вашингтоне — немедленно обратился к президенту Вильсону и военному министру Бейкеру. Но не внимание к союзникам, а успехи немецких колонн повлияли на Вильсона. Компромиссное соглашение было изложено в специальном меморандуме от 21 апреля. В нем есть такие строки: «На основе произведенных расчетов можно надеяться, что общее число перевозимых войск будет составлять 120 тыс. человек ежемесячно. Эти войска по прибытии в Европу будут направляться под руководством и по усмотрению генерала Першинга в английские, французские или американские дивизии для обучения и для использования их в зависимости от тех требований, которые выдвигает время от времени положение на фронте». Как видим, в Вашингтоне дрогнули и отошли от прежде священных принципов самостоятельности американских дивизий.

Маршал Фош, который стал главнокомандующим союзными войсками в условиях страшного напряжения массированных атак немцев, потребовал от американцев мобилизации не менее 100 дивизий. Он просил президента Вильсона предоставлять ему 300 тыс. человек в месяц с таким расчетом, чтобы возможно скорее сформировать указанные 100 дивизий. (А поскольку американская дивизи-

зия, насчитывающая 25 тыс. человек, почти в три раза превосходила тогдашний контингент германской дивизии, прибытие 100 американских дивизий дало бы союзникам превосходство над немцами на Западном фронте почти на 50 процентов.) Если бы США выполнили требование Фоша, то они должны были бы мобилизовать и содержать во Франции армию в 4 млн. человек.

В реальности случилось так, что в последних сражениях мировой войны (между сентябрем и 11 ноября 1918 г.) участвовали 22 американские дивизии. Если к ним добавить вспомогательные и обслуживающие подразделения, то во Франции насчитывалась в ноябре в общей сложности 41 американская дивизия. Важно отметить, однако, что фактическое число войск не исчерпывало значения американского вклада в союзнический арсенал. Присутствие свыше 20 американских дивизий давало союзникам численное превосходство над Германией (примерное соотношение 4 млн. против 3,5 млн.). Не менее важен был психологический фактор. По словам Ллойд Джорджа, «сознание, что за нашими линиями формируется и проходит обучение еще 21 американская дивизия и что миллионы человек будут переброшены из Америки, когда это станет необходимым, позволило французам и англичанам бросить в бой свои последние резервы без колебаний и нанести немцам тот удар топором, который заставил их рухнуть».

Ради исторической истины укажем, что союзники не только восхищались вкладом Соединенных Штатов (которые перевезли более 100 тыс. человек летом 1918 г.), но и высказывались многочисленные претензии к американской армии. Так, отмечалось, что артиллерия малых и средних калибров в американской армии была получена от французов. Тяжелую артиллерию дали англичане. Ни одно орудие американского образца или американского производства не сделало ни одного выстрела по немецким позициям. То же относится и к танкам: казалось бы, нация, которая располагала величайшей автомобильной промышленностью в мире, могла бы наладить без особых трудностей серийное производство танков. Но ни один танк американского производства ни разу не участвовал в военных действиях в первую мировую войну. И если учесть, что в английских вооруженных силах к концу войны (учитывая только лишь собственно Англию) служило более 4 млн. человек, то относительные усилия США выглядят не столь уж грандиозными. Из задействованных 4 млн. союзных войск во Франции англичан здесь было,

согласно их данным, на 1 января 1918 г. 1970 тыс. человек.

Это предельное напряжение Англии широко обсуждали в Белом доме. Характеризуя напряжение всех сил Британской империи, Вильсон указывал, что при любом исходе войны дальнейшая судьба Британской империи предопределена. Вожди американского империализма думали о том, какими будут связи Англии с Индией, с основными доминионами. Нужно сказать, что при глобальном обзоре своих возможностей сами англичане пессимистически смотрели на свои позиции в мире, на соотношение сил с Германией и Соединенными Штатами. Начальник британского генерального штаба генерал Вильсон в специальном меморандуме правительству, давая прогноз положения Британской империи после войны, указывал, что необходимо всеми возможными силами сохранить в своих руках железнодорожные узлы в Палестине и Месопотамии и держать в своих руках линию от Багдада к Каспийскому морю. «После войны на наших дальних границах будет располагаться гораздо более грозный враг, чем тот, с которым мы имели дело раньше. Нам придется максимально напрячь силы, чтобы сохранить неприкосновенность наших границ». Речь шла и о США, и о Германии.

В английском перспективном планировании даже в тот период, когда США стали более энергичным союзником, сохранялась точка зрения, что Германия, возможно, не потерпит поражения, что данная война скорее всего закончится вничью и в дальнейшем предстоит новая схватка с Германией. Она произойдет прежде всего на подходах к Индии и другим основным колониям Британской империи. В обзоре имперского генерального штаба говорится: «Мы должны помнить, что в будущей войне мы должны будем бороться с Германией самостоятельно, без чьей-либо помощи, тогда как она будет иметь Турцию и, возможно, часть России если не на своей стороне, то по крайней мере в сфере своего влияния. При таких обстоятельствах Германия, не имея никаких особых забот в Европе, сможет сосредоточить большие армии против Египта и Индии на наших сухопутных путях, недоступных для наших военно-морских сил». Итак, из Лондона виделись вовсе не радужные исторические перспективы. Здесь допускали возможность ничейного результата в войне, предполагали напряжение в отношениях с Германией на Востоке и с Соединенными Штатами на Западе.

К последнему крупному наступлению немцев в конце

лета — начале осени 1918 года союзники на Западном фронте были более подготовлены, чем весной. По французской оценке соотношения союзных и германских сил, союзная артиллерия насчитывала 21 843 орудия, германская — 17 тыс. У союзников было 5640 аэропланов, у немцев — 4000. Союзники имели 1572 танка, немцы — фактически ни одного. Решающее превосходство союзников по живой силе возрастало с каждой неделей, поскольку американское подкрепление вливалось в ряды союзной армии по 50—60 тыс. человек в неделю.

Соотношение сил изменялось в пользу антигерманской коалиции. И через несколько недель этот факт уже невозможно было отрицать даже в германском генштабе.

* * *

Это был тот момент в битве империалистических гигантов, когда самоуспокоенность, как и самомнение, была смертельно опасной. Решалось слишком многое. Назад дороги не было, следовало вводить в действие все ресурсы. Наступила пора безудержно обличать германский империализм, с которым предшествующие годы Вильсон обращался так осторожно. Среди американских доблестей в его речах на первое место вышли энергия и сила.

Теперь Вильсон воспевал «силу, силу до крайних проявлений, силу без ограничений и предела, праведную и победоносную силу, которая сделает Право законом мира и обратит каждое самоуправное посягательство в прах». Шовинизм получил благословение, патриотические гимны и развешанные всюду флаги стали атрибутами каждого дня, со стен домов на американцев смотрели плакаты с дядей Сэмом, перстом указующим в каждого: «Ты записался в армию?» Накал темных страстей вскоре покорила даже самого Вильсона, и когда в одном из нью-йоркских театров патриотическая публика устроила ему бешеную овацию, он, встав, постарался охладить неумеренных: «Леди и джентльмены, ваш порыв порожден иллюзией. Вы во власти ошибочного представления. Вы думаете, что видите президента Соединенных Штатов. На самом же деле перед вами усталый человек, желающий развлечься». Вильсона самого удивила заразительность военной патетики. С немалым изумлением смотрел он на

реакцию американцев в нью-йоркской «Метрополитен-опера», когда он заявил о своем намерении «стоять на Востоке с Россией и на Западе с Францией». Эти слова породили настоящий психоз ура-патриотов.

Американские джингоисты видели, что в глазах вчера еще высокомерной Европы Америка становится крупнейшей мировой величиной. Мимолетным, но таким значительным эпизодом была беседа Вильсона с Уайзменом, во время которой англичанин с горечью говорил об имперских потерях Лондона и о том, что после окончания войны США будут безусловно доминировать в Латинской Америке и Китае.

Росту джингоизма в США содействовала обстановка военного времени. Внутри страны законы о шпионаже дали правительству абсолютное право преследования инакомыслящих. Еще совсем недавно президент Вильсон с пафосом говорил о правах нейтралов, сейчас он попирал эти права без снисхождения. Вашингтон обретал инструменты международного воздействия. Американская армия по своей величине и мощи становилась в один ряд с наиболее крупными армиями мира. Теперь нужно было верно направить эту силу, дать возможность американским интересам опереться на американские мускулы. Президент Вильсон чувствовал себя входящим в новый мир неограниченных американских возможностей.

К национальному празднику — 4 июля — он пригласил на борт президентской яхты «Мэйфлауэр» иностранных гостей столицы и отправился по Потوماку в Маунт-Вернон — имение Дж. Вашингтона. Жаркий день довел приверженцев этикета — обладателей фраков до изнеможения, и президент предложил сбросить «похоронные принадлежности». Он чувствовал себя на высоте, стоя в рубашке на капитанском мостике яхты и позже — на трибуне, вокруг которой пестрая космополитическая толпа — как будто весь свет прибыл послушать американского пророка — в благоговейной тишине внимала вождю новой мировой державы. Написанная в итоге недельной подготовки речь соответствовала моменту.

Обратившись к истории, Вильсон заверил слушателей, что создатели американского государства — Дж. Вашингтон и его соратники — «говорили и действовали не от лица своего класса, а от лица народа». И не только от лица народа, но и от «лица всего человечества». Далее президент преподнес новый урок человечеству. Целью ведения войны он назвал «создание мировой организации,

которая обеспечит контроль объединенных сил свободных наций с целью пресечь посягательства на международные права». Это было предложение создать международную организацию, позже получившую название Лиги наций. И поскольку США становились главной опорой своей коалиции, предложение создать международную организацию было воспринято со всеобщим вниманием. Это было новаторство. И по существу — особым путем США перевести свое экономическое могущество в политический престиж и влияние в мире.

Оставалось ждать реакции внешнего мира. И она последовала незамедлительно. Английский премьер-министр Ллойд Джордж скептически прокомментировал высокопарные предложения президента, французский премьер Клемансо также язвительно высказался по их поводу. Ответная реакция Вильсона показала его бойцовский темперамент: «Да, я знаю, что Европой управляют те самые реакционные силы, которые контролировали нашу страну всего лишь несколько лет назад. Но мне приносит удовлетворение то обстоятельство, что, если нужно, я смогу обратиться к народам Европы через головы их правительств». Вопрос о международной организации пока принадлежал будущему.

Между тем военная фортуна летом 1918 года стала окончательно поворачиваться лицом к союзникам. После нескольких месяцев напряжения, когда германская артиллерия в результате «прорыва Людендорфа» нацеливала жерла своих пушек на Париж, ощутимым стал предел военной эффективности кайзеровской армии. В июле президент Вильсон начинает думать о более конструктивных идеях — о грядущем мировом перераспределении сил. По его приказанию полковник Хауз при помощи своей исследовательской группы создает первый вариант проекта правил Лиги наций. Сам президент обращается ко многим известным американцам за помощью в разработке оптимального варианта. В Белом доме знали о работе в союзных странах параллельно с американскими других исследовательских групп. В Англии такую группу возглавлял лорд Филмор, во Франции — Л. Буржуа. Президента очень беспокоило известие о намерении англичан и французов опубликовать результаты своего анализа международной обстановки. Возникало опасение, что союзники захватят инициативу, привлекут всеобщее внимание и сделают первыми шаг к тому лидерству, которое Вильсон резервировал за Америкой.

14 августа 1918 г. чета Вильсонов поездом прибыла на побережье Атлантического океана, где на вилле «Магнолия» ее ожидал полковник Хауз. В своих беседах они обсуждали контуры международной организации, желательные для США. Вильсон критически подошел к представленным ему проектам. Он убрал предложения о Мировом суде и ряд других идей. Вильсон энергично выступил за такую международную организацию, в которой сильнейшие ее члены могли бы более энергично (чем безобидный Мировой суд) воздействовать на международное сообщество. Так, если Хауз выступал за использование экономических санкций, то президент энергично отстаивал идеи использования вооруженных сил против держав, покушающихся на статус-кво. Вильсон указывал, что крупные державы должны иметь больше прав в этой международной организации, причем настолько, чтобы малые страны не могли навязать великим державам своего мнения, опираясь на численный перевес.

Президент соблюдал величайшую осторожность. Чтобы избежать утечки информации, он тщательно скрывал предмет этих обсуждений с Хаузом. Итоговый документ стал в последующем основой американского проекта статуса Лиги наций.

В своем упоении мощью Америки Вильсон не недооценивал потенциала Британской империи.

Именно в эти дни Хауз записывает в дневнике: «Я думаю, что основных неприятностей следует ожидать от Ллойда Джорджа. Он, как и Клемансо, не любит президента, а президент не любит их обоих». Из Англии президенту писали, что против его идеи создания Лиги наций лидерами Антанты будут использованы общий страх перед немцами, опасение, что немцы постараются вступить в новую мировую организацию ради усыпления бдительности. Восстановив таким образом силы, Германия обрушится на своих разоружившихся европейских соседей. Противники американской инициативы уже тогда указывали, что не международная организация, а устойчивый баланс сил дал Европе ту стабильность, в условиях которой она мирно развивалась столетие между Ватерлоо и Сараевом. По реакции Парижа и Лондона становилось ясно, что с растущим ощущением близости победы политические вожди в этих столицах начали задумываться о более отдаленной перспективе. Там увидели свет в конце тоннеля, увидели приближение победы и не хотели отдавать плоды этой победы в чужие руки.

Руководители германского генерального штаба 14 августа 1918 г. оповестили кайзера Вильгельма II, что надежды на победу в вооруженном конфликте со всем миром нет. От признания невозможности одержать победу до признания неминуемости поражения прошел почти месяц. Лишь 10 сентября фельдмаршал Гинденбург «позволил себе мысль» о необходимости переговоров. США переживали дни радужных надежд. Во Франции значительный контингент американской армии втянулся в бой, и роль этих свежих войск на фоне утомленной массы франко-английских ветеранов возрастала. Ежедневные донесения свидетельствовали, что фронт Центральных держав наконец-то начал поддаваться. Вести о начале конца пришли с Юга. В Греции германские и болгарские войска отступили, обнажив «мягкое подбрюшье коалиции» — Австро-Венгрию. Полагая, что компромисс на ранней стадии будет лучше мольбы в момент развала, Вена 16 сентября предприняла тайный сепаратный зондаж возможностей заключения перемирия. Вожди Австро-Венгерской империи сделали этот шаг с новым членом противостоящей коалиции — с Соединенными Штатами. В Белый дом (через шведские дипломатические круги) сообщили о желании Австро-Венгрии начать «конфиденциальные необязывающие беседы» на нейтральной территории об условиях мирного соглашения.

Трудно сказать, был ли у Вильсона соблазн расколоть коалицию Центральных держав и вывести союзников Германии из войны поодиночке. Ведь это могло быть воспринято как проявление нелояльности по отношению к союзникам. И нельзя было игнорировать тот факт, что в Европе Франция, Англия и Италия держали под ружьем многократно бóльшие армии. Их война с Центральными державами длилась на два с половиной года дольше. Идти в этих обстоятельствах своим путем означало поставить на карту слишком многое, подвергнуть себя риску изоляции. Вильсон учел эти обстоятельства и после некоторых размышлений отверг сепаратные инициативы австрийцев. У тех, возможно, был бы шанс, если бы они заявили о своей готовности руководствоваться «14 пунктами», но в Вене замолчали эти американские условия. Правители Австро-Венгрии сами избрали свою судьбу.

В ответ на австрийскую мирную инициативу Вильсон в конце сентября 1918 года напомнил, что мирные условия

Соединенных Штатов уже определены в «14 пунктах» и что США «не могут и не желают вступать в переговоры по вопросам, относительно которых они уже столь ясно определили свою позицию». Указанные «14 пунктов» предполагали, в частности, включение Трентино в состав Италии, свободу для Балканских государств, автономию для угнетенных народностей Австрии, независимость Польши. Все это говорило о том, что возможность мирных сепаратных переговоров с Австрией была чрезвычайно мала.

Президент стоял на распутье. В этот исторически важный момент можно было вести дела сообразно коалиционной лояльности, то есть начать секретные подготовительные переговоры с Лондоном и Парижем (или, что тоже было возможно, только с Лондоном). Второй путь был рискованнее, но имел свои привлекательные черты: не обращаясь к главным союзникам, игнорировать их прежние тайные договоры и смело строить «Рах Америка», опираясь на мощь Америки, используя ослабление прежних воротил мировой политики. После консультаций с ближайшими советниками президент решил не обращаться к англичанам, а односторонне провозгласить свои цели. Вильсон ощутил наступление своего «звездного часа». Именно с этих дней у его советников в дневниках и письмах начинает проскальзывать идея, что президент уходит от «командной игры», что он все меньше слушает советы, что он лично стремится заполнить собой ту нишу, которую отвела Америке история. Полковник Хауз в связи с этим вспоминает главное достоинство президента Дж. Вашингтона — умение отличать хорошие советы от плохих. Пожалуй, впервые наиболее приближенный советник становится критичным в отношении своего патрона. Это был недобрый для администрации знак, потому что именно с осени 1918 года единство более всего необходимо было в верхнем эшелоне — начиналось время, решающее для определения положения США в мире.

Поздним вечером в конце сентября обедающие за столом родственники президента льстили полковнику Хаузу: «Вы — создатель личностей», — заявила сестра жены президента. Сидевший во главе стола Вильсон криво усмехнулся: «Он должен изменить свой метод». Президент уходил в поднебесье мировой политики самоуверенным, одиноким. В вагоне поезда, который нес его в Нью-Йорк, президент объяснил своему секретарю Тьюмалти, что пришло время для крупномасштабного наступления Америки. Целью должны быть крушение всей прежней системы

союзов, пересмотр многовековой дипломатической практики. Америка должна научить Старый Свет реалиям XX века.

Для того чтобы дать компактное изложение своей позиции, президент Вильсон 27 сентября 1918 г. выступил в Нью-Йорке, в «Метрополитен-опера», со следующими пятью так называемыми «существенными условиями мира»: 1) ко всем странам следует подходить беспристрастно, не должно быть двух стандартов в подходе к победителям и побежденным; 2) никакие специальные или особые интересы той или иной нации либо группы наций не могут быть положены в основу будущих соглашений; 3) запрещается создание сепаратных лиг или союзов, подписание специальных политических договоров и соглашений внутри единого и всеобщего организма Лиги наций; 4) не должно быть никаких особых и корыстных экономических объединений внутри Лиги наций, не должны применяться никакие формы экономического бойкота или дискриминации; 5) все международные соглашения и договоры всякого рода должны публиковаться полностью для всеобщего сведения.

Этот дипломатический императив Вильсон хотел сделать обязательным для всего международного сообщества. В нем провозглашались принцип равенства для всех, недопустимость барьеров и привилегий. Снять барьеры, убрать препятствия потребовала экономическая и политическая экспансия США. Когда экономика Соединенных Штатов была слаба и когда США явно находились ниже европейских стран по всем критериям, они прикрывались высоким таможенным барьером, проводили сепаратную политику и всячески старались избавиться от опеки Европы. Теперь же, ощутив свое могущество, Соединенные Штаты выступали за ликвидацию всех экономических барьеров. Америка уже не боялась конкуренции. Американская экономика обоснованно могла надеяться на доминирование в открытом для экономического обмена мире. На том и строился глобальный план президента Вильсона.

В речи, произнесенной в «Метрополитен-опера», прямо в лицо союзникам был брошен упрек в том, что их выходящее за рамки разумного ожесточение не позволяет найти общий язык с Центральными державами. Англичане и французы, эти мировые учителя цивилизации, оказались в плену страстей до такой степени, что не способны заключить достойный и прочный мир. Кто же тогда способен это сделать? 5 тыс. слушателей взорвались овацией. Президент

Вильсон как бы заверял свою страну, что не допустит «нового маразма», в который завела мир европейская дипломатия, и найдет американский ответ на проблемы межгосударственного переустройства послевоенного мира. Его главным инструментом будет всеобъемлющая международная организация — Лига наций.

Прошли дни. Вопрос, поставленный Европе, не находил ответа. Официальный Лондон и Париж молчали, и президент оказался прав, когда говорил своему секретарю Тьюмалти, что его речь там не понравится. Поучения профессора-президента начали здесь вызывать чувства, сдерживаемые лишь соображениями опасности ссориться перед лицом еще не сокрушенного противника. Если у американцев и были какие-либо планы сепаратной сделки с Центральными державами (как то предлагали, скажем, австрийцы), то для Антанты сепаратный мир был уже исключен из сферы реального. Чувства руководителей Антанты выразил Ллойд Джордж: «Мы должны были продолжать войну во что бы то ни стало, пока наши противники не будут разбиты на поле битвы и дискредитированы у себя на родине. Если бы они в конечном счете могли похвалиться тем, что успешно выдержали сопротивление армии и флотов двух континентов и заключили мир на чужой, завоеванной земле, с которой мы не могли их изгнать, — губительная сила этих людей осталась бы несломленной». Оставалось уже не долго ждать, какой подход возобладает в военной дипломатии. Мировая война шла к развязке.

28 сентября 1918 г. Гинденбург и Людендорф, обобщив сведения о положении на фронтах, пришли к выводу, что война проиграна и что им не остается ничего другого, как обратиться к противнику с просьбой о перемирии. Вот описание этого момента в мемуарах Гинденбурга: «Наши ресурсы таяли самым очевидным образом. Кто заполнит брешь, если Болгария выйдет из строя? Мы могли бы еще многое сделать, но уже не могли сформировать новый фронт... Поражение в Сирии вызовет неизбежный разлад среди наших лояльных турецких союзников, которые снова окажутся под ударом в Европе. Что будут делать Румыния или могущественные части прежней России? Все эти мысли овладели мной и заставили искать выход, но только достойный выход». Итак, впервые вожди Германии не увидели впереди ничего, кроме неизбежности поражения. Болгария через два дня после речи президента Вильсона в Нью-Йорке прекратила борьбу. Турецкие армии отступали в Сирии.

Кайзер Вильгельм обратился к одному из последних средств, направленных на сохранение господства юнкерства в стране. 30 сентября 1918 г. он «даровал» своему народу парламентское правление. Министр иностранных дел Германии фон Гинце предлагал Австрии и Турции присоединиться к Германии, чтобы совместно обратиться к Вильсону с просьбой о заключении мира на основе изложенных президентом «14 пунктов». Предполагалось просить президента созвать мирную конференцию в американской столице.

Суэта кайзеровских министров имела мало смысла. Центр политической власти давно находился не в Берлине, а в ставке Гинденбурга. Здесь думали не о парламентских махинациях, а о том, как бы заключить сепаратную сделку с США, обойти главных противников в Европе, расколоть дипломатический фронт противника, броситься в брешь — благо, особая позиция президента Вильсона, казалось, позволяла это. 30 сентября 1918 г. начальник генерального штаба Людендорф пришел к выводу, что к Соединенным Штатам нужно обратиться через посредничество Швейцарии. Учитывая ослабление Германии, нужно было спешить. Ставка гарантировала сохранение военного статус-кво лишь на двое суток. 4 октября новый канцлер германской империи принц Макс Баденский по указанию фельдмаршала Гинденбурга послал в Вашингтон ноту следующего содержания: «Германское правительство просит президента Соединенных Штатов Америки взять в свои руки дело восстановления мира, ознакомить все воюющие государства с этим нашим обращением и предложить им послать своих полномочных представителей для переговоров». Лестной для Вильсона стороной этого германского документа было то, что в нем за основу переговоров формально принималась именно его программа.

В день получения этой ноты, 6 октября 1918 г., Вашингтон был необычно безлюдным. Эпидемия гриппа, знаменитой «испанки», поразила город. Магазины, улицы и церкви опустели. Президент собирался на традиционную воскресную прогулку в пролетке, сопровождаемой агентами секретной службы на велосипедах. Он не ожидал краха Германии ранее 1919 года, и послание германского канцлера Макса Баденского было для него полной неожиданностью. Американская военная машина только еще набирала полные обороты, шла война за каждый транспорт, способный перевезти американских солдат во Францию.

Были ли немцы серьезны? Не провокация ли это с

целью выиграть время? Вильсон отбросил сомнения. На этот раз высокомерный рейх действительно сигнализировал о своей слабости, и президент воспринял сообщение как исключительно важное. Следующий шаг — звонок Хаузу. Тот полагал, что президенту не следует давать ответ только от своего имени. Гораздо внушительнее будет, если президент, оповестив союзников и коротко с ними посоветовавшись, выступит от лица мировой коалиции. Весь следующий день Вильсон писал проект ответа, а в девять вечера прочел его Лансингу и Хаузу. Полковник Хауз нашел тон ответа Вильсона излишне мягким.

Патетика момента будоражила всех. Президент сидел за письменным столом за полночь и утром, вопреки своему педантизму, отказался от гольфа, снова совещался с Хаузом. Обоюдоприемлемый текст не вырисовывался. Дипломатическая игра президента заключалась в том, чтобы, обезоружив Германию полностью, не создавать в центре Европы некий вакуум силы. Их обоих беспокоила социалистическая революция в России, и они не хотели допустить переброса революционного пламени во взбудораженную Германию. Пошли на паллиатив: президент не даст немедленного ответа на германские предложения, он пошлет не ноту-ответ, а ноту-запрос о том, какие условия приемлемы для Берлина, согласна ли Германия начать переговоры на условиях, выдвинутых Вильсоном.

Представляет интерес то обстоятельство, что президент Вильсон довольно долго не выпускал из своих рук, не давал союзникам полученный от Макса Баденского документ, несмотря на то что в германской ноте его просили «познакомить все воюющие государства с этим нашим обращением».

После весьма продолжительного молчания американское правительство все же известило своих союзников о предложениях немцев. Причем американский ответ на эти предложения появился вначале в американских газетах, а затем уже был представлен союзным правительствам.

Вильсон полагал, что это автоматически поднимет престиж Америки как лидера союза. Это был просчет. Односторонние меры Вашингтона, во-первых, способствовали объединению всех неамериканских сил союза, во-вторых, позволили этим силам, возглавляемым Англией и Францией, легко откеститься от предложений и суждений, выдвинутых Вильсоном.

Через три дня после получения германской ноты Белым домом союзники Америки собрались в Версале и

дружно обратились к президенту с заявлением, что мирные условия Берлину могут быть предложены лишь с согласия всех участников коалиции, отдавая предпочтение мнению высшего военного руководства коалиции.

Союзники просили послать в Париж представителя американского правительства, который мог бы дать ответы на вопросы об особенностях позиции США и обладал бы полномочиями согласовать общую позицию.

Нет сомнений, что в деле были замешаны и чувства, и реальные интересы. Почему французы и англичане, перенесшие основные тяготы войны, должны были говорить с врагом через заокеанского посредника? Не является ли американо-германский диалог средством и для Германии, и для США повысить свои ставки за счет Франции и Англии? Эти вопросы задавали себе и друг другу Клемансо и Ллойд Джордж в те самые дни, когда газеты неумеренно славословили президента Вильсона, а американские дипломаты сообщали о провильсоновских лозунгах на демонстрациях в союзных столицах.

Вильсон немедленно получил донесения о настроениях союзников. Но отнюдь не смягчился. Напротив, он стал хитрее вести свою игру. Если позволить кровожадным генералам из союзного штаба вмешаться в еще хрупкий диалог, то Германия поймет, что ее ждет страшная судьба, и будет сражаться с отчаянием обреченного. Вильсон полагал, что суровые условия могут вызвать в Германии такие политические процессы, которые приведут к социальному взрыву, и тогда коммунизм возобладает во всей Европе. Он считал, что действует тоньше и хитрее, чем советуют его европейские коллеги. Ведь сейчас именно он, американский президент, держал в руках ключи от мировой истории. Вильсон готов был на многое ради такого возвышения США и личного триумфа.

В довольно необычной обстановке творилась мировая дипломатия. Во время представления в «Метрополитен-опера» президента подозвали к телефону. Немцы ответили положительно на американский «запрос». Ночью секретарь Тьюмалти уговаривал президента показать характер, не увлекаться абстракциями, сокрушить кайзера и его клику. Тьюмалти убеждал его, что американский народ примет только безусловную капитуляцию немцев. Вильсон был неумолим: «Я буду идти своим курсом, несмотря на последствия. Что до меня, то я спущусь до самого ока циклона и буду, если так сложатся обстоятельства, писать стихи до конца моих дней». И все же, испытывая давление

со всех сторон, он ужесточил свой дипломатический курс. 14 октября он послал вторую ноту канцлеру Макс Баденскому, в которой были слова, более приемлемые для союзников. Военные действия на суше и на море должны быть прекращены до начала переговоров. Союзники должны точно знать, с каким правительством они имеют дело. Военное превосходство союзников и Америки над Германией должно быть признано и гарантировано. А до тех пор США не ослабят своих военных усилий.

В первые десять дней по получении известия о готовности немцев на мирные переговоры Вильсон действовал так, словно Совет Антанты избрал его главой антигерманской коалиции. Он поступал так потому, что надеялся в прямом диалоге с Германией добиться роста престижа и влияния США, и ради удовлетворения собственного «эго». Но такое положение не могло продолжаться слишком долго. В конце концов именно миллионы французов и англичан в военной форме сдерживали вооруженные силы Германии, и их вожди жаждали участия в решении судьбы ослабевшего врага. Да и можно ли было исключать вероятность того, что игнорируемые союзники, видя наконец-то слабость Германии, постараются повести дело без Америки так, как Америка начала вести дело без них?

В поиске наиболее верного пути для Америки президент Вильсон решил послать Хауза в Европу. Сейчас ему необходимо было связующее звено между лидерами Антанты, которому бы он доверял. Нет сомнения, что для Хауза это был час личного триумфа: он будет говорить с Ллойд Джорджем и Клемансо как полномочный представитель США. Возможно и то, что Вильсон сделал этот ход для того, чтобы в случае неудачи оставалась возможность дезавуировать своего посланника. Вечером 14 октября Вильсон вручил Хаузу персональный код и мандат полномочного представителя: «Я не даю вам инструкций, потому что вы знаете, что нужно делать». 18 октября полковник Хауз отбыл в Париж.

Между тем германская коалиция давала все новые трещины. 7 октября запросила мирных переговоров Австро-Венгрия, 14 октября — Турция. Конечно, Вильсону льстило обращение этих стран именно к нему — очевидно, он воспринимался лидером противостоящих сил. Но главным адресатом был, разумеется, Берлин. Здесь вожди Германской империи, время которой было уже «отмерено» историей, размышляли над второй нотой Вильсона. Правящий класс страны видел опасность продолжения опустошитель-

ной войны в условиях, когда Россия подавала массам немецких трудящихся революционный пример. В этих обстоятельствах последнее правительство кайзеровской Германии согласилось на все условия Вильсона.

Каким будет мир, который следовало установить? Если прочесть американские ноты тех дней, то мы увидим набор благороднейших слов. Ни аннексий, ни контрибуций, ни зон влияния. Вильсон обещал бесстрастно подписать мир, основанный на принципах справедливости. Верил ли он в это сам? Возможно, и верил, но, несомненно, хотел оставить глубокий след в истории. Но он сам же выражает в эти дни сомнения, которые, возможно, не смог бы лучше определить и его жесточайший критик. В октябрьские дни 1918 года он пишет одному из старых друзей: «Есть свои опасности в стремлении заключить абсолютно и строго беспристрастный мир, и бог видит, что желание строить такой мир постоянно уменьшается». Далее начинается история постепенного расхождения союзников, которых прежде объединяло наличие общего врага, а теперь начало разъединять наличие разных целей. Из Парижа полковник Хауз сообщал в Вашингтон о настроении и взглядах союзников. И Клемансо, и Ллойд Джордж не могли сдержать своего раздражения по поводу того, что кайзеровское правительство ведет переговоры о перемирии не с ними, выдержавшими четырехлетнюю бурю войны, а с президентом Вильсоном.

Антанта уже выработала свои условия перемирия, и Клемансо тотчас же передал их Хаузу, не успев тот отряхнуть с себя дорожную пыль. Это были условия, согласованные в штабе верховного союзного главнокомандующего генералиссимуса Фоша. Поставив охрану у дверей своей спальни, Хауз засунул этот важнейший документ под подушку, рассудив, что утро вечера мудренее. Утром следующего дня он отправил союзные условия каблогаммой Вильсону, а перед тем уже лежали комментарии генерала Першинга, который в штабе Фоша присутствовал при выработке этих условий.

Фош, как пишет он в своих мемуарах, считал союзные условия суровыми до такой степени, как если бы они были продиктованы в оккупированном Берлине. Першинг проводил линию Вильсона в генеральном союзном штабе и в соответствии с точкой зрения президента не желал полного крушения Германии по двум основным причинам: 1) излишне суровые условия могут вызвать социальный взрыв в Германии и «большевизировать» всю Центральную Ев-

ропу; 2) ослабление Германии делает владыками Европы Англию и Францию, которые как щит преградят путь влиянию США в этом узловом регионе мира.

Отвечая Першингу 27 октября, президент Вильсон выступил против оккупации союзниками Эльзаса и Лотарингии, восточного берега Рейна и тех пунктов на морском побережье, где располагались базы германских подводных лодок. Нужно ли говорить о ярости Клемансо и Фоша, указывавших на то, что если гибель цвета французской молодежи не стоит даже этих минимальных уступок, то проблема союзной солидарности становится неразрешимой. Получив «исправленный» Вильсоном список союзных условий, премьер-министр Ж. Клемансо воскликнул: «Это театральный жест!» Ему согласно вторил Ллойд Джордж: «Чисто политический маневр!»

А президент Вильсон в это время размышлял, нельзя ли решить свою задачу в Европе путем раскола Центральных держав заключением сепаратного мира с Австро-Венгрией. Вена желала сохранить империю обращением к Вильсону и абсолютно покорным принятием «14 пунктов». Это был довольно привлекательный вариант, но лоскутная империя уже разваливалась на глазах. 30 октября 1918 г. Габсбурги объявили о военной капитуляции перед Италией. Принятие капитуляции стало осуществляться, минуя Вашингтон. Это был первый случай, когда Париж, Лондон и Рим перекрыли сепаратный путь президента и, быстро сговорившись, послали в Вену не согласованные с президентом Вильсоном условия.

Берлин остался в незавидном одиночестве. Все германские союзники сложили оружие. Правящий класс Германии сделал несколько перестановок, пытаясь осуществить дипломатический раскол противника. Первым делом были отстранены от прямых рычагов власти военные вожди. Людендорф ушел в отставку. Рейхстаг проголосовал за либеральные поправки к конституции, а 27 октября «либерализованное» германское правительство направило в Вашингтон послание, в котором говорилось, что желание Вильсона удовлетворено, военная каста отринута, демократия восторжествовала. Это был прямой ответ на угрозу Вильсона не иметь дела с «монархическими автократами». Распространялись слухи, что кайзер Вильгельм II близок к отречению. Берлин как бы предлагал Вашингтону затеять отдельную дипломатическую игру, ведь президент обещал «сделать мир безопасным для демократии».

Вопрос о том, сможет ли президент Вильсон возобладать в подходе к поверженным империям над своими европейскими союзниками, частично решался в Париже, где полковник Хауз предложил главам союзных держав принять «14 пунктов» президента Вильсона за основу общесоюзной позиции. Хауз настаивал: без позитивной программы союзные вожди будут выглядеть кровожадными хищниками и нагонят такого страха на поверженные страны, что те предпочтут большевизм. В новом виде мировой борьбы — в пропаганде — только «14 американских пунктов», вещал Хауз, могут хотя бы в некоторой мере противостоять целенаправленной идейной борьбе Советской России.

Американскому желанию встать надо всеми и строить мир, в котором экономическая мощь США «естественным образом» переместит ось мирового развития за океан, противостояли «классические» империалисты Антанты. Лондон и Париж не спешили раскрыть свои карты, но пресса в европейских столицах уже писала, что при всех различиях между европейскими членами коалиции их объединяет желание вырвать контроль над ведением мирных переговоров из рук президента Вильсона.

Историк Вильсон мерил проблему знакомыми ему категориями. Западноевропейцы, по его мнению, были «правы с точки зрения закона», но не правы «в моральном смысле». Именно на этот «элемент морали» и рассчитывал президент, готовый, если нужно, использовать в своих интересах мнение общественности западноевропейских стран, уставшей от империалистической бойни. В запальчивости президент кодирует своему советнику Хаузу в Париж: если главы союзных держав хотят низвести его влияние до нуля, пусть полковник «смело изложит наши аргументы».

Лучше знакомый с европейской дипломатической кухней Хауз посчитал необходимым уберечь президента от излишней эмоциональности. («В краю, откуда я прибыл, — шутил Хауз, — говорят мягко, ибо есть опасность, что в противном случае не заговоришь совсем».) Не стоило, полагал Хауз, выкладывать на стол главные карты. Нужно было постараться сыграть по правилам самих европейцев и расколоть их фронт. Хауз отвечает президенту: «Я надеюсь, что вы не будете настаивать на непременном использовании вашей каблограммы».

Хауз, являясь проводником президентской дипломатии, полагал, что ему следует расширить поле маневра, и старался наладить отношения с Ллойд Джорджем. Пол-

ковник приложил немалые усилия, чтобы убедить энергичного британского лидера в отсутствии у США намерений подорвать морское могущество Британии. Начинается закулисная яростная борьба между английским лидером Антанты и вышедшим в центр мировой арены американским президентом. Пока Хауз вел только авангардные бои. Он показал себя умелым проводником и одновременно буфером политики Вильсона, смягчая наиболее одиозные выпады президента. И Вильсон, и Хауз видели в особых отношениях с Англией — как в 1914, так и в 1918 году — главный путь закрепления на европейской арене. Президент сообщал своему советнику: «Англия не сможет обойтись без нашей дружбы в будущем, а другие союзные державы не смогут без нашей помощи отстаивать свои права перед Англией». Эта схема и стала главенствующей в американской тактике: пользоваться поддержкой Англии против сонма прочих союзников и периодически помогать этим менее значительным союзникам, чтобы заручиться их поддержкой против Англии.

Чтобы вырваться из тисков этой жесткой схемы, англичане постарались своеобразным способом «купить» США. Не долго думая, предприимчивый Ллойд Джордж предложил Соединенным Штатам стать опекуном прежней германской зоны влияния в Восточной Африке (современной Намибии). Но то был слишком простой способ совладать с Вильсоном. Для американского президента брезжила заря «века Америки», и размениваться на клочок африканской территории он пока не был намерен. Предстояла более серьезная дипломатическая борьба.

Как уже отмечалось, американская дипломатия базировалась на «14 пунктах» — довольно широком и неконкретном изложении своей позиции. Три противника, три премьера (Ллойд Джордж от лица английского правительства, Клемансо от лица французского, Соннино — итальянского), начали при общем якобы благожелательном отношении вносить свои коррективы в эту общую программу. Это был волнующий момент в мировой дипломатии. Стоило полковнику Хаузу позволить «притершимся» друг к другу союзникам военных лет начать крушить вильсоновскую программу, как позиции США пошатнулись бы в самом основании. Американская сторона пошла на довольно неожиданный и редкий по смелости шаг. Полковник Хауз якобы в приливе откровенности сказал влиятельному французскому дипломату, что в случае враждебного отношения союзников к «14 пунктам» Вильсона у американс-

кой стороны не останется иного выбора, кроме как изложить свою позицию перед американским конгрессом, сообщить о предлагаемых союзниками изменениях и запросить, желает ли американский народ воевать за предлагаемые союзниками условия мира. Резонной альтернативой было бы заключение сепаратного мира с Германией.

Это был сильный ход американской дипломатии. Именно 1 млн. американцев сместил чашу весов на Западном фронте в пользу союзников. Только США могли «спасти» Германию изменением своей позиции. Заметим, что до окончания войны оставалось десять дней. Позже такая угроза уже не подействовала бы. Но пока... Угроза американцев была реальной и оказалась эффективной. Скрежеща зубами, союзные дипломаты должны были признать решающее значение США на весах мировой истории. Американцы своим блефом сорвали банк.

Очинкрос, родственник Хауза, писал в эти дни своему шефу — советнику госдепартамента Ф. Полку: «Джордж и Клемансо бесятся, как дикие коты, а мы улыбаемся неустрашимо». Не менее удовлетворен и Вильсон: «Я горд тем, как мы ведем свои дела». Союзникам пришлось осторожнее подходить к ревизии «14 пунктов» Вильсона.

Глядя в будущее, Вильсон не желал реставрации безусловного военно-морского превосходства Британии. А угроза со стороны британского льва была велика. Разумеется, построенный в годы войны военно-морской флот США был важным новым фактором, на него и опирался Вильсон. Но у британского адмиралтейства были свои возможности: тесный союз с явно враждебной Соединенным Штатам Японией плюс надежда получить львиную долю германского флота грозили снова изменить баланс сил на морях в пользу гордых бриттов. И вновь Соединенным Штатам пришлось бы затаиться у себя за океаном, на пространствах которого диктует свои условия Лондон. Этого не должно было случиться. Вильсон перенес дипломатические усилия этих критических дней (когда весь мир думал, что вожди союзников стремятся ускорить победу и сократить жертвы) на пункт о «свободе морей».

Англичанам были показаны цифры колоссального военно-морского строительства в США. Президент Вильсон поручил Хаузу сказать союзным лидерам, что противостояние принципу «свободы морей» приведет к тому, что США создадут военно-морской флот такой силы, какую позволяют лишь безграничные ресурсы Америки. Прези-

дент Вильсон ясно давал понять, что никогда уже не позволит Англии прибегнуть к неограниченной морской блокаде.

Первая реакция Ллойд Джорджа была бескомпромиссной: «Великобритания истратит все до последней гинеи, чтобы сохранить превосходство своего флота над флотом Соединенных Штатов или любой другой державы...» Морская блокада была сильнейшим орудием Англии на протяжении всей истории в войне и против Наполеона, и против кайзера. Островная имперская метрополия видела в отказе от рычагов блокады признание уязвимости Британских островов. Любой английский премьер, сделавший уступку в этом вопросе, рисковал бы своим политическим влиянием. Для США же чужая блокада могла означать изоляцию от мировой дипломатии. Лондон и Вашингтон были в данном случае примерно равны. Сейчас, в преддверии победы над Германией, оба военно-морских колосса решили в конечном счете отложить свой спор. Премьер-министр Ллойд Джордж сделал уступку там, где Даунинг-стрит всегда был непреклонен (никогда не обсуждать «абсурдный» постулат о «свободе морей»). Он объявил о том, что принцип «свободы морей» может быть предметом дебатов между союзниками в будущем. В письме Вильсону Ллойд Джордж писал: англичане не прочь «обсудить проблему «свободы морей» в свете новых условий, которые выявились в ходе текущей войны». Англия, а не США сделала большой шаг навстречу. Лондон пошел на то, о чем на протяжении сотен лет и слышать не хотел, — еще один триумф в стратегии Вильсона по пересмотру соотношения сил в империалистическом мире 1918 года.

Однако самомнение некоторых американских адмиралов за время войны выросло настолько, что даже явное отступление Лондона не удовлетворило их. Так, адмирал Бенсон потребовал потопления германского флота, на большую часть которого рассчитывало лондонское адмиралтейство. Позиция морской элиты подействовала на Вильсона. Он довольно неожиданно заявил, что лишение Германии всего флота — слишком суровое требование. Своей рукой президент «безжалостно» вычеркнул это требование Антанты. Взамен предлагалось следующее: немцы сдают союзникам лишь свои подводные лодки, а грозные супердредноуты интернируют. Американский президент поднимал очень острый вопрос в то время, когда раскол среди союзников означал спасение для Германии. Этот козырный туз дипломатии пока действовал безупречно,

союзники согласились с Вильсоном, сделав оговорку, что окончательно судьба германского флота будет решаться на мирной конференции.

Чтобы привлечь французов на свою сторону и постараться избежать англо-французского союза, американцы подыграли Клемансо в его требованиях о репарациях, взыскиваемых с Германии.

Пока, как это виделось Вильсону, американская тактика оправдывала себя. Программа, выработанная на союзных совещаниях в Париже в конце октября — начале ноября 1918 года, в общем и целом удовлетворяла США и может быть названа определенной победой американской дипломатии. 5 ноября президент Вильсон направил германскому руководству послание, в котором говорилось, что «14 пунктов» приняты союзниками (с некоторыми оговорками) в качестве основы для мирного соглашения. Глава американской исполнительной власти поручил верховному главнокомандующему союзных войск маршалу Фошу принять германских представителей и изложить им условия перемирия. Кайзеровская Германия потерпела крах. 9 ноября кайзер Вильгельм, опасаясь гнева доведенного до отчаяния народа, бежал в Голландию, и это открыло путь буржуазной республике.

У Вильсона было немало оснований для торжества. Его «14 пунктов» были признаны общей союзной платформой. При этом выигрышность положения Америки подчеркивалась тем, что Германия надеялась смягчить условия мирного договора лишь апелляцией к США. Казалось, что у Америки возникают шансы не только вторгнуться в мировой расклад сил, но и занять в нем стабильное главенствующее положение. Тому было порукой экономическое могущество США.

11 ноября борьба империалистических гигантов завершилась, представители Германии подписали условия перемирия. Наступила новая глава дипломатической истории XX века. Узнав за завтраком о подписанном в Компьене перемирии, президент Вильсон приказал государственному секретарю Лансину не оглашать условий перемирия до своего выступления перед конгрессом. Здесь же между тарелкой и телефоном Вильсон записал короткий текст: «Перемирие подписано сегодня утром. Все, за что боролась Америка, достигнуто. Нашей благословенной обязанностью является поддержка примером, трезвым дружественным советом и материальной помощью установления справедливой демократии во всем мире». Напи-

сано чисто по-вильсоновски: лаконизм и глобальность, самоуничужение и безграничная самоуверенность.

Наступила критическая фаза первого подлинного вторжения США в мировую политику. Теперь, когда противник был повержен, следовало установить новую систему мировых политических взаимоотношений. Для Вильсона борьба еще не закончилась. В определенном смысле она лишь начиналась.

Именно эти мысли изложил президент присутствующим, когда в специальной комнате в Капитолии ожидал совместного заседания обеих палат конгресса. Как ему виделось, проблемы прошлого были относительно просты — наращивать мускулы. Теперь же предстояла конструктивная часть задачи: следовало сделать американизм основой миропорядка, разрушить мир колониальных держав, модернизировать его, создать своеобразную мировую парламентскую систему, в которой США могли бы рассчитывать на доминирующие позиции. Для достижения этой цели прежде всего следовало приостановить движение «подрывных» социальных идей из России.

Историческое мышление президента получило на трибуне конгресса должное воплощение. «Итак, война подошла к концу... Вооруженный империализм тех, кто вчера был хозяином Германии, повержен, их незаконные амбиции завершились тяжелым поражением. Кто осмелится оживить эти амбиции?» Звучал эпилог войне, которая впервые в истории США вовлекала их в военный конфликт в Европе. Что же впереди? Зал замер, когда президент стал излагать свое видение перспектив мирового развития. Вильсон не удержался от поучительных примеров. В лучшем стиле академического ученого он обрисовал тенденции европейского развития, приведшие к катастрофе. Вызванные европейским развитием революции заставляют «вдумчивых людей спрашивать себя: с правительством какого типа должны мы сотрудничать в формировании оснований мира?.. Когда мир будет заключен, на чьих обещаниях и обязательствах, кроме наших собственных, будет он покоиться?» По мнению президента, не в интересах Америки позволить смертельным врагам Германии низвести ее силу до нулевого значения. Напротив, следовало воспользоваться ослаблением Европы для того, чтобы навязать ей качественно новую дипломатическую систему, гарантом которой готовы выступить США.

С трибуны, на которую тогда смотрел весь мир, президент Вильсон дал знать всему американскому народу,

что приложит все силы, чтобы дело не кончилось простой очередной перегруппировкой готовых вцепиться друг другу в горло европейских наций.

Вечером Вильсон отправился в итальянское посольство, где отмечали день рождения короля Виктора-Эммануила. Человек, который днем взбудоражил весь мир словами о грядущем торжестве демократии, пил за здоровье одной из коронованных особ, ввергших свой народ в войну.

На пути в Европу

*Французские и британские лидеры хотят
исключить меня из состава конференции
из страха...*

(В. Вильсон — Э. Хаузу)

Пять столетий подряд Старый Свет осваивал Новый, и наконец пришло время для движения в обратном направлении. В Европе уже находилось более 1 млн. американцев в военной форме, и от воли президента зависела степень давления на немцев, которые только в абстракциях «14 пунктов» усматривали для себя частичный заслон от откровенной ярости французов, англичан и итальянцев, уже приготовивших карты территориальных изменений в Европе. Какое поле исторического действия! Президент Вильсон размышлял о возможностях парижской встречи политических гигантов. Именно в этой обстановке у него вызрело решение лично отправиться на крупнейшую дипломатическую битву века.

Вильсон увидел опасность того, что передачей другим дела своей жизни он может потерять завоеванные в ходе мирового конфликта дипломатические позиции.

Создавалась тщательно иллюминированная дипломатическая сцена, актеры в которой питали самые разноречивые надежды. Европейские державы надеялись отыграть за потери и унижения военных лет. Звезды первой величины возглавляли союзные делегации. Вильсон чувствовал себя в силе возглавить «американскую» трансформацию дипломатического мира. Окружению он говорил: «Я хочу сказать Ллойд Джорджу кое-что, о чем не могу ему написать». Окончательное решение принято в самом конце октября, это видно из письма Вильсона Хаузу: «Я полагаю, что вы не сможете достойно обратиться нынешние лихорадочные встречи в мирную конференцию без меня».

Президент надеялся быть избранным на ней председателем.

Нельзя сказать, что в среде советников решение президента окунуться с головой в дипломатическую битву вызвало всеобщее одобрение. Напротив, следовали советы оставаться на блестящей позиции контрольного наблюдателя, оценивающего и направляющего действия других, имеющего привилегию дезавуировать неудачные действия своих дипломатов на местах. Это исключало опасность погрязнуть в европейской дипломатической сваре. Но советники быстро поняли, что призывы к воздержанию остаются неоцененными. Лансинг писал в дневнике о реакции президента на его совет остаться дома: «Он не сказал ничего, но о выражении его лица можно было бы написать тома». Личный секретарь Тьюмалти полагал, что уход в сферу внешней политики ослабит важные внутриполитические позиции президента, но и это замечание было воспринято скептически. Ближайший советник Хауз также не мечтал видеть Вильсона в Европе. Позднее он напишет: «Я не одобрял приезда президента Вильсона в Париж. Это был тот род работы, к которой он не был привычен и напряжение которой было слишком большим для него».

Это мнение стало известно президенту и послужило началу серьезного взаимного охлаждения. Возможно, что Хауз советовал президенту не ехать в Европу отчасти потому, что он уже вошел во вкус руководства американской делегацией. Он обещал достичь оптимальных результатов, периодически обращаясь в Вашингтон за поддержкой. Будущий президент Г. Гувер не советовал Вильсону отправляться в парижское политическое болото, но охладил свой порыв, почувствовав, что именно этого и хочется президенту. А когда еще один будущий президент Я. Масарик стал заклинать Вильсона не терять времени в Париже, то ощутил неприязненную реакцию американского патрона. Выбор был сделан. Великие события дают уникальные возможности, опоздавшим остается кусать локти. Их место лишь в сносках петитом на страницах великой книги истории. Президент Вильсон же хотел начать новую главу.

И все же неверно полагать, что Вильсон решил отправиться в Париж вопреки всем. Многие американские политики поддержали его. Конференция губернаторов штатов аплодисментами встретила слова о том, что успех мирных переговоров в Париже будет зависеть от личного присутствия президента Вильсона. А из Парижа представитель

США в военной ставке союзников генерал Блисс писал своему начальнику военному министру Бейкеру: «Я моллю бога, чтобы президент поприбывал здесь хотя бы неделю. Отовсюду слышны призывы к этому. Люди, стремящиеся к рациональному решению проблем в этом безобразном болоте, надеются лишь на него... В темном шторме яростных страстей лишь он может пролить свет разума».

Ждали ли Вильсона в Европе? Здесь явно не было единого мнения. Главы самых могущественных делегаций с подозрением смотрели на самонадеянного профессора, собравшегося учить их дипломатии. Им вовсе не хотелось, чтобы американская мощь подмяла под себя их надежды на увеличение влияния в Европе и мире. Ожидалась классическая схватка империалистических гигантов.

Разумеется, лидеры Антанты не могли произносить слова, которые задевали бы Вильсона еще до его прибытия на европейский берег. Ллойд Джордж скрепя сердце уверял, что президент Вильсон должен посетить Парижскую мирную конференцию. Но как Ллойд Джордж, так и французский премьер-министр Клемансо полагали, что повседневное участие Вильсона в выработке конкретных решений нецелесообразно.

Клемансо был более категоричен. Узнав о решении президента США приехать на мирную конференцию, французский премьер не мог скрыть своих чувств, он написал Ллойд Джорджу: «Я не нахожу нужным скрывать от вас, что считаю его присутствие и нежелательным, и невозможным».

Ллойд Джордж и Клемансо объясняли свое отношение, во-первых, разницей между статусом премьера — главы ответственного перед парламентом кабинета и положением выборного президента, во-вторых, опытом военных лет. Видный английский адвокат, премьер Англии Ллойд Джордж разъяснял: «Клемансо и я — мы можем спорить, как равные, и говорить все, что нам вздумается, но мы не можем изъясняться таким же манером с президентом, а временами необходимо говорить именно откровенно ради достижения результатов». Клемансо в целом выступал против присутствия Вильсона, так как боялся, что наличие по меньшей мере трех центров силы в союзной делегации даст немцам возможность маневрировать. Впрочем, лидеры Антанты еще не знали подлинных способностей Вильсона.

Более всего желали прибытия Вильсона на конференцию немцы. Здесь высказывался целый ряд соображений.

Во-первых, как уже говорилось, «14 пунктов» были «менее страшными», чем откровенные претензии, скажем, французов. Во-вторых, немцы питали надежды на разлад в западном лагере. В-третьих, они не исключали для себя (хотя это и представлялось невероятным), что Вильсон при определенном раскладе сил может найти в Берлине более покорных и благожелательных партнеров, чем гордые победоносные западноевропейские союзники. К тому же абстрактные принципы Вильсона выглядели достаточно безобидно, чтобы задеть чьи-либо интересы.

Встал вопрос о месте проведения конференции. Главный спор шел между Францией и нейтральной страной (упоминалась чаще всего Швейцария). Вначале Вильсон и Хауз выступили против Парижа, и в этом их поддерживали англичане, но под напором Клемансо и те и другие сдались. В конечном счете Вильсону пришлось пожалеть о сделанном выборе. Как пишет Ллойд Джордж, «никто не имел более серьезных оснований пожалеть о своей уступчивости, чем Вильсон. Он стал жертвой той неукротимой и свирепой ненависти и презрения, которые столь характерны для темперамента парижан, когда кто-нибудь осмеливается бросать вызов их излюбленным предрассудкам или стремлениям».

Когда наступило время собирать чемоданы, усилились голоса за и против поездки Вильсона. Полковник Хауз без обычной деликатности написал Вильсону через три дня после подписания перемирия, что, согласно международному протоколу, председательствует глава правительства той страны, где проводится конференция. Вследствие того что местом проведения мирной конференции будет Париж, председательское кресло займет Ж. Клемансо, «тигр» французской нации. Это может поставить Вильсона в несколько подчиненное положение.

Атмосфера стала накаляться. Вильсон не был натурой, склонной уступать. «Я могу только предположить, — говорил он в эти дни, — что французы и англичане боятся, чтобы в Париже американский президент не повел против них малые нации». Не без сарказма Вильсон пишет Хаузу: «Я надеюсь, что вы излишне смиренно восприняли их советы и после дополнительных размышлений выскажете мне свое собственное независимое суждение».

Был ли полковник Хауз искренен или его тоже влекла мировая слава? Было, очевидно, и то и другое. Вероятно, Хауз полагал, что Вильсону не хватает опыта общения в кругу равных себе. В президентской Америке глава испол-

нительной власти не имеет равных по политическому рангу контрпартнеров, а внешнеполитические контакты президента были ограничены. Хауз знал, что Вильсон — мастер трибунного слова, а не дебатов за «круглым столом». И все же Хауз отчетливо понимал, что не может давать своему патрону совет «сидеть дома». Это тотчас же похоронило бы культивировавшиеся на протяжении многих лет их отношения. Поэтому в решающий момент Хауз прибег к дипломатическим хитростям и написал несколько фраз, которые звали Вильсона в дорогу: «Будучи здесь, вы будете в состоянии оценить ситуацию должным образом. Это невозможно сделать из Вашингтона».

Маятник решительно качнулся в сторону «ехать». 18 ноября 1918 г. президент Вильсон неожиданно явился к обеду в дом Лансинга и объявил о своем решении. На следующий день Хауз, его «второе Я», узнал, что президент отплывает во Францию тотчас после выступления на открытии первой сессии нового состава конгресса.

Формируя свою команду для переговоров, президент Вильсон получил ряд дельных советов. Еще летом 1918 года его родственник С. Эксон, сидя на веранде Белого дома, призывал президента создать объединенный коллектив демократов и республиканцев, сплотить их, заразить величием открывающихся перспектив и ясно объяснить, какая грандиозная дипломатическая битва начнется после окончания мировой войны. Но разумные советы остались втуне.

А между тем даже на этом раннем этапе, когда США еще не сказали ни слова о перспективах дипломатического мироустройства, против внешнеполитического курса президента стала складываться действенная оппозиция. В середине декабря 1918 года умирающий Т. Рузвельт призвал к своему одру лидеров республиканской партии Дж. Лоджа и Э. Рута, чтобы определить ход последней в его жизни крупной политической баталии. Чего бы ни достиг Вильсон в Париже, республиканские вожди решили заставить его заплатить за все сполна.

Не все представители правящего класса считали выход США на мировую арену абсолютным благом. А если США перенапрягутся, потеряют необходимые ресурсы, свяжут себя обязательными соглашениями, подпадут под влияние европейских держав? Кто мог поручиться, что эти страхи неоправданны? 31 октября Рузвельт писал сенатору Бевериджу: «Я настаиваю на том, что национализм нужно противопоставить интернационализму». Следуя советам

своего друга, сенатор Лодж, который в августе 1918 года стал главой фракции республиканцев в сенате, старался не «переиграть» в борьбе против Вильсона. Он не отвергал идею более активной деятельности США на мировой арене, не отрицал идею создания мировой организации, но скептически относился к практической реализации этой программы вильсоновской администрацией.

Не подлежит сомнению, что Вильсон собирался в Париж, оставляя за собой ослабленный политический тыл. А впереди? Высланный дипломатический авангард предупреждал о полной решимости старой европейской дипломатии дать бой. Буржуазия стран-победительниц безусловно не намерена была отдавать плоды доставшейся после четырех с половиной лет ожесточеннейшего конфликта победы в руки самозванного учителя человечества, руководителя новой силы, претендующей на главенство в мировых делах.

Друг Вильсона Дж. Кирни посетил Европу и по прибытии поделился с президентом своими впечатлениями. Выслушав его, Вильсон резюмировал: «Самое страшное, что есть в войне, — это то, что молодое поколение мира приносится в жертву политикам». Профессору Раппарду из Женевы Вильсон сказал: «Я собираюсь в Европу потому, что союзные правительства не желают меня там видеть». Вильсон говорил в эти дни, что знает, насколько коварны и завистливы европейские политики. А с чего бы ожидать покорности, если он собирался посягнуть на их могущество? Швейцарский профессор услышал от Вильсона о его намерениях глобализировать «доктрину Монро», о желательности всеобщего разоружения, на что Раппард заметил, что в условиях отсутствия международных полицейских сил эта идея встретит непреодолимые препятствия в виде взаимного соперничества и недоверия.

Наступило время формирования делегации. И в этом деле Вильсон также допустил роковые просчеты. Лояльность — вот что было главным критерием его выбора. Лояльность хороша, когда босс на коне, но когда он сам попадает в трудные обстоятельства, необходимы личности, полагающиеся на свою независимость, — только они подлинно лояльные партнеры. Те же, кто сделал лояльность своим знаменем, скрывают червоточину изначально, они лояльны к вышестоящей силе как подъемнику, их выдвигающему. Нашелся другой подъемник, и ультралояльные устремляются к новому идолу. Лояльность должна основываться на самостоятельности мышления, а не на слепом

согласии с главенствующей силой. В конечном итоге те, кто предпочитает демонстративно лояльных достаточно независимым сторонникам, готовят себе тяжелые испытания. Так случилось и с президентом Вильсоном.

Он избрал людей, чья приверженность ему казалась абсолютной. Это сразу же отсекало представителей противоположной партии (республиканцев), что было опасно изначально. Вильсон не привлек ни одного человека, который выдвинулся бы самостоятельно, без его постоянной поддержки, — ни одного, скажем, оратора, лидера местных политических сил одного из штатов.

Наиболее умудренный среди советников Вильсона полковник Хауз видел сложности, которые создает себе увлеченный мировым строительством президент. Он посоветовал Вильсону включить в американскую делегацию представителей республиканской партии — бывшего президента Тафта и бывшего госсекретаря Рута. Это предложение казалось Вильсону абсолютно неприемлемым. Э. Рут — «безнадежный реакционер», и его миссия в России, окончившаяся провалом, показала его неспособность приспособиться к новому, более сложному миру. Относительно Тафта Вильсон писал 29 ноября 1918 г.: «Я потерял всякое доверие к его способностям. И всякий другой видный республиканец, которого можно было бы взять, уж постарался бы сделать все возможное, чтобы повредить мирной конференции». Масарик, разобравшийся во внутриамериканской обстановке, порекомендовал взять хотя бы советников из республиканцев. На это Вильсон ответил, что у него нет таланта поддерживать постоянный компромисс внутри самой американской делегации. «Скажу вам прямо: я — выходец из шотландских пресвитериан и поэтому несколько упрям».

В пятерке членов американской делегации оказались (помимо Вильсона): незаменимый советник Э. Хауз; государственный секретарь Лансинг; военный представитель США в Высшем союзном военном совете генерал Т. Блисс. Последнее место после долгих поисков занял ветеран американской дипломатии Г. Уайт, чьи донесения из Берлина и Лондона Вильсон высоко ценил.

Президент до переговоров провел большую подготовительную работу. Отметим его распоряжения ограничить потребление запасов стратегического сырья. Несколькими месяцами ранее он говорил Уайзмену, что это сырье будет эффективным оружием на мирной конференции. Расширялась промышленность, производившая товары, которыми

Вильсон хотел прельстить или даже «купить» европейцев. На пути мобилизации внутренних сил Вильсон допустил несколько грубых ошибок. Так, он поставил под государственный контроль все линии кабельных коммуникаций с Францией. Политические противники Вильсона легко интерпретировали это решение как шаг к изоляции его деятельности в Париже от всякого общественного наблюдения.

2 декабря 1918 г., прощаясь со столицей, президент Вильсон выступил перед объединенным заседанием конгресса. Впереди были важнейшие дипломатические переговоры, и зал палаты представителей был переполнен. Особенно внимательно слушали президента дипломаты, ведь через несколько часов главы их правительств будут читать их оценку того, с чем американский президент отправляется в Европу.

Президент сразу же поставил вопрос ребром. Америка принесла на алтарь победы большие людские и материальные жертвы, и задача, более того, долг американского президента сделать так, чтобы эти жертвы не были напрасными.

«Теперь моей обязанностью является принять непосредственное участие в создании того, ради чего они отдали свои жизни. Я не могу себе представить никаких других соображений, которые превосходили бы по важности это... Я осознаю огромность и сложность дела, которое я предпринимаю; я полностью осведомлен о своей суровой ответственности. Я — слуга народа. У меня нет личных целей или помыслов в осуществлении этого дела. Я еду, чтобы отдать лучшее, что есть во мне, для мироустройства, в котором я должен участвовать по прибытии на конференцию, ведя переговоры с коллегами из союзных правительств».

Обстоятельством, которое было признано решающим впоследствии, было то, что президент не просил совета конгресса, не предложил сенаторам присоединиться к делегации, не делился своими планами. К чему он стремился, куда, в каком направлении бросал американскую мощь? Никто не мог ответить на эти вопросы определенно.

Для ясности понимания складывающейся ситуации подчеркнем тот факт, что правящий класс никогда не был политическим монолитом. В отдельные периоды (скажем, после нападения японцев на Пёрл-Харбор) он обретал единство и можно было говорить об общенациональном согласии, консенсусе. Но логика партийной борьбы,

сталкивание интересов тех, кто ориентировался на внутренний рынок, и тех, кто ориентировался на международную торговлю, подрывали национальное единство. Многих страшила борьба с традиционными империалистическими хищниками. Так было и в первые десятилетия XX века. К 1919 году американская дипломатия открыла дороги к вершинам мирового могущества, но путь туда был опасен. Эту идею разделяли многие из тех, кто в США следил за поездкой Вильсона.

* *
*

4 декабря 1918 г. корабль «Джордж Вашингтон» отплыл к берегам Европы. На его борту президент Вильсон отправился на главную дипломатическую битву своего времени — Версальскую мирную конференцию. Американская делегация насчитывала 1300 человек. Президент предполагал пробыть в Европе не более двух месяцев. Глава американского правительства чувствовал себя воодушевленным. Он плыл туда, куда не приглашался ни один из его предшественников в Белом доме. Посредством энергичной дипломатии в 1917—1918 годах США примкнули к выигравшей коалиции. Еще задолго до этого они стали важным военным тылом союзников. Пришли новые времена, Америка стала державой первой величины, и на встрече с союзниками-конкурентами Вудро Вильсону предстояло обратить новое экономическое и военное могущество США в твердое мировое политическое влияние.

Пока же президент наслаждался переменной обстановки и тем простором, который открылся перед ним в океане и в политике. Собеседники отмечали в эти дни раскованность этого обычно довольно чопорного человека. В президентской каюте легким пером набрасывает он программу своего самого тяжелого дипломатического испытания. «При первой же возможности, после того как я встречу премьеров и собственными глазами увижу, что они собой представляют, показав им одновременно, что я собой представляю, я постараюсь узнать у них, какова их программа. Очевидно, что они планируют и откровенно хотят получить все, что могут... Если они будут настаивать на программе такого рода, я буду вынужден отозвать наших представителей, вернуться домой и выработать должным образом детали сепаратного мира (с Германией. — А. У.). Но, конечно, я не думаю, что это произойдет. Полагаю, что, как только мы соберемся вместе, они узна-

ют условия, привезенные американскими делегатами, которые не будут торговаться, а твердо встанут на защиту своих принципов; и как только они узнают о наших целях, я верю, мы придем к соглашению довольно скоро».

В чем заключалась суть обозначившегося уже на горизонте противоречия? Обескровленным империалистической войной трудящимся массам Англии, Франции и других союзных стран Д. Ллойд Джордж, ни секунды не задумываясь, бросил лозунг: «Немцы за все заплатят!» Это был весьма умелый прием перевести ненависть к войне и эксплуатации в русло международного спора. Голодные и холодные миллионы людей в Англии и на континенте ждали немецкого угля и картофеля, ведь они победили и имели право на соответствующее возмещение своих потерь.

Ничто не волновало президента Вильсона (и правящий класс США в целом) меньше, чем лишняя тонна силезского угля и померанского картофеля. Сытая Америка едва ли не удвоила свои богатства за годы войны и интересовалась вовсе не тем. В прошлом провинциальные янки снимали шляпу перед Вестминстером и Пале-Бурбоном, теперь же они хотели сдвига в мировых реалиях. У Вильсона и его наиболее умудренных советников не было конкретного плана, как вовлечь в сеть своего влияния мировые метрополии. Но у них была общая идея, общая схема, общий замысел — создать подвижное равновесие победителей и побежденных, решить русский вопрос за счет гражданской войны (тем самым обезопасив себя от предвоенных страхов в отношении места России в Европе) и в новой мировой организации, в этом мировом парламенте, сделать американскую партию самой мощной и влиятельной. Дальнейшее последует автоматически. Самая влиятельная сила Лиги наций поддержит немцев против англичан и французов, поддержит малые страны Европы против крупных, отдельные части бывшей Российской империи против ее современного центра и на основе равновесия возглавит послевоенный мир. В руках американцев будет в качестве орудия их способность оказать экономическую помощь разоренным странам Европы.

Еще не сели за стол переговоров, а мышление Вильсона борется со всеми контраргументами. Скептики говорили, что на долю США пришлось лишь 2 процента военных усилий союзников, поэтому, мол, американцы не имеют ни морального, ни какого-либо иного права диктовать свою волю. Этот вопрос находился в центре внимания

пересекающего океан президента. «Я не уверен, — утверждал Вильсон, — что наши солдаты склонны думать именно таким образом. Вопрос о том, кто выиграл войну, относителен, но если кто-либо желает уточнить ответ на него, то у нас претензии не менее обоснованные, чем у кого бы то ни было».

Еще не пришла пора выкладывать последние аргументы, но Вильсон спешит, он хочет меньше сантиментов и больше дел. Поэтому, с его точки зрения, невредно сразу дать понять союзникам, что относительно решимости американцев они могут не сомневаться. «Англия, согласившись с четырнадцатью принципами, вписанными в условия перемирия, находится в парадоксальной позиции, когда она, с одной стороны, согласилась с принципами разоружения и, с другой стороны, одновременно объявила, что намерена сохранить военно-морское превосходство. Я однажды сказал шутя, но имея в виду, что в каждой шутке есть доля правды, господину Тардье (представителю Франции в США. — А. У.), что, если Англия будет настаивать на сохранении военно-морского доминирования после войны, Соединенные Штаты смогут показать ей, как превзойти ее военно-морской флот. Если Англия будет придерживаться этого курса на конференции, то это будет означать, что она не желает постоянного мира, и я именно так и скажу Ллойд Джорджу. Я скажу это с улыбкой, но здесь не будет места двусмысленности». Сразу же отвергал Вильсон и возможное предложение англичан «совместно» осуществлять контроль над морями.

Он отметал и возможность согласия США на подачки, которые союзники могли бы кинуть американцам где-нибудь в Африке. Речь шла о мировой гегемонии, о «веке Америки», и разменивать эти глобальные надежды на сомнительные приобретения в виде нескольких миллионов бушменов Вильсон не желал, о чем и говорил демонстративно.

Размышления касались и главного проектируемого дипломатического механизма — Лиги наций. Соглашение о создании Лиги он считал неотъемлемой частью мирного договора, без этой организации игра не стоила свеч. По идее президента, Лига наций должна была «дисциплинировать» мир с учетом нового расклада сил. «Ядро Лиги составят Великобритания, Франция, Италия, Соединенные Штаты и Япония. Ради защиты своих интересов и другие нации вступят в Лигу. Нынешнее хаотическое состояние Германии несомненно делает необходимым дать ей неко-

торый испытательный срок, пока она не сможет положительно зарекомендовать себя и получить право на вступление. Подобной же политики нужно будет придерживаться в подходе к новым государствам, образованным из частей Австро-Венгерской империи».

Преследуя «вселенские» замыслы, президент Вильсон весьма ревниво относился к организациям глобального масштаба, таким как римско-католическая церковь. С его точки зрения, если позволить Австрии слиться с Германией, то возникнет огромное государство под очень большим влиянием Ватикана. Самым важным в данном случае было геополитическое соображение. Если позволить слияние двух государств, «это будет означать, что новая Германия будет самой могущественной державой на континенте». Поэтому Вильсон склонялся к тому, чтобы Германия и Австрия были разделены.

Но неверно думать, что на борту «Джорджа Вашингтона» глобальным планированием занимался лишь один президент. Несколько сот членов американской делегации проводили вечера в обсуждении уникальной позиции, в которой оказались Европа и мир в момент приобщения Америки к мировой политике. Элиту делегации составила исследовательская группа полковника Хауза, уже более года посвящавшая свое время определению мировых перспектив и выработке оптимального курса США. На рейде Азорских островов Вильсон пригласил эту команду в свою каюту. Именно тогда, 10 декабря 1918 г., безусловно талантливые американские специалисты получили более конкретные, чем прежде, указания руководителя американской дипломатии.

Президент хотел, чтобы американская сторона проявила высокую степень самостоятельности. Он очень не хотел, чтобы США «оперлись о руку» одного из опытных вождей империалистического мира, — скажем, Британии. Вильсон стремился к тому, чтобы в максимальной степени сохранить свободу рук. Эксперты получили наказ не ориентироваться на ту или иную державу (или группировку), а провести американский дипломатический корабль собственным независимым курсом. Эксперты услышали от Вильсона немало уничтожающих оценок в адрес европейской дипломатии. Президент прямо заявил своим подчиненным, что народы Европы были преданы своими правителями, что эти правители неадекватно выражают волю своих народов, что эти правители «слишком много знают, чтобы увидеть, какова же погода». Если позволить евро-

пейским вождям захватить главенство на конференции и провести ее по их правилам, то вскоре мир снова будет ввергнут в войну, на этот раз еще более суровую. Это будет настоящий глобальный катаклизм.

Союзники, говорил президент, явно стремятся провести конференцию втайне, келейным образом, пряча решающие переговоры и сделки от глаз и ушей прессы. Англичане и французы уже предложили американцам отказаться от огласки переговоров. Но Соединенные Штаты должны обыграть принцип свободы информации. Их задача — укрепить свое влияние не за счет союза с сильнейшими, а за счет умелого расчета, игры на взаимном противоборстве изготавившихся к схватке сил.

Желанный мир будущего, указывал президент Вильсон, не должен походить на тот, который правил Европой между 1815 и 1914 годами. Система Венского конгресса исключала господство принципов, она провозглашала господство баланса сил. Это была евроцентристская система, не оставляющая возможностей для неевропейских держав. Следовало изменить организационные принципы и создать новый международный механизм. У Вильсона не было еще достаточно отчетливого представления о том, как будет работать этот механизм. Он полагал, что устойчивые процедуры будут выработаны конкретной практикой.

Его оптимизм в отношении места США, влияния США в создаваемом международном механизме основывался на ряде обстоятельств. Первое: США — экономический колосс мира, только они могут оказать экономическую помощь как побежденным, так и победителям. Второе: ненависть победителей — стран Антанты — к побежденным — Центральным державам — была столь велика, что обе коалиции неизбежно будут искать помощи третьей силы — Соединенных Штатов. Малоизвестным фактом является то, что американская сторона желала участия в конференции немецких представителей. В ноябре 1918 года полковник Хауз торжественно отвел пять мест на предстоящем конгрессе представителям Германии. Вашингтон ожидал согласия союзников, но напрасно. Париж и Лондон вовсе не хотели сидеть с немецкими представителями за одним столом переговоров. Третье: на карте Европы возникают новые государства — Польша, Чехословакия, Югославия, и все они ищут международной поддержки, это питает надежду на их готовность «платить» за американскую помощь. Четвертое: у США уже есть значитель-

ная зона влияния в лице Латинской Америки, и это позволяет США полагаться на относительно твердый тыл. Пятое и, пожалуй, главное: революция в России ожесточила классовую борьбу во всех европейских странах. Сколько ни эгоистичным является любой охранитель Британской империи или сторонник реванша во Франции, он чувствует уплывающую из-под ног социальную почву. А главный стабильный резерв капиталистического «цивилизованного» мира — США, и это обстоятельство президент Вильсон призывал использовать в полной мере.

Экспертам следовало подумать над структурой Лиги наций. Во главе мировой организации будет стоять центральный орган, небольшой по составу, представляющий лишь наиболее крупные страны. Нужно, чтобы критические вопросы войны и мира обсуждались и решались прежде всего в нем. Именно этот орган будет иметь право решений по главным международным вопросам, осуждать любую посягающую на существующий порядок страну, прерывать торговые и прочие виды ее связей со всем внешним миром.

Второстепенные вопросы будут решаться в ходе работы конференции — собрания всех членов Лиги, тогда, когда найдут свое решение критически значимые вопросы. Такие вопросы, как спор о германских колониях, можно было бы решить путем передачи их в компетенцию Лиги наций или передачи под опеку одному из ведущих членов Лиги.

Эксперты слушали своего вождя, затаив дыхание. В небольшой обшитой деревом каюте посреди бурного океана их президент один за другим «разрывал» гордые узлы мировой политики. Вильсон «купил» интеллектуалов своего штаба тем, что предложил им: являться со всеми конструктивными идеями непосредственно к нему. «Говорите мне: это правильно, и я буду сражаться за это». Вильсон сумел по меньшей мере заразить членов своей делегации верой в то, что они плывут, чтобы перевернуть прежний дипломатический порядок, чтобы установить свой, базирующийся на новых основаниях. Им предстояла жестокая дипломатическая битва, но и цель была огромна.

«Джордж Вашингтон» пересекал океан. В эти дни и недели солдаты покидали окопы. Россия не вернула себе исконные земли. Социалистическая революция становилась все большим фактором мировой политики. На Украине, в Белоруссии и Прибалтике — немцы, в Средней

Азии — панисламизм, на Кавказе и в Закавказье — Закавказская федерация, на Дону — казаки. Единственная магистраль на Восток, к Тихому океану, захвачена белочехами. В Мурманске, Архангельске и Владивостоке высаживаются интервенты. Красная Армия только формируется, внутренние экономические связи разорваны. Да и есть ли Россия на карте? Если прочитать записи Хауза, Ллойд Джорджа, Клемансо или Исии, то фактор России окажется низведенным едва ли не до нуля.

Прошло полгода. И теперь уже никто не мог говорить о «нулевом» значении восстающей на обломках Российской империи Республики Советов. Более того, сила большевистских идей исключительна, «красная идеология», идеи социальной революции проникают в Германию, Венгрию, на Балканы. Если летом Вильсон думал о дележе русского наследства, то теперь он размышляет о русском вызове. Лишь Декрет Ленина о мире имел силу, превосходящую значение «14 пунктов», лишь вождь большевиков обещал трудящимся Европы подлинную альтернативу периодической бойне народов. И потому-то, рассуждая наедине с собой, Вильсон и так и сяк оценивал новый русский фактор. Можно ли противопоставить Россию победителям на Западе? Каким будет эффект американских миссий в Европе? Что скажет Москва об интервентах? Можно ли будет сплотить союзников на антисоветской почве?

* *
*

Главный пассажир «Вашингтона» запомнился капитану добрым расположением духа. Вильсон присоединился к хору моряков, певших военные песни, и готов был пожать руку кочегару. Он прогуливался с супругой на верхней палубе, а иногда в одиночестве вглядывался в океан. Своему секретарю еще в Нью-Йорке Вильсон сказал: это путешествие будет «либо величайшим триумфом, либо величайшей трагедией в истории». Как видим, самоуничтожением президент не страдал. И еще: «Я верю, что никакая группа людей не сможет сокрушить это великое мировое предприятие». Президенту нужна была сейчас эта вера, помимо прочего, и как средство от суеверий: «Джордж Вашингтон» прибыл во французский Брест в пятницу, 13 декабря.

Франция встретила президента густым туманом. В. Вильсон стоял на капитанском мостике, приветствуя

предполагаемые толпы встречающих. Все — и на берегу, и в дипломатии — было в тумане. Наконец лоцманы овладели рулем, и по причальному мостику на корабль к главнокомандующему взошел глава американского экспедиционного корпуса генерал Першинг. Мэр Бреста, первый встреченный Вильсоном в Европе социалист, приветствовал президента. Этот социалист говорил приятные вещи: президент прибыл освободить Европу от ее мук как апостол свободы. Вильсон не удержался и рассмеялся, когда увидел знамя, на котором было написано, что он — основатель Лиги наций. «Несколько поспешно», — заметил президент.

На следующий день в десять утра поезд с американской делегацией прибыл в Париж. На платформе стояли те, с кем предстояла борьба интеллектов. В классическом костюме дипломата — президент Пуанкаре, а в нескольких шагах от него в измятом костюме, со скрещенными на груди длинными руками стоял главный французский оппонент — «тигр» Ж. Клемансо.

Последовало первое испытание лестью. Весь Париж вышел на улицы, море цветов, флагов и приветствий буквально поглотило президента. Реяли военные флаги, а в воздухе затмевала солнце французская авиация. Вильсон сам стал частью театральной декорации. Без шляпы, с распростертыми руками он действительно играл роль Колумба Нового Света. Таким увидел Вильсона английский дипломат Г. Никольсон: моложе, чем на фотографиях, гладкое лицо, улыбка безобразна, широк в плечах и тонок в талии, плечи непропорциональны росту, одет с иголочки, в черном, очень аккуратно; полосатые брюки, стоячий воротник, булавка с розовым бриллиантом.

С переполненных толпами бульваров карета четы Вильсонов въехала во внутренний двор дворца Мюрата. Здесь президенту предстояло два месяца обдумывать возможности дипломатической трансформации мира. Официальной резиденцией делегации США стал отель «Крийон».

Этикет не терпел пауз, и через несколько минут одетый во фрак Вильсон уже направлялся в Люксембургский дворец. Хозяин дворца президент Пуанкаре более не терял времени даром, ведь решались судьбы Франции и Европы. В своем тосте он обещал Вильсону вручить документы, в которых «вы сами увидите, как германское командование с поразительным цинизмом разработало свою программу грабежа и разрушений. Какие бы преду-

предительные меры мы ни приняли, никто, увы, не сможет утверждать, что мы спасаем человечество навечно от будущих войн!» Это было далеко от наивной веры, что патронаж Америки окажется гарантией европейского мира, что созданная ею Лига наций обезопасит от войн, что Вильсон — апостол мира.

Вильсон по своей природе не был склонен откладывать ответ «на потом». Он сразу же бросился в схватку. В ответной речи президента прозвучали совсем другие ноты. «С самого начала мысли народа Соединенных Штатов были обращены на нечто большее, чем просто победа в этой войне. Война должна была быть выиграна так, чтобы обеспечить будущий мир в мире». Итак, Вильсон видел в предстоящей конференции не сцену реванша Франции, не очередной пересмотр европейского баланса, а качественно новую страницу европейской истории. На том и стоял.

Но если стремление американского президента немедленно приступить к делам было очевидно, то руководители союзных стран были заинтересованы отложить главные беседы. Об этой тактике союзников полковник Хауз писал своему шефу еще до отплытия того в Европу. К моменту прибытия Вильсона в Париж союзные страны еще даже не назначили членов своих делегаций на мирные переговоры. Казалось, что подписание европейского мира едва ли не второстепенный вопрос: англичане были заняты своими выборами. Соображения предвыборного маневрирования ограничили возможности британского руководства в деле занятия заранее продуманных дипломатических позиций. В конце концов оно не знало, удержится ли у власти в дальнейшем.

Французы предавались празднествам, британские доминионы готовились к имперской конференции. Все они с усиленным вниманием смотрели на Германию: какой будет ее эволюция, закрепят ли свои позиции социал-демократы, не выйдет ли вперед сепаратизм отдельных земель.

Возникло впечатление, что визит Вильсона декоративен по своей сути. Его с охотой приглашали на манифестации, благодарственные митинги и торжественные приемы. Но приступать к делу дипломатической реформации мира здесь не спешили. Это действовало на президента убийственно. Менее всего он хотел быть «свадебным генералом». Президент желал дипломатического триумфа, а не пустого трибунного славословия.

Он откровенно говорит в эти дни Хаузу, что чувствует себя жертвой заговора самых реакционных сил Европы, что европейцы, прежде чем вступить в реальный контакт с ним, постараются сколотить сепаратный европейский блок. В общем и целом интуиция Вильсона работала в верном направлении. Полковник Хауз стремился вернуть ему душевное равновесие. Как и многие годы прежде, президент и его самый доверенный помощник, уединяясь в долгих беседах, стремились обнажить суть проблемы.

Центром всех усилий американской делегации Вильсон обозначил создание Лиги наций. Нужно сказать, что у президента появилась и постоянно крепла убежденность в том, что с созданием Лиги наций, с выработкой механизма ее воздействия на мировую арену все самые значительные спорные вопросы найдут свое решение. Что укрепляло президента в этом убеждении? По крайней мере не полковник Хауз, видевший в Лиге инструмент тех сил, которые займут контрольные позиции. А займут ли эти контрольные позиции американцы — это еще был большой вопрос. И именно здесь, а не собственно в создании международной организации как таковой видел Хауз центр возможного спора. Полковник считал, что основные усилия следовало бы приложить в определении условий военного баланса в Европе и возможностей экономического урегулирования.

Вильсона тревожила не только тактика европейцев, но и сообщения, прибывшие из-за океана. Пресса республиканцев уже обсуждала то, чего еще не было, но чего опасались в Америке: Ллойд Джордж и Клемансо ощутили общность судеб и сомкнули штыки против заокеанского пришельца, американская сторона ради избежания изоляции уже сделала уступки англичанам в вопросе о «свободе морей». У Вильсона стало возникать ощущение, что он в своей сверхсложной задаче создания мировой организации и утверждения своих контрольных функций над европейскими делами не имеет необходимой поддержки прессы, общественного мнения, значительной части политической элиты. Последняя капля переполнила чашу: президент взорвался, когда узнал, что госсекретарь Лансинг без его ведома назначил двух новых чиновников в секретариат американской делегации.

Из Вашингтона Тьюмалти телеграфировал, что информация о ходе подготовки мирной конференции недостаточна и это дает почву слухам, часть которых неблагоприятна для президента. А что мог ответить президент?

Ведь он стал своеобразным заложником европейского дипломатического процесса. Он не мог приказывать Клемансо, Ллойд Джорджу и прочим, ему оставалось только ждать. А это было непривычное состояние. В годы войны, когда судьбы наций висели на волоске, премьеры европейских стран с величайшим почтением и готовностью слушали любое его замечание. Америка была надеждой и опорой. Нет сомнения, Вильсон в известном смысле «привык» к этой ситуации, ему уже представлялось естественным, что мнение Вашингтона никто не может игнорировать, что США держат ключи к спасению и к будущему. Но вот — победа, а с ней и величайшая девальвация США как якоря спасения, как высшей надежды. Рядом лежит агонизирующая Германия, на восточной границе которой формируется новая Польша, далее Советская Россия собирает силы после изгнания кайзеровских войск с трети своей европейской территории. Без Вильсона и американских войск, столь необходимых еще три месяца назад, сейчас вполне можно обойтись. Никто не любит зависимости, с ней только смиряются. Окончился период, когда Париж и Лондон демонстративно склоняли голову перед Вашингтоном, сейчас ощутимо противоположное.

Французы выработали свое понимание основ будущей мирной конференции. Их программа была вручена президенту Вильсону 29 ноября 1918 г. послом Жюссераном. «Принципы президента Вильсона, — говорилось в этом документе, — являются недостаточно определенными по своему характеру, чтобы быть принятыми за основу конкретного соглашения... Четырнадцать предложений, являющиеся принципами международного права, не могут составить конкретной основы для работы конференции». Во французской программе говорилось о «федерализации» (т. е. расчленении) Германии. Великим державам предлагалось решить судьбы Оттоманской империи. Да, у американцев в Европе 1 млн. солдат. Но здесь же 2 млн. английских и еще больше французских. В распоряжении пяти великих держав, составлявших основу Совета десяти, имелись 12 млн. солдат. В масштабах всей мировой схватки не США пожертвовали цветом нации. Так менялся психологический климат, и становилось ясным, что у США нет гарантированных рычагов воздействия на европейскую ситуацию. Но не будем забегать вперед.

Из Вашингтона Тьюмалти советовал развернуть подлинно американскую активность, с тем чтобы более отчетливым сделать «профиль Америки», указать на «невиди-

мый» кредит Америки в Европе, чтобы настроить общественное мнение, во-первых, на огромную благодарность Новому Свету за помощь, во-вторых, на поднятие престижа ее высокообразованного президента, способного поспорить с лучшими умами современности.

Американского президента не нужно было учить, как делать «паблисити». Вильсон вместе с супругой бросаются в автомобиль, и вот их уже встречают сотни раненых солдат в американском военном госпитале в Нейи. Президент решает задачу на выносливость, он подходит к каждой из 1100 больничных коек, в каждой палате произносит речь, говорит инвалиду по фамилии Вильсон, что горд быть его однофамильцем. Ну нет, в сонной Европе никто не перекроет американскую энергию. Вечером этого же дня чета Вильсонов — на рождественской елке в гораздо более бедном французском госпитале. На обледенелой военной дороге Вильсон в сочельник встречает снежную бурю в Шомоне, где два месяца назад земля гудела от взрывов. А затем с Першингом совершает обход строя американских войск, утопающих в грязи. Несмотря ни на что, президент сохраняет полное присутствие духа за рождественской индейкой из военного котла. Но генерал Першинг, разумеется, обитает не в грязи траншей Шомона. Вильсон убеждается в этом за горячим чаем в величественном средневековом замке. Президент обеспокоен: не допустил ли он непростительную ошибку, встретив рождество в компании офицеров, а не в солдатском бараке? «Это трудно, очень трудно в такой церемониальной речи, как эта, показать вам, каково мое настоящее сердце».

Своей политике державного возвышения США он старается придать черты благородной жертвенности идеалистов, пересекших океан, чтобы отдать свою жизнь ради европейского мира.

Оставив минуты слабости позади, президент Вильсон продолжал выработать план своего дипломатического сражения с союзниками. Так, журналистам он объявил, что формирование Лиги наций — безусловный императив. Эта тактика предполагала, что постоянное упоминание Лиги наций в заголовках газет сделает стремление к ней некоей самодовлеющей силой, действующей в Европе помимо личной воли Клемансо и Ллойд Джорджа.

По просьбе президента неутомимый (несмотря на преклонный возраст) Хауз готовит встречу с пока всемогущим премьером, почти диктатором Франции Ж. Кле-

мансо. Французский лидер был в непростой позиции. Напор американцев, их беспардонное вторжение в классическую европейскую дипломатическую игру безусловно беспокоили Клемансо и бросали его в объятия испытывающего те же чувства Ллойд Джорджа.

Скепсис семидесятилетнего французского премьера был понятен. Принстонский профессор предлагал ему весьма радикально (и в свою пользу) изменить правила дипломатической игры, которой Клемансо отдал всю свою более чем полувековую политическую жизнь. Но у Клемансо теплилась надежда, что янки не знают всех правил европейской игры и поверхностность их погубит. К тому же Клемансо надеялся на свое понимание американцев: он жил в США четыре года и был женат на американке. Английский язык не был для него препятствием. Внешний облик «тигра» был впечатляющим: квадратное туловище, крупная голова с пышными усами и густыми бровями над полуприкрытыми глазами. Готовясь к дипломатической дуэли, французский премьер нашел общий язык с госсекретарем Лансингом, который в мемуарах дает такое его описание: «Он напоминал старого китайского мандарина: темный цвет лица, большой лоб, выпуклые брови, острый взгляд, длинные опущенные седые усы, короткая шея, широкие округлые плечи, коренастая фигура... Поразительный тип человека, в котором ощущается огромная сила интеллекта, самообладание, холодная, непреклонная воля. Серые перчатки прикрывали большую кожу рук, но живой ум подвижен. Красноречие премьера было его главным оружием». Разумеется, этот идеолог французского империализма готов был стоять насмерть как против немцев в 1917 — 1918 годах, так и против любого, кто хотел бы поколебать престиж Франции в Европе и посягнуть на ее империю.

Но зачем отвергать то, что может быть повернуто в нужном направлении и при должной ловкости сыграть против немцев, англичан, итальянцев? А «красная опасность»? Без Вильсона европейская «почва» находится в опасности социальных землетрясений невероятных баллов. И лидер французских радикалов договаривается с Хаузом, что Вильсон не поднимет ни одного важного вопроса, не обсудив его предварительно с «тигром» Франции.

Их первая встреча была примечательна. Вильсон мобилизовал максимум личного обаяния и постарался как можно глубже спрятать черты неисправимого фанатика, каким рисовала его враждебная пресса. Они сорев-

новались в галантности. Почти все свидетели их первой встречи отметили, что оба политика готовы были говорить о чем угодно, кроме насущных проблем дня.

Экзамен политеса выдержан, но дела не терпели отлагательств, и Вильсон попросил Хауза устроить вторую встречу в приватной обстановке. Вместе с Хаузом они условились, что подкоп под Антанту нужно начать с обсуждения принципа «свободы морей» — ведь Франция, в отличие от Англии, не посягала на контроль над Мировым океаном.

Клемансо не без симпатии слушал американского президента, который говорил о необходимости установления принципа «свободы морей». Сидя в частных апартаментах Вильсона во дворце Мюрата, французский премьер думал о том, что за предоставление американцам новых возможностей на морях он может получить свободу рук на Европейском континенте. Президент Вильсон говорил много и хорошо. Ядром его размышлений была Лига наций. И хотя Клемансо откровенно не верил в такой модернизм, он счел возможным договориться о включении пункта о «свободе морей» в повестку дня работы конференции. Разумеется, он надеялся на компенсацию американцев в наиболее важных для него европейских проблемах.

И Вильсону, и Клемансо стало ясно, что впереди трудный дипломатический марафон. Чтобы облегчить себе путь на этой дистанции, Вильсон постарался обрести второе дыхание. Эти закосневшие европейцы должны увидеть, как работает с публикой американский политик. Удвоено число приемов и обедов, началась обработка европейских знаменитостей. На церемонии принятия маршала Жоффра во Французскую академию по залу пробежал вихрь сообщения: на церемонии присутствует президент США. Все сорок «бессмертных» академиков поднялись на ноги, приветствуя заокеанское светило. Вильсон не мог претендовать на академическое бессмертие, но он получил компенсацию в виде почетной степени доктора наук от Сорбонны. Нигде в Париже — ни на могиле Лафайета, ни в мэрии, где он стал почетным гражданином Парижа, ни в академии — Вильсон не пользовался записями. Он бросил вызов своим церемониймейстерам, и его красноречию в этой атмосфере признания не было конца.

После визита Клемансо мысли Вильсона все больше занимал английский фланг его дипломатии. В глухом

молчании Лондона ему мнилось главная оппозиция американским дипломатическим замыслам. Несколько неосторожно оброненных замечаний Вильсона вызвали тревогу англичан, и в этой флюидной обстановке вызрел замысел пригласить Вильсона в Англию. Настоятельной необходимостью этот визит стал, когда Вильсон дал пространное интервью лондонской «Таймс». Англичане читали это интервью со жгучим интересом. С одной стороны, Вильсон признавал «особую позицию Британии как островной империи», с другой — явно критически отнесся к амбициям крайних ревнителей империи. Не посетить Англию уже означало потерю части престижа во влиятельных слоях Лондона. Поэтому Вильсон должен был учитывать разочарование англичан тем обстоятельством, что по пути в Париж он не посетил Лондон. От английского правительства и общественности не ускользнул и тот факт, что за долгие годы войны президент Вильсон ни разу не сказал ни единого слова сочувствия или симпатии о стране своих предков. Более того, озабоченный следованием строго «американским» курсом, Вильсон упрекал посла Пейджа в том, что тот, по его мнению, «излишне дружественно относился к Англии». По мнению Ллойд Джорджа, «этот трагический недостаток делал малопривлекательным человека, одаренного умом и характером, не лишенного известного величия».

Очевидно, что Вильсон не случайно был немногословен в отношении английских заслуг в войне. Он смотрел в новый мир, где Британская империя была уже не только партнером, но и соперником, а зачем же восхвалять конкурента? Озадаченные же англичане были поражены тем, что Вильсон ни словом не упомянул ни о роли Британской империи, ни о ее вкладе и жертвах.

Лондонский прием соперничал с парижским. На вокзале Чаринг-кросс американского президента встречали королевская чета и премьер-министр Ллойд Джордж. Как отмечает Ллойд Джордж, проведение банкета в Букингемском дворце, устроенного в честь Вильсона, символизировало «тот переворот, который война произвела в государственном строе Европы. Россия стала пролетарским государством, Германия — республикой, где на месте кайзера, некогда сиявшего блеском своих одежд, сидел рабочий-шорник. Австрия распалась на части, и Вена стала столицей обанкротившейся республики. Великолепие представителей Англии, собравшихся за королевским столом, казалось более блистательным, чем когда-либо».

На фоне орденов, мундиров и регалий Вильсон выделялся своим обыкновенным смокингом, без всяких знаков отличия. Британский премьер отметил, что Вильсон не проявил никаких признаков дружеского участия или радости по поводу встреч с людьми, являвшимися соратниками в общем деле и только что с трудом избегнувшими общей опасности. Как полагал Ллойд Джордж, «в этом была его оплошность».

Но сантименты прочь. Пышность приема не заслоняла от президента той пропасти, которая существовала в дипломатическом видении мира. Вильсон не поддержал предложенной ему в Букингемском дворце темы о братстве англосаксонских народов, не ответил на дифирамбы американскому оружию. Президент в своей речи постарался остудить имперский ажиотаж, обратившись к любимым им абстрактным темам о «великом моральном приливе, идущем сквозь сердца людей», который должен быть подхвачен правительствами. Вильсон был достаточно опытным оратором, чтобы не отметить вялости последовавших аплодисментов.

Стремясь несколько исправить впечатление, Вильсон, выступая в зале торговых гильдий, вспомнил о военных заслугах англичан. Но сразу же «съехал» к базовой теме своего дипломатического кредо: «В современном мире не должно быть баланса сил, противопоставления одной мощной группировки наций другой, но должна образоваться единая группа наций, в руках которых будет опека над миром в мире». Именно этот замысел, говорил президент примолкшей аудитории, вдохновил его на заморский вояж. В Мэншн-хаузе Вильсон говорил о необходимости для Британии искать новое место в мире, не обращаться к разрушенным стереотипам викторианской эпохи, к приятным, но бесполезным воспоминаниям об эпохе «блестящей изоляции» и бесспорного морского всемогущества.

Вильсон видел, что Ллойд Джордж не доволен его речами. Своему окружению последний указывал на дурной вкус выскочки-янки, приехавшего учить святости права страну, которая четыре года отстаивала его сухое декларативное право кровью своих сыновей. В Карлейле, городе своих предков на шотландской границе, Вильсон обратился в церкви к публике с каменных плит, на которых когда-то стоял еще его дед. И снова речь шла не о доблести победителей, а о новом мире, который он, потомок шотландских пресвитериан, призван создать. Еще с большей

силой атаковал американский президент старый порядок в цитадели английского либерализма — Манчестере.

Это была примечательная речь. Вильсон произнес слова, которые вошли в хрестоматии по американской истории и по истории дипломатии периода империализма: «До сих пор мир управлялся посредством согласования интересов, но попытки такого рода потерпели поражение. Интересы не связывают людей вместе. Интересы разделяют людей, ибо в тот момент, когда проявляется малейший отход от гладкого согласования интересов, вперед выходит соперничество. Существует лишь одно обстоятельство, которое может объединить людей, и таковым является общая приверженность праву. С самого начала исторического развития свободы люди начали говорить о своих правах, и понадобилось несколько столетий, чтобы прийти к пониманию того, что главной частью права является долг, обязанности и что, если человек не выполняет свои обязанности полностью, он не получает прав».

От философии абстрактных понятий американский теоретик перешел к реальности. Соединенные Штаты «не присоединятся ни к какой комбинации держав, если это не будет всеобщая комбинация». США хотели бы участвовать в организации, которая охватывала бы весь мир. Соединенные Штаты интересуют все, что происходит в огромном мире, и они не будут ограничивать себя рамками сепаратных соглашений.

Был ли империализм США столь самонадеян, что не видел стоящих перед ним препятствий? Видел ли Вильсон, что и Клемансо, и Ллойд Джордж опускали головы, когда он начинал говорить о своем глобальном видении? Ослабленные и озлобленные, Лондон и Париж не хотели склоняться ни перед какой другой столицей.

Парижская конференция

*Если дело не будет выходить, надо
сделать так, чтобы оно вышло.*

(В. Вильсон — исследовательской группе
Э. Хауза)

Вильсонизм стал явлением. Он не имел достаточно продуманного и учитывающего все обстоятельства плана, как сломать имперские амбиции Лондона и Парижа. Но он уже был государственной политикой великой страны и требовал значительных сил для остановки или дискредитации. Мастера имперской политики — англичане не знали, как реагировать. Часть политиков (в основном из оппозиции) полагала, что преждевременное противодействие лишь ожесточит американского президента.

Главной фигурой в английской делегации был Ллойд Джордж, неизменно вызывавший у Вильсона восхищение не столько своим либеральным прошлым, сколько исключительным динамизмом, твердостью воли, необычайным воображением, ораторским талантом, гибкостью мышления. Если бы Вильсон выбирал себе партнера, он выбрал бы Ллойд Джорджа, затмившего Асквита, Бальфура, Грея, не говоря уже о Керзоне и прочих. Но Ллойд Джордж сознательно стоял на весьма неопределенных позициях. Он не обострял намечающихся разногласий с американцами, но был непоколебим в своей защите британских имперских притязаний. Его отношение к Вильсону как к личности было сложным, но его восприятие Вильсона как «ограничителя» имперского могущества Лондона — однозначным.

С полуслова понимая друг друга, Ллойд Джордж и Бальфур, познакомившись с президентом, пришли к выводу, что первым правилом их тактики будет не противоречить президенту открыто, прямолинейно, в лоб. Формально принципы Вильсона были безупречными, и покушаться на них считалось едва ли не святотатством. Но слова

есть слова, а что будет, когда президент опустится на брениую землю? И потом, что особенно опасного или плохого в горячо отстаиваемой президентом Лиге наций? Абстрактно говоря, она ни хороша, ни плоха. Чьим она будет инструментом — вот главный вопрос.

Своеобразным символом было то, что президент и его окружение возвратились в Париж в последний день столь насыщенного событиями 1918 года. Год этот принес месяцы отчаянной борьбы на Западном фронте, обращение поверженной Германии именно к Вильсону, интервенцию против Советской России, интенсивную подготовку к мирной конференции. В апартаментах Хауза президент подвел предварительные итоги перед американской делегацией. Рекогносцировка показала, что англичане ближе стоят к американской точке зрения, чем французы. Последняя беседа с Клемансо особенно насторожила президента. «Тигр» полагал, что основой безопасности Франции должна быть система союзов, а Лига наций — лишь дополнительный международный механизм. Сказалась и трудность перевода понятий с одного языка на другой. Клемансо постарался сделать Вильсону комплимент, подчеркивая его «благородную простоту». Но то, что хорошо звучало по-французски, теряло прелесть по-английски, превращая сказанное едва ли не в характеристику Вильсона как благонамеренного простака. Французскому премьеру пришлось специально объясняться с Хаузом, говоря, что у него не было намерения сказать что-либо обидное.

На столе президента накопилась порядочная почта из Вашингтона. Все-таки это было небывалое явление, никогда прежде президент США не покидал своей страны. Почта свидетельствовала об усилении влияния в столице республиканцев, сказывались итоги выборов. Это приводило Хауза в глубокое уныние, но президент, казалось, был уверен, что контролирует ситуацию.

Как утверждали политические специалисты, задерживаться в Париже президенту было нельзя: английская дипломатия прилагала большие усилия, чтобы переманить на свою сторону Италию, — и Вильсон, почувствовав угрозу, немедленно устремился на юг. Как и в предшествующих двух европейских странах, цветы, овации и приветствия напоминали встречу античного триумфатора. Но американский президент прибыл в Европу не для того, чтобы слушать приветствия на всех языках, а для того, чтобы решить самую большую задачу мировой дипломатии.

Раздражение Вильсона было ощутимо в его речи в

итальянском парламенте. Здесь в нарушение всех правил и традиций ему, первому неитальянцу, предоставили право слова (социалисты демонстративно покинули зал заседаний). Но в речи прозвучали не ожидаемые восхваления доблестей союзников, а крайне неприятные для многих слова в пользу независимости Балканских стран. Именно у этих стран итальянские империалисты намерены были отнять Адриатическое побережье. Президент следовал своим планам и убеждениям, но он вел себя едва ли дипломатично в парламенте, воодушевленном идеей итальянской гегемонии на юге Европы. Столкнулись две империалистические державы, удар пока был мягок, но будущее уже не предвещало в американо-итальянских отношениях лучезарных дней.

Возникли проблемы, прежде не снившиеся американским президентам. Следовало ли посетить папу? Протестантское большинство Америки едва ли одобрило бы этот шаг, но католические епископы итальянцев и ирландцев оценили бы его по достоинству. Это была битва за умы и голоса американцев, хотя велась она в 5 тыс. километров от американского побережья. Вильсон решил рискнуть. Была сделана оговорка, что в тот же день он посетит протестантский храм. Решающим соображением было стремление заручиться поддержкой папы в создании мировой политической организации. Папа Бенедикт, видимо, учел это обстоятельство и в своем произнесенном по-английски приветствии указал на достоинства организации, объединяющей народы.

Однако интересы католического первосвященника и итальянского государства не совпали. И когда Вильсон после беседы с папой на позолоченном троне хотел было подойти к толпе, заполонившей площадь, полиция разогнала римлян. Итальянский министр иностранных дел Соннино объяснил действия властей боязнью того, что эмоции толпы могут выйти за рамки дозволенного. Вильсон был разгневан. Годы власти, разумеется, отучили его покорно воспринимать произвол других. Но властители Италии дали ему понять, где лежат пределы итальянского гостеприимства. В Милане огромный плакат возвещал: «Италия требует тех границ, которые ей предназначил бог».

Многokrатно описан случай на короткой остановке в Модене. Ему передали телеграмму из США, и на лице президента отразилось удивление, сожаление, облегчение. Умер тот, кто открыто объявлял его политическим банкротом и бесчестным политиком, — Теодор Рузвельт. В теле-

грамме соболезнования Вильсон исправил слово «опечален» на «потрясен» — так было ближе к истине. Смерть самого талантливого противника среди конкурентов-республиканцев укрепила веру Вильсона в то, что ему удастся сокрушить оппозицию и навязать конгрессу то дипломатическое решение, которое он сейчас намеревался предложить европейцам.

Вильсон твердо надеялся и на другое важнейшее обстоятельство — на признание Америки правящими классами буржуазной Европы единственной силой, способной «остановить» большевизм, блокировать Советскую Россию, подать европейскому капитализму руку помощи. Именно в качестве платы за это он желал видеть проявления благодарности и лояльности. Именно на этом строился его план замены системы европейских коалиций и очередного баланса сил новой системой, патронируемой Америкой. И хотя такие его сотрудники, как Г. Гувер (управляющий американской программой экономической помощи), говорили президенту, что на Америку в Европе смотрят как на «курицу, несущую золотые яйца», не желая при этом ограничивать свой суверенитет, Вильсон верил в действенность экономического рычага и намеревался полностью использовать экономический фактор в политических решениях. Его беспокоили сведения о растущем в Западной Европе подозрении в отношении помощи малым странам как средства получить политическое преобладание в Центральной Европе. Президент США постарался «сгладить» привычную беспардонность американских чиновников, не сердить англичан и французов с их особыми планами в отношении Центральной и Восточной Европы. Он надеялся совместить их амбиции с американскими и сделать их частью системы, которую намеревался превратить в доминирующую и в Европе, и в мире в целом.

На этой ранней стадии вступления в главные контакты Вильсон хотел избавить себя от эмоциональной атаки союзников. Он отказался посетить опустошенные немцами департаменты Франции, говоря, что знает, какое разорение может принести война. Его собственный дом был разрушен во время знаменитого «бега» армий Шермана к морю в 1864 году. Когда Вильсон поднялся в Бурбонском дворце на трибуну Национального собрания, он увидел много кресел, задрапированных черной материей. Это были кресла молодых депутатов, погибших на фронте. Но даже этот стоящий перед глазами президента символ не заставил его

сказать слово соболезнования Франции. Таков был американский подход, сентиментальности казались излишними.

* * *

Бурная активность президента Вильсона в Париже с двумя фланговыми «атаками» — на Англию и Италию — не могла не сказаться на его здоровье. По возвращении с Апеннинского полуострова врач запретил президенту подвергать себя стрессу, и собравшиеся в Париже главы союзных правительств на два дня остались без американского собеседника.

Возможно, причиной переутомления были не только быстрые перемещения и частые речи (к такого рода перегрузкам Вильсон уже привык). Нельзя исключить вероятность того, что президента начало одолевало ощущение недостаточности наличных политических рычагов. Так, в США пост губернатора или президента давал возможность опереться на свой аппарат, на свою мафию в политике, на средства коммуникации, финансы, лоббизм. И партийная машина демонстрировала чудеса, приструнивая недовольных, подталкивая нейтралов. Здесь же, в Париже, ситуация была совсем другой. Он не мог полагаться даже на свое красноречие, языковой барьер лишал его привычной силы. Все больше и больше обнажалась мрачная истина: США не имели на Европейском континенте стратегической разведки, не было проамериканских фракций, отсутствовало точное знание расклада сил в каждой стране-партнере. В шикарном парижском особняке располагались непосредственные помощники, но не было компетентного штаба эффективных манипуляторов и аналитиков, которые могли бы мобилизовать потенциально податливые политические элементы в старых и новых странах континента. В определенном смысле президент находился «на враждебной территории», он был отрезан от каналов поддержки.

Президент и без того не столь уж многого ожидал от государственного секретаря Лансинга. Идеи главы дипломатической службы США не вдохновляли: мировая организация должна признать обоснованность колониальной экспансии в отношении «полудивилизованных» народов; спорные территориальные вопросы можно решать способами традиционной дипломатии; будущая международная организация не должна иметь права санкций или обязательных к исполнению решений. Каким образом проявлялось бы тогда американское влияние? Где и как могли

США выступить судьей в спорных мировых вопросах? Лансинг вяло ходил вокруг да около. В своем дневнике Р. Лансинг записал, что было бы фарсом верить в то, что суверенное правительство согласится пожертвовать своими правами, если это не покажется ему выгодным. Право самоопределения — это такой политический динамит, что может вызвать «волну необоснованных требований в ходе мирной конференции и создать беспорядки во многих странах». Короче, Лансинг не верил в Лигу, действующую как надправительственный орган, как эффективное орудие политики. А в отношении Вильсона мы читаем: «Он не всегда уверен в том, чего хочет».

Такой помощник приравнивался едва ли не к «внутреннему врагу». В целом апатичность Лансинга, его явная готовность сложить с себя высокий пост вела к тому, что полагаться на него не приходилось. Вильсон обсуждал «проблему Лансинга» с женой и с Хаузом. Было решено, что, как и в случае с Брайаном, потенциального оппозиционера Лансинга лучше иметь «внутри» делегации, чем за ее пределами в качестве открытого противника. Лучше на виду, чем за спиной. К тому же «отторжение» официального представителя, да еще такого ранга неизбежно ударило бы по престижу администрации.

Еще один член делегации — генерал Блисс проявил незаурядные дипломатические способности в штаб-квартире генералиссимуса Фоша (явив собой антипод упрямому Першингу). Блисс не был похож на типичных американских военных. В кармане его френча всегда торчало очередное латинское сочинение, а самым большим увлечением была восточная ботаника. Этот генерал, набравшийся во время войны немало полезного дипломатического опыта, видел дипломатическое предприятие Вильсона как бы с европейской стороны. И он отмечал слабости американской позиции. Президент, по его мнению, не имел четкого плана в отношении способа достижения своей цели. Общая философия не заменяет планомерности усилий — единственно верного пути к цели. Блисс с неодобрением смотрел на неупорядоченность работы американской делегации, и, судя по отрывочности и некоторой противоречивости высказываний президента, он заподозрил отсутствие цельной стратегии. Он сомневался в конечном результате.

Блисс полагал, что, для того чтобы американская экономическая мощь стала доминирующим фактором в предлагаемом мировом сообществе, необходимо прежде всего добиться значительного разоружения крупнейших евро-

пейских держав. В этом генерал Блисс значительно расхо-
дился с президентом. Тот ставил во главу угла проблему
международной организации, ее прав и эффективности,
а Блисс, одобряя эту идею, считал, что любая организация,
построенная на легалистских, юридических принципах, а
не на началах разоружения, даст потенциальному агрессору
будущего возможность выскользнуть из-под влияния Лиги.
В целом генерал Блисс оказывал значительную помощь
президенту, был незаменимым источником информации и
талантливым исполнителем. Выше этого статуса Вильсон
его не поднимал (возможно, с ущербом для себя). Видимо,
Блисс мог бы быть более мощной фигурой, привлеки его
Вильсон к обсуждению наиболее важных проблем так,
как он поступал с полковником Хаузом.

Еще один член американской делегации — профессио-
нальный дипломат Г. Уайт отличался упорядоченностью
образа жизни и мышления. Ежедневные прогулки пожилого
джентльмена с неизменной тростью и шляпой привлекали
внимание парижан. Это был единственный член делегации,
чей французский язык был безупречен, а манеры европеизи-
рованы. Соответственно главной миссией и заслугой Уайта
стали своеобразные «посреднические» усилия между аме-
риканской дипломатической командой и европейской пуб-
ликой. Но и он, как Лансинг и Блисс, ощущал недостаточ-
ность контакта с президентом, отсутствие коллективных
обсуждений, излишнюю, по его мнению, уверенность пре-
зидента в собственных силах. Идея Лиги наций не была
его идеалом, но он старательно стремился демонстрировать
лояльность. Немаловажно отметить, что это был единствен-
ный член «пятиглавой» делегации, имевший довольно хоро-
шие и тесные связи с лидерами республиканской партии,
с которыми он переписывался. Правды ради следует сказать,
что Уайт не предпринимал активных сомнительных дей-
ствий за спиной президента.

О полковнике Хаузе уже было сказано немало. Дипло-
маты и журналисты в Париже довольно быстро разобрались,
кто является правой рукой президента и какой канал к
Вильсону будет кратчайшим. Первые сообщали техасцу те
тайны, которые они хотели поведать президенту, вторые
быстро определили Хауза как «маленький узелок, сквозь
который пройдут великие дела». Примечательно, что англий-
ская делегация, явно игнорируя госсекретаря Лансинга,
всегда держала наготове связного с Хаузом — сэра Уиль-
яма Уайзмана. У осведомленных лиц не было сомнения, что
Хауз — наиболее доверенное лицо Вильсона, что идеи

Хауза — фактически официальная точка зрения США. Когда президент Вильсон посещал отель «Крийон», он быстро проходил мимо номеров Лансинга и шел неизменно к Хаузу. Именно в их взаимном обмене мнениями решались наиболее важные вопросы дня.

Такова была группа, которой выпала задача дипломатического утверждения США на первом плане мировой политической сцены. Первая встреча пяти членов делегации состоялась в кабинете полковника Хауза. Полковник вскоре после начала заседания извинился перед присутствующими: в соседней комнате его ждал премьер-министр Клемансо, вернувшийся после отдыха в Вандее. Эта беседа Хауза с Клемансо заслуживает особого внимания и в значительной мере проясняет взгляды американцев и французов на конкретику Европы начала 1919 года и, более того, основную линию стратегического наступления Вильсона. Нет сомнения, что Вильсон придавал этой встрече чрезвычайное значение.

Выйдя навстречу Клемансо, полковник Хауз, в лучших американских традициях, сразу же приступил к сердцевине проблемы. Американская стратегия направлена на то, чтобы показать, какие беды могут ожидать Францию, оставленную в Европе тет-а-тет с Германией, если она не поддержит идею создания Лиги наций. Хауз указал, что прежняя ось французской дипломатии в Европе — союз с Россией — разрушена. Франция уже не может полагаться на Россию как на противовес Германии. Однако это должно заставить Францию пересмотреть основы своей европейской политики. Но важны и другие обстоятельства. Британия пойдет по пути укрепления своей империи, союз с Францией ей уже обошелся дорого, и главенствующие тенденции в Лондоне сейчас другие. США испытывают симпатию к Франции, но двусторонний союз невозможен, он не будет принят американским истеблишментом. Единственное спасение Франции — в реализации концепции Лиги наций, мировой организации, где Франции уготовано достойное место и где она всегда сможет рассчитывать на помощь США.

Не известно, был ли это заранее продуманный ход или экспромт великого политика, но Клемансо и не думал выдвигать аргументы против столь близкой сердцу американцев идеи. Очевидно, французы заранее пришли к выводу, что решимость команды Вильсона — необоримый факт. А если мы не можем одолеть противника — присоединимся к нему. Положив обе руки на плечи Хауза, «тигр» Франции внял логике своего собеседника: «Вы правы. Я за Лигу наций,

какой вы ее предполагаете видеть, и можете рассчитывать на мое сотрудничество с вами». Французская дипломатия решила бороться не против Лиги, а за то, чтобы придать ей приемлемый для себя характер.

После такого благоприятного дебюта Хауз не мог не привести грозного французского политика в соседнюю комнату, где Вильсон совещался с коллегами. Клемансо выразил полное согласие с президентом по поводу необходимости скорейшего начала конференции и пообещал вместе с американцами поторопить прибытие в Париж Ллойд Джорджа. Он наскоро «соорудил» трехступенчатую программу работы конференции: 1) подведение итогов войны; 2) создание организации сообщества наций; 3) специфические политические и территориальные проблемы.

Были ли у Вильсона дурные предчувствия или он инстинктивно сопротивлялся планам других, но окружающие видели, что президенту не нравятся эти первые шаги. Парадокс заключался в том, что Вильсон желал твердого распорядка работы и в то же время боялся его. Он боялся, что ловкие европейские адвокаты раздробят великий замысел на ничего не значащие подробности и погребут его идеи под ворохом обветшалых слов. В обстановке неясности (спонтанность или программа, военные проблемы или политические и т. п.) Вильсон посчитал необходимым усилить внимание к последнему из его «14 пунктов» — к предложению создать Лигу наций, благо, дебют с Клемансо в этом отношении был относительно удачным.

Обращаясь к этому пункту, Вильсон полагал, что фактор времени чрезвычайно важен. Пройдет время, ужас перед военным разорением смягчится, политики вцепятся в новые проблемы, и возратить благоприятную политическую обстановку уже не удастся. Испытывая определенную нервозность, Вильсон на внутренних обсуждениях начинает уже говорить о возможностях использования финансового давления на союзников, которые были так сговорчивы до 11 ноября 1918 г., а затем потеряли в отношении американцев всякий энтузиазм.

В январе 1919 года Высший военный совет союзников выделил пять тем для дискуссий на мирной конференции: 1) Лига наций; 2) репарации; 3) новые государства; 4) территориальные проблемы; 5) колониальные владения. Было видно, что союзники, ставя вопрос о Лиге наций на первое место, не желают преждевременных осложнений в отношениях с американцами.

Газеты уже начали говорить о непонятной задержке с

открытием конференции. Вначале дело объясняли усталостью Клемансо, но вот он возвратился из вандейской глуши, а Ллойд Джордж решил свои политические задачи в Англии. Первая встреча миротворцев состоялась 12 января 1919 г. Президенту Вильсону пришлось отказаться от правила послеобеденного субботнего отдыха. Во фраке, в черных на пуговицах ботинках, с огромным портфелем под мышкой, он со своим врачом доктором Грейсоном прибыл во французское министерство иностранных дел на Кэ д'Орсе.

Совет десяти заседал в зале с высоким, как купол храма, потолком. На стенах — гобелены Екатерины Медичи и тяжелые канделябры, дорические колонны из дуба подпирают потолок. За столом времен Регентства обычно председательствует Клемансо. «Большая десятка» сидела в несстройном ряду справа от Клемансо. Вильсон, чтобы не затекли ноги, периодически прогуливался по толстому обюссоновскому ковру. Главы правительств и министры иностранных дел сидели за покрытым зеленым сукном столом, эксперты, секретари и переводчики размещались за спинами своих руководителей на маленьких позолоченных стульях. В перерыве совещающихся ожидали чай и легкие закуски.

Эта первая сессия была прикидочной. Соперники присматривались друг к другу, искали слабые места соседей, опробовали объединительные мотивы. Все без исключения обратили внимание на манеры невиданного на международных конгрессах гостя — американского президента. Вильсон сидел чрезвычайно прямо, лишь изредка наклоняя голову к одному из советников. Когда же он говорил, то наклонялся вперед, подчеркивая дидактическую, профессорскую манеру изложения. Первые впечатления были едва ли благоприятны для Вильсона. Даже англичане, которые и в языковом смысле, и политически понимали Вильсона, находили его утомительным.

Совместимость с европейцами оказалась труднодостижимой. Там, где европейцы обходили детали и ставили финальную точку, Вильсон только лишь разворачивал свою аргументацию. По каждому вопросу Вильсон выступал как судья: он определял две полярные позиции и обрисовывал картину спора, не давая заключения, а на настойчивые призывы изложить свою точку зрения предлагал отдать вопрос на обсуждение экспертам. Такой подход особенно резко контрастировал с английским — у Ллойда Джорджа на все вопросы были уже готовые ответы. Но и у Вильсона были свои сильные стороны. Коллеги не могли не признать

ясности его мышления, исключительной точности языка, большой степени самоконтроля, терпения в изучении различных точек зрения, высшей аналитичности мысли. Нужно было только «прижать его к стене», а это удавалось не часто. По вопросам, где Вильсон выражал несогласие с господствующим мнением, он старался всячески затянуть «мозговую атаку» ссылками на экспертов, необходимостью более тщательного подхода и т. п.

Особую проблему для Вильсона представила пресса. Кто лучше, чем американский президент, знал могущество этого «четвертого сословия»? Только американских журналистов в Париже было более полутысячи. Но их держали на голодном пайке, что увеличивало дерзость и недовольство газетчиков. Попытки подсмотреть через плечо, перехватить копию документа, заглянуть за дверь, подслушать разговор ничего не давали. Высокие договаривающиеся стороны соблюдали закрытость обсуждений. Но голод прессы мог дать страшные политические последствия.

В то время как англичане и французы постепенно давали послабления своим журналистам, Вильсон категорически отказывался нарушать «блэк-аут» — запрет на передачу сведений о ведущихся переговорах. Согласно официальным объяснениям, это делалось в целях максимальной эффективности межгосударственных диспутов, но в конечном счете оказалось серьезной политической ошибкой.

У Вильсона начали складываться далеко не отрадные впечатления от конференции. Был ли это тот форум, созыва которого желал американский президент? Едва ли. Еще пересекая океан, он выразил сомнение в целесообразности решения крупных дипломатических проблем в рамках большого коллектива. «Собрать двадцать пять или тридцать делегатов в одной комнате для обсуждений и споров в отношении деталей мирного договора было бы преступной тратой времени». Именно это и увидел Вильсон в распивающем чай собрании на Кэ д'Орсе. Они напомнили ему провинциальный американский клуб кройки и шитья.

Что возмущало президента, что вызывало его очевидное раздражение? Не он ли с потрясающим красноречием говорил о равенстве больших и малых стран, о порочности практики отдавать судьбу мира в руки могучих военных держав, о настоятельной необходимости выслушать каждого и дать самым малым народам право участвовать в мирном строительстве. Был ли президент наивен? Вовсе нет, путь по американской политической лестнице убивает наивность на

самой ранней стадии. Можно предполагать, что Вильсон был органически двулик, был искренен, и когда выступал за демократизацию дипломатического процесса, и когда возмущался им. Но правильнее искать истину в оценке конкретной ситуации. На изломе войны, когда Франция и Англия мобилизовали многие миллионы солдат, когда их силами держался Западный фронт, нужно было изобрести метод, чтобы сломать «право сильного». И Вильсон обратился — ощущая, что необходимо перехватить пафос большевистских лозунгов, — к праву народов, к праву самоопределения и политического самовыражения. Было бы нелепым не признать определенной эффективности этого хода хотя бы потому, что и Германия, и Австро-Венгрия именно к Вильсону с его «14 пунктами» обратились в поисках выхода из войны.

Но вот карта брошена, она принесла американской стороне определенные дипломатические дивиденды. И, как увидел Вильсон, на Кэ д'Орсе продолжать пользоваться этой картой означало потерять колоссальный вес США, приравнивая их к малым странам, скажем, Балканским. И «великий демократ» в одночасье превращается в сторонника разговора, по существу, лишь с избранными, с теми, кто имеет вес. Сторонник открытой дипломатии с отворачиванием отворачивается от собрания двадцати с лишним персон как от пустой говорильни. Чего же желает президент получить взамен? Пусть соберутся «подлинные судьи», представители четырех стран — США, Англии, Франции и Италии, пусть встречи будут сугубо секретными, пусть выработка договора произойдет за кулисами. Итак, столько разговоров о демократизации дипломатического процесса — и такой жалкий итог. Напомним (от этого просто не удержаться) первый из четырнадцати пунктов: «Открытые соглашения, достигнутые путем открытых обсуждений». Сейчас об этом лучше и не вспоминать. Вильсон, с его претензией на реформаторство мировой дипломатической практики, не находит ничего лучшего, как обратиться к типичной европейской закулисной тяжбе между избранными.

Не только способ дискуссий, но и состав их участников не удовлетворяет Вильсона 12 января 1919 г. Его явно раздражает инициатива, которую берут на себя французы и англичане. Вильсон хотел бы быстро — в несколько дней — «реформировать мир» и уплыть в заокеанский Вашингтон. Погодите, все не так просто, как бы говорит Клемансо. Самый насущный вопрос — это отнюдь не финальное мирное урегулирование, а принятие решений, на

каких условиях будет продлено перемирие с Германией, срок которого истекает через пять дней.

Возникает первый конфликт. Французы хотели бы предъявить немцам еще более жесткие условия перемирия. Ну уж это вовсе не входило в планы Вильсона. Он подзывает самого опытного в контактах с союзными военными — генерала Блисса. Было бы «неспортивно», утверждает американская сторона, ставить немцев в еще более суровые условия, чем те, которые были выработаны еще в пылу битвы. Военные советники имели все возможности выдвинуть свои условия перед финалом переговоров в Компьене. Завертелся такой ураган межсоюзнической борьбы, что даже стоически настроенный Блисс написал своей жене: «Мир кажется мне еще худшим, чем война». А ведь все эти обсуждения не имели никакого отношения к делу, ради которого президент США пересек океан, — шла речь о частном вопросе, а не о глобальной трансформации. Американцы не желали уступать, и Клемансо (никому не передававший, по существу, узурпированное им председательское кресло), чтобы избежать взрыва, начал делать подачки американским новичкам в большой дипломатии. Клемансо пошел навстречу пожеланию Вильсона ограничить круг обсуждения. (Несомненно, втайне «тигр» был и сам доволен — это повышало престиж Франции. Важным было то обстоятельство, что это категорическое требование звучало не от старых врагов Германии, а от новоявленных демократов в мировой политике — янки.) Было решено, что чисто военные проблемы будут изъяты из процесса заседаний и переданы в руки военных экспертов, а проблемами выработки мирных условий займется «комитет десяти», среди которых доминировать будут пять великих стран (США, Англия, Франция, Италия, Япония). Нужно ли подчеркивать, что Клемансо не пришлось уговаривать сверх меры, американский нажим шел в самом желанном для него направлении.

В конечном счете работа Парижской конференции нашла две свои формы. Первая — парадная — заключалась в пленарных сессиях, где присутствовали дипломаты и куда допускалась вся пресса. Таких сессий было шесть. Вторая — неизмеримо более существенная — в закрытых встречах лидеров главных стран.

Первая пленарная сессия состоялась 18 января 1919 г. в Зале мира Версальского дворца. Присутствовали 72 делегата из 26 суверенных стран и четырех британских доминионов. Это был последний бал буржуазной дипломатии ве-

ка. В зале находились только «свои» — единомышленники по культуре, воспитанию, цивилизации и социальной принадлежности. Они создавали новый мир и упивались своим всемогуществом. Никогда уже история не даст мировой буржуазии подобной возможности. На востоке Европы, отражая силы белых армий и интервентов, крепло государство новой исторической формации. Здесь утверждался мир социализма, и он изменит весь ход дипломатии в мире. А пока Версаль слушал лучших мастеров парламентской риторики.

Президент Франции Р. Пуанкаре, ветеран-империалист, один из главных творцов Антанты, открыл пленарную сессию великодушной оценкой каждой из представленных стран. Следующей была очередь лидера Нового Света. Вильсон, в соответствии с этикетом, начал с рукопожатия с президентом Французской республики, затем предложил сделать Клемансо постоянным председателем конференции и перешел к комплиментам в адрес Франции и города, на который ныне смотрит весь мир, — Парижа.

Комплименты требовали ответа. Клемансо восславил союз стран-победительниц, поблагодарил американского президента и огласил программу, разработанную на основе американских предложений и состоящую из пяти пунктов, первым из которых был вопрос о Лиге наций. В лагере миротворцев, казалось, царили мир и согласие. Двухчасовое заседание прошло без единого пункта расхождения.

Первым среди вопросов суженного круга участников стал вопрос о национальном правительстве. Было решено, что побежденные страны не принимают участия в переговорах, а прочие приглашаются лишь после того, как великие державы-победительницы решат вопрос между собой.

Было ли это то, о чем думал Вильсон прежде? Ведь ему не хотелось полностью сокрушить Германию, он хотел играть на благоволении к Германии, на «великодушии» к побежденным, хотел, несомненно, противопоставить Германию Англии и Франции. Сейчас же, якобы следуя в русле его пожеланий, Клемансо на самом деле выбивал из рук Вильсона могучее дипломатическое оружие.

Далеко не гладким оказалось второе пленарное заседание, состоявшееся 25 января. Малые страны были явно недовольны решением великих держав приглашать их на дискуссии только в том случае, если обсуждаемый вопрос непосредственно касается данной страны. Имея за спиной договоренность великих держав, Клемансо мог смело подавить голоса недовольных.

Важной была речь Вильсона на этом пленарном заседании. Президент постарался подать себя мыслителем, обеспокоенным не преходящими тревогами момента, а магистральным путем развития человечества. Он выступил, как и следовало ожидать, за ассоциацию всех наций мира, за регуляцию процесса международного общения всемирной организацией — Лигой наций. Она должна наблюдать и за развитием науки, и за развертыванием вооруженных сил. В эффектной позе, нащупав правой рукой свой пульс на левой руке, Вильсон заключил: «Пульс всего мира бьется в унисон с этим предприятием».

Без споров и возражений были приняты следующие резолюции:

«1. Для достижения мирового урегулирования, которого ассоциированные нации намереваются достичь, необходимо создание Лиги наций с целью укрепления международного сотрудничества для обеспечения выполнения принятых международных обязательств и обеспечения охранительных мер против развязывания войны.

2. Лига должна быть создана как неотъемлемая часть общего Договора о мире и должна быть открыта для каждой цивилизованной нации, которой можно доверять в достижении ее целей.

3. Члены Лиги должны периодически встречаться на международной конференции и должны иметь постоянную организацию и секретариат для ведения работы Лиги в интервалах между конференциями».

Создавалось полное впечатление, что американцы — новички на таких международных форумах — сделали очень крупный шаг в реализации своей схемы нового дипломатического порядка. Воодушевленный президент Вильсон послал записку Хаузу: «Мы обязали их всех в торжественной форме, они вовлечены в удовлетворительной для нас степени».

Успех окрылил президента. Он решил принять непосредственное участие в работе комиссии, которой было поручено выработать организационные основы Лиги наций. Президент Соединенных Штатов не мог быть рядовым членом этой комиссии. В качестве же председателя он надеялся не упустить шанса создать такую организацию, в которой США владели бы контрольными механизмами. Главным ее элементом должно быть экономическое могущество. А кто мог в мире 1919 года осуществить полный экономический бойкот или, напротив, предоставить кредиты, сырье и технологию? Если

же экономического бойкота было бы недостаточно (практически невероятный случай), тогда следовало пустить в ход военную машину стран, объединенных в Лиге наций. Кто смог бы противостоять этой силе?

Армии союзников давали возможность задержать участие американских войск в европейской войне. США могли не иметь достаточно войск. Спор о том, кому возглавлять экспедиционный корпус, мог расколоть единство. Нет, надежнее экономические рычаги: санкции, блокады и т. п. Здесь у США не было реальных конкурентов, они возглавили бы любое такое предприятие. Подобная эволюция ощущается во взглядах президента Вильсона между осенью 1918 года и зимой 1919-го. (Вильсон отверг также план известного американского историка, творца теории «американской границы» Ф. Тернера, который предлагал создать всемирный парламент, где международные политические партии располагались бы в классическом спектре. Вильсон не был уверен в прочности американской фракции в предлагаемом мировом парламенте.)

Какие настроения и идеи владели Вильсоном, видно по восторгу, с каким он цитировал южноафриканского генерала Сметса: «Европа ликвидируется, и Лига наций должна быть наследницей ее огромных состояний». Pamфлет, из которого была взята эта фраза, предлагал прежде всего взять под опеку территории России, Австро-Венгрии и Турции. К радости президента, в предисловии к памфлету генерал Сметс писал: «Мир созрел для величайших шагов вперед, когда-либо сделанных со времен возникновения государства».

Разумеется, все это не вызывало воодушевления у западноевропейских лидеров. Не смея открыто противостоять этой идее, они настороженно оценивали возможный политический ущерб. Особые опасения в отношении Лиги наций выразил французский премьер Ж. Клемансо. Ллойд Джордж прямо зафиксировал в своих мемуарах: «Клемансо боится предоставления слишком широких прав Лиге... Лига наций, по его мнению, должна быть Лигой защиты, которая обеспечит мир во всем мире. Он думает, однако, что союзники уже преступают эти пределы, когда предлагают создать Лигу наций с административными функциями для вмешательства во внутренние дела, с ее чиновниками в различных странах, посылающими донесения неведомо кому». Клемансо боялся, что этими «неведомыми» будут, увы, не французы, а американцы. Чтобы ограничить ущерб, Клемансо хотел бы разместить штаб-

квартиру Лиги «под боком», на французской территории. Это было абсолютно неприемлемо для американской стороны. Вильсон полагал, что штаб-квартира Лиги, управляемая советом высших дипломатов, должна размещаться в столице одной из малых стран. Этот постоянный совет будет как бы исполнительным комитетом Лиги.

Еще 8 января президент показал свой окончательный, доработанный проект, хранимый доселе в глубочайшей тайне, всем членам американской делегации. Государственный секретарь Лансинг несколькими днями позже представил итог работы его группы экспертов. Важно теперь было провести согласованный американский проект через Совет десяти, в работе которого Вильсон ежедневно принимал участие. Стороны пока не вступили в смертельную драку по поводу реальных проблем. А ждать оставалось недолго. Уже в конце января 1919 года костью в горле встал вопрос о прежних германских колониях.

Ллойд Джордж считал, что американской стороне уплачено вниманием сполна. Хватит месяца обсуждений вопроса о Лиге наций, нужно переходить к более реальным вещам. И хотя в согласованной повестке дня вопрос о Лиге наций стоял первым, а о колониях — последним, Ллойд Джордж решил не медлить. «Мир ждет, — бросился в бой английский премьер, — реальных, а не абстрактных решений. Удовлетворим же общественный аппетит скорым разрешением судьбы германских колоний».

Возможно, Вильсон не уловил момента, когда вопрос был поставлен, но дальнейшее течение событий остановить было сложнее. Совет десяти поручил державам, имеющим территориальные претензии, подать их в десятидневный срок. Для самого Ллойда Джорджа нужды в десятидневных раздумьях не было. Его список претензий был готов давно. Умелый адвокат британского империализма сумел сделать так, что практически вовлек своего американского оппонента в обсуждение острейшей проблемы, прежде чем тот понял, что попал на минное поле. Ллойд Джордж сделал значительный прорыв, сумев добиться согласия Вильсона (наряду с другими) на главный принцип: германские колонии возвращены Германии не будут.

Как предполагал Вильсон руководить территориями, которые, как он считал, нуждаются в опеке? Им выдвигалась система мандатов. В своих мемуарах Ллойд Джордж отмечает, что «у президента Вильсона были собственные, лично им выношенные представления о мандатах. Это вряд ли можно было назвать планом, так как было ясно,

что он не разработал своих предложений в деталях и не мог представить конференции сколько-нибудь подробный проект. Он только очень туманно сказал, что, по его мнению, управление германскими колониями должно осуществляться мандатариями под непосредственным руководством Лиги. Когда его спросили, кто же должен нести расходы по осуществлению такого руководства, он сказал, что нести это финансовое бремя обязана Лига».

Англичане постарались заинтересовать Вильсона конкретными приобретениями в Европе. Так, после того как Вильсон высказал пожелание, чтобы турки были полностью удалены из Европы и чтобы Константинополь был передан какой-либо державе, действующей по мандату Лиги наций, лорд Бальфур предложил передать мандат на Константинополь Соединенным Штатам. Вильсон отклонил это предложение.

В конце концов Ллойд Джордж и Клемансо согласились: колонии побежденных стран станут подмандатными территориями. Но это не касалось тех земель, которые были захвачены британскими доминионами и населены «нецивилизованными» народами, жестоко страдавшими от дурного управления Германии. Сейчас нужно закрепить статус-кво, следует передать эти колонии под администрацию оккупировавших их доминионов, а не некоей международной организации, расположенной далеко в Европе. Клемансо приветствовал такой быстрый суд над судьбой «людоедов» (его слова) и попросил огласить конкретные предложения. Представленные Ллойд Джорджем руководители британских доминионов достали свои списки. Империалисты почувствовали живой интерес, еще недавно приглушенный дебатами о Лиге. Вильсон воспринимал развернувшийся поток слов не без тоски. Этот дележ мира был далек от той идеальной схемы, где весь мир опекается Лигой наций во главе с сильнейшим своим членом, подлинной сверхдержавой XX века — Соединенными Штатами. Ажиотаж ораторов остывал, когда они смотрели на высокую прямую спину американского президента, всем своим скорбным видом выражавшего непричастность к оргии глобального грабежа, который воспевали империалистические хищники. Дождавшись желанной тишины, Вильсон посмотрел в упор вначале на Ллойд Джорджа, а затем на Клемансо и заявил, что то, к чему они призывают, — это возврат к старой, исчерпавшей себя системе империалистического соперничества, гонки вооружений и роста государственных долгов. Это подвергает риску всю

систему. Она снова взорвется мировым конфликтом, если вожди коалиции-победительницы не создадут более надежной системы. (Напомним, что это говорилось в разгар гражданской войны в России, когда лозунг социальной революции, выдвинутый в Петрограде, уже обнаружил всемирную притягательность. Вильсон предостерегал близоруких.) Если уж делить зоны влияния, то следует делать это централизованно, через мировую организацию — Лигу наций. Тогда возникнет та упорядоченность, которая нужна для предотвращения губительной конкуренции ведущих держав. Итак, во-первых, действовать не спонтанно, а через Лигу наций, во-вторых, получать искомые земли не как колониальные приращения, а как подопечные территории.

Эта точка зрения и манера ее изложения произвели большое впечатление на присутствующих. Глава делегации наиболее заинтересованной стороны — Великобритании, видя твердость американской позиции и не ощущая особой разницы между понятиями «владение» и «опека», выступил следом и поддержал предлагаемый принцип опекунства. Сейчас нам ясно, что Ллойд Джордж придерживался тактики избегать лобового столкновения и намеревался сломить ригоризм Вильсона при обсуждении конкретных тем.

Но французский империализм не считал нужным демонстрировать бесконечную угодливость. Отбросив французскую галантность, Клемансо нажал на самую неприятную для Вильсона ноту — на соглашения военных лет. Почему Франция должна церемониться в обсуждении правомочности того, ради чего она пролила кровь целого поколения? Согласно тайным договорам военных лет, она имеет заранее оговоренное право владеть наконец-то захваченной добычей. Французы были готовы зачитать эти тайные договоры, их остановил только отчаянный жест Ллойд Джорджа. Опытный британский политик не хотел конфронтации между победителями с первых же дней мирной конференции. За конференцией наблюдал весь мир, наблюдали растерзанная Европа, поверженная Германия. И он частично достиг своей цели: представители британских доминионов (Хьюз от Австралии и Мэсси от Новой Зеландии) признали высокое моральное значение замыслов президента, но потребовали того, ради чего они пришли со своими войсками в Европу и за что они платили своей кровью.

Японский делегат вторил им, напоминая присут-

ствующим, что, согласно тайным соглашениям, германские острова севернее экватора принадлежит Стране восходящего солнца. Из всех выступавших наиболее откровенным и упорным был австралийский премьер-министр Хьюз, которого уже трудно было остановить. Он заявил государственным мужам Лондона, что если они не проявят осмотрительности, то окажутся на поводу у президента Вильсона. Он готов отдать должное той роли, которую сыграла во время войны Америка, но «роль эта не дает президенту Вильсону права стать своего рода «*deus ex machina*» на мирной конференции и указывать всему миру, как ему следует жить в будущем. Соединенные Штаты не понесли никаких денежных затрат. Они даже не израсходовали тех барышей, которые получили за первые два с половиной года войны. Что касается людских потерь, то в этом отношении Соединенные Штаты не могут равняться даже с Австралией».

Всем присутствующим (а по мере раскрытия тайн — и всему миру) стало ясно, что единство первых дней конференции, уважение и определенная субординация — весьма ветхие структуры при дележе мира. Усилиями более дальновидных среди империалистов, боявшихся раскола победителей на этой стадии, в ход были пущены «тормозные устройства». Таких радикалов, как Хьюз, сумели уговорить смирить гордыню. И претенденты на аннексии, и более осторожный Вильсон пришли к выводу, что спор следует отложить, а в дальнейшем вести его в более замкнутом кругу.

На следующий день президент Вильсон указал, что продолжение спора может привести к полному расхождению союзников, может «взорвать» конференцию. США не уступят и, судя по яростному натиску их оппонентов, претенденты на колонии — тоже. Вильсон предложил перенести окончательное решение вопроса о подмандатных территориях в создаваемую Лигу наций. Он не остановился и перед угрозами. Если мир не пойдет по пути, указанному Соединенными Штатами, то американцам придется создать такую армию и флот, чтобы их принципы уважались.

Никогда еще американский президент не говорил ничего подобного. Присутствующие замерли. Они были свидетелями рождения феномена, который в капиталистическом мире получил в дальнейшем широкое распространение: Соединенные Штаты навязывали свое решение и весом своего политического престижа, и экономической приман-

кой. Если этих двух компонентов оказалось бы недостаточно, то США прибегнут к силе.

Англичане, по-видимому, первыми ощутили новизну и важность момента. Ллойд Джордж услышал в словах бывшего принстонского профессора не пустое упрямство, то был голос претендующего на исключительное положение американского империализма. «Взорвать» конференцию? Разумеется, немцы будут довольны. И не произойдет ли американо-германская перегруппировка? А шансы, которые получит большевистская революция? В качестве примирителя Ллойд Джордж выпустил южноафриканского генерала Сметса, об идеях которого в отношении Лиги наций говорилось выше. И все же компромиссный проект был отвергнут Вильсоном. 30 января он жестко поставил вопрос: давайте вначале создадим Лигу наций, а потом обсудим мандаты.

В зале бурлили страсти. Еще недавно Ллойд Джордж призывал Вильсона сохранять хладнокровие и терпение, а теперь они поменялись местами. Вильсон, по-видимому, понял, что берет слишком круто, и, желая восстановить рабочие отношения с Ллойд Джорджем, предложил принять проект Сметса как «предварительное соглашение», подлежащее пересмотру тогда, когда будет построено все здание Лиги наций. Желая найти тот же компромиссный уровень с французами, Вильсон на словах согласился с требованием Франции иметь право держать войска на тех территориях, на которые она претендовала. Президент, правда, категорически отказался заключить формальное соглашение на этот счет, но уже сама уступка была многозначительна. В конечном счете она не означала ничего более, кроме попустительства империалистическим аппетитам партнеров.

Оппоненты воспрянули духом. Взбодренный Ллойд Джордж пообещал поторопить коллег с выработкой статуса Лиги наций. Но британский премьер уже не был всемогущим в своем лагере: австралиец Хьюз опубликовал в Лондоне отчет о дискуссиях 28 января 1919 г., который изображал Вильсона оторванным от жизни доктринером. Американский президент не привык оставлять удары без ответа. Через день он в гневе, пылая от возмущения, пригрозил собственным обращением к прессе. До сих пор он играл в игру, навязываемую ему партнерами, но если против него выступят с запрещенными приемами, он тоже нанесет удар. Он многое может сообщить миру. Если против него в совете будут блокироваться враждебные силы, он сделает публич-

ную оценку работы конференции, прервет переговоры и отправится домой.

Президент становился агрессивнее буквально с каждым днем. Когда австралийский и новозеландский представители еще раз открыто посягнули на тихоокеанские острова (они, мол, не могут инвестировать развитие этих территорий, не имея гарантий, т. е. не владея ими), Вильсон спросил их в лоб, могут ли 6 миллионов (население Австралии и Новой Зеландии) бросить вызов «всему цивилизованному миру». «Восстание» британских доминионов имело бы шансы, если бы его поддержала Англия. Но Ллойд Джордж предпочел на этом этапе не бросать все силы величайшей империи против самой развитой индустриальной страны мира. Повторяем, развал конференции мог бы воспламенить надежды немцев, этот страх тогда был очень силен.

Примирение поручили генералу Боте из Южной Африки. Его многословие и чувство юмора должны были смягчить возникший конфликт. Стараясь ослабить пресс эмоций, Вильсон вышел из-за стола и начал расхаживать по ковру. Как только генерал окончил говорить, Вильсон, обращаясь к Ллойд Джорджу, заметил, что это была самая впечатляющая из слышанных им в жизни речей. В компромиссной резолюции было решено считать некоторые достигнутые в дележе колоний результаты «временными решениями». Под нажимом Вильсона Ллойд Джордж отвел свои дипломатические силы назад. Решили следовать первоначальной договоренности — обсуждать вначале проблемы создания Лиги наций. На этом этапе Вильсон если и не одержал дипломатическую победу, то сумел ограничить алчные аппетиты своих партнеров.

Для тех, кто знал президента близко, было очевидно, что он не такой представлял себе мирную конференцию и надеялся на более быструю реализацию американских предложений. Его душевное равновесие подтачивалось и атмосферой в американской делегации. Охлаждение отношений с государственным секретарем Лансингом становилось все более очевидным. Вильсон не мог оставить его вместо себя во главе американской делегации ни на один день, опасаясь, что будут потеряны существенные для реализации его дипломатического курса позиции. Да и среди прочих членов делегации были раздоры, ликвидировать которые выпало на долю президента. Но главное было в том, что упрощенное видение мира и его будущего у Вильсона все более приходило в противоречие с теми реальностями, которые он встретил в Париже. Поставить разоренную

Европу в зависимость от колоссальной экономической мощи США, создать мировую организацию во главе с Соединенными Штатами, закрепить сдвиг в мировой политике, явившийся результатом резкого ослабления Европы в 1914—1918 годах, остановить и заблокировать социальную революцию в Восточной и Центральной Европе и после этого триумфально возвратиться в США, оставляя свое имя на скрижалях истории, а США во главе мира, — вот что виделось.

На деле же озлобленные победители просто жаждали материальной помощи США, но еще больше — материальной компенсации за счет Германии. Союзников возмущало, что держава, вступившая в войну последней и понесшая относительно других наименьшие жертвы, стремится диктовать свои условия. Интересы западноевропейской буржуазии, раненой, ослабленной, но оттого лишь еще более энергично выставлявшей свои условия, никак не способствовали раболепному восприятию американских милостей. Европейцев стал удивлять и возмущать Вильсон и как политик, и как человек. Его профессорский стиль и морализаторство вызывали у профессиональных циников либо усмешку, либо гнев. Когда Вильсон начал объяснять присутствующим, почему Иисус Христос не преуспел в своем деле (он, мол, был лишен всемирной организации), Клемансо широко раскрыл глаза и долго обводил ими присутствующих, наслаждаясь произведенным эффектом.

Англичане и французы попеременно возглавляли оппозицию странным для них американским идеям (и это их только сблизало).

Французы были «заиклены» на германской проблеме. Они первыми приняли германский удар, война все четыре с половиной года велась на их территории, они пропорционально потеряли больше других населения, их история не давала им оснований смотреть на Германию отвлеченно. Разумеется, никаких подобных ощущений американцы не испытывали. И две стороны неизбежно «схлестнулись» друг с другом по германскому вопросу.

Французы потребовали введения ограничений на работу германской промышленности, запрета выпуска главных видов продукции. И нет сомнения, что вначале они искренне рассчитывали на благожелательность американцев. Но для Вильсона и его окружения этот вопрос был мелким в сравнении с грандиозной схемой мирового переустройства, с созданием мировой организации, которая будет корректировать действия своих членов и сделает процесс предот-

вращения военных конфликтов упорядоченным. Более того, стремясь в конечном счете подключить Германию к этой организации, Вильсон не желал «преждевременных» репрессий, способных лишь вызвать отчуждение крупнейшей европейской страны. Поэтому «крик сердца» Клемансо не произвел на американскую делегацию никакого впечатления. Напротив, в нем виделась лишь шовинистическая узость мышления. Президент Вильсон, смертельно раздражая самолюбие Клемансо, назвал предлагаемое «панической программой». Напротив, американская сторона стала говорить о необходимости снятия продовольственной блокады Германии. На фоне страданий французского населения это казалось Клемансо и его коллегам высшей степенью лицемерия и черствости.

Европейцы стали напоминать, что Соединенные Штаты на протяжении своей короткой, но изобилующей захватами истории постоянно ратовали за самую высокую добродетель и в то же время постоянно нарушали свой символ веры. Принцип равенства между людьми не был применен ни к желтым, ни к неграм. Доктрина самоопределения не распространялась ни на индейцев, ни даже на южные штаты, а такие события в истории США, как война с Мексикой, освоение Луизианы, война с Испанией и бесчисленные нарушения договоров с индейцами, свидетельствовали о том, что великая американская империя всегда опиралась на грубую силу.

И, по существу, Вильсон противопоставил себя всем, когда обрисовал свое видение решения вопроса будущего Германии. Он сказал, что, «если не будет восстановлена германская промышленность, Германия, совершенно ясно, не сможет платить». Могли ли, скажем, французы с симпатией слушать пожелание американцев восстановить индустриальную мощь Германии, которая по меньшей мере компенсировала бы военную мощь Франции на Европейском континенте, а экономически ее значительно превзошла бы?

Еще одним разочарованием для американской дипломатии было поведение малых держав, еще недавно вовсю пользовавшихся поддержкой США в реализации своих прав на самоопределение. Самоопределение — хороший и действенный лозунг, но когда вставал вопрос о формировании новых государств, неизбежно возникал критический вопрос об их границах. И здесь Вильсон с его антипатией к территориальному дележу (он-то надеялся всех их сделать клиентами через посредство Лиги наций) быстро превращался для малых стран из ангела в дьявола. Эти новые

государства, с его точки зрения, еще имели наглость обращаться к США за помощью войсками, за подтверждением их часто спорных границ, за кредитами и оружием.

Делегаты конференции еще раз пошли на поводу у американцев: они осудили установление границ посредством силовых действий и указали, что насильственное самоутверждение ослабит, а не усилит позиции этих стран на мирной конференции.

Итак, три силы обозначились как препятствия для дипломатии Вильсона: Англия и доминионы спешили поделить германское и турецкое наследство; Франция — демобилизовать Германию, нейтрализовать ее военную промышленность и осуществлять над ней контроль; малые страны стремились определить себя в максимальном территориальном объеме. Пока союзники еще не создали антиамериканского фронта на самой конференции — это было чревато взрывом, опасностью раскола с непредсказуемыми последствиями. Но пресса европейских стран не была столь же сдержанна, а президент Вильсон всегда был чувствителен к общественному мнению.

Тон, вполне понятно, задали французские газеты, за годы войны попавшие под контроль правительства. Пресса стала открыто преподносить столкновение мнений на конференции как разброд. Каждый инцидент использовался французской прессой для осмеяния президента. Для верующего пресвитерианина подвергаться преследованиям значит быть увенчанным славой. Всякая оппозиция рассматривается им как возможность борьбы за право, ниспосланное богом. Но спокойные насмешки доводят пресвитериан до бешенства. Газеты утверждали, что Вильсон не симпатизирует Франции, что он пренебрегает нуждами малых стран. Это по существу. А по стилю его стали изображать лунатиком, несколько комической и донкихотской фигурой. Наиболее серьезные обвинения журналистов сводились к тому, что лидер страны, последней вступившей в мировую схватку, пытается лишить такие страны, как Франция, плодов их победы.

Смирение никогда не было отличительным качеством Вильсона. Профессору Раппарду он прямо сказал, что французская пресса не свободна и что французское правительство столь же бюрократично, как и прусское. Один из французских издателей передал Вильсону тайные инструкции правительства Франции прессе: 1) подчеркивать факты республиканской оппозиции Вильсону в Америке; 2) подчеркивать состояние хаоса в России и необходимость

союзной интервенции; 3) убеждать читателя в способности Германии платить большие репарации. 10 февраля Вильсон поручил своему врачу Грейсону намекнуть знакомым американским журналистам, что продолжение антиамериканской кампании во французской прессе может заставить американское руководство потребовать переноса работы конференции в одну из нейтральных стран. Такая реакция была симптомом, Вильсон начал перенапрягать свои физические возможности. Он работал иногда по восемнадцать часов в сутки. Напряжение стало сказываться в еще большей подозрительности. В письме симпатичному ему Н. Бейкеру Вильсон пишет, что «трудности нахождения из многообразных подходов единой модели» приводят его в отчаяние. Никакие уговоры взять день отдыха не имели успеха. Президент утверждал, что конференция и без того движется слишком медленно.

Мобилизовав всю свою гибкость, Вильсон постарался улучшить свои отношения с французской прессой. Когда Ллойд Джордж в очередной раз упомянул, что лично он видел свидетельства страданий Франции, президент Вильсон вместе с супругой отправился в Северную Францию. Поездка не послужила делу американо-французского сближения. Подача этого визита в печати расходится: одну историю рассказывают французы, другую — американцы. Ценность визита Вильсона в разоренные области остается спорной. Президент жаловался, что был отрезан от контактов с людьми. Французов же шокировало его холодное безразличие. Недалек от оценок, даваемых французской прессой, был и Лансинг. Он в целом иначе смотрел на стоящие перед американцами проблемы. На очередном заседании американской делегации Лансинг предложил быстро заключить мир и оставить экспертов выработать детали соглашения о международной организации. Получив весьма нелюбезный отказ, Лансинг ответил тем, что повторил свое предложение на заседании Совета десяти, где Вильсон не мог обращаться с ним с лаконичной простотой на виду у своих партнеров по переговорам. Неожиданное предложение Лансинга снимало страх европейцев перед американским опекуном, оно поворачивало их в сторону традиционного дележа добычи, поэтому предложение было принято сочувственно. Вильсон поступил в этой неожиданной ситуации максимально дипломатично. Он попросил Лансинга изложить свои идеи в виде проекта резолюции и, разумеется, не принял этого проекта, молча загубив всю затею.

В эти тяжелые для Вильсона дни ему явно не хватало Хауза, который был долгое время болен и только позднее смог подключить свой изощренный ум к затянувшейся дипломатической игре. План Хауза был таков: воспользоваться поддержкой идеи создания Лиги наций английскими сторонниками во главе с лордом Сесилом, склонить на свою сторону Ллойд Джорджа, через него вовлечь итальянского премьера Орlando — и оставшимся французам ничего не оставалось бы, как примкнуть. Надо ли говорить, что жизнь, как обычно, оказалась богаче, чем эта схема.

Да и, собственно, не в схеме уже было дело. Идея Лиги наций, вернее, ее смысла, роли и функций постепенно под давлением обстоятельств (и союзников) теряла первоначальный характер американского варианта для Европы.

Видя сложность противостояния Вильсону в открытую, вожди Антанты решили изменить не Вильсона, а его план: они сконцентрировались не на противодействии Лиге наций, а на придании ей желаемого им вида. В конце концов не Лига, а конкретика новых границ больше волновала союзников на этой мирной конференции. Согласие с идеей Лиги стало как бы авансом, платой за поддержку американской стороной той или иной претензии союзников. Первым это понял Клемансо, за ним последовали другие. Итальянский премьер-министр Орlando на встрече с Вильсоном 30 января 1919 г. сразу же оговорил, что поддерживает идею создания международной организации, и тут же перешел к более существенным для итальянцев вопросам о границах на Адриатическом побережье. Таким образом, столь привлекательно видевшаяся из Вашингтона задача создания контролируемой международной организации в реалиях переговоров отходила на задний план. А спорные вопросы территориальных претензий вышли вперед.

Один из решающих шагов от абстракции к реальности (от «гранитных» основ к скользкой почве текущего дня) Вильсон сделал тогда же, 30 января, когда в ответ на благожелательные слова Орlando фактически пообещал ему помощь в овладении Трентино. Обратим внимание на этот эпизод. Девятый пункт программы Вильсона говорил о праве населения на самоопределение, а теперь одним жестом Вильсон фактически присоединился к столь обличаемому им Лондонскому тайному договору, дававшему Италии права на Трентино. А что он получил взамен? Признаваемый незначительной группой стран устав Лиги наций. Работа над уставом велась наиболее интенсивно между 3 и 13 февраля (десять встреч), поскольку Вильсон

подстегнул работу своим решением отбыть в США 14 февраля. Работу осуществляла Комиссия по Лиге наций, состоявшая из пятнадцати человек (по два от великих держав плюс пятеро от малых стран). Вильсон полагал, что устав должен быть выработан за закрытыми дверями и уже готовым и санкционированным будет изложен публике.

Напряжение этих дней было велико. Если Совет десяти заседал в утренние часы, то комиссия — в вечерние. Вильсон был здесь энергичен как никогда. Речь шла о главном детище его политической жизни. Но все больше и чаще на пути возникали совершенно не предвиденные им препятствия.

Должна ли у Лиги наций быть своя армия? Вильсон не предвидел таковой. Напротив, он полагал, что после победы над Германией будет осуществлена демобилизация и экономический фактор (американский козырь) станет решающим. Довольно неожиданно французы, которые и вообще-то встретили идею Лиги весьма прохладно, стали выступать за наличие крупной армии в распоряжении Лиги. Их мотивы были достаточно ясными. Если в США и Англии традиционным для мирного времени был отказ от всеобщей воинской повинности, то именно таковая была характерна для Франции, имеющей на своей границе Германию. А располагая крупнейшей в Европе армией, Клемансо надеялся и на дополнительные рычаги воздействия в Лиге. Обсуждая этот вопрос, комиссия заседала весь день 11 февраля. В решающий момент французский представитель процитировал слова самого Вильсона о том, что «должна быть создана сила, сила столь мощная, чтобы ни одна нация или комбинация наций не смогла бы бросить ей вызов». Выслушав французский перевод своих слов, а затем их новый перевод на английский, Вильсон вначале не знал, как ответить. Он шептался с Хаузом, и замешательство было ощутимо в зале. Затем, поблагодарив за цитирование, он указал, что эта мысль была высказана «в состоянии стресса, вызванного отчаянной войной». Но изменилась ситуация в мире, и создание объединенной военной машины в мирное время будет способствовать процветанию международного милитаризма, едва ли лучшего, чем милитаризм национальный. И еще, конституция США не позволяет кому бы то ни было осуществлять контроль над американскими вооруженными силами. Враги Лиги наций в конгрессе США используют это обстоятельство, чтобы дискредитировать саму идею Лиги.

Началась война нервов. Выслушав ответ Вильсона, представитель Франции Л. Буржуа откинулся в кресле, выждал паузу и заявил, что бессильную Лигу, которую предлагают создать американцы, французы могут отвергнуть как такую. Для проницательных наблюдателей было достаточно ясно, что французы стремятся не столько дискредитировать проект Лиги наций, сколько создать «задел» для дипломатической торговли потом, чтобы продать свое согласие в обмен на желаемое для Франции решение самого насущного для нее вопроса — германского. Отнюдь не выигрышной оказалась позиция американской делегации, когда президент Вильсон стал убеждать французов: «Верьте нам, в случае опасности мы придем к вам на помощь».

Накануне объявленного дня отплытия Вильсона комиссия согласовала свои позиции по шести пунктам из двадцати шести. Понадобилось искусство мастера компромисса Хауза, чтобы спасти положение. До сих пор его шепот слышал лишь президент США. Теперь полковник обратился к комиссии в полный голос. Он сумел заручиться английской оппозицией против предлагаемого французами плана создания генерального штаба войск Лиги наций. Так же, закулисно, он достиг соглашения с японской делегацией (в обмен на провозглашение расового равенства в уставе). В отсутствие президента обещая всем все и вся, Хауз сумел создать текст устава, относительно удовлетворяющий все стороны. Главными потерями — это очень важно отметить — были следующие: США отказались от двух прежних условий существования Лиги — создания международного арбитража и организации Мирового международного суда. Это была существенная уступка. Если, противостоя французам, американцы выступили против военной организации Лиги наций, то теперь они отказались от того, на что очень надеялись, — от ее судебных функций.

Очевидно, что Вильсон не был доволен тем, как реализуется его инициатива по трансформации современной дипломатии. Но все же содеянное имело большое значение. Разумеется, игнорируя пока крупнейшие мировые силы (Советскую Россию, Германию), Лига наций не могла называться в полном смысле мировой организацией, но это было новое слово в дипломатической практике. И когда 14 февраля 1919 г. Вильсон представил устав Лиги наций на пленарной сессии мирной конференции, это был его день. Создавалась крупнейшая международная организация. Руководил ею Совет

из представителей пяти великих держав (США, Англии, Франции, Италии, Японии) и четырех выборных представителей малых стран. Вильсон свято верил в лидерство США в этом новом вавилонском столпотворении дипломатов. Мощь США, обладавших к тому времени половиной промышленного производства мира, не давала ему оснований для сомнений.

Создаваемая организация представляла 1200 млн. человек, формально именно от их лица говорил в этот день В. Вильсон. Он зачитал устав и приступил к комментариям: «Живое творение рождено нами, и мы должны позаботиться, чтобы тесные одежды не повредили ему... Этот документ приложим к практике, он должен очищать, исправлять, возвышать». Лидерам крупнейших империалистических стран, собравшимся в пышном Зале часов, казалось, что они поставили под контроль всю динамику мирового развития. Ворвавшиеся представители прессы искали главного творца «Евангелия XX века». Торжественность момента была слегка искажена поправками французов и японцев, но дело было сделано — устав был передан в секретариат конференции.

Несомненно, Вильсон был в эйфории. Он перескакивал через две ступеньки, салютовал американским солдатам у дворца Мюрата, уже мысленно видел себя в Белом доме. Длинная красная дорожка вела его к вагону. Дипломаты пожимали ему руку и целовали руку Э. Вильсон. Покидавшего вокзал Клемансо спросили его мнение о президенте США. «Вполне возможно, что он имеет добрые помыслы», — ответил французский премьер.

Дипломатический Верден

Мы имели шанс добиться мирового лидерства.. Мы потеряли этот шанс.

(В. Вильсон, 19 ноября 1919 г.)

15 февраля пушки Бреста отсалютовали американскому президенту. Позади были шесть недель жестокой дипломатической битвы. Наступила пора подведения итогов. Правда, в Париже еще велись бои и Хауз сообщал ему не очень ободряющие новости, но все же промежуточный финиш был достигнут. Какими были итоги? Прежде всего Вильсон не ожидал встретить на конференции скрупулезное обсуждение деталей. Вильсон не предполагал, что союзники так быстро откажутся от угодливости военных лет. Он ошибался, считая, что в Европе установится зыбкое квазиравновесие, и не думал, что Клемансо, Ллойд Джордж и Орландо бесстрашно ринутся против него, защищая интересы национальных отрядов буржуазии. Ведь ясно же было, что все они стоят на краю вулкана, именуемого социальной революцией. Президент недооценил мощи центробежных сил.

Вильсон принял особые меры предосторожности, чтобы парижские партнеры не знали, что он даже в отдалении следит за ходом дел в Париже. Из тайных сообщений Хауза он знал, что у трех его главных партнеров дела шли неважно. По пути на встречу с Хаузом в Клемансо стреляли, и пуля, угодившая под лопатку, уложила «тигра» в госпиталь. Внутренние проблемы отвлекли Ллойд Джорджа от мировых дел, и он застрял в Лондоне. В Риме премьер-министр Орландо не встретил понимания достигнутого им с Вильсоном компромисса в вопросе о спорных территориях на Адриатическом побережье. Ни у одного из лидеров избранной четверки не было видимых позитивных результатов.

Вильсон очень надеялся, что в его отсутствие полковник Хауз не даст угаснуть американской инициативе. Он верил, что оставляет дело в надежных руках. «Вам предстоит тяжелая работа, Хауз», — сказал президент, при прощании обнимая с несвойственной ему фамильярностью советника за плечи. Именно ему, а не Лансингу поручил Вильсон фактическое руководство американской делегацией, хотя формально руководителем значился госсекретарь. Главный наказ Вильсона Хаузу — не обсуждать вопросов о территориальных изменениях и репарациях, то есть как раз того, к обсуждению чего рвалась европейская дипломатия. Единомышленники — Вильсон и Хауз — очертили четыре пункта предлагаемого ими решения германской проблемы: 1) сокращение наземных и морских сил Германии; 2) изменение германских границ и лишение Германии колоний; 3) определение суммы выплачиваемых Германией репараций и срока их выплаты; 4) соглашение об экономическом положении Германии. Вильсон, поступая согласно установившейся между ними традиции, не оставил Хаузу письменных инструкций, надеясь на имеющееся взаимопонимание. Пожалуй, это был последний случай такого доверия.

Вильсон помрачнел, когда Хауз пообещал ему «решить все за четыре недели». Видя реакцию шефа, полковник стал смягчать свою мысль: он имел в виду предварительное согласие. Президент взял с него слово не поступаться принципиальными положениями. Особенно ни в коем случае не соглашаться с намерением Франции образовать Рейнскую республику из западных земель Германии. Это нарушило бы равновесие в Европе в пользу Франции, а Вильсон видел возможной реализацию своих планов только в условиях примерного равновесия противостоящих в Европе сил.

Но более, чем какая-либо другая, над заговорщицки действующими дипломатами в Париже нависла проблема, как бороться с революционным подъемом в Европе. Проблема России затмила к моменту выработки устава Лиги наций все прочие. Англичане, которых 14 февраля сверхэнергично представлял Уинстон Черчилль, и японцы требовали немедленной крупномасштабной интервенции. Клемансо настаивал на участии американских контингентов в планируемой ими центральноевропейской армии, действующей против России.

Собственно, Вильсон уже связал себя с политикой интервенции еще в 1918 году, когда американские войска высадились в Мурманске, Архангельске и Владивостоке.

Сейчас вставал вопрос о резком увеличении масштабов интервенции. Спецификой позиции Вильсона было его желание, чтобы американские войска в данном случае не подчинялись союзникам, насколько бы войска этих союзников не превосходили американские. На севере европейской части России президент Вильсон вывел американские войска из-под общего с англичанами командования, а на Дальнем Востоке американцы не сумели договориться с японцами. То, что империалистические противоречия не позволили интервентам создать единый фронт, облегчило Советской России разрыв удушающего кольца интервенции.

В некоторых отношениях администрация Вильсона в своей ненависти к Советской власти забежала дальше своих партнеров-конкурентов. Так, президент Вильсон санкционировал в сентябре 1918 года публикацию мнимой переписки между генеральным штабом Германии и Совнаркомом. Идея, разделяемая Вильсоном, была ясна: германские деньги вызвали революционный взрыв в Петрограде. Нужно сказать, что работа была сделана настолько грубо, что британский Форин оффис публично усомнился в аутентичности опубликованных «документов», а Лансинг утверждал, что только незнакомство с этими материалами не позволило ему прекратить их публикацию.

Представляли ли Вильсон и его окружение, что публикация этих фальшивок ставит под вопрос саму возможность контактов Америки с Советской Россией? Более чем. Вильсон в частной беседе согласился с Хаузом, что публикация данных документов явится фактическим объявлением войны Советскому правительству. Такова была ненависть вождей мирового капитализма к новому социальному строю. В Москве это воспринимали не иначе. Нота наркома иностранных дел Г. В. Чичерина от 24 октября 1918 г., адресованная президенту США, прямо называла лидеров стран-интервентов «империалистическими разбойниками», что абсолютно соответствовало истине.

Все первые годы существования Советской власти в России Вильсон ожидал краха большевистского правительства и изменения режима в Москве. На совещаниях в Париже в январе 1919 года президент Вильсон стал призывать к совместной, скоординированной интервенции в России. Вильсон выдвигал «русский вопрос» на первый план обсуждения мирной конференции. Этот вопрос подвергся многодневным обсуждениям, поскольку, по мнению Ллойд Джорджа, было «невозможно решить вопрос о мире в Европе, не решив русского вопроса».

Как же хотели его решить американские дипломаты? По мнению Хауза, наилучшим решением был бы распад России на несколько частей. Россия «слишком велика и однородна (!) для безопасности мира». Предполагались отделение Сибири и раскол европейской части России на три части. Лишь тогда, полагал Хауз, угроза миру со стороны России не будет превышать угрозы миру со стороны Британской империи. Очевидец Д. Пул свидетельствует: «Высшие военные руководители имели определенные планы раздела России и откровенно говорили мне об этом в Париже в июле 1919 года». Лишь мощь Красной Армии, ее убедительные победы и растущая солидарность с Советской Россией трудящихся масс западных стран предотвратили силовое решение парижских судей мира.

* *
*

В США первые шаги по созданию Лиги наций первоначально вызвали одобрение правящего класса. Популярным стало обращение к библейским сравнениям. «Нью-Йорк трибюн» писала 25 февраля 1919 г., что устав Лиги наций содержит идеи «почти столь же возвышенные, как и идеи Нового завета». На Среднем Западе ту же самую тему развивала «Сент-Луис глоуб-демократ»: «Итак, устав рожден, и ни одно решение в истории, за исключением одного, не имело большего значения для человечества». Многое говорилось в те дни о «Рах Americana», принадлежащем Америке веку. И Вильсон решил начать борьбу за этот век с первого же шага на американской земле.

Политические советники рекомендовали высадиться не в Нью-Йорке, а в Бостоне, где сторонники Лиги наций имели надежный оплот. И здесь предзнаменования не порадовали суеверных. У входа в гавань течение тянуло судно с такой силой, что сложилось впечатление о возможности катастрофы. Обеспокоенный Вильсон тщательно спрятал текст устава, готовясь к худшему. Внезапно пошел густой снег, и это заставило бросить якорь. Лишь на следующий день, 24 февраля 1919 г., губернатор Массачусетса (и будущий президент США) К. Кулидж поднялся на борт «Джорджа Вашингтона». В городе отмечали прибытие Вильсона как национальный праздник. Школы были закрыты, а жители Бостона высыпали на улицы по маршруту следования президентского кортежа. Кулидж охарактеризовал прием как «еще более примечательный, чем оказываемый прежде генералу Дж. Вашингтону, более единодуш-

ный, чем любой продемонстрированный со времен Авраама Линкольна». Неизбежными были сравнения устава Лиги наций с Декларацией независимости и Великой хартией вольностей. Прием обнадеживал, но Вильсон не заблуждался: Бостон был оплотом демократов, а следовало готовиться к битве с республиканцами. Перед огромной толпой президент осудил «узкие, эгоистичные, провинциальные цели» и предупредил: «Во мне течет кровь воителя, и позволить ей пульсировать — это восторг... Мы не ограничиваем наши концепции и цели Америкой, и мы освободим человечество. Если мы не сделаем этого, вся слава Америки увянет и вся ее мощь рассеется. Думайте об этой партии, думайте о том мраке, в который может погрузиться мир... И всякий, кто подозревает, что Америка разочарует мир, не знает Америки. Я приглашаю вас присоединиться к чувствам нации». Националистический мотив был пущен в ход со всей силой. Американцев приглашали перестроить мир по-американски.

На волне общенационального ажиотажа противники-республиканцы не рискнули подвергнуть сомнению идею Лиги до выступления президента перед конгрессом. Вечером 26 февраля президент устроил в Белом доме банкет для тридцати четырех членов конгресса. Яркие огни впервые осветили президентский дворец после двухлетнего военного затишья. После обеда конгрессмены расположились в креслах, расставленных в форме подковы, в открытой части которой их ждал Вильсон. Из его кармана на пол выпал каштан — талисман, хранимый им с давних лет на счастье. Талисман упал — еще один дурной признак.

Президент изложил слушателям итоги заседаний в Париже, а затем в течение двух часов отвечал на вопросы, главный смысл которых сводился к тому, сможет ли Америка утвердиться в качестве лидера, не ловушка ли эта Лига наций. Не все конгрессмены были удовлетворены словесными гарантиями президента. (Политические противники критически отметили и скудную выпивку, и качество сигар, и манеры хозяйки.)

Главный противник идеи вильсоновского вторжения во внешний мир выступил спустя два дня. Сенатор Лодж постарался суммировать контраргументы против устава. Он, разумеется, начал с цитирования предостережения президента Вашингтона об опасности для США вмешиваться в европейские дела, о том, что достаточно «доктрины Монро», обеспечивающей Соединенным Штатам преобладание в «обеих Америках». Кульминации речь Лоджа достигла тогда, когда он приступил к критическому рас-

смотрению статьи X устава, которой Вильсон придавал особое значение. Эта статья предусматривала, по существу, полицейские функции США в мире, легализовывала военное вмешательство США в военные конфликты вдали от американских берегов. Сенатор Лодж прямо назвал это обязательство США перед Лигой наций «очень опасным обещанием». С максимальной отдачей «поработал» Лодж над аргументацией опасности создания некоего наднационального правительства, которое может лишить США свободы маневра на мировой арене и, хуже того, вовлечь в конфликты, где интересы США никак не затронуты. Что же делать с предлагаемым уставом? Значительно исправить: «Я не думаю, что интеллект его создателей и их положение в мире столь преобладающи, что мы не можем предложить дополнений к уставу этой Лиги».

Вокруг Лоджа как выразителя более умеренного курса американской дипломатии стала формироваться антивильсоновская оппозиция. Сенаторы Хичкок, Маккамбер, Брандиджи, Нокс и др. выставили ряд существенных возражений. Говорилось, в частности, о том, что создание Лиги наций будет означать потерю позиций США в Китае. Американцы-ирландцы говорили, что Лига наций — это выдача Ирландии Англии и т. п. К началу марта оппозиционеры подсчитали свои силы. Для ратификации предложения о вступлении США в Лигу наций требовалось одобрение двух третей членов сената. Стало ясно, что в оппозиции Вильсону находится более трети сената, а это лишало членство в Лиге наций реальности. К концу дня 3 марта 1919 г. в доме сенатора Нокса были подсчитаны голоса тех, кто выступает против Лиги наций, — 37 человек (из тогдашних 96 сенаторов).

Лодж умело выполнил свою миссию. В ноль часов две минуты 4 марта 1919 г. он, нарушая процедуру, с места начал высказывать аргументы против резолюции об одобрении Лиги. Подобного рода оппозиция не фиксировалась. Но в эмоционально наэлектризованной обстановке случилось то, на что Лодж рассчитывал: один из демократов, вместо того чтобы замолчать устный протест Лоджа, с места начал возражать. Отвечая возражениям демократа-сенатора Свенсона, Лодж потребовал зафиксировать голоса несогласных в «Конгрэшнл рекорд», и пораженный Вильсон, а вслед за ним и весь мир узнали, что устав Лиги наций отклонен в сенате США.

У противников вильсоновского вовлечения в европейские и мировые дела был еще один эффективный рычаг. Конгресс

имел право сократить фонды на зарубежное вмешательство во всех его видах — от помощи до интервенции. Красноречив такой пример. Один из членов американской делегации на Парижской мирной конференции Г. Уайт обратился к сенатору Лоджу с просьбой об увеличении американской помощи Германии. Уайт объяснял сенатору, что немцы готовы заплатить любые деньги за американское продовольствие. Лодж ответил, что в США существует значительная оппозиция «передаче продовольствия или денег немцам». Принятый палатой представителей билль о помощи был «подправлен» сенаторами во главе с Лоджем, которые исключили из сферы американской помощи Германию, Австрию, Болгарию и Турцию.

Возможно, фаталистическое начало в Вильсоне позволяло предчувствовать роковые осложнения. На завтраке в Белом доме в день решающей речи Лоджа в сенате конгрессмены-демократы услышали от президента упреки в том, что они не приложили всех сил в пользу Лиги наций, что их дезорганизованность дала шанс республиканцам-оппозиционерам. Вильсон уже перешел на патетические ноты: «Верьте мне, джентльмены, цивилизованный мир не может позволить, чтобы мы потерпели поражение... Все это принимает очертания трагедии». Сдержанность изменила президенту, когда он заметил, что «резервирует для частной жизни право выразиться непарламентским образом о своих противниках». Присутствующие — его сторонники-демократы — видели смятение своего лидера. Только что он выдержал битву с Ллойд Джорджем и Клемансо, а теперь терял почву под ногами на собственной территории.

После полудня рокового дня 4 марта президент Вильсон отправился поездом в Нью-Йорк. Все в нем кипело, когда он покидал столицу. В Филадельфии он сделал остановку, чтобы посмотреть на новорожденного внука. Младенец не закрывал рта, но никто не мог уговорить его открыть глаза. «Судя по внешности, это будет сенатор Соединенных Штатов», — сказал президент. Угрюмым и непримиримым прибыл Вильсон в «Метрополитен-опера», где его ожидала пятитысячная аудитория. Максимум, что ему позволили выдержка и дипломатическое искусство, — это взять под руку республиканского экс-президента Тафта. Последний принадлежал к той фракции республиканской партии, которая считала, что США уже созрели для выхода за пределы Западного полушария. Примерно в этом духе Тафт открыл митинг. Президент в своем выступлении тактично выразил признательность тем людям,

которые вначале «были скептически в отношении возможности формирования Лиги наций, но теперь признали, что, если мы сможем ее сформировать, она станет бесценным инструментом, посредством которого можно будет обеспечить жизнедеятельность каждого пункта мирного договора». Все остальное свидетельствовало о том, что президент встал на «тропу войны», — возможно, это не было лучшим видом тактики: обсуждая аргументы оппозиции, он лишь увеличивал их весомость. Он вел себя агрессивно и недипломатично. Его сторонники продолжали оставаться сторонниками, но колеблющиеся не переходили в его лагерь после подобных наступлений. Был виден и предел его физических возможностей.

На следующий день Вильсон отбыл на пароходе в Европу. Многим было ясно, что он может не выдержать испытания — это был человек с подорванным здоровьем. Несколько дней Вильсон пролежал в постели в своей каюте. Вопрос о Лиге наций стал идефикс президента. Среди бушующего моря он пишет полковнику Хаузу: «Население Соединенных Штатов несомненно выступает в пользу Лиги наций.., но существуют многочисленные силы, настроенные против этой идеи, и вы должны постоянно об этом помнить».

Несколько дней отдыха укрепили Вильсона. Впереди были решающие сражения на дипломатическом поприще. Хватит ли сил? Гордящийся цельностью своего характера Вильсон, подписав поправку к конституции о запрете алкогольных напитков с едким замечанием, что она несет ему «лишения», налил себе шотландского виски.

Океанский переход был коротким. Еще в Париже президент поклялся противиться любым изменениям в уставе Лиги наций. Менее жесткий Хауз процитировал Э. Берка: «Управление — это искусство компромисса». Президент тогда засмеялся, но погрозил пальцем. «Позвольте мне единожды, — сказал он, — не согласиться с вами и Берком, если вы верно его процитировали. Я пришел к заключению, что в жизни не добьешься ничего стоящего, если не будешь отчаянно за него бороться». Именно в таком настроении президент провел февраль и часть марта в США. В таком же настроении он возвращался в Париж. Итак, бороться на двух фронтах — против желающих принизить роль США в Европе и против изоляционистов в США.

Тринадцатого числа Вильсон увидел на горизонте Брест, где его ждал полковник Хауз. Советник и друг горел желанием поделиться информацией, ведь эти дни принесли столько нового. Хауз постарался в отсутствие

президента установить контакт с главными действующими лицами дипломатической драмы. Его деятельность получила самые разноречивые оценки различных лиц. Представляют интерес суждения его коллег. Двое членов американской делегации — генерал Блисс и Уайт — полагали, что Хауз находится под чрезмерным влиянием Клемансо. Насколько видится это сейчас, Хауз постарался приложить максимум усилий в стиле американских дипломатов — мастеров компромисса. Он развил лихорадочную активность, шаг за шагом сближая взгляды сторон. Возможно, что с определенной точки зрения он достиг впечатляющих результатов. Но, с другой стороны, учитывая стремление Вильсона не вступать в типичную европейскую «торговлю», Хауз в некоторой степени скомпрометировал американскую позицию.

Трудно судить Хауза: оставленный Вильсоном базовый документ — «14 пунктов» — не позволял давать достаточно четкие ответы на вопросы англичан, французов и итальянцев по конкретным проблемам мирного урегулирования. Наиболее значительная из идей, переданных Хаузу Вильсоном, — фактический приказ противостоять «докладу Фошца» (требовавшего ужесточения обращения с Германией, предъявления ей суровых экономических и территориальных условий). Вильсон и Хауз хотели «открыть» Германию для американской продовольственной и иной помощи, с тем чтобы увеличить свое воздействие на всю европейскую ситуацию (и, в частности, чтобы поддержать германскую буржуазию в этот сложный для нее час социального подъема трудящихся масс).

Хаузу в отсутствие президента пришлось противостоять желанию Клемансо создать демилитаризованную Рейнскую республику. В сложных переговорах Хауз сумел выстоять «на Рейне», но согласился с французским вариантом решения саарской проблемы. Было решено передать Данциг Польше, а Люксембург — Бельгии. В сложном клубке территориальных и прочих противоречий Хаузу было нетрудно сделать шаги, которые не понравились Вильсону.

По прибытии «Джорджа Вашингтона» в Брест президент сам принялся за дело. Присутствующие (в частности, бывший посол Жюссеран) нашли его бледным и сосредоточенным. Церемониальный осмотр войск не интересовал Вильсона. Он спешил удалиться с Хаузом в вагон поезда, направлявшегося в Париж. В те недолгие часы, когда специальный состав мчал американского президента в столицу Франции, Вильсон и Хауз обсудили состояние

дел на двух полях битвы — на мирной конференции и в сенате.

Хауз увидел «нового» Вильсона, ожесточенного и полного мрачной решимости. Именно в эти дни Вильсон признался жене, что дипломатическая игра во многом разочаровывает. Складывалось впечатление, что реальна необходимость пересмотреть частично уже согласованный устав Лиги наций, находящийся под ударами критики и на конференции, и в США. По крайней мере французы требовали более жестких гарантий от восстановления германской мощи, чем обещание прийти на помощь в сложную минуту. Им было видно, что, уклоняясь от более жесткого подхода к Германии, Вильсон стремился к созданию некоего франко-германского равновесия. Абсолютное доминирование Франции в Западной Европе его не устраивало. Понятно, что Клемансо и ведущему переговорам с американцами А. Тардьё не импонировали настроение и позиции американцев.

* * *

Поезд с американским президентом прибыл к вокзалу Инвалидов 14 марта 1919 г. Разительный контраст не мог ускользнуть от Вильсона: три месяца назад его встречали не так. Тогда он был «спасителем Франции». Теперь же враждебные голоса утверждали, что союзники не могут наказать Германию только из-за упорного стремления Вильсона утвердить в Европе свой порядок.

Мнение западноевропейцев о Вильсоне теперь часто звучало убийственно. «Нельзя понять характер и политику президента Вильсона, если мы не уделим внимания той черте фанатического мистицизма, которая искажает в нем академическую способность к рациональному мышлению. Его детское суеверие в вопросе о счастливом тринадцатом числе (чертовой дюжине) является симптомом мистицизма, который временами носил почти патологический характер... Ему казалось, что мириады глаз смотрят на него как на пророка, пришедшего с Запада, как на человека, избранного богом, чтобы возвестить миру новые заповеди и новый строй... Утверждение, что президент Вильсон был тщеславен, упрям, был сектантом и замкнутым человеком, недостаточно. Он был также человеком, которого преследовали навязчивые идеи, одержимым».

Ощущая перемену психологического климата, президент Вильсон искал утешения в упорной работе.

Наступила новая фаза в вильсоновской дипломатии. Атакуемый политическими соперниками дома, потеряв долю уверенности в полной реализации своих планов в Европе, оттолкнув (вольно или невольно) прежде лояльных сотрудников, президент Вильсон решил частично пожертвовать догмой, рискнуть частью своего тщательно созданного ореола и начать реальные переговоры с двумя сильнейшими: с крупнейшей морской и колониальной державой — Англией и обладательницей величайшей сухопутной армии — Францией. В сверхклуб избранных периодически допускался итальянский премьер Орlando, а иногда, когда требовалось, приглашались специалисты.

Эта работа велась уже не в роскошном дворце Мюрата, а в более скромном особняке на площади Америки. Время не терпело промедления. Вильсона уже ожидал Ллойд Джордж, а после обеда к ним присоединился Клемансо. «Тройка» провела трехчасовое заседание в обстановке полной секретности в приемной супруги полковника Хауза.

Основная дипломатическая работа была проделана между 24 марта и 7 мая 1919 г.: территориальные вопросы, финансовые, экономические, колониальные. Как работала всемогущая «тройка»? Каждое утро и во второй половине дня все трое (иногда четверо) встречались обычно в нижнем этаже отеля «Бишофсгейм». В саду расхаживал американский бой с эмблемой конференции — белыми весами, вытканными на синей перевязи. Иногда встречи происходили во французском военном министерстве, в темном и неудобном кабинете Клемансо. Каждый по привычке занимал облюбованное место. Обычно эти встречи имели характер бесед. По свидетельству Никольсона, «Вильсон, Клемансо и Ллойд Джордж — три поразительно контрастные фигуры, полные противоположности, какие только можно было встретить или представить себе». Президент Вильсон спорил, как профессор университета, критикующий диссертацию, развивая свои мысли многословно, но ясно, в дидактической манере философа. Периодически собеседники вставали со своих кресел. В обставленном громоздкой мебелью кабинете на полу, на ковре, лежит географическая карта. Склонившиеся над ней Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо (как три ведьмы в «Макбете», пишет Г. Никольсон) подтащили свои кресла к коврику и нагнулись низко-низко над картой. Ллойд Джордж обычно весел, Вильсон молчалив, Клемансо мрачен.

Когда Никольсон в следующий раз входит в кабинет Вильсона, он видит американского президента растянув-

шимся на коврике перед камином, Клемансо на четвереньках позади него. Они внимательно рассматривают карту Малой Азии. Речь идет о передаче мандата на Константинополь и Армению Соединенным Штатам. Молодой дипломат-идеалист ужасается тому, что «Малую Азию делят, как сладкий пирог... Их решения аморальны и непрактичны». Подходит черед Югославии. Президент Вильсон, расстелив карту на ковре в алькове комнаты, склоняется над ней на коленях. «Мы все становимся вокруг него. Похоже, будто мы занялись детской игрой «Каравай мой, каравай». Вильсон объясняет, что было принято на полу по поводу югославской границы. Он излагает дело с исключительной ясностью; к нему возвращается его профессорская манера». Под конец Орландо, стоя на коленях, в патетических выражениях пробует спасти для Италии тоннель Розенбаха. Он говорит, что «неудобно», если тоннель будет начинаться в одной стране, а кончаться в другой. Президент, все еще стоя на коленях: «Мои решения основываются только на желаниях народа. Нельзя сомневаться в его искренности. Хотя в глубине души он должен, однако, помнить, что мы давно уже сползли с этих высот».

Ллойд Джордж и Клемансо давно ждали этого перехода к делу. Именно так зубры империалистической дипломатии хотели решить мировые проблемы: за спинами народов, совмещая взаимные интересы. Особый колорит встрече придавал Клемансо. Недавно раненный, сидящий в коляске, мрачный французский премьер отнюдь не служил иллюстрацией французской галантности. С точки зрения Клемансо, Вильсону лучше было бы оставаться дома. Он нашел (или ему так казалось) общий язык с полковником Хаузом — «хорошим, — по его словам, — американцем, почти столь же хорошим, как француз». И англичане считали полковника Хауза лучшим из дипломатов, которых дала миру до сего времени Америка. Президент Вильсон не был столь мягким джентльменом.

Не придавал обычного блеска встрече встревоженный Ллойд Джордж. Только что на дополнительных выборах его коалиция потеряла два места. Пресса подталкивала его к тому, чему он и сам особенно не сопротивлялся, — заблокироваться с французами. Торговые круги требовали скорейшего заключения мира. Особенно беспокоили Ллойда Джорджа донесения разведки из Германии: недостаток продовольствия и анархия могут «большевизировать» страну.

У британского премьера были и собственные счеты с

президентом. Он боялся, что США встанут на путь ускоренного военно-морского строительства и обесценят британскую мощь на морях. Ллойд Джордж был солидарен с Клемансо в том, что с Германии нужно взыскать крупные репарации. Что будет с уставом, с Лигой наций — это покажет будущее. Сейчас же нужно было решать актуальные проблемы сегодняшнего дня. И так, тактикой Клемансо и Ллойд Джорджа стало «опускать» обсуждение устава всемирной организации и брать быка за рога, обращаясь к конкретным проблемам.

Теперь, когда лидеры трех крупнейших империалистических стран — США, Англии и Франции — решали дела втроем и втайне, никто, даже официальные члены делегаций, не знал, что творится за кулисами, в доме номер одиннадцать на площади Америки. Никогда прежде не было у президента секретов от Хауза, на этом этапе даже верный техасец потерял контакт с творимой тайной.

Несомненно, Вильсон был в сложном положении. Потери демократов на осенних выборах сделали его едва ли не слабым (политически) членом «верховной тройки». Ллойд Джордж и Клемансо знали об оппозиции республиканцев в конгрессе, заставлявшей Вильсона отойти от прежней роли своего рода «пророка» и лавировать. Президент хотел укрепить тыл, чтобы снова обрести уверенность в Европе.

И здесь Вильсон не оставил надежды преодолеть оппозицию его глобальным планам в США. 18 марта 1919 г. он пригласил полковника Хауза и англичанина лорда Р. Сесила обсудить за обедом все возможные варианты пересмотра главного документа Лиги, пункт за пунктом.

Чего добивались сомневающиеся в ценности участия США в Лиге наций сенаторы? Главным образом следующего: недопущения иностранного вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь (американцы еще боялись вторжения Европы в их жизнь); сохранения во всем объеме «доктрины Монро»; права выхода из Лиги наций; уточнения прав владельца мандата на выделенную ему Лигой наций территорию. Как видим, это был тот же империализм, но более осторожный, приверженный господству в Западном полушарии («доктрина Монро») и опасавшийся перенапряжения в попытке глобализировать эту доктрину. Вильсон был готов пойти на некоторые уступки «консервативно» мыслящим сенаторам, но не желал отступить в главном: США стали мировой держа-

вой, поле деятельности американской дипломатии распространяется на весь мир, провинциализм XIX века нужно похоронить.

На заседании Комиссии по Лиге наций 22 марта 1919 г. начались решающие обсуждения. Силой объективных обстоятельств США и Франция оказались на противоположных полюсах. Как уже отмечалось, США видели в Лиге наций инструмент перевода своего экономического могущества в политическую силу на глобальном уровне. Франция хотела использовать крах Германии, чтобы утвердиться крупнейшей военной величиной Европы. Французский представитель Буржуа потребовал создания международного генерального штаба и международной инспекции по вооружениям. Ясно, что французский генеральный штаб, опираясь на победоносную многочисленную армию, рассчитывал доминировать в обеих специализированных военных организациях. Вильсону, разумеется, претило такое возвышение французов в Европе, которому США, при всей их экономической мощи, в реальности мало что могли противопоставить.

В Вильсоне начала закипать кровь. Он видел в действиях французов предпосылку к разделу Германии и обеспечению французской гегемонии на Европейском континенте. Французы уже энергичнейшим образом создавали союзную польскую армию для участия в войне против Советской России, французские военные специалисты направлялись в прежние части Австро-Венгрии и на Балканы. В условиях, когда Советская Россия была в огне гражданской войны и Германия ждала решения своей участи, Париж был близок к реализации своих самых амбициозных планов.

Президент начал запоздалую кампанию по завоеванию общественного мнения Франции. В ближайшее же воскресенье он посетил разрушенные немцами города, а затем в присутствии Клемансо и Ллойд Джорджа постарался наладить мир с генералиссимусом Фошем. И все же он не пошел так далеко, как того хотели французы. Вильсон хотел совсем иной Лиги наций, он не желал делать ее простым прикрытием для активизировавшейся в Европе Франции.

Вильсон оказался как бы между двух огней. Если США решили «твердой ногой» вступить в Лигу, они благодаря своей экономической мощи могли рассчитывать на группу если не сателлитов, то следующих за ними стран — но это только в том случае, если эти страны не боялись

неожиданного выхода США из Лиги. Поэтому президент Вильсон, с одной стороны, гарантировал им постоянное американское покровительство, с другой — под давлением сената все же вынужден был обещать конгрессу внести в устав право выхода из Лиги при условии предварительного (за два года) уведомления. Эта поправка пошатнула престиж и влияние США в Европе и мире в целом, не удовлетворив при этом изоляционистов в конгрессе. Отступление Вильсона было почти трагически воспринято французами. Перспектива ясно выраженной возможности ухода США оставляла Францию один на один с более населенной и развитой индустриально Германией. Новые союзники среди малых стран тоже «содрогнулись», в этом нет сомнения.

К концу марта 1919 года парижская эпопея Вильсона достигла своего апогея. Весь мир видел, как за закрытыми дверями три «гранда» современного империализма расписались в своем бессилии договориться. Среди буржуазии стран-победительниц, желавших дележа плодов победы, непрактичный проект американского идеалиста — Лига наций — стал козлом отпущения в их недовольстве затяжкой решения насущных европейских вопросов. Что толку в Лиге с ее никого не удовлетворяющим уставом, когда на востоке Европы побеждает величайшая социальная революция и когда пример новой России каждую минуту может вызвать мощный революционный подъем в поверженных центральноевропейских странах.

Конфликт американской и французской точек зрения перестал быть секретом для кого бы то ни было. Разумеется, у Вильсона всегда был в запасе свой выход: сесть на паром и оставить весь этот кошмар позади. Но такой капитуляции Вильсону не простит ни история, ни прежде всего правящий класс его страны. К чему были жертвы военного времени? Как он распорядился уникальным историческим шансом? Возможно, французы были бы и не против отплытия несговорчивых янки, хотя они явно хотели иметь их в запасе как членов контрольного механизма, предотвращающего новый бросок Германии в Европе. Да и только ли в Германии было дело? Когда обиженный Вильсон надутно молчал в своем кресле, с европейского Востока поступали потрясающие известия. 24 марта 1919 г. было сформировано Советское правительство Венгрии. Германия бурлила, приближаясь к порогу мощного революционного переворота. Творцы мира в Париже должны были рассматривать свои действия уже в новом

историческом измерении. Новый мир грозил сокрушить старый эксплуататорский со всей его дипломатической машиной. Было о чем задуматься столпам империализма в марте 1919 года.

Весной 1919 года многие архиважные вопросы Парижской конференции стали быстро блекнуть на фоне могучего действия русской революции и создания великого государства. Вождь новой России В. И. Ленин послал через У. Буллита президенту Вильсону предложения о нормализации отношений. Буллит прибыл в Париж 25 марта 1919 г. и немедленно устремился к полковнику Хаузу. Тот, понимая важность происходящего, сразу же позвонил президенту. Однако Вильсон, ссылаясь на головную боль, отказался принять Буллита.

Головная боль президента явилась не только следствием его негативного отношения к новой социальной системе, которую он помогал душить десантами в Мурманске, Архангельске и Владивостоке. Слухи о миссии Буллита уже достигли американских средств массовой информации и еще более стимулировали антисоветскую паранойю в США. Подкомитет сенатской комиссии по юридическим делам начал буквально «охоту за ведьмами». 2 апреля 1919 г. секретарь президента Тьюмалти писал своему боссу: «Предполагаемое признание Ленина вызвало здесь оцепенение». Помощник государственного секретаря Полк отозвался на доклад Буллита (который будет через пятнадцать лет первым послом США в СССР) следующим образом: «Я не думаю, что можно действовать, основываясь на докладе, составленном Буллитом и Стеффенсом после трехдневного пребывания в России».

Антикоммунизм Вильсона был глубок настолько, что он отказался видеть в обращении В. И. Ленина предложение нормализовать отношения между двумя великими державами. Он видел в нем трюк, призванный создать дипломатическое прикрытие подрывной деятельности. Действия лидера крупнейшей империалистической страны трудно определить иначе, как иррациональные. Встретившись наконец с Буллитом, Вильсон оценил письмо В. И. Ленина как «оскорбительное», хотя Буллит дал высокую оценку вождю русской революции. И, напротив, президента радовали временные успехи адмирала Колчака в Сибири, он полностью поддержал тех, кто видел лишь один способ обращения с большевиками — их устранение.

Итак, с 24 марта 1919 г. начинается вторая фаза Парижской мирной конференции. Ее характеризует уход «большой тройки» «в подполье». В жесткой дипломатической схватке решалась судьба Германии. Несомненно, Клемансо и Пуанкаре хотели воспользоваться разгромом Германии и распадом Австро-Венгрии для создания такой ситуации, когда военная мощь Германии была бы парализована союзом Франции с малыми странами Центральной и Восточной Европы. Вильсон же хотел добиться того, чтобы Германия и Франция уравнивали друг друга и обе, как и все малые страны Европы, зависели в Лиге наций от США.

В отличие от обескровленной Франции, Соединенные Штаты не интересовали германские репарации. Отказ от репараций был, разумеется, шагом, вызывавшим благодарность германской стороны. Но Вильсон пошел еще дальше. На заседаниях «совета трех», где помимо Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо присутствовал лишь официальный переводчик П. Манту, президент США заявил, что не следует ориентировать экономических партнеров на определение такой общей суммы репараций, которая, мол, возмутит Германию политически и погубит экономически.

Поскольку и Клемансо, и Ллойд Джордж стремились ослабить Германию на максимально долгий период и поскольку они обещали своим избирателям, что «немцы заплатят», президент встретил в их лице резкую оппозицию. Справедливо ли, спрашивал Ллойд Джордж, чинить разрушенную крышу дома во Франции за счет семьи, потерявшей кормильца? Постепенно Вильсон отступал под напором двух своих партнеров. Дебаты были столь накаленными, что на одном из заседаний Клемансо назвал Вильсона «прогерманцем» и вышел. Пытаясь найти компромисс, Вильсон предложил трем экспертам-экономистам определить общую сумму репараций.

Не меньшие споры вызвал вопрос о границах Германии. Клемансо предложил, чтобы области Германии, лежащие к западу от Рейна, были объявлены Лигой наций отдельным германским государством и чтобы контроль над этим государством с населением в 5 млн. человек поручили Франции. Вильсон напомнил о несовместимости передачи 5 млн. немцев с «14 пунктами». Попытки

Франции создать коалицию антигерманских государств противоречат духу и букве устава Лиги наций, запрещающего создавать военные коалиции внутри Лиги. Клемансо потребовал записать в устав гарантии от германской агрессии. Вильсон ответил, что такая конкретизация устава невозможна.

Перед Вильсоном стояла дилемма: отстаивать свои позиции до конца (рискуя разрывом с Клемансо и провалом конференции) или пойти на уступки. Французы стояли на своем отчаянно, для них это был вопрос национальной безопасности, поставленной под угрозу германской армией дважды за полстолетия. 28 марта 1919 г. Клемансо потребовал включения в территорию Франции Саара согласно границам 1814 года. Клемансо говорил: «Если в период поражения Франции в 1814 году антифранцузская коалиция оставила Саар Франции, то почему победоносная Франция 1919 года должна от него отказываться?» Обороняясь, Вильсон напомнил, что французы ничего не говорили о Сааре во время переговоров о перемирии. Максимум, в чем он согласен уступить, — это временная эксплуатация угольных шахт Саара французами. Аннексия будет ошибкой. На это Клемансо ответил, что эксплуатация необходимых французам угольных шахт в управляемом немцами Сааре даст повод к бесконечным конфликтам.

В первых числах апреля нервная энергия Вильсона начала иссякать. Он говорит о сознательной затяжке времени «проклятыми» французами. Президент еще больше сближается с Н. Бейкером, своим военным министром, который никогда не был прежде его особым поклонником, а теперь в определенной мере «заменял» полковника Хауза. Бейкер менее осторожен, чем Хауз, он советует президенту пригрозить своим партнерам по «большой тройке» выходом из игры, отбытием в США и обращением к американскому народу с объяснением мотива ухода с переговоров американской делегации. Президент отвечал, что он пока не готов взять на себя ответственность за срыв мирной конференции. Но проходит еще несколько дней, и Вильсон начинает говорить о возможности ухода с конференции.

Коллеги и партнеры, а в особенности Ллойд Джордж, наблюдали за эмоциональным коллапсом президента. Они видели, что Вильсон сам довел себя до стрессового состояния, пытаясь «переговорить», переубедить тех, кто верил лишь в силу объективных обстоятельств. А объек-

тивные обстоятельства, создаваемые новой, могущественной Америкой, были все же недостаточны, чтобы в решающей степени повлиять на противостоящих партнеров.

Физическое напряжение стало сказываться на внешности Вильсона: он осунулся, стал заметен тик лицевых мускулов. Партнеры забеспокоились — не из христианского сострадания, а потому, что спешили добиться максимально благоприятных для себя результатов. Уже 23 марта Клемансо через посредников передал полковнику Хаузу свои предположения, что напряжение конференции отрицательно сказывается на состоянии здоровья президента: «Он кажется совершенно опустошенным». В начале апреля наступила своеобразная кульминация. Спор вновь возник из-за требуемых от Германии репараций, и надломленный Вильсон оказался в постели под надзором своего врача Грейсона.

Но даже в постели Вильсона мучали прежде всего не боли. Перед ним стояла «неразрешимая» проблема: если он порвет с Клемансо и Ллойд Джорджем, то выигравшей стороной будет только Германия. Это также будет означать почти непоправимый удар по Лиге наций, в какой форме он ее задумал. Даже теряя силы, Вильсон не передоверил никому ведение дел. Европейские оппоненты сидели в соседней комнате, а место президента занимал Хауз, постоянно входящий к своему шефу с сообщениями о том или ином предложении партнеров. Между собой Вильсон и Хауз решили, что в отношении Саара нужно найти взаимоприемлемый выход. Хауз напомнил президенту слова Гладстона: «Не следует страдать из-за разочарований, нужно знать, что в политике идеалы не реализуются никогда». Хауз снова продемонстрировал свою энергию. Его знаменем стал компромисс в условиях «тихой» дипломатии. Он сумел убедить Вильсона, что смягченный вариант репарационных требований Клемансо приемлем как основа для окончательных решений.

Болезнь сильно изменила Вильсона. Созвав у своей постели членов американской делегации 6 апреля 1919 г., он объявил: «Джентльмены, это не заседание комиссии по заключению мира. Теперь это больше похоже на военный совет». У присутствующих сложилось впечатление, что их лидер на грани срыва, что еще одна доза такого опыта — и он покинет конференцию. Капитан «Джорджа Вашингтона» получил приказ подготовить судно.

Но существовали серьезные сдерживающие мотивы. Из Вашингтона поступали суждения, что внезапный уход

с мирной конференции может ослабить внутривластные позиции президента, сделав его виновником неудачи предприятия, в которое он втянул США. Французская пресса уже изображала Вильсона испорченным ребенком, убегающим к подолу матери. Хладнокровных европейских политиков вовсе не взволновала угроза отплытия американцев домой. Прощай, Америка! И прощайте американские планы наладить свой порядок, установить свои контрольные механизмы в Европе.

Основные пункты противоречий: репарации, раздел Германии, толкование устава Лиги наций. В вопросе о репарациях Вильсон сделал несколько шагов навстречу партнерам, передоверив окончательное суждение экспертам. В вопросе о Сааре он готов был отдать французам шахты, но не политический контроль над областью. Затем согласился с предложением экспертов отдать Саар на пятнадцать лет под юрисдикцию Лиги наций, а позже решить судьбу области путем плебисцита. Наконец, принял 14 апреля предложения Клемансо о демилитаризации Рейнской области. (Клемансо согласился на этот вариант, только получив гарантии американо-английской помощи в поддержании нейтрального статуса Рейнской области.)

Но если на французском фронте обозначилось некоторое движение, то на английском ситуация дошла до очередного кризиса. Окольным путем, через США, до Вильсона дошли слова Ллойд Джорджа, что он «не пошевелит пальцем в пользу Лиги наций», если Соединенные Штаты будут продолжать строить военные корабли. Вильсон попросил от англичан письменного изложения их позиции в этом вопросе. Желая сохранить Лигу наций, он в ответе пообещал не стремиться к военно-морскому превосходству над Британией.

Как это ни странно, но спор с Англией по поводу строительства флота был разрешен обращением к «доктрине Монро». Помощь невольно оказала республиканская оппозиция. Экс-президент Тафт 28 марта 1919 г. предупредил президента, что, думая о журавле в небе, следует прежде всего иметь синицу в руке. Следует гарантировать преобладание США в Латинской Америке. «Резервация «доктрины Монро» единственная могла бы позволить провести договор (о Лиге наций. — А. У.) через сенат». Это был серьезный совет серьезного человека. Этим советом Вильсон не мог манкировать. Он сел за машинку и напечатал следующее добавление к статье X: «Ничто в данном уставе не должно быть истолковано как отрица-

ние „доктрины Монро”. Такое добавление снимало некоторые страхи у американских империалистов, обеспокоенных тем, чтобы, забираясь в дальние дали, не потерять имеющегося на заднем дворе. Но укрепляло ли это собственный план Вильсона — растворить прежде поделенный европейскими метрополиями мир в Лиге наций, сделать США не просто участником, а своего рода гарантом всех мировых империй, высшей силой? Требуя же от европейцев уважения такого особого регионального права для США, как осуществление «доктрины Монро», США лишались моральной, логической силы требовать от европейских держав отказаться от их особых союзов и группировок. Под идею Лиги наций была подведена мина.

Очевидцы утверждают, что речь Вильсона поздним вечером 10 апреля 1919 г. в пользу «доктрины Монро» была самым ярким его выступлением на конференции. Все перья остановились, зал долго молчал. Позже Вильсон признал, что эту его речь трудно назвать экспромтом: «В течение двадцати лет я преподавал американскую историю, и не проходило месяца, чтобы я не обращался к „доктрине Монро”».

Хитроумные англичане предложили некоторые стилистические поправки, но в целом приняли положение о «доктрине Монро». Да и как им было не принять его, если, давая США то, чем они и без того владели, эта поправка развязывала руки англичанам. Однако против включения в устав поправки о «доктрине Монро» выступили французы. Американская дипломатическая разведка доложила Хаузу, что французы не имеют ничего против «доктрины Монро», но хотят продать свое согласие подороже. И когда французы выдвинули свои возражения, Хауз предложил им «отправиться к черту на глубину семь тысяч футов». Французы сняли свои возражения, но дали понять, что их уступчивость в данном вопросе должна еще быть оплачена.

28 апреля 1919 г. комиссия приняла проект устава Лиги наций. Вильсон зачитал внесенные поправки. Они ослабляли первоначальный вариант, но он надеялся в ходе работы Лиги «поправить дело». Он верил, что XX век будет американским.

В сражении за устав наступила пауза. В Париже государственные деятели его приняли, в Вашингтоне противники курса Вильсона его внимательно изучали.

Но работа конференции отнюдь не была завершена. Устав — американское изобретение, именно американцы

постарались сделать его первым пунктом повестки дня. Но империалистических победителей в первой мировой войне прежде всего интересовала добыча. Именно сюда переместился центр дипломатической борьбы.

Комиссия по репарациям назвала сумму, которую побежденные должны заплатить наличными, товарами и финансовыми обязательствами до 1 мая 1921 г.

Какова была позиция США в этом финансовом натиске на Германию? Соединенные Штаты постарались защитить некоторые позиции немцев. Уже 2 апреля Вильсон выступил с весьма благосклонными в отношении немцев положениями. Он выступил против наказания кайзера Вильгельма II. Своим посуровевшим европейским коллегам он объявил, что вина за войну — коллективная. «Пусть Германию судит история, а я не хочу делать ничего такого, что выходит за пределы наших прав». Даже собственный госсекретарь сказал Вильсону, что среди американского населения сильно желание видеть кайзера наказанным. На что Вильсон ответил, что его не беспокоит то, о чем думают массы, у него есть собственное представление о справедливости.

Но к «истории» обратился не только американский президент. В один голос и Клемансо, и Ллойд Джордж заявили, что история не простит им оставленных без наказания преступлений. Они напомнили Вильсону перлы его красноречия о виновниках подводной войны и многое другое. Завязался очередной спор «колоссов» буржуазной дипломатии. Вильсон призвал не позволять эмоциям влиять на разум. В этом месте взорвался сидевший, как обычно, с полуприкрытыми глазами Клемансо: «Ничто в мире не делается без эмоций. Не эмоции ли двигали Иисусом Христом в тот день, когда он изгнал торговцев из храма?» Речь Ллойда Джорджа была менее эмоциональной: «Если мы желаем иметь Лигу наций для будущего и придать ей силу, мы должны с самого начала показать, что она способна наказать преступление».

В середине апреля на первый план империалистического передела мира вышли претензии Италии. Столкнулись две линии. С одной стороны, согласно секретному Лондонскому договору 1915 года, Англия и Франция обещали Италии права на значительные приращения территорий, причем тех, где жило много неитальянцев. Этот договор не называл конкретно порта Фиуме, но по его духу можно было предположить и это обещание. С другой стороны, США в «14 пунктах» обещали Югославии свободный и

гарантированный выход к Адриатическому морю. США соглашались отдать Италии Трентино — это была плата за согласие Италии на устав Лиги. Что же касается Фиуме, то Вильсон предложил сделать этот город независимым, свободным, не связанным таможенными узами с соседями.

И снова Ллойд Джордж и Клемансо предпочли уступить Вильсону за счет второстепенного для себя вопроса. 23 апреля 1919 г. они присоединились к Вильсону, отрицая за Италией право на Фиуме. Но, чтобы подсластить пилюлю, они пообещали итальянцам далматинское побережье и острова Адриатического моря. Здесь Вильсон встал на дыбы. Он объяснил свое особое снисхождение к югославам: он боялся, что те, получив отпор «большой тройки» и итальянцев, обратятся к России, а это может вызвать создание колоссального блока славянских народов и изменить судьбы мира. И чтобы предотвратить эту страшную «цепную реакцию», Вильсон предложил умерить аппетиты итальянцев. Ради этого он нарушил принцип конфиденциальности. Вечером 23 апреля Вильсон появился перед прессой и выдвинул аргументы в пользу югославских прав на Фиуме. До сих пор мир мог только предполагать, что творится за закрытыми дверями на встречах «тройки». Вильсон вызвал настоящую бурю, вынося один из наиболее острых вопросов на суд общественности. Многие иллюзии увяли. Миротворцы, как оказалось, не думали о высших принципах, а отчаянно делили добычу.

Вслед за итальянским кризисом на Вильсона обрушился японский. Делегация во главе с Ч. Макино посетила 21 апреля резиденцию Вильсона и потребовала выполнения секретного договора Японии с Англией и Францией о передаче ей тихоокеанских островов и китайской провинции Шаньдун. Мировая война сделала Японию крупнейшей политической величиной Восточной Азии, и американскому президенту было об этом заявлено без обычной японской учтивости. Вильсон, несомненно, надеялся, что европейцы мирятся с возросшим влиянием Японии в Китае (и в Азии в целом) только в силу своей занятости на полях мировой войны. После войны, полагал Вильсон, Япония будет поставлена в определенные рамки, если не на прежнее место. Не без удовлетворения выступал Вильсон вместе с англичанами против пункта о равенстве рас в уставе Лиги наций. Тем большим было внутреннее возмущение президента, когда он встретил яростное самоутверждение японцев, потребовавших санкционирования статус-кво 1918 года на Дальнем Востоке.

Придерживаться принципа или считаться с реалиями? Сначала Вильсон опробовал первый подход. В присутствии китайских делегатов он призвал японцев соблюдать прежние договоры и придерживаться принципа «открытых дверей» в Китае. Боящимся японцев китайцам он пообещал потребовать от Японии передачи Шаньдунского полуострова под международный контроль. Многие среди американцев стояли за жесткий подход к японцам. Лансинг считал, что японцы блефуют и не покинут Париж. Генерал Блисс настаивал на жесткой линии, говоря, что попустительством Японии «мы сеем зубы дракона».

Вильсон ошибался, рассчитывая в нажиме на Японию получить помощь западноевропейцев, потесненных из Китая. Когда 25 апреля он предложил всем странам отказаться от прав экстерриториальности в Китае, Англия энергично выступила против. Она намеревалась восстановить свое влияние в Южном Китае, действуя не против Японии, а солидарно с ней. Именно этот эпизод имел в виду Вильсон, когда позже говорил домашним, что иногда государственные деятели ведут себя хуже бандитов.

Своего рода «революция» в мировоззрении Вильсона, а точнее — поворот его стратегического курса произошел в конце апреля. Президент стоял перед дилеммой: быстро решить дело в пользу Японии или выступить против Японии и отправиться домой. Но что он оставит позади себя? Президент позволил себе выговориться перед Бейкером. Тогда, 28 апреля 1919 г., американский президент оценивал ситуацию следующим образом: если США покинут конференцию, то это может привести к союзу России, Германии, Италии и Японии, который сразу же превратит в прах комьпенский триумф западных союзников. В мире произойдет новое перераспределение сил. Евразийский континент окажется в руках враждебных Америке сил. Стоило ли из-за китайского Шаньдуна играть с мировой трагедией? Стоило ли из-за едва ощутимых потерь в Северном Китае подвергать себя риску нового мирового конфликта?

Сомнения такого рода подвели Вильсона к удобному для Японии компромиссу — японцы пообещали вести себя в Шаньдуне цивилизованно. Педагог мог чувствовать удовлетворение. А политик? Устные обещания японцев значили столь же мало, сколь и прежде даваемые письменные. Но американский президент полагал, что он предотвращает создание колоссальной, потенциально антиамериканской коалиции. На самом же деле он от глобального

замысла начал спускаться к мелким компромиссам. Так «исключительная роль США» начала обрастать всеми признаками обычного дипломатического торга. В определенном смысле это было фиаско глобального замысла Вильсона, стратегии воздействовать на весь мир в целом, базируясь на половине промышленного производства мира и действуя через каналы Лиги наций.

Этому своеобразному «сползанию» Вильсона в общий лагерь способствовала единая в своей основе ненависть всех империалистических политиков к Советской России. Именно в эти дни Вильсон направляет посла Морриса из Японии в Омск, чтобы оценить, насколько силен колчаковский фронт антисоветизма. И именно в эти дни Вильсон дает понять, что помимо частного интереса у американского империализма есть и общие с западноевропейским империализмом задачи, центральной среди которых является охранительная социальная функция.

В середине апреля, когда конституция Лиги наций — устав был выработан, наступило время подступить к главному вопросу — о мире с Германией. По поручению четырех ведущих стран президенту Вильсону было предложено подготовить официальное открытое приглашение Германии прислать своих делегатов в Версаль для подписания мирного договора.

Условия мира с Германией выработала «большая империалистическая тройка». На секретном совещании во французском министерстве иностранных дел 6 мая 1919 г. проект договора с Германией был зачитан малым партнерам. Решение зачитать текст было принято после ремарки Клемансо: «Немцы все равно опубликуют текст». Широкая же публика не знала этого текста — триумф «закрытой» дипломатии.

На следующий день Вильсон отправился в Версаль — здесь победителей ожидала германская делегация примерно из 200 человек, возглавляемая министром иностранных дел Веймарской республики графом Брокдорфом-Ранцау. Первая встреча имела театральный эффект. Во главе стола сидел премьер-министр Клемансо, по правую от него руку — президент Вильсон, по левую — премьер-министр Ллойд Джордж. В три часа дня было объявлено о входе германской делегации. «Тигр» Клемансо дал немецкой стороне право на письменный ответ в течение пятнадцати дней. Брокдорф-Ранцау постарался испортить союзникам праздник. Он не удосужился встать и, в отличие от Клемансо, сидя ответил победоносным союзникам. Слова

Брокдорфа-Ранцау соответствовали его манерам: «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Такое признание в моих устах было бы ложью». Ллойд Джордж играл ножом из слоновой кости для разрезания бумаг. Клемансо барабанил пальцами по столу. Вильсон был возмущен не менее. Выходя из зала, он сказал: «Отвратительные манеры!.. Немцы действительно глупый народ. Они всегда делают не то, что надо. Они всегда делали ошибки во время войны — почему я и нахожусь здесь. Они не понимают человеческой природы».

Но внутренне Вильсон был не больше удовлетворен проектом договора с Германией, чем Брокдорф-Ранцау. Его подлинные слова: «Если бы я был немцем, я бы никогда не подписал этого договора».

Трудно представить себе сейчас, насколько отделяли тогда в Берлине Вильсона от Клемансо и Ллойда Джорджа, но протест против союзных условий мира был обращен прежде всего к американскому президенту. Канцлер Шейдеман обрисовал ситуацию так: «Президент Вильсон является лицемером, а Версальский договор представляет собой самое злостное преступление в истории». Очевидно, что веймарские деятели, помимо прочего, хотели нажать политический капитал за счет простой формы использования патриотизма — протеста против суровых условий мира. В тот момент они не смогли разобраться в оттенках американско-франко-английского конгломерата отношений, в противном случае они, видимо, должны были играть не против, а за Вильсона. Вильсон от лица «тройки» писал «ответ на ответ»: «Совет не может опуститься до дискуссий о своем праве настаивать на условиях представленного текста мирного договора. Он может рассматривать лишь практические предложения полномочных германских представителей».

Публикация текста навязываемого немцам Версальского мира показала подлинный империалистический характер дипломатии великих западных держав.

Немецкий ответ от 29 мая 1919 г. на подписанную Вильсоном ноту западных держав вызвал панику даже у претерпевших все. Даже Ллойд Джордж всерьез теперь опасался, что Германия возобновит военные действия. В Вашингтоне и в Лондоне, как и в штаб-квартирах американцев и англичан в Париже, стали задаваться вопросом, не перегнули ли союзники палку в своем обращении с Германией. Лишь Клемансо упорно полагал, что суровость условий мира недостаточна, и 2 июня заявил своим амери-

канскому и английскому коллегам, что любая уступка Германии вызовет падение его кабинета и приход к власти еще более жесткой в отношении Германии политической коалиции. Вильсон в эти дни всерьез думал о возможности новой мировой войны. «Я никогда не видел его (Вильсона. — А. У.) более воинственным», — пишет в эти дни Лансинг. Вильсон говорит об измене окружающих. На европейской арене бессильный гнев президента вызывало то, что «новорожденные» государства вели себя не так, как он предполагал. Они не искали высокого американского покровительства, а вооружались, ссорились друг с другом, намечали военные союзы и если смотрели на Запад, то скорее на Францию, чью поддержку они могли купить проявлениями антигерманизма.

Одной из особенностей внешней политики этих малых стран было их отношение к Австрии. Собравшись на секретном совещании 3 мая 1919 г., малые страны резко выступили против проекта (подготовленного «тройкой») договора с Австрией как излишне мягкого. Опасаясь очередной организационной и словесной трясины, президент Вильсон сказал слова, которые прежде он старался камуфлировать. Речь шла о роли великих и малых стран: «Главное бремя войны пало на великие державы, и поэтому в конечном счете именно военная и военно-морская мощь великих держав будет конечной гарантией мира в мире». Такое кредо отличалось от словесного идеализма прежних дней.

Более того. Теряя надежду на устойчивое равновесие в Европе, Вильсон начинает подумывать о возможностях союза всех англоязычных народов. Беседуя с английскими политическими деятелями, выросшими в условиях близкой ему политической культуры, Вильсон заговорил о необходимости американско-английского руководства Лигой наций.

2 июня 1919 г. проект мирного договора получила австрийская делегация, и ей тоже был дан пятнадцатидневный срок для ответа. Реакция Австрии была похожа на реакцию Германии.

И этот мир, его условия подчеркнули империалистический характер дипломатической кухни в Париже. В июне, видя свет лишь со стороны Советской России, тысяча французских пролетариев вышла на улицы с красными флагами, что заставило французское верховное командование привести войска в состояние боевой готовности. А 13 июня Ллойд Джордж пообещал присовокупить к французским военным приготовлениям британскую морскую блокаду.

Социальная обстановка во Франции и во всей Европе была такова, что общим императивом все более становилось стремление поскорее подписать мир с Германией и обратиться к социальным проблемам, приобретающим исключительную остроту. Гиганты мира империализма ощутили опасность и стали более склонными к компромиссам. По самому острому вопросу — об оккупации Рейнской области — в июне с Германией были подписаны два соглашения. Американская сторона сняла возражения против плебисцита в Верхней Силезии. Вильсон вписал в договор строчку о том, что в близком будущем возможным станет прием Германии в Лигу наций.

Что делать, если Германия и сейчас не подпишет мира? Ллойд Джордж выступал за полную блокаду Германии, а Вильсон — за военную оккупацию. На что Ллойд Джордж отвечал, что это отражает желание американцев продавать излишки своей пшеницы. 16 июня Клемансо изложил «последнее слово» союзников Германии, отведя на ответ лишь семь дней. Все участники «большой тройки» совещались со своими военными советниками. Главным вопросом было: что делать, если немцы ответят отказом, как сформировать такое немецкое правительство, которое подпишет союзные условия? Германский кабинет пал, и лидеры политических партий новорожденной Веймарской республики попросили отсрочки с ответом. Было видно, что Германия агонизирует. Немцы сожгли трофейные боевые знамена французов и, что было более серьезно, потопили свои военные корабли. Это совершенно вывело из себя Клемансо, рассчитывавшего на значительную часть германской эскадры. Перед лицом этих обстоятельств, этих проявлений германской непримиримости союзники 23 июня 1919 г. отказались продлить срок подписания мирного договора. Их заседание было прервано неожиданным известием о том, что Германия подчинится преобладающей силе и подпишет договор без каких-либо новых условий.

Утром 27 июня в Версаль прибыли два германских представителя, уполномоченных подписать договор. Несомненно, это сняло напряженность. В течение часа Вильсон, наконец-то оживившийся, беседовал с представителями прессы. Мало сомнений в том, что президент в значительной мере делал хорошую мину при плохой игре, говоря журналистам, что условия мира оказались ближе к его замыслам и принципам, чем он «имел право ожидать». Германия действительно получила суровый мир, но увеличивал ли он американское влияние в Европе? Не был

ли этот мир миром скорее Клемансо, чем Вильсона? Впрочем, и с формальной стороны далеко не все было в порядке. Оставленные один на один с Японией, китайцы отказались от подписания кабального для них мира и удалились в буквальном смысле в слезах.

На следующий день чета Вильсонов посетила президента Пуанкаре, и два люто ненавидевших друг друга политика церемонно восславили друг друга. С орхидеей в петлице президент Вильсон прибыл на заключительную церемонию в Версаль. В Зеркальном зале Трианона, где была в 1871 году провозглашена империя Гогенцоллернов, теперь была провозглашена ее смерть. Вильсон вошел в зал последним, когда за столом, возглавляемым Клемансо, уже разместился Ллойд Джордж. «Тройка» повела процессию. По знаку Клемансо взмахнули клинками гвардейцы у дверей и прозвучала команда: «Введите немцев!» На этот раз «большая тройка» не поднялась навстречу двум фигурам в черном, которые были подведены к столу с текстом договора.

Вслед за немцами поставил свою подпись президент Вильсон. Это была значительная минута. Еще пять лет назад Соединенные Штаты стояли в стороне от блестящих европейских канцелярий и без них решались судьбы мира. Теперь же улыбающийся президент США скрепил своей печатью документ, фиксирующий полноправное представительство США в дипломатии великих империалистических держав. Разумеется, еще больше изменился сам мир, в котором раньше правила Европа. Упиваясь своим всемогуществом, победители Германии не подозревали, что через двадцать лет их ждет еще одна мировая схватка.

А пока же вокруг гремел салют, и фонтаны Версаля работали впервые с начала мировой войны. Вильсон выиграл мини-войну с коллегами, настаивая на том, чтобы стенограммы их заседаний не подлежали ни публикации, ни даже цитированию. Отстаивая правила тайной дипломатии, американский президент убеждал коллег, что в пылу ссор они наговорили много такого, чего не следовало знать массам.

На платформе вокзала Клемансо, нарушая свой режим дня, провожал Вильсона: «У меня такое ощущение, словно я теряю одного из своих друзей». На самом деле расставались носители двух схем послевоенного устройства Европы. Франция стремилась к гегемонии в Европе, США посредством Лиги наций — к преобладанию в мире в целом. Но вожди были любезны. Да и не знали они, что и те и другие стратегические планы окажутся погребенными неу-

молимым ходом истории. Мир жил уже в другом измерении.

Символом соприкосновения двух эпох была демонстрация рабочих на виду у направляющегося к «Джорджу Вашингтону» президента. Но вот все позади: эскорт военных кораблей окружил лайнер, взявший курс на Нью-Йорк. Наступили спокойные дни, когда можно было обдумать прошедший дипломатический ураган. Главные надежды Вильсон возлагал на создаваемый им первый в истории международный механизм глобального диапазона — Лигу наций. Она сумеет создать арену, на которой экономическая мощь США проявит себя в полной мере. По существу, Вильсон предлагал создать некое буржуазное «сообщество» с Лигой наций в качестве парламента. Но он при этом неуклонно стремился сохранить те преимущества, которыми владела американская экономика. Отметим, что экономическими советниками президента Вильсона всегда были крупные бизнесмены, а не какие-нибудь говоруны-реформаторы. Сам же Вильсон отличался органическим отвращением к миру цифр, статистики и графиков. И с самого начала работы мирной конференции президент постарался сделать так, чтобы экономические проблемы обсуждались в особом комитете, работающем, так сказать, в стороне от главных обсуждений. «Большая тройка» говорила о цифрах лишь в связи с германскими репарациями.

И когда речь зашла о степени слияния американской экономики с европейской, что могло бы (гипотетически) породить тесные узы, президент Вильсон оказался не на высоте своего глобального замысла. В послании новоизбранному конгрессу от 19 мая 1919 г. Вильсон вопреки логике создания любимого детища — Лиги наций — говорит не о сближении экономик главных центров капиталистического мира, а, напротив, о создании высокой тарифной стены вокруг американской экономики. Он говорит о необходимости защитить американскую индустрию для сохранения военно-оборонительной системы США. Именно это должно было позволить Америке «принять меры возмездия», если какая-либо держава обнаружит стремление к дискриминации американских интересов. Это крайне важное противоречие. Вильсон-политик хотел интегрированного мира, где самая крупная единица была бы впереди по закону больших чисел. Вильсон-экономист отражал заскорузлые интересы самой «некосмополитической» американской буржуазии, которая, несмотря на все свое могущество, боялась пускаться в не ограниченное

тарифами мировое плавание. Рисуем сказать, что это противоречие убило бы планы Вильсона, связанные с Лигой наций, даже если бы еще раньше против них не выступил сенат.

Было очевидно, что в своей основе американская буржуазия вовсе не намерена была сливать свои рынки и ресурсы с европейскими в той же мере, в какой неприемлемыми были планы военной интеграции. Напротив, все более работал эгоистический мотив — не снижать темпов роста торговли, привыкшей к максимально благоприятным условиям военного времени. Вильсон говорил, что США должны стать банкиром мира, но, тормозя интеграционную тенденцию, он объективно затруднял и финансовые операции американских банков в различных регионах мира. Получается, что Вильсон верил в американское экономическое могущество, верил в «естественную» силу торговли США и боялся открытой схватки на освобожденной от тарифов арене.

Плывя на «Джордже Вашингтоне» последний раз, президент заперся в своей каюте. Лишь по настоянию супруги он делал то, что ненавидел, — ежедневно прогуливался по палубе. Президента занимал вопрос о поддержке мировой вовлеченности США на внутриамериканской арене. В Париже в свете прожекторов он демонстрировал полную убежденность в поддержке сената. Был ли он внутренне убежден в этом? Занимаясь в Париже высшим политическим блефом, Вильсон привязал к судьбе Лиги наций свою собственную политическую судьбу.

Личный врач доктор Грейсон просил капитана не спешить: его пациенту нужен отдых. А пациент уже работал над своей речью, представляющей мирный договор конгрессу. Спектр мнений советников был широк — от рекомендаций агрессивно защищать дипломатическую сделку в конгрессе до советов через головы законодателей обратиться к избирателям. Окончательный выбор был оставлен до Овального кабинета.

В сопровождении могучих линкоров «Джордж Вашингтон» вошел в гавань крупнейшего американского города. Матросы в белом выстроились на верхней палубе. Над гигантским человеческим муравейником Нью-Йорка летали самолеты и разносились звуки салюта. На набережной стояли члены кабинета и губернатор штата. Путь от Двад-

цать третьей стрит до Пятой авеню был заполнен толпами ньюйоркцев. Президент отвечал на приветствия, стоя в автомобиле, но по прибытии в «Уоллдорф-Асторию» тотчас же заперся в своем номере. В своей ипохондрии он уже не верил салютам — у него уже был европейский опыт. «Подожди, увидишь, как они от нас отвернутся», — сказал он ликующей дочери.

Напряжение не покидало Вильсона на всем пути в Вашингтон, на ступеньках, когда он поднимался к трибуне сената. Это сковало обычный артистизм его выступлений. Главная мысль речи перед сенатом — это то, что от создания Лиги наций зависит существование современной цивилизации. Президент говорил, что речь идет не о выборе, а о необходимости. Пророк обращался к тем, кто еще не вышел к мировым горизонтам: «Америка именно сейчас достигла первенства как мировая держава». И, отложив текст на этой фразе, оратор обратился к аудитории, глядя в лица: «Сцена установлена, наша судьба определена... Мы не можем повернуть назад. Мы можем идти лишь вперед, открыв глаза и укрепив дух. Мы должны следовать предназначению. Именно об этом мы мечтали с самого рождения нации. Америка должна воистину показать путь. Свет устремлен на путь вперед и никуда более». Никогда еще ни один американский лидер не ставил так вопроса. Америка должна через посредство мировой организации возглавить мир. И он надеялся на свой класс, на смелость элиты, воодушевленной идеей повести за собой мировое сообщество.

Но по плечам ли США эта задача? Именно по этому вопросу мнения правящей Америки разделились — и это составило трагедию Вильсона как человека и политика. Для нас же важно отметить, что переход к глобализму в США был нелегко, велики были опасения потеряться в этой империалистической борьбе, стать не решающей силой, а объектом чужого давления, в первую очередь Британской империи. Если Ллойд Джордж поддерживает идею Лиги, не показатель ли это его замыслов вернуть Америку в русло имперского руководства? Если японцы за Лигу, не намереваются ли они с ее помощью заселить Калифорнию? Если Лига возьмет на себя тарифы, то не разорят ли американских бизнесменов более дешевые товары внешнего мира? Не будет ли Лига (сомневались пацифисты) прямым путем к участию США в новых и нескончаемых войнах? Правящий класс США еще не выработал планетарного мышления. Особенно это касалось тех,

кто хотел переименовать комитеты «Америка прежде всего» в Лигу по сохранению американской независимости.

Стратеги республиканской партии думали о выборах 1920 года. Разрозненные отряды республиканцев нужно было сплотить общей идеей, и такой идеей стало видеться отрицание Лиги наций.

История о том, как сработала внутрипартийная машина, как и на чем получили республиканцы политический капитал, — другая история. Нам важно в данном случае главное: значительная часть правящего класса США оказалась неготовой к инициативе президента Вильсона глобализировать внешнюю политику страны. Первая попытка перехода к «Рах Americana» встречала все большее сопротивление.

Возможно, что одна из наиболее продуманных и взвешенных аргументаций против глобализации внешней политики США содержалась в речи, которую произнес сенатор Лодж 12 августа 1919 г. в сенате. Он указал на неудачи таких попыток «построить международный порядок». Одно за другим подвергал он критике положения предлагаемого Вильсоном статуса Лиги наций. Неизбежно было и цитирование прощального послания Вашингтона, в котором первый президент предостерегал против вмешательства в европейские дела. Лодж призывал укреплять США, а не распылять силы в безответственных акциях по всему мировому фронту. Умелый оратор, он вызвал овацию зала. В Белом доме Вильсон отреагировал так: «Если бы я сказал все, что думаю об этих ребятах в конгрессе, то потребовалась бы плита асбеста в два дюйма толщиной, чтобы сдержать все сказанное». Больше всего волновало Вильсона то обстоятельство, что внутреннее несогласие ослабляло внешнеполитические позиции США. Как смогут США руководить Лигой, если внутренний раздор делает страну колеблющимся членом ассоциации?

Особенности дипломатии Вильсона, не сумевшего сконцентрировать подвластные ему политические силы, привели к тому, что личностный элемент политики вышел вперед. Личность Вильсона как протагониста Лиги наций стала объектом атак, не все из которых были поверхностными. Напомним, что противники-республиканцы преобладали в обеих палатах и республиканская пресса была традиционно очень сильна. И, видимо, прав был полковник Хауз, считавший, что Вильсону с трудом удаются политические маневры там, где он воюет на равных. Но в политике все

временно, и рассчитывать на постоянное преобладание было нереалистично.

Сообщения из-за рубежа не укрепляли вильсоновской линии в американской внешней политике. Новые государства Центральной Европы отчаянно сражались друг с другом из-за границ и экономических выгод. Могли ли США контролировать подобный процесс? И если да, то какими силами? Воистину международная хроника не подтверждала тезис об эффективности американского ответа на каждый мировой вопрос.

Из Лондона полковник Хауз сообщал, что откладывание ратификации мирного договора препятствует закреплению американских позиций в Лиге: не имея согласия конгресса, американские дипломаты не могут занять свои места во влиятельных комиссиях. Полковник спрашивал, не поможет ли делу подталкивание других стран — Англии, Франции, Италии — к ратификации договора. 21 августа Вильсон ответил, что ратификация договора союзниками желательна, каким же будет итог внутривашингтонской борьбы, он не берется предсказать. Вильсон полагал, что Совет Лиги наций следует создать после одобрения договора по меньшей мере четырьмя великими державами и большинством малых стран. Иначе какая же это мировая организация?

Президент Вильсон все больше начинает испытывать страх по поводу того, что, если Лига наций будет создана без США, она будет во многом направлена против США. Более энергичные и предприимчивые англичане и французы найдут способ, как обратить к своей пользе его идею. Страхи и опасения породили замысел «идти в народ» и через головы колеблющихся сенаторов призвать американцев к руководству миром.

Робкие протесты против такого хода были заглушены. Разумеется, для трезвых глаз Тьюмалти это была попытка «умереть с лицом, обращенным к врагам»: секретарь знал о состоянии здоровья Вильсона и его исчерпанных ресурсах. Впрочем, и сам Вильсон был недалек от такой оценки, с одним исключением: «Я согласен умереть в следующую минуту после ратификации договора». Вопреки мнению своего врача и кабинета министров Вильсон бросился в свой последний «крестовый поход». Лозунгом было: «Если сенат не ратифицирует договор, это будет означать, что война велась впустую, и мир будет брошен в хаос».

3 сентября 1919 г. президент Вильсон отдал приказ передавать ему все сообщения о действиях несговорчи-

вых законодателей особым шифром. В темно-синем пиджаке, белых брюках и соломенном канотье он отправился с супругой на Запад, в страну прерий, где ему сопутствовал успех в 1912 году и где, он хотел надеяться, боевой дух границы еще жив и даст толчок осторожным политикам в Вашингтоне. Магия слов и призыв к «естественному» инстинкту американизма — вот на что надеялся первый в истории США президент-глобалист. Коламбус, штат Огайо, — первая остановка и первая речь, удивившая всех, кто видел в больном Вильсоне растерянного человека. Президент не нуждался в шпаргалках и говорил слушателям о сути дела: «Я желаю доложить своим соотечественникам о состоянии дел в мире, который нуждается в переустройстве». В Лиге наций, говорил президент, Америка будет «опекуном мира». Его слушатели должны выбирать, желают они быть страусами или орлами, хотят ли они сыграть свою роль в истории «как члены совета директоров или как непричастные болтуны». Убедить Америку принять на себя великую мировую роль — вот осевая идея последнего турне президента. В торговой палате Сент-Луиса президент Вильсон задал вопрос: «Кто может сказать, что наши интересы отделены от интересов остального мира в торговом плане, промышленном, финансовом? Разрешите мне быть практичным. Становясь партнерами других стран, мы будем главенствовать в этом союзе. Финансовое превосходство будет нашим. Индустриальное превосходство будет нашим. Торговое превосходство будет нашим. Страны мира ждут нашего руководства».

Была ли эта кампания успешной? С самого начала было видно, что едва ли. Идеи вторжения Америки во внешний мир провозглашались в американской глубинке, среди столь далеких от внешнего мира людей, чьи интересы никак с этим миром не соприкасались. И, напротив, впечатление, что президент готов втянуть страну в новые империалистические авантюры, усиливалось.

Все больше ощущалась оторванность хозяина Белого дома от реальных проблем страны. Так, в Сиэтле Вильсон был поражен видом огромной молчащей стены людей на протяжении пяти кварталов, скрестивших руки под лозунгом «Освободить политических заключенных!» Очевидцы вспоминают, как только что кланявшийся и улыбавшийся президент побелел, сжал челюсти, заострились черты его лица и шляпа повисла в руке. Рабочая Америка не интересовалась империалистическими авантюрами, она платила за них кровью.

Между тем сенатская комиссия по иностранным делам методично дискредитировала глобальные планы президента. Ее председатель сенатор Лодж особенно доволен был показаниями У. Буллита, который представил все доказательства несогласия с президентом его государственного секретаря. (В частной беседе 19 мая 1919 г. Лансинг сказал, что Лига наций бесполезна для Америки, что эффективно преодолеть сопротивление других великих держав Соединенные Штаты не смогут и что, если бы сенаторы понимали, что означает Лига наций для Америки, они безусловно отвергли бы ее.) Лансинг бросился к телеграфу, но его объяснения отнюдь не смягчили удара по политике президента. Стало ясно, что даже в высшем эшелоне власти участие США в Лиге наций вызывает серьезные подозрения. Вильсон был в ярости: «И это я слышу от человека, которого я поднял из низов на высокий пост государственного секретаря Соединенных Штатов».

Политика была, как всегда, безжалостна. В качестве средства борьбы с линией Вильсона во внешней политике США конгресс принял резолюцию о расследовании, какие и за что подарки получала чета Вильсонов в Европе.

После Тихоокеанского побережья и Солт-Лейк-Сити оставалось еще восемь выступлений, и почти полностью раздавленный психологическим прессом Вильсон отказался взять недельный отдых. Журналисты, сопровождающие президента, делали ставки, сможет или нет Вильсон завершить свой «крестовый поход».

Примечателен такой штрих этого турне президента. Он говорил, что Америка не должна возвращаться на довоенные позиции, что она должна быть в гуще мировых событий, аранжируя их. Но при этом он никогда не пользовался аргументом, который казался естественным, — описанием ужасов будущих войн, которые, по его логике, могла предотвратить обратившаяся к внешнему миру Америка. Почему? Видел ли Вильсон возможность того, что США будут участвовать в этих войнах, мирился ли он с тем, что роль мирового полицейского неизбежно требует платы? Лишь в Денвере президент сказал: «То, что использовали на войне немцы, — игрушки по сравнению с тем, что будет использовано в следующей войне». Но его последние слова перед примолкнувшей толпой были другими. Он говорил о том, что американские ценности поведут мир «в долины спокойствия и мира, такие, о которых мир никогда не мечтал прежде».

Вечером его нервная система дала сбой. Приступ длил-

ся почти всю ночь, лишь к утру Вильсон успокоился. Когда утром президент собрал силы к последнему броску, доктор Грейсон предупредил, что последствия будут фатальными. Возможно, в будущем Вильсон жалел, что не умер этой ночью. Отменив все митинги, президент отправился в Вашингтон. Его последние распоряжения говорят о намерениях президента: он распорядился послать эскадру военно-морского флота США в Адриатическое море, чтобы контролировать итальянцев, закусивших удила. И уже тогда стало ясно, что мировой контроль не по силам США. Англия и Франция, нуждаясь в поддержке Италии по вопросам мандатов, согласились с итальянскими притязаниями. Теперь во мраке своего больничного купе пораженный атеросклерозом президент проклинал всех их — Ллойд Джорджа, Клемансо и Орландо.

Позади были 34 выступления в течение 22 дней пути. В этой борьбе он выступал за глобализацию политики США, предупреждая, что в противном случае мир ожидают еще более крупные катастрофы. Одно из известных изречений президента Вильсона почитается сейчас в США как пример верного прорицания: «Я могу предсказать с абсолютной точностью, что в течение жизни следующего поколения разразится еще одна мировая война».

Все эти предсказания не оказывали влияния на сенаторов, которые видели свою задачу в том, чтобы не израсходовать американских ресурсов в преждевременной попытке. Ими руководил оправданный скепсис: противопоставить себя и европейским державам, и Японии Америка, сколь бы могущественна она ни была, не могла.

Вильсон же боролся со своей судьбой. Еще четыре дня по прибытии в Вашингтон он пытался вернуться к обычному распорядку. Но напрасно, силы оставляли его. В начале октября наступила критическая стадия — отказала левая рука. Э. Вильсон в панике пошла звонить доктору Грейсону и, возвратившись, увидела своего мужа лежащим на полу. Вместе с доктором они подняли его на старую кровать президента Линкольна. Консилиум врачей установил, что тромб блокировал участок мозга, управляющий левой рукой и ногой. В течение следующих месяцев президент был полностью исключен из единственной сферы, в которой он по-настоящему жил, — политики.

В атмосфере, переполненной слухами, озадаченный и враждебный республиканский конгресс потребовал встречи с президентом. 5 декабря 1919 г. сенаторы Фол и Хичкок посетили президента. Лишь здоровая правая

рука и лицо были видны на постели. Почти все силы Вильсона ушли на рукопожатие. Сенаторы все же признали Вильсона способным отправлять свои обязанности.

Работа правительства резко усложнилась. Разногласия между президентом и государственным секретарем достигли такой точки, когда в европейских странах требовали подтверждения президентом слов Лансинга. 7 февраля 1920 г. Вильсон напомнил Лансингу, что никто не имеет права созывать кабинет без его распоряжения. Лансинг послал письмо с просьбой об отставке. Разумеется, по внешней политике Вильсона тем самым был нанесен еще один серьезный удар. Разногласия в самом интимном кругу Вильсона говорили правящему классу Америки, что взятый курс считается опасным даже его творцами. Правительство начало разваливаться, ушли в отставку министр внутренних дел Лейн, министр финансов Глас. Полковник Хауз записал в дневнике, что никогда не видел «такого дезертирства с корабля в сложных обстоятельствах». Но сам Хауз оставался в Европе, где пытался держать для Америки дверь открытой в мировую организацию, их совместное с президентом детище.

А в Вашингтоне уже закрывали эту дверь. С ноября 1919 года республиканское большинство в комиссии по иностранным делам представило четырнадцать оговорок к мирному договору, составной частью которого было вступление США в Лигу наций. Понятно, что изменения в договоре, требуемые сенатом, открывали путь к оговоркам всех других подписавших договор сторон, в том числе немцев. Тем самым американский сенат, опасаясь вильсоновской сверженности в мировые дела, сам подрывал мирный договор. Голосование 19 ноября 1919 г. показало, что подписанный президентом Вильсоном договор никак не соберет необходимые две трети голосов членов сената. В процессе последнего — третьего — тура голосования за ратификацию Версальского договора без оговорок проголосовали 38 сенаторов, против же — 53 сенатора. Итак, сенат не санкционировал мирного договора с Германией — он был мертв, а вместе с ним США отвергли и главное внешнеполитическое творение Вильсона — Лигу наций.

Узнав о голосовании, Вильсон сказал: «Мы имели шанс добиться мирового лидерства. Мы потеряли этот шанс». Собрав последние силы, парализованный Вильсон диктовал свои письма конгрессменам-демократам. 8 января 1920 г. было зачитано письмо, в котором президент напоминал, что пять ведущих держав, участвовавших в мировом кон-

фликте, признали договор. Своими действиями конгресс может увести США в сторону от магистрали мирового развития. Но Вильсон боролся за уже потерпевшее поражение дело. Один, парализованный, едва передвигаясь в инвалидной коляске, Вильсон быстро терял политическое влияние. 19 марта 1920 г. сенат начал окончательное голосование. За ратификацию Версальского договора (с оговорками) проголосовали 49 сенаторов, против — 35. Семи голосов не хватило для принятия договора и вступления в Лигу наций. Восемь месяцев отчаянной борьбы не помогли Вильсону. И он в эти дни пришел к очевидному выводу: первый выход США на мировую арену с целью установить на ней свои правила не удался.

Реакция в Европе была смешанной. Французы надеялись с присутствием американцев в Лиге получить надежный контрольный механизм против восстановления мощи Германии, и теперь разочарованный Клемансо называл Вильсона и Лоджа двумя «старыми упрямыми мулами». Ллойд Джордж надеялся с помощью доминионов иметь в Лиге наций преобладающие позиции, но с уходом Америки, по его мнению, Лига наций потеряла 50 процентов влияния. Руководители Веймарской республики надеялись, что Соединенные Штаты можно будет восстановить против «крайностей» французов. Все они стояли перед проблемой новой оценки мощи США.

Вильсон нанес последний возможный для него удар по резолюции Нокса об окончании войны с Германией — наложил президентское вето. Мобилизуя последние силы, он указал, что «ничего не говорится в этой резолюции о свободе навигации на морях, о сокращении вооружений, о компенсации ущемления прав Бельгии, о компенсации ущерба, причиненного Франции, об освобождении христианского населения Оттоманской империи из-под ига, приносящего ему страдания многие столетия, о создании независимого польского государства...» Это была последняя «победа» Вильсона. (В конечном счете резолюцию, подобную резолюции Нокса, подписал в июле 1921 г. президент Гардинг.) Соединенные Штаты, вступившие в 1917 году в победоносную коалицию, не сумели возобладать на Западе. Понадобилась еще одна мировая война, чтобы США в 1945 году наконец добились доминирования в капиталистическом мире.

Заключение

О В. Вильсоне создана обширная историческая литература. Его внешняя политика становилась предметом всестороннего анализа по мере того, как высказывались очевидцы и участники, по мере того, как печатные прессы сделали достоянием масс главные документы его эпохи. Явственно прослеживаются три периода интерпретации американскими историками внешней политики Вильсона.

Первый приходится на период разочарования итогами первой мировой войны, последовавшей реакции и движения изоляционизма. Хронологически это 20—30-е годы. Возникла первая волна, посвященная вильсоновскому периоду, которую следует назвать ревизионистской. Объединительная идея этой историографической волны: президент Вильсон, вступая в мировую войну, сделал историческую ошибку. Ревизионисты утверждали, что цели Антанты были по своему характеру аналогичны целям Центральных держав, что обе коалиции виноваты в развертывании войны, что «крестовый поход, который возглавили Грей, Пуанкаре и Извольский, был фальшивым крестовым походом». Америка вступила в войну в силу своих теснейших экономических связей с антантовской коалицией, из-за пробританских взглядов главных советников Вильсона, под давлением английской пропаганды. Президент неверно понял историческую реальность, его пресловутый идеализм сознательно или непреднамеренно прикрывал подлинный механизм вовлечения США в мировую войну.

В этот период главными адвокатами Вильсона выступили его бывший военный министр Н. Бейкер и историк Ч. Сеймур, издавший обширный архив ведущего советника

президента — Э. Хауза. Но их апология Вильсона едва ли звучала убедительно. Президент был вовлечен в войну неограниченной подводной войной — вот сомнительная высшая мудрость этой апологии. Ревизионисты без особого труда подвергали уничтожающей критике столь простые, почти наивные объяснения.

Второй период осмысления вильсоновского дипломатического наследия наступил перед второй мировой войной, и своего рода историографическим лоцманом в данном случае выступил прежний участник дипломатического планирования В. Вильсона — У. Липпман. В статье «Атлантический океан и Америка», опубликованной в журнале «Лайф» в апреле 1941 года, У. Липпман показал Вильсона хладнокровным реалистом, который вступил в мировой конфликт не из-за неких благих пожеланий, а взвесив негативные последствия завоевания Германией Европы. Он подал Вильсона и его ведущих советников далекими от сентиментальности геополитиками. Возглавляемая Липпманом «реалистическая» школа интерпретации дипломатии Вильсона господствовала в 40—50-е годы, ее наиболее видными представителями были Р. Ван Олстин и Р. Осгуд. Реалисты выступили жесткими противниками ревизионистов, они осуждали тех «близоруких» политиков и косные массы, которые ограничили гениального президента в его крупномасштабной дипломатической игре. В эпоху расширения внешнеполитических притязаний США реалисты создали своего рода культ В. Вильсона как проницательного защитника подлинных американских интересов. Националистический мотив стал явно доминировать в книгах представителей этой школы.

Такие идеологи реализма, как Р. Осгуд, договорились до того, что национализм — это «подлинная, настоящая религия» и Вильсон ее первый жрец. И если ревизионисты «стыдливо» концентрировали внимание на объяснении причин американского вступления в войну, то реалисты периода «холодной войны» гордились президентом, включившимся в мировую схватку: «Вильсон избрал верный политический курс». В этот период имперского ажиотажа и упрощенного, «черно-белого» видения мира вильсонизм стал своего рода культом, получил широкое и в целом благоприятное освещение главенствующих американских буржуазных историков. Для них Вильсон был пророк, опередивший свое время, искавший устойчивое «мировое равновесие в сложном соотношении сил». Он поверг в прах британскую монополию на морях и германское посяга-

тельство на господство на суше, создал предпосылки для дальнейшего продвижения Америки к мировому могуществу.

А. Линк, написавший наиболее известную многотомную биографию В. Вильсона, также примыкает к идейному направлению реалистов. Ведь они считали наиболее благоприятным для человечества вручить ключи истории Союзенным Штатам.

Линк объясняет решение президента Вильсона вмешаться в войну его глубоким убеждением в том, что американское участие в военных действиях «даст самое надежное основание для скорейшего заключения мира и реконструкции международного сообщества». А. Линк убеждает читателя, что президент восстал против реакционного прусского юнкерства в Германии и против доморощенных реакционеров в странах Антанты, «за мир и безопасность всех наций». Такая героизация вождя американского империализма оказывается несостоятельной при более внимательном изучении документов, свидетельствующих о «менее идеалистическом» курсе Вильсона в мировой политике.

Третий период переосмысления дипломатии Вильсона наступил в США в 60-е годы и продолжается поныне. Несколько новых обстоятельств жизни нации подорвало могущество школы реализма. Упрощенное видение «вечной правоты» пророка интервенционизма вступило в противоречие с реалиями бурно развивающегося мира, не желавшего быть в том или ином виде частью американской империи.

В работах Дж. Кеннана и У. Уильямса показана подлинная природа отношения Вильсона как идеолога американской буржуазии к социалистической революции в России. Национализм стал видеться не «единственной религией» (как таковая она могла вести в тупик в Корею, Вьетнам и других местах), а как «преувеличенная, неоправданная тенденция выпячивания национальных интересов». Возникла, если можно так выразиться, интернационалистская школа интерпретации вильсоновской дипломатии. Она отрицает и ревизионистскую школу как обращенную «на эпизоды» (кто начал войну и т. п.), и реалистическую, которая за реализм выдает американский национальный эгоизм.

С точки зрения интернационалистской школы, Вильсон был продуктом и достойным представителем той среды и эпохи, когда формировался современный мир. Вильсон

не был ни слепым моралистом, ни хладнокровным макиавеллистом своего времени. Краски несколько приглушены на этой новой фазе буржуазного переосмысления политики Вильсона. И здесь больше сбалансированности. В оценках этой школы определенно ощущается озабоченность тем, как бы прямолинейный национализм не подвел страну к ядерной катастрофе. В этом плане полезными видятся опыт 1914—1918 годов и осторожность Вильсона в первые два с половиной года своего президентства. Главной фигурой интернационалистской интерпретации дипломатии Вильсона выступает А. Мейер, который в своих трудах стремится поставить Америку того периода в контекст общего мирового развития. Этот буржуазный историк полагал, что Вильсон был охранителем старого мира и его политика в отношении новой России выдает его функцию наиболее наглядно.

Интернационалистская интерпретация дипломатии Вильсона считает прежний спор реалистов и ревизионистов отвлеченным. Цели США в войне были определены социальным подъемом в Европе, а не перипетиями классической дипломатии. Будь Вильсон просто реалистом, он бы просто заключил с Антантой еще один тайный договор. Будь Вильсон просто моралистом, он должен был бы отвернуться от бойни в Европе вообще. Будь Вильсон «апостолом свободы», он никогда бы не связал свою судьбу с империалистами Антанты. Такова тенденция развития американской историографии. Идет более зрелый разговор о политическом лидере, который был сыном своего класса, исполнял определенную классовую функцию. Разумеется, классовая ограниченность препятствует объективному анализу, но здесь следует сказать, что и предмет исследования действительно сложен.

Одной из главных слабостей третьего периода осмысления дипломатии Вильсона является то, что, стараясь определить баланс революционных и реакционных сил в Европе, интерпретаторы этого периода не обращают должного внимания на политическую и социальную борьбу внутри самих Соединенных Штатов. Оторванной от реальности представляется оценка американской политической арены, которая якобы «была свободна от агитации и позволяла Вильсону, в отличие от двух его европейских коллег, выступать в качестве независимого государственного деятеля». Даже если обратиться лишь к борьбе внутри американской буржуазии по вопросу о целях войны на выборах в ноябре 1918 года, станет ясно, что версии, за-

щищаемые такими лидерами текущего третьего периода, как А. Мейер, не подтверждены реальными фактами. Наблюдая за историографической судьбой президента, следует сказать о ее переменчивости.

В. Вильсона поднимали на щит идеологи «Рах Americana» в 50-е годы, он был главным героем президента Никсона, когда тот сделал несколько шагов к реализму в американской внешней политике. И столкновение взглядов по поводу этого деятеля американской истории продолжается. Американская буржуазная историография в общем и целом изображает его своим героем, исходя из того, что выход Америки на мировую арену должен, с ее точки зрения, считаться благодеянием для человечества. Мы же, рассматривая сложную политическую судьбу двадцать восьмого президента США, видим в его деятельности проявление имперской дипломатии периода первого броска США в борьбе за передел политического и экономического влияния в мире. И то, что казалось благом для правящего класса Америки, оборачивалось трагедией для тех народов, чью судьбу американский империализм пытался решить в своих собственных интересах.

В американской литературе, испытавшей заметный новый подъем, с 60-х годов нет единства, характерного для 20—30-х и 40—50-х годов. Частично это объясняется общим разбродом в американской историографии. Бихевиористы, вышедшие на первый план исторических исследований, сторонники теории игр, системного анализа и прочих модернистских нововведений, постарались дискредитировать «примитивизм» своих предшественников. Отдельной полосой прошла историография «новых левых», много почерпнувших у таких ранних критиков политики Вильсона, как Дж. К. Тернер (который в 20-е годы протестовал против политики США в отношении Советского Союза) и Дж. Кеннан, старавшийся показать, что истоки современной американской политики в отношении СССР берут свое начало во временах Вильсона. Несомненно влияние вьетнамского фиаско Америки, корни которого ряд историков и публицистов усмотрели в интервенционизме Вильсона. Такая пестрота взглядов привела к тому, что относительно исчерпывающей оценки дипломатии Вильсона, своеобразного историографического консенсуса, характерного для периода и 20—30-х, и 40—50-х годов, нет и поныне. Современный читатель может получить сведения о том или ином аспекте деятельности Вильсона, попытка понять личность президента и его политику в

целом для него осложнена пестрым спектром противоборствующих интерпретаций.

В заключение скажем, что В. Вильсон оставил большой отпечаток на внешней политике своей страны. По существу, он ее трансформировал. В 1913 году американцы лишь мельком оглядывались на тот мир, что лежал за Атлантическим и Тихим океанами. Вильсон глобализировал внешнюю политику своей страны. Он послал солдат на запад и восток Евразийского континента, он сделал сферой американских внешнеполитических интересов весь мир. Он взял на себя ответственность за важнейшие решения неповторимого периода 1914—1919 годов. Президент не передоверил роковых решений профессиональным дипломатам, он вникал в эти проблемы лично. На небольшой переносной машинке с синей лентой он печатал главные послания своего президентства и тайные ноты своим партнерам и противникам. Минуя государственный департамент, он создал механизм прямого обращения к влиятельнейшим политикам эпохи.

Президент Вильсон в значительной мере не только изменил ход американской внешней политики, но и сумел изменить соотношение сил, ответственных за проведение этой политики в Вашингтоне. По существу, он отобрал у конгресса его внешнеполитические полномочия, сделав центром формирования стратегии Белый дом. Американский империализм получил энергичного вождя, готового обозначить курс, повести страну в соответствии с этим курсом и взять на себя вину за последствия.

Вильсон реформировал политическую платформу демократической партии. Ее «заветы» и традиции подверглись осмеянию и поруганию за непростительный, с точки зрения Вильсона, провинциализм, «лишающий» страну возможностей, ставших реальными вследствие битвы европейских держав, ослабившей прежний центр мира.

Руководя американской дипломатией в роковой период, когда появился исторический шанс сравняться с ведущими европейскими державами и даже подняться над ними, Вильсон постарался использовать этот шанс до конца. Он энергично поставлял ресурсы североамериканского центра капитализма на службу перестройке мировых силовых связей, на службу построения «Рах Americana». В этом предприятии он основывался на результатах без-

остановочного полувекового индустриального развития США, поставивших страну во главе технического прогресса. Вильсон хотел придать американскому экономическому колоссу адекватное силовое поле. Он мечтал разрушить евроцентристский мир и утвердить центр нового мира на Североамериканском континенте.

Убежденность Вильсона в решающей роли США в будущем мире базировалась на его оценке превращения страны в 1914—1916 годах в главную промышленную и финансовую силу мира. Он не сомневался, что вслед за этим успехом американский капитализм добьется безусловного первенства в мировой торговле и, как следствие, в мировой политике. За день до президентских выборов 1916 года он сказал внимательно слушавшей его аудитории: «Мы можем определять сами, кого нам финансировать, а кого нет. Мы находимся в процессе такой трансформации мира, которая позволит нам определять политику любой страны». Президент Вильсон раньше большинства представителей правящего класса Америки пришел к выводу, что США «становятся в силу обстоятельств нацией — арбитром мира». Президент подчеркивал тот факт, что ресурсы национальных банков США на 3 млрд. долл. превосходят ресурсы Английского банка, банка Франции, Русского банка, Берлинского рейхсбанка, банка Нидерландов, Швейцарского банка и банка Японии вместе взятых. Исходя из этих цифр, Вильсон делал вывод, что США лучше чем когда-либо готовы «вести по пути, ведущему к свету». Конечной целью Вильсона было использование растущего экономического и политического влияния Америки для создания нового миропорядка. Нужен был лишь подходящий инструмент. «Президент считал будущую торговую экспансию Америки гарантированной, если Соединенные Штаты сделают выбор и станут моральным и финансовым лидером в Лиге наций, поддерживая экономически стабильный и антиреволюционный либерально-международный порядок.

Реализация этого порядка натолкнулась на мощное противодействие как на внешней арене, так и внутри страны. Очень скоро очевидной стала огромная стоимость таких глобальных посягательств для мира, да и для страны, ее внутреннего развития, ее морали, ее ресурсов, в том числе человеческих.

Самый большой провал дипломатии Вильсона — это неудача в деле закрепления американских позиций после окончания первой мировой войны.

Первоначально Вильсон предполагал не идти ни на какие компромиссы. На борту пересекавшего океан «Джорджа Вашингтона» он говорил своим помощникам: «Мир будет невыносимым, если последуют только компромиссы». Не прошло и двух месяцев, как президент позволил уверить себя, что мандатная система отличается от аннексии, вопрос о всеобщем разоружении был отставлен. Последовали вопиющие уступки по вопросу о Шаньдуне и по польскому вопросу. Президент сдался по вопросу о Рейнской области и проблеме Саара. А важнейшие репарационные и финансовые статьи он просто проигнорировал. Итальянцы получили Бреннер, а дальше уступкам уже не было числа. Кончилось тем, что Вильсон утверждал с полной серьезностью, что США примут мандат на Армению и даже на Константинополь. Дело было не только в личных качествах президента, дело было в том, что он не рассчитал своих сил.

Большинство правящего класса Америки сплотилось вокруг концепции, которую лучше всего выразил сенатор Лодж: дать Антанте решить германскую проблему на своих условиях, сделать Западную Европу ответственной за борьбу с Советской Россией, Соединенным Штатам — сконцентрироваться на собственной сфере влияния — Западном полушарии и сохранить свободу рук.

Сам Вильсон ощутил сложность задачи переустройства мира в соответствии с американскими идеями сразу же после начала Парижской мирной конференции. Его партнеры отнюдь не разделяли пафоса мироустройства. «Президент, — пишет Ллойд Джордж, — смотрел на себя как на мессию, чьей задачей было спасти бедных европейцев от их стародавнего поклонения фальшивым и злым богам». Европейские политики смотрели на американского президента не как на обладателя сверхъестественной мудрости, а как на распорядителя колоссальной мощью Соединенных Штатов. Вот этот критерий им был знаком, и они хотели разделить в завоеванном мире сферы влияния и наличные богатства. Стремясь, со своей стороны, искоренить изоляционизм в США и привязать страну к мировой политике, Вильсон после многих колебаний сделал решающие шаги в направлении европейцев. Эти шаги были шагами в сторону от «мира по-американски». Именно это и увидел сенат США. Он не только продемонстрировал заскорузлость (в чем обвинял его Вильсон), но и высказал резонные опасения во всемогуществе США.

Дело не только в скепсисе сената. Сенаторы были бы менее скептически, если бы видели реальную возможность для США овладеть контролем над европейским развитием, над тихоокеанской ситуацией. Но они достаточно отчетливо видели, что почетное «председательство» Вильсона в западном мире 1917—1918 годов стало ослабевать по мере того, как страхи перед германским господством исчезли, мольбы о помощи замолкли и западноевропейские страны начали восстанавливать свои позиции. Потому-то сенат США и не поверил в то, что Лига наций может быть эффективным орудием американского воздействия на мир, потому-то в этот решающий момент Вильсон лишился политического кредита.

Политическая и физическая гибель президента Вудро Вильсона — это отражение того факта, что правящий класс США не принял его схему глобализации внешней политики страны как оправданную, здравую и обещающую успех. Понадобилась еще четверть века, чтобы американский империализм поверил в свою силу. Но на этот раз ему противостояли не только ослабевшие конкуренты в капиталистическом мире, но и новая социальная система — мировая система социализма.

- Архив полковника Хауза. — М., 1944.
Гершов З. М. Вудро Вильсон. — М., 1983.
Документы внешней политики СССР. — М., 1959.
Исин К. Дипломатические комментарии. — М., 1942.
Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. — М., 1934.
Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. — М., 1958.
Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. — М., 1945.
Новак К. Версаль. — М., 1930.
Прицкер Д. Жорж Клемансо. Политическая биография. — М., 1983.
Bailey Th. Woodrow Wilson and the Lost Peace. — N. Y., 1945.
Baker R. S. American Chronicle. The Autobiography. — N. Y., 1945.
Baker R. S. The Public Papers of Woodrow Wilson. — N. Y., 1927.
Baker R. S. Woodrow Wilson: Life and Letters. — Garden City, 1927.
Baker R. S. Woodrow Wilson and the World Settlement. — N. Y., 1923.
Bernstorff Count. My Three Years in America. — N. Y., 1920.
Bonsal S. Unfinished Business. — N. Y., 1930.
Bragdon H. Woodrow Wilson. The Academic Years. — Cambridge, 1967.
Clemenceau G. Grandeurs et misères d'une victoire. — Paris, 1930.
Clinard O. Japan's Influence on American Naval Power, 1897—1917. — Berkeley, 1947.
Churchill W. The World Crisis. — L., 1923.
Coletta P. William Jennings Bryan. Progressive Politician and Moral Statesman. 1909—1915. — L., 1969.
Cooper J. The Vanity of Power. American Isolationism and the First World War. 1914—1917. — Westport, 1969.
Cranston A. The Killing of the Peace. — N. Y., 1945.
Cranston R. The Story of Woodrow Wilson. — N. Y., 1945.
Czernin A. In the World War. — N. Y., 1935.
Daniels J. The Wilson Era. Years of Peace. 1910—1917. — Chapel Hill, 1946.
Devlin P. Too Proud to Fight. Woodrow Wilson's Neutrality. — L., 1974.
Die Ursachen Des Deutschen Zusammenbruchs in Jahre 1918. — Berlin, 1919.
Fisher F. Germany's War Aims in the First World War. — L., 1967.
Foch Marechal. Mémoires. — Paris, 1931.
Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. — Wash., 1943.
Fowler W. British-American Relations 1916 — 1917. — L., 1954.
Fowler W. British-American Relations, 1916—1917. The Role of Sir William Wiseman. — Princeton, 1969.
Gardner L. Safe for Democracy. — N. Y., 1984.
Gelfand L. The Inquiry: American Preparations for Peace, 1917—1919. — New Haven, 1963.
George A., Woodrow Wilson and Colonel House, a Personal Study. — N. Y., 1956.
Gerard J. My Four Years in Germany. — L., 1917.
Gibson G., Prendergast M. The German Submarine War, 1914—1916. — N. Y., 1931.
Gilbert N. Winston Churchill. — L., 1971. — Vol. 3—4.
Goldhurst R. The Midnight War. The American Intervention in Russia, 1918—1920. — N. Y., 1978.

- Graves W. *America's Siberian Adventure*. — N. Y., 1963.
- Gray E. *Twenty-Five Years, 1892—1916*. — N. Y., 1963.
- Grayson C. *Woodrow Wilson. An Intimate Memoir*. — N. Y., 1960.
- Gregory R. *Walter Hines Page*. — Kentucky U. P., 1970.
- Grew J. *Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years: 1904—1945*. — Boston, 1952.
- Harbaugh W. *The Life and Times of Theodore Roosevelt*. — L., 1975.
- Hendrick B. *The Life and Letters of Walter H. Page*. — L., 1924.
- Hofstadter R. *The Age of Reform: Bryan to Franklin D. Roosevelt*. — N. Y., 1961.
- Hoover H. *Memoirs*. — N. Y., 1926.
- Hoover H. *The Memoirs of Herbert Hoover. Years of Adventure. 1874—1920*. — N. Y., 1952.
- Hoover H. *The Ordeal of Woodrow Wilson*. — L., 1958.
- Houston D. *Eight Years with Wilson's Cabinet, 1913 to 1920*. — Garden City, 1926.
- Howe F. *Confession of a Reformer*. — N. Y., 1925.
- James H. *Charles Eliot*. — Boston, 1930.
- Josephson M. *The President Makers*. — N. Y., 1940.
- Kennan G. *Russia Leaves the War*. — Princeton, 1956.
- Kennan G. *Soviet-American Relations*. — N. Y., 1967.
- Kerney J. *The Political Education of Woodrow Wilson*. — N. Y., 1926.
- Kolnig L. *Bryan. A Political Biography of William Jennings Bryan*. — N. Y., 1971.
- Lansing R. *The Peace Negotiations. A Personal Narrative*. — Boston, 1921.
- Lansing R. *The War Memoirs of Robert Lansing*. — N. Y., 1935.
- Lash Ch. *The American Liberals and Russian Revolution*. — N. Y., 1962.
- Leckie R. *The Wars of America*. — N. Y., 1968.
- Letters of Th. Roosevelt. — N. Y., 1926.
- Levin N. G. *Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution*. — L., 1968.
- Link A. *Wilson*. — Princeton, 1959.
- Link A. *Woodrow Wilson and the Progressive Era*. — L., 1954.
- Lippmann W. *U. S. Foreign Policy: Shield of the Republic*. — Boston, 1943.
- Lodge H. *The Senate and the League of Nations*. — N. Y., 1925.
- Ludendorf General. *My War Memoires. 1914—1918*. — N. Y., 1925.
- Ludendorf's Own Story. — N. Y., 1926.
- Ludendorf General. *The General Staff and Its Problems*. — N. Y., 1929.
- Maddox R. *The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention*. — San Rafael, 1977.
- Makers of American Diplomacy. From Theodore Roosevelt to Henry Kissinger/F. Merli, Th. Wolson*. — N. Y., 1964.
- Makers of the New World by One Who Knows Them*. — L., 1921.
- Mantoux P. *Les délibérations du Conseil du Quatre*. — Paris, 1955.
- March P. *The Nation at War*. — N. Y., 1932.
- Martin L. *Peace Without Victory. Woodrow Wilson and the British Liberals*. — New Haven, 1958.
- Matamey V. *The United States and East Central Europe, 1914—1918*. — Princeton, 1957.
- May E. *The World War and American Isolation*. — Harvard, 1959.
- Mayer A. *The Political Origins of the New Diplomacy*. — New Haven, 1959.
- McAdoo W. *Crowded Year*. — Boston, 1931.
- Memoirs of Mrs. Woodrow Wilson*. — L., 1939.
- Miller D. *The Drafting of the Covenant*. — N. Y., 1930.
- Monnerville G. *Clemenceau*. — Paris, 1968.

- Morris I. *Heritage From my Father.* — N. Y., 1947.
- New Ch. *The Troubled Encounter. The U. S. and Japan.* — N. Y., 1975.
- Niemann A. *Kaiser und Revolution.* — Berlin, 1924.
- Notter H. *The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson.* — N. Y., 1962.
- Official German Documents Relating to the World War.* — N. Y., 1923.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States.* — Wash., 1924.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Supplement. The World War., 1915.* — Wash., 1928.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914—1920.* — Wash., 1939—1940.
- Pershing J. *My Experiences in the World War.* — N. Y., 1931.
- Preliminary History of the Armistice: Official Documents Published by the German National Chancellery by Order of the Ministry of State.* — N. Y., 1930.
- Princeton University Bulletin, 1900.* — 12. — Princeton, 1901.
- Pringle H. *Theodore Roosevelt.* — N. Y., 1956.
- Riddell G. *Lord Riddell's Intimate Diary of the Peace Conference and After, 1918—1923.* — L., 1933.
- Robbins K. *Sir Edward Grey.* — L., 1971.
- Russian-American Relations, March 1917 — March 1920. Documents and Papers.* Compiled and edited by C. Cumming and W. Pettit. — N. Y., 1920.
- Schlesinger A., Jr. *The Age of Roosevelt.* — L., 1961.
- Seymour Ch. *American Diplomacy During the World War.* — N. Y., 1932.
- Steffens L. *The Autobiography of Lincoln Steffens.* — N. Y., 1931.
- Tansill Ch. *America Goes to War.* — Boston, 1938.
- The Intimate Papers of Colonel House.* — L., 1926.
- The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rice. A Record.* — L., 1929.
- The New Democracy. Presidential Messages, Addresses and Other Papers (1913—1917)/R. Baker and W. Dodd.* — N. Y., 1921.
- The Wilson's Reader/F. Farmer.* — N. Y., 1956.
- Trask D. *Captains and Cabinets. Anglo-American Naval Relations, 1917—1918.* — Columbia, 1972.
- Tumulty J. *Woodrow Wilson as I Know Him.* — N. Y., 1921.
- U. S. Congress. House of Representatives. Committee on Foreign Affairs. Hearings on H. R. 17 and H. R. 6357.* — 68th Cong. — 1st Sess.
- Viereck G. *The Strangest Friendship in History.* — N. Y., 1932.
- Walworth A. *Woodrow Wilson.* — N. Y., 1978.
- Wheeler-Bennett. *Hindenburg: The Wooden Titan.* — L., 1936.
- White W. *Woodrow Wilson. The Man. His Times and His Task.* — Boston, 1924.
- Willert A. *The Road to Safety.* — L., 1952.
- Williams W. *American-Russian Relations: 1781—1947.* — N. Y., 1952.
- Williams W. *Some Presidents. From Wilson to Nixon.* — N. Y., 1972.
- Wilson W. *An Old Master and Other Political Essays.* — N. Y., 1893.
- Wilson W. *College and State. Education, Literary and Political Papers (1875—1913)/R. Baker, W. Dodd.* — N. Y., 1970.
- Wilson W. *Congressional Government.* — Boston, 1885.
- Wilson W. *Mere Literature, and Other Essays.* — Boston, 1896.
- Wilson W. *History of the American People.* — N. Y., 1902.
- Wilson W. *Robert E. Lee: an Interpretation.* — Chapel Hill, 1924.
- Wilson W. *The New Democracy.* — N. Y., 1940.
- Wilson W. *War and Peace.* — N. Y., 1899.

Монография

Анатолий Иванович Уткин
ДИПЛОМАТИЯ ВУДРО ВИЛЬСОНА

Редактор *О. В. Постнов*

Оформление художника *А. Я. Михайлова*

Художественный редактор *С. С. Водчиц*

Технический редактор *Е. Б. Голова*

Корректор *А. В. Федина*

ИБ № 1420

Сдано в набор 18.10.88. Подписано в печать 07.03.89. А 03213. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,80.
Усл. кр.-отт. 16,80. Уч.-изд. л. 18,51. Тираж 60000 экз. Заказ № 1622. Цена 1 р. 40 к.
Изд. № 19-и/87

Издательство «Международные отношения»

107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

1 р. 40 к.

ИЗ ИСТОРИИ
ДИПЛОМАТИИ

Дипломатия ВУДРО ВИЛЬСОНА